БИБЛІОТЕКА

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ

ВОПРОСОВЪ.

О

КРЕДИТѢ И БАНКАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

КОКЛЕНА.

Со 2-го изданія, пересмотрѣннаго, исправленнаго, и дополненнаго введеніемъ **Курсель-Сенеля**, съ присовокупленіемъ біографической замѣтки, составленной **М. Ж. Молинари**.

Переведено подъ редакціею

К. Бисковатова.

Цѣна 2 руб., съ пересылк. 2 р. 25 к. с.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

1861.

ЦАБ "Автограф"

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 16 Сентября 1860 года.

Цензоръ *П. Дубровскій.*

ЦАБ "Автограф"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографическая замѣтка о Кокленѣ I
Предисловіе XI
Веденіе ..... 1.

ГЛАВА I.

§ I. Предварительныя разсужденія 31
II. Дѣйствія банковъ 36
III. Историческій очеркъ.—Старинные банки 42
IV. Продолженіе историческаго обзора. — Лондонскій банкъ и частные банки 54
V. Продолженіе историчеекаго обзора.—Банки Шотландіи и Соединенныхъ Штатовъ 60

ГЛАВА II.

Теорія кредита.—Общій и краткій очеркъ ея 69
§ I. Свойство банковаго билета.—Онъ есть кредитный знакъ ..... id.
II. Предварительныя понятія о кредитѣ 79
III. Роль банкировъ въ системѣ кредита 88
IV. Роль общественныхъ банковъ 93

ГЛАВА III.

Развитіе теоріи кредита 101
§ I. Происхожденіе и развитіе мѣны ..... id.
II. Употребленіе денегъ при обмѣнѣ 104
III. Содѣйствіе кредита 107
IV. Непосредственныя выгоды отъ употребленія 112

ГЛАВА IV.

Продолженіе. *Разныя послѣдствія развитія кредита* 120
§ I. Облегченіе обращенія произведеній ..... id.
II. Умноженіе капиталовъ 127
III. Сбереженіе и накопленіе.—Торговля капиталами и употребленіе ихъ. 136
IV. Выводъ теоріи кредита 149

ГЛАВА V.

Различныя соображенія 153
§ I. Улучшеніе быта рабочихъ ..... id.
II. Предполагаемыя опасности отъ дѣйствія кредита 161

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА VI.

Устройство банковъ 167
§ I. Общія основанія ..... id.
II. Предѣлы выпуска билетовъ.—Отношеніе между количествомъ выпущенныхъ билетовъ и металлическимъ запасомъ банка 172
III. Процентные вклады; ссуда наличными деньгами 179

ГЛАВА VII.

Коммерческіе кризисы.—Единство и многочисленность банковъ.—Привилегія и свобода. 188
§ I. Единство и многочисленность банковъ ..... id.
II. Обороты привилегированнаго банка.—Зарожденіе кризиса 193
III. Кризисъ 1846 и 1847 годовъ во Франціи 206
IV. Коммерческіе кризисы въ Англіи 214
V. Свобода банковъ 221
VI. Кризисъ 1837 года въ Соединенныхъ Штатахъ 225

ГЛАВА VIII.

Банки во Франціи 232
§ I. Французскій банкъ 235
II. Конторы 244
III. Департаментскіе банки 251
IV. Сберегательныя кассы 256
V. Замѣчанія 264

ГЛАВА IX.

Англійскіе и Шотландскіе банки 271
§ I. Англійскіе банки ..... id.
II. Шотландскіе банки 292

ГЛАВА X.

Банки Соединенныхъ Штатовъ 313
§ I. Банки Соединенныхъ Штатовъ .....
О кредитѣ въ Соединенныхъ Штатахъ 317
II. Нормальныя банковыя операціи.—Окончательный выводъ.—Заключеніе. 348

ЦАБ "Автограф"

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

О

КОКЛЕНѢ *).

Политическая экономія лишилась недавно еще одного изъ самыхъ лучшихъ своихъ писателей и краснорѣчивыхъ ораторовъ. Ученый редакторъ *Словаря политической экономіи* (*Dictionnaire de l'Economie politique*), любимый ораторъ публики, такъ часто и такъ мужественно поднимавшій знамя экономической свободы, Шарль Коклень, умеръ 12 августа 1858 года, 49-ти лѣтъ. Ряды экономистовъ мало-по-малу рѣдѣютъ; въ нѣсколько лѣтъ мы потеряли одного за другимъ: Дера, Фикса, Росса, Фонтейро, Бастіа, Коклена, умершихъ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи таланта. Еслибы новые дѣятели пополняли рѣдѣющіе подъ ударами смерти малочисленные ряды проповѣдниковъ науки, мы бы могли еще искать утѣшенія въ надеждѣ на будущее; но, къ-несчастію, политическая экономія не пользуется особенною любовью публики. Она терпитъ за ту непріятную настойчивость, съ которою твердитъ всѣмъ правителямъ и управляющимъ, работникамъ и хозяевамъ, бѣднымъ и богатымъ, истины, которыя повидимому такъ непріятно выслушивать. Науку эту даже не помѣщаютъ въ программу офиціальнаго образованія; итакъ, чтобъ избрать себѣ такое неблагодарное поприще дѣятельности, необходимо воодушевиться пламенною любовью къ истинѣ и быть готовымъ жертвовать

*) Извлечено изъ *Журнала Экономистовъ* (*Journal des Economistes*) (№ 137—138 сентябрь—октябрь 1852).

ЦАБ "Автограф"

всѣми интересами, наиболѣе близкими сердцу, подобно тому благородному писателю, жизнь котораго хотимъ разсказать.

Шарль Коклень родился въ Дюнкирхенѣ 27 ноября 1803 года, и съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ коллегіи Дуэ. Благодаря живому и быстрому уму, онъ даже въ послѣдніе годы своей жизни удержалъ въ памяти всѣ факты, относящіеся до науки, служенію которой онъ посвятилъ себя. Память его была библіотекою, въ которой поэты и ораторы занимали мѣсто наравнѣ съ экономистами, и вліяніе первыхъ замѣтно въ изящной и легкой правильности его выраженій и слога.

Въ началѣ Коклень готовился быть адвокатомъ, слушалъ курсъ наукъ въ Парижскомъ юридическомъ факультетѣ и получилъ дипломъ лиценціата правъ. Но тогда уже стала пробуждаться въ немъ любовь къ словесности и онъ старался, основаніемъ періодическаго изданія, согласить вмѣстѣ и свое желаніе остаться въ столицѣ и необходимость искать средствъ къ существованію.

Попытка его не увѣнчалась успѣхомъ. Въ сотрудничествѣ съ другими адвокатами, онъ основалъ, въ 1827 году, ежемѣсячный журналъ коммерческаго судопроизводства, изданіе котораго чрезъ два года прекратилось. Мало-по-малу сотрудники стали покидать его, и вся тяжесть предпріятія, принимавшаго дурной оборотъ, легла на него одного; Коклень потерялъ въ этомъ несчастномъ предпріятіи все свое состояніе. Онъ возвратился на родину и родители убѣдили его сдѣлаться адвокатомъ. Звучный голосъ, легкое и ясное изложеніе, обѣщали ему успѣхъ на юридическомъ поприщѣ, вѣрную карьеру и безбѣдное существованіе. Нѣсколько разъ ему случалось съ большимъ успѣхомъ говорить рѣчи въ коммерческомъ судѣ.

Но Коклень имѣлъ недостатки, или, лучше сказать, добрыя качества, дѣлавшія для него ненавистнымъ ремесло адвоката, въ-особенности въ провинціи. Недостатки его состояли въ отсутствіи всякихъ попеченій о своихъ выгодахъ и въ совершенной беззаботности о будущности, добрыми же качествами его были: рѣдкая честность и врожденное чувство справедливости, которыхъ поражалъ малѣйшій софизмъ; поэтому онъ былъ принужденъ отказываться отъ множества дѣлъ; при-

бавимъ къ тому, что онъ больше жилъ въ сферѣ идей, нежели въ мірѣ дѣйствительности. Поэтому неудивительно, что онъ оставилъ родной городъ, гдѣ имѣлъ обезпеченное существованіе, и переселился въ Парижъ, чтобъ снова попытать счастье на ученомъ и литературномъ поприщахъ.

Онъ бросилъ юридическую дѣятельность и занялся политической экономіею, которую онъ впрочемъ инстинктивно изучалъ съ первыхъ лѣтъ своей молодости.

На направленіе его ума и занятій, въ это время, имѣло вліяніе довольно странное обстоятельство. Онъ часто вступалъ въ споры съ однимъ изъ почтеннѣйшихъ дюнкирхенскихъ купцовъ, другомъ его семейства; человѣкъ этотъ былъ на столько же ярымъ протекціонистомъ, на сколько Коклэнъ ревностнымъ приверженцемъ свободы торговли. Споръ между противниками былъ живой, безпрерывный и почти ежедневный. Они никогда не могли прійти къ соглашенію; но Коклену онъ послужилъ въ пользу тѣмъ, что послѣдній увидѣлъ необходимость глубоко изучить тѣ начала и правила, на которыя указывалъ ему его собственный разумъ.

Подъ вліяніемъ спора съ противникомъ политической экономіи, Коклэнъ читалъ, изучалъ и дѣлалъ примѣчанія на сочиненія Ж. Б. Сэя, Дестюда де Трасси, Графа Дотрива, Макъ-Коллока и др. Рикардо попался ему въ руки позже; но что весьма любопытно, хотя и часто встрѣчающееся въ исторіи наукъ, это то, что Коклэнъ самъ изобрѣлъ остроумную теорію ренты, доставившую славу знаменитому англійскому экономисту. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ своимъ друзьямъ, какъ онъ былъ удивленъ и недоволенъ, найдя въ сочиненіяхъ Рикардо то, что считалъ своимъ открытіемъ. Этотъ случай во время первыхъ занятій политическою экономіею объясняетъ тотъ жаръ, съ которымъ онъ защищалъ теорію ренты противъ возраженій Кэри и незабвеннаго Бастіа. Коклэнъ смотрѣлъ на теорію Рикардо, отчасти, какъ на свою собственную. Но, изучая представителей науки, Коклэнъ не упускалъ изъ виду и противниковъ ея. Одинъ изъ главныхъ поборниковъ запретительной системы г. Ферріе, былъ его землякомъ. Коклэнъ еще и прежде читалъ сочиненія Ферріе; было бы излишне говорить, что онъ ни на минуту не колебался въ своемъ выборѣ между нимъ и

Ж. Б. Сэемъ. Здравый смыслъ, не затемняемый никакимъ личнымъ интересомъ, тотчасъ же показалъ ему на чьей сторонѣ была истина. Но какъ Ферріе, по примѣру другихъ писателей протекціонистовъ, отважно призывалъ противъ теоріи науки дѣйствительные факты жизни, то Коклепъ понялъ необходимость смѣло стать на почвѣ фактовъ, чтобъ доставить торжество своимъ принципамъ. Поэтому съ свойственнымъ ему жаромъ онъ принялся за изученіе состоянія главныхъ отраслей народной промышленности. Позже, во время компаніи открытой въ пользу свободной торговли, въ которой онъ принималъ столь дѣятельное участіе, эти практическія занятія доставили ему большую пользу, дозволивъ разбивать своихъ противниковъ на почвѣ, на которую они, по преимуществу, становились.

Въ 1832 году Коклепъ возвратился въ Парижъ, съ намѣреніемъ искать пропитанія посредствомъ своего пера; подкрѣпленный своими глубокими познаніями въ политической экономіи, онъ старался вступить на литературное поприще. Онъ работалъ для журнала «*Le Temps*», подъ дирекціею Жана Коста и помѣстилъ въ немъ нѣсколько лучшихъ своихъ статей объ устройствѣ европейскихъ и американскихъ банковъ. Изъ журнала «*Le Temps*» онъ перешелъ въ «*Le Monde*» основанный г. Ламэ въ 1837 году и существовавшій весьма короткое время. Коклепъ имѣлъ нѣсколько споровъ объ экономическихъ вопросахъ съ знаменитымъ редакторомъ этого журнала. Подобно большей части своихъ политическихъ единовѣрцевъ, Ламэ питалъ недовѣріе къ свободѣ труда, и видѣлъ въ соперничествѣ (конкуренціи) средство «эксплоатаціи человѣка посредствомъ человѣка». Но, съ другой стороны, Ламэ легко подчинялся вліянію убѣжденій, высказанныхъ энергически и съ жаромъ. Рѣчи его молодаго сотрудника, въ пользу экономической свободы, произвели на него сильное впечатлѣніе, и слѣды этого благодѣтельнаго вліянія можно видѣть въ сильныхъ увѣщаніяхъ, съ которыми прежній редакторъ «*Le Monde*» обращался впослѣдствіи къ соціалистамъ.

Въ 1839 году Коклепъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналѣ «*Le Droit*», самыя замѣчательныя изъ нихъ о Кенэ и Тюрго Январь и Май). Въ то же время онъ вошелъ въ сношенія съ «*Revue des Deux Mondes*». Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ одну за дру-

гой ѣнсколько замѣчательныхъ статей о льняной промышленности, о торговыхъ обществахъ, желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ, измѣненіи рентъ, хлѣбныхъ законахъ, монетѣ, банкахъ, коммерческихъ кризисахъ, свободѣ торговли, о запретительной системѣ, измѣненіи тарифа и проч. Въ 1845 году онъ принималъ также участіе въ редакціи журнала «*Revue de Paris*». Знакомые съ дѣломъ, читатели «*Revue des Deux Mondes*» высоко цѣнили талантъ Коклена. Редакція этого журнала постоянно торопила его доставкою статей. Но Кокленъ не былъ *наемнымъ писакой*, и, несмотря, ни на какія лишенія, никогда не дозволялъ себѣ заготовлять по заказу статьи о всевозможныхъ предметахъ. Онъ хотѣлъ касаться только извѣстныхъ вопросовъ и разсматривать ихъ съ извѣстной точки зрѣнія. Такая независимость поступковъ не давала ему средствъ существовать литературнымъ трудомъ, и потому онъ обратился къ промышленности. Статьи его о льняной промышленности, напечатанныя въ 1839 году, имѣли большой успѣхъ у спеціалистовъ. Онъ соединилъ ихъ въ одну книгу подъ заглавіемъ: «*Essai sur la filature mécanique du lin et du chanvre*» (*О механическомъ пряденіи льна и пеньки*). По этому случаю онъ вошелъ въ сношеніе съ г. де-Костеромъ, занимавшимся устройствомъ льнопрядильныхъ машинъ; послѣдній былъ очень радъ воспользоваться познаніями Коклена, который и написалъ болѣе подробное сочиненіе, долженствовавшее быть изданнымъ въ сотрудничествѣ съ этимъ механикомъ, исключительно занимавшимся изготовленіемъ чертежей. Но этотъ трудъ, приведенный почти къ концу, не былъ напечатанъ. Кокленъ бралъ на себя различныя дѣла по торговому дому де-Костера; онъ предпринималъ также поѣздки въ Байонну, Овернь и Нормандію для содѣйствія основанію новыхъ прядильныхъ фабрикъ и былъ почти готовъ вступить въ товарищество для начатія подобнаго предпріятія. Но не сойдясь съ компаніонами, и прекративъ всѣ сношенія съ г. де-Костеромъ, онъ оставилъ промышленность и занялся исключительно литературнымъ трудомъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ Кокленомъ въ «*Revue des Deux Monde*», мы укажемъ на двѣ, отличающіяся оригинальностью взгляда, одна: О торговыхъ обществахъ (1-го августа 1843 г.), другая: О коммерческомъ кризисѣ

1847 г.—Въ первой онъ требовалъ полной свободы образованію торговыхъ ассоціацій, и пагубную причину застоя французской промышленности видѣлъ въ преградахъ, постановляемыхъ образованію акціонерныхъ обществъ законодательствомъ первой Имперіи.

Въ той же статьѣ онъ сильно нападалъ на теорію соціалистовъ и показалъ всю узкость и мелочность ихъ системы, въ сравненіи съ естественнымъ устройствомъ общества.

Въ статьѣ: О коммерческомъ кризисѣ 1847 г., онъ поднялъ знамя на привилегію банковъ и, намъ кажется, онъ первый въ Европѣ поддерживалъ начало свободы банковъ, точно такъ же какъ поддерживалъ прежде свободу коммерческихъ ассоціацій. Честь иниціативы этихъ двухъ плодотворныхъ идей принадлежитъ ему; эти заслуги сохранятъ его имя въ потомствѣ. г. Кэри, у котораго впрочемъ онъ заимствовалъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ свободныхъ банковъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Американскаго Союза, перевелъ на англійскій языкъ его сочиненія о коммерческихъ ассоціаціяхъ и банкахъ.

Наконецъ Кокленъ помѣстилъ въ «*Revue des Deux Mondes*» статью, мысль о которой впервыя пришла ему въ голову при чтеніи сочиненій г. Ферріе и для которой онъ собралъ матеріалы въ своихъ экономическихъ занятіяхъ и промышленныхъ поѣздкахъ; мы говоримъ объ изслѣдованіи произведенныхъ имъ, о различныхъ отрасляхъ французской промышленности, съ точки зрѣнія таможенной реформы. Въ этомъ прекрасномъ сочиненіи Кокленъ весьма ясно доказалъ, что французская промышленность не только-что не должна опасаться таможенной реформы, но и не замедлитъ окрѣпнуть и развиться, если будетъ освобождена отъ обезсиливающаго гнета запретительной системы. Предъ ясными и основанными на фактахъ доводами Коклена, знаменитая теорія *національнаго труда* пала въ прахъ. Начатая въ 1846 г. агитація въ пользу свободы торговли, должна была встрѣтить полное сочувствіе въ ученомъ и либеральномъ редакторѣ «*Revue*». Кокленъ, представленный Главному Комитету Ассоціаціи свободной торговли г. Воловскимъ, поступилъ туда секретаремъ. Вскорѣ, его свободная и теплая рѣчь, обширныя и разнообразныя познанія и здравыя сужденія доставили ему значительное вліяніе въ Комитетѣ. Когда Бастіа, чувствовавшій

уже первые припадки болѣзни, которая свела его въ могилу, долженъ былъ на нѣкоторое время доставить себѣ отдыхъ, Коклену было поручено управленіе ассоціаціею и онъ исполнялъ это до самаго паденія ассоціаціи, произведеннаго событіями 1848 года.

Кокленъ отличался своими изящными и увлекательными рѣчами не въ одномъ только Комитетѣ Ассоціаціи свободной торговли. Ему было поручено произнести рѣчь въ залѣ Монтескье, что̀ онъ исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. На другомъ митингѣ, собравшемся черезъ нѣсколько дней послѣ революціи (15-го марта) и къ-несчастью послѣднемъ, онъ имѣлъ еще большій успѣхъ. Когда у него спросили его мнѣніе о важномъ, въ то время, вопросѣ, а именно: объ организаціи труда, онъ отвѣчалъ: по моему мнѣнію организація труда есть вопросъ пустой, возбужденный людьми, незнакомыми даже съ первыми основаніями политической экономіи. А люди эти были всемогущи въ то время, когда ораторъ съ такимъ пренебреженіемъ отзывался объ ихъ любимой мечтѣ. Эта смѣлая выходка была привѣтствована громомъ рукоплесканій. Спустя нѣсколько времени, видя необходимость бороться противъ распространенія ученія соціалистовъ, приверженцы экономической свободы основали съ этого цѣлію *Клубъ свободы труда* и обратились къ Коклену съ просьбою принять предсѣдательство въ ихъ собраніи. Кокленъ согласился, и Клубъ этотъ во время его предсѣдательства имѣлъ нѣсколько весьма интересныхъ засѣданій. Кън-есчастію, временное правительство не имѣло достаточно силы заставить уважать провозглашенную имъ свободу ассоціаціи, и Клубъ свободы труда въ одинъ прекрасный вечеръ былъ разогнанъ толпою коммунистовъ. Приверженцы свободы, не употребивъ никакихъ усилій для поддержанія своего права, разбрелись, но передъ тѣмъ, чтобъ разойтись, они убѣдили своего предсѣдателя явиться кандидатомъ въ Національное Собраніе. Кокленъ уступилъ ихъ настоянію, и сдѣланное имъ въ избирательномъ комитетѣ изложеніе своихъ убѣжденій было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Въ то же время онъ напечаталъ циркуляръ къ своимъ избирателямъ, въ которомъ поднялъ знамя экономической свободы противъ соціализма. Но онъ былъ мало извѣстенъ въ Парижѣ и не умѣлъ вы-

ставлять себя на видъ, чтобъ имѣть даже нѣкоторую вѣроятность успѣха при поголовной подачѣ голосовъ. Кандидатство его не имѣло успѣха. Нѣкоторые изъ его земляковъ хотѣли предложить его кандидатомъ въ Сѣверный департаментъ, и жаль, что не было сдѣлано никакихъ усилій для поддержанія ихъ желанія, потому-что Коклень обладалъ всѣми необходимыми качествами для того, чтобы играть роль въ учредительномъ Собраніи. Онъ былъ бы блистательнымъ представителемъ либеральныхъ идей и, можетъ быть, его энергическія убѣжденія не остались бы безъ вліянія на современныя событія.

Нѣкоторые изъ поборниковъ свободы труда, изгнанные изъ своего клуба, прибѣгли къ новому средству пропаганды: они основали народный журналъ, подъ названіемъ «*Jacques Bonhomme*», въ которомъ приняли участіе: Коклень, Бастіа, Фонтейро, Жозефъ Гарнье и Молинари; изъ пяти основателей журнала «*Jacques Bonhomme*» въ настоящее время остались въ-живыхъ только двое, вотъ сколькихъ представителей потеряла въ эти годы политическая экономія. «*Jacques Bonhomme*» существовалъ весьма недолго, потому что либеральныя идеи не были въ модѣ въ то время, хотя слово свобода было у всѣхъ на языкѣ и красовалось на всѣхъ стѣнахъ. Ассоціація свободной торговли была разсѣяна, и Коклень потерялъ всякую надежду играть на политической сценѣ роль, соотвѣтствовавшую его таланту. Невольные досуги, доставляемые ему революціею, онъ проводилъ за занятіями по одному изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ произведеній, именно: *О кредитѣ* и *банкахъ* (*Le Crédit et les Banques*). Въ этомъ сочиненіи онъ излагаетъ механизмъ кредитныхъ учрежденій и энергически остаиваетъ свободу банковъ. Эта книга не могла вполнѣ удовлетворить его, и потому онъ намѣревался совершенно передѣлать ее при второмъ изданіи, но публика оказалась менѣе требовательною, нежели самъ авторъ, и сочиненіе имѣло заслуженный успѣхъ (*).

Съ 1847 г. Коклень сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ въ «*Журналѣ Экономистовъ*». Въ этомъ сборникѣ онъ помѣщалъ одну за другою весьма интересныя статьи о навигаціонныхъ

---

*) См. разборъ этой книги г. Бланки въ помѣщенной «*Journal des Économis* т. XXIV, стр. 385, и отчетъ г. де-Пюнода, т. XXV, стр. 153.

законахъ Англіи, о машинахъ, находившихся на выставкѣ промышленныхъ произведеній 1849 года, о ремесленныхъ обществахъ, объ *упадкѣ Франціи*, соч. г. Родо и *упадкѣ Англіи*, соч. г. Ледрю-Роллена, о теоріяхъ Прудона, объ обществахъ поземельнаго кредита и проч. Наконецъ ему было поручено завѣдываніе «*Словаремъ политической экономіи*» послѣ отъѣзда въ Сентъ-Этіэнъ г. Амбруаза Клемана, прежняго главнаго редактора. Коклену пришлось пересмотрѣть и привести въ порядокъ всѣ статьи, назначенныя для этого изданія и написать самому нѣсколько статей. Изъ послѣднихъ укажемъ на: *Банкъ, Капиталъ, Обращеніе, Конкуренція, Политическая Экономія, Промышленность* и проч. Онъ съ жаромъ принялся за продолженіе труда, который доставилъ бы ему почетное мѣсто въ наукѣ, какъ-вдругъ неожиданная и почти внезапная смерть помѣшала ему окончить свой трудъ.

Болѣе двадцати лѣтъ Коклень смѣло и честно боролся противъ трудностей профессіи, для которой не всегда достаточно нравственнаго вознагражденія для пополненія недостаточности матеріальнаго вознагражденія. Самоотверженіемъ, настойчивостью и талантомъ ему удалось однакожь пройти самую трудную часть этого неблагодарнаго поприща и предъ нимъ уже открывался болѣе широкій путь, болѣе радостный горизонтъ. Статьи его въ «*Revue des deux Mondes*», «*Journal des Economistes*», «*Dictionnaire de l'Economie politique*» и книга «Le Credit et les Banques» поставили его высоко во мнѣніи друзей науки. Другіе труды, давно уже готовые и заключавшіе въ себѣ изложеніе его познаній и идей, еще болѣе упрочили бы его репутацію. Онъ въ особенности занимался собраніемъ матеріаловъ для составленія «*Исторіи банковъ*», которая должна была быть издана въ одно время со вторымъ томомъ *Словаря Политической экономіи*; затѣмъ онъ предполагалъ написать трактатъ о политической экономіи. Въ его портфелѣ было также одно сочиненіе, написанное до 1848 года, о верхней Палатѣ или Палатѣ перовъ. Въ этомъ сочиненіи, которое онъ предполагалъ издать съ нѣкоторыми измѣненіями, онъ описывалъ раціональный механизмъ представительнаго правленія, указывалъ на опасность, угрожавшую ему и предсказывалъ Февральскую революцію. Наконецъ онъ имѣлъ намѣреніе описать и сравнить гражданскія, политиче-

ЦАБ "Автограф"

скія и экономическія учрежденія Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, указывая преимущественно на необходимость твердыхъ городскихъ и департаментскихъ учрежденій. Всѣ эти полезные труды были уже готовы въ его умѣ и онъ бы могъ издать ихъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ (*). Смерть не позволила ему осуществить своихъ плановъ. Онъ умеръ въ ту минуту, когда могъ уже видѣть приближеніе дня, въ который были бы вознаграждены его усиленные труды и строгая вѣрность принципамъ, заставлявшая его пренебрегать болѣе обыкновенными средствами для составленія себѣ состоянія. Онъ умеръ слишкомъ рано для своей репутаціи и своего счастія, слишкомъ рано для науки и для друзей своихъ, убѣжденія которыхъ онъ поддерживалъ своимъ живымъ и энергическимъ словомъ. Впрочемъ участіе его въ дѣлѣ пропаганды экономической свободы было неменѣе славно и впослѣдствіи; когда эта истина восторжествуетъ для счастія человѣческаго рода, тогда вспомнятъ, что Шарль Коклень былъ однимъ изъ самыхъ жаркихъ и безкорыстныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

(*) Принимаясь за работу онъ писалъ скоро и долго, потому-что заранѣе обдумывалъ свой предметъ. Но онъ употреблялъ цѣлые мѣсяцы на чтеніе матеріяловъ и классификацію ихъ въ своей, по истинѣ, удивительной памяти.

ЦАБ "Автограф"

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Принявъ на себя трудъ редактировать новое изданіе книги, заслужившей полное одобреніе публики, я полагалъ, что смерть автора наложила на меня безусловную обязанность оставить неприкосновеннымъ текстъ сочиненія. Можетъ-быть при жизни, авторъ счелъ бы самъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ подробностяхъ своего сочиненія; но онъ одинъ имѣлъ на это право. Я ограничился лишь нѣсколькими замѣчаніями, которыя позволилъ себѣ сдѣлать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ неопредѣленность изложенія, казалось мнѣ, могла бы дать читателю неправильный взглядъ на предметъ. Сверхъ-того, приведены мною цифры, которыми опредѣляются успѣхи сдѣланные банками и сберегательными кассами со времени перваго изданія этой книги.

Я счелъ также полезнымъ изложить въ особомъ введеніи нѣсколько мыслей въ пользу свободы банковъ. Мнѣніе это ни разу не было серьёзно разобрано во Франціи съ 1840 года, когда я первый разъ поднялъ этотъ вопросъ (*). Можно, впрочемъ, быть убѣжденнымъ, что со временемъ, хотя и не скоро, когда точнѣе опредѣлятся настоящіе интересы страны, на предметъ этотъ будетъ обращено должное вниманіе. Во всякомъ случаѣ, не должно допускать, чтобъ давность одерживала верхъ надъ истиной, и чтобъ въ науку входили софизмы, правда иногда повторяемые истинно ученными людьми, но тѣмъ неменѣе, остающіеся софизмами.

---

*) Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «*Le Crédit et la Banque*» (*Кредитъ и Банкъ*).

Введеніе.

I. Прежде разрѣшенія вопроса о свободѣ банковъ, постараемся опредѣлить въ чемъ состоитъ вопросъ.

Читателю безъ-сомнѣнія извѣстно, что во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, всякому частному лицу дозволено заниматься всевозможными банковыми операціями, за исключеніемъ одной, а именно: *выпуска билетовъ выплачиваемыхъ на предъявителя и по предъявленіи.* Вся задача свободы банковъ заключается въ вопросѣ: полезно ли будетъ для общества дозволить, чтобъ всякій могъ выпускать подобные билеты, или напротивъ, право выпуска ихъ было ограничено и разрѣшаемо законами?

Съ этимъ вопросомъ обыкновенно связываютъ другой: до какой степени можно приложить къ банкамъ законы коммерческихъ обществъ? Но вопросъ этотъ, чрезвычайно важный самъ по себѣ и только слегка затронутый въ книгѣ, которую мы вновь издаемъ, совершенно отличенъ отъ перваго. Въ предстоящемъ введеніи, посвященномъ исключительно его разбору, мы будемъ говорить какъ-будто бы акціонерныхъ банковыхъ обществъ не существовало, а были одни частные банкиры. Только этимъ способомъ и можно уяснить этотъ вопросъ.

II. Разсмотримъ сначала, въ чемъ состоитъ выпускъ банковыхъ билетовъ и какое вліяніе производитъ онъ на торговые обороты.

Банкиръ, занимающійся учетомъ, считаетъ для себя выгоднымъ выпускать билеты, уплачиваемые на предъявителя и по предъявленію, и называемые *банковыми билетами.* Лицамъ, предъявляющимъ къ учету векселя, онъ вмѣсто денегъ предлагаетъ эти билеты, положимъ на 100,000 франковъ, съ уплатою по нимъ по востребованію. Такіе билеты принимаются охотно, потому что если публика беретъ ихъ какъ деньги, то они имѣютъ съ деньгами равную цѣнность; если же нѣтъ, то получившій можетъ тотчасъ же потребовать по нимъ уплаты у банкира. Если банкиръ состоятеленъ и пользуется довѣріемъ, то билеты его будутъ всегда имѣть ходъ, такъ какъ всякое частное лицо можетъ когда угодно требовать по нимъ уплаты. Слѣдовательно достаточно выплачивать безъ задержки деньги по билетамъ, чтобъ послѣдніе были принимаемы вмѣсто звонкой монеты. Ихъ принимаютъ даже охотнѣе, чѣмъ звонкую монету, потому что они удобнѣе для передачи и производства платежей. Безъ-сомнѣнія билеты эти могутъ имѣть ходъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ извѣстенъ банкиръ ихъ выдавшій и гдѣ, по близости конторы, ежедневно можно получать по нимъ деньги и подъ условіемъ незыблемости кредита банкира. Помимо этихъ трехъ условій публика отказывается принимать ихъ. Положимъ, что при запасѣ звонкой монеты на 25,000 франковъ, онъ можетъ уплатить по всѣмъ билетамъ, которые ему представлены публикою и, что въ то же время онъ выпустилъ билетовъ на 100,000 франковъ. Ясно, что онъ имѣетъ отъ публики 75,000 франковъ, за которые не платитъ никакихъ процентовъ, а напротивъ, получаетъ самъ по $5^{0}/_{0}$, занимаясь учетомъ векселей. Слѣдовательно личная выгода банкира заключается въ томъ, чтобы имѣть въ обращеніи *какъ можно больше билетовъ.* Какія же выгоды приноситъ выпускъ билетовъ публикѣ. Выше мы уже указали на нѣкоторыя изъ нихъ, но онѣ не такъ значительны. Главная очевидно состоитъ въ томъ, что банкиръ, посредствомъ выпуска билетовъ, получивъ въ свое распоряженіе капиталъ въ 75,000 франковъ, можетъ сдѣ-

ЦАБ "Автограф"

лать на такую же сумму больше учетовъ. Между-тѣмъ эти 75,000 франковъ, перейдя въ видѣ билетовъ въ руки тѣхъ, векселя которыхъ онъ учелъ, облегчаютъ расширеніе ихъ оборотовъ и приращеніе доходовъ, увеличивая въ то же время капиталъ, изъ котораго выплачивается рабочая плата. Вотъ почему публика охотно принимаетъ эти билеты, и готова принимать ихъ какъ можно больше. Но откуда же берется капиталъ въ 75,000, который банкиръ употребляетъ на учетъ? Есть ли это капиталъ созданный? или капиталъ отвлеченный отъ другаго употребленія? Онъ не созданъ, но занятъ банкиромъ, который дѣлается должникомъ на эту сумму. Но кому онъ остается должнымъ? Лицу, получившему эти билеты на погашеніе долга, вмѣсто звонкой монеты, а лице согласилось взять эти билеты или дать въ займы соотвѣтствующую имъ сумму безъ процентовъ, потому что билеты замѣняютъ для него вполнѣ звонкую монету, которая бы также не принесла ему процента. Значитъ, капиталъ, полученный банкиромъ вслѣдствіе выпуска билетовъ, не приносилъ прибыли ни своему владѣльцу, ни кому либо другому, тогда какъ посредствомъ выпуска билетовъ и учета онъ принесетъ доходъ банкиру, владѣльцу билетовъ, и сверхъ того увеличиваетъ производительную силу общества.

III. Очевидно, что билеты, выпущенные банкиромъ, замѣняютъ звонкую монету. Но монета ли они сами по себѣ? Нѣтъ, по самому существу и принципу, потому что не имѣютъ въ себѣ внутренней цѣнности и принимаются только подъ условіемъ безостановочнаго размѣна на звонкую монету. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они составляютъ монету, замѣняютъ назначеніе ея и стараются совершенно ее вытѣснить изъ употребленія.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ, должны ли банковые билеты, какъ монета, подчиняться сеньоріажу, т.-е. принадлежитъ ли право выпуска ихъ исключительно правительству?

По нашему мнѣнію, сеньоріажъ даже на золотую и себряную монету, не имѣетъ ни малѣйшаго естественнаго основанія,

Пусть примутъ за необходимое, чтобы законъ утверждалъ пробу и вѣсъ ходячей монеты. Пусть для однообразія чекана монеты, правительство будетъ имѣть надзоръ или даже монополію чекана. Противъ этого мы не споримъ, но вмѣшательство правительства въ это дѣло не имѣетъ иныхъ причинъ и основаній, какъ и вмѣшательство его во все, что касается вообще опредѣленія мѣры и вѣсовъ. На основаніи этого принципа можно сказать: «Если вслѣдствіе выпуска своего банковый билетъ можетъ имѣть цѣнность бо́льшую или ме́ньшую, чѣмъ нарицательная его цѣна и отъ того произойдетъ нарушеніе контрактовъ, то тѣ же причины, по которымъ правительство взяло на себя надзоръ или монополію чекана монеты, даютъ ему право имѣть надзоръ или монополію выпуска банковыхъ билетовъ.» Но какимъ же образомъ банковый билетъ, уплачиваемый на предъявителя и по предъявленію, можетъ вслѣдствіе самаго своего выпуска стоитъ болѣе или менѣе суммы въ немъ означенной? Признаемся, это для насъ непонятно! Билетъ въ 100 франковъ, уплачиваемый на предъявителя и по предъявленію въ самомъ мѣстѣ своего выпуска, долженъ стоить всегда 100 франковъ золотомъ или серебромъ. Еслибъ онъ стоилъ меньше, то владѣльцы потребовали бы уплаты по немъ у банкира, и онъ былъ бы изъятъ изъ обращенія. Но пока билетъ уплачивается по предъявленію, т.-е. пока договоръ, по основаніи котораго онъ выпущенъ, исполняется, цѣнность его не можетъ ни уменьшиться, ни увеличиться противъ цѣнности монеты въ настоящемъ смыслѣ. Конечно банкиръ, выпустившій билеты, можетъ сдѣлаться банкротомъ и тогда, но только тогда, билетъ теряетъ часть своей цѣнности. Но должно замѣтить, что это составляетъ исключеніе изъ правила, и что случай этотъ по существу своему имѣетъ только временное значеніе и не влечетъ за собою никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ невыполненія кредитнаго договора, подобнаго всякому другому договору. Слѣдственно, нечего требовать вмѣшательства правительства въ кредитный договоръ, имѣющій мѣсто при выпускѣ банковаго би-

лета, какъ нельзя требовать его при всякомъ другомъ кредитномъ договорѣ. Итакъ банковый билетъ не есть истинная монета въ томъ смыслѣ, что цѣнность его основывается на цѣнности золотой и серебряной монеты и измѣняется вмѣстѣ съ нею; тѣмъ не менѣе онъ исполняетъ всѣ назначенія монеты и потому можно сказать, что онъ составляетъ *довѣрительную монету* (*monnaie fiduciaire*). Выпускъ его именно потому и не долженъ неподлежать монетной регаліи, такъ какъ онъ не есть настоящая монета, и цѣнность его измѣняется сообразно съ цѣнностью звонкой монеты.

IV. Мы видѣли, что интересъ банкира заключается въ выпускѣ наивозможно бо́льшаго количества билетовъ, а интересъ публики въ принятіи также наибо́льшаго количества ихъ: но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы количество билетовъ, обращающихся на какомъ-нибудь рынкѣ, могло быть неограничено? Нисколько. Съ самаго начала развитія политической экономіи было признано за аксіому, что при извѣстныхъ обычаяхъ и обыкновенной суммѣ оборотовъ рынка, послѣдній будетъ употреблять извѣстную сумму монеты и не будетъ сохранять излишка монеты, несмотря на постоянный приливъ ея. Эта истина открытая Кенэ, изложенная Адамомъ Смитомъ, и развитая Ж. Б. Сеемъ съ его послѣдователями, легко объясняется; стоитъ только вспомнить, что всякое частное лицо никогда не удерживаетъ въ рукахъ денегъ больше того количества, которое ему нужно. Если у него недостаетъ такой суммы, онъ старается пріобрѣсть недостающее количество продажей; если же напротивъ у него есть излишекъ, — онъ спѣшитъ сбыть его посредствомъ покупокъ и отдачи въ займы. Причина подобнаго рода дѣйствія очень проста, такъ какъ деньги служатъ только для облегченія размѣна, но не удовлетворяютъ сами по себѣ никакимъ потребностямъ и какъ владѣніе ими не представляетъ никакого удовольствія и не приноситъ прибыли, то всякій и сохраняетъ только то количество монеты, которое ему необходимо для мѣны. Но если такъ дѣйствуютъ всѣ частныя

лица, то и общество, владѣющее только тою монетою, которою владѣютъ частныя лица, сохраняетъ подобно имъ только ограниченное и наименьшее количество ея. Если вслѣдствіе ввоза золота и серебра, и усиленной выдѣлки монеты, количество денегъ увеличится, то упадетъ ихъ цѣнность, относительно драгоцѣнныхъ металловъ и товаровъ вообще, и тогда торговля найдетъ выгоднымъ переливать монету или вывозить ее для покупки товаровъ. Это и бываетъ въ дѣйствительности при каждомъ выпускѣ банковыхъ билетовъ. Мы предположили выше, что банкиръ выпустилъ билетовъ на 100,000 франковъ. Эти 100,000 франковъ довѣрительной монеты, прибавленные къ суммѣ существующей монеты будутъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ переливку или вывозъ такого же количества звонкой монеты, если только послѣдняя находилась на рынкѣ въ достаточномъ количествѣ. Слѣдующіе выпуски произведутъ то же самое, но сами они будутъ ограничиваться количествомъ звонкой монеты, прежде того обращавшейся на рынкѣ.

Предѣлы выпуска билетовъ еще болѣе ограничены потому, что банкиръ долженъ имѣть у себя и, слѣдовательно, оставить въ обращеніи на рынкѣ нѣкоторую часть звонкой монеты, чтобъ имѣть возможность удовлетворять всѣмъ представляемымъ ему требованіямъ уплатъ. При внимательномъ анализѣ всевозможныхъ столкновеній, безъ труда придемъ къ убѣжденію, что, при немедленной *уплатѣ по предъявленіи и на предъявителя*, банковые билеты никогда не явятся на рынкѣ въ большемъ противъ нужнаго количествѣ, и не упадутъ въ цѣнности противъ звонкой монеты; поэтому правительству нѣтъ надобности, ни установлять цѣнность, постоянно соотвѣтствующую цѣнности звонкой монеты, опредѣленной уже закономъ, ни ограничивать выпуска билетовъ, ограниченнаго самимъ свойствомъ предмета, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе кредита публика, отдавая банкиру извѣстное количество звонкой монеты, необходимой для торговли, обращаетъ для нея непроизводительный капиталъ въ производительный.

ЦАБ "Автограф"

V. Если мы успѣли доказать, что выпускъ банковыхъ билетовъ ограниченъ самимъ свойствомъ вещей, то ясно, что онъ никогда не можетъ быть чрезмѣренъ и потому никогда не можетъ быть прямою причиной коммерческаго кризиса. Кризисы эти, какъ мы доказали въ другомъ сочиненіи (*), происходятъ отъ внезапнаго и неожиданнаго недостатка обращающихся на рынкѣ капиталовъ. Этотъ недостатокъ является или вслѣдствіе дурной жатвы, или вслѣдствіе политическихъ опасеній, или наконецъ отъ множества неудавшихся промышленныхъ оборотовъ. Эту послѣднюю причину коммерческихъ кризисовъ противники свободы банковъ обозначаютъ именемъ *излишка спекуляцій,* хотя бы потери были понесены на операціяхъ, не имѣющихъ ничего общаго со спекуляціями. Они увѣряютъ, что выпускъ банковыхъ билетовъ побуждаетъ къ спекуляціямъ и такимъ-образомъ производитъ потери, причиняющія кризисы. Постараемся разрѣшить, основательно ли подобное предположеніе. Правда, что банкиръ, *начиная* выпускать билеты, тѣмъ самымъ увеличиваетъ количество состоящихъ въ распоряженіи общества капиталовъ. Появленіе этихъ новыхъ капиталовъ можетъ произвести временное пониженіе средней высоты процентовъ и во всякомъ случаѣ даетъ мѣсто новымъ промышленнымъ предпріятіямъ, которыя могутъ быть дурно ведены и принести убытокъ; но при этомъ не должно забывать, что 1) нѣтъ необходимости, чтобы эти предпріятія были дурно ведены и 2) что если предпріятія эти были дурно ведены, то это потому, что капиталы попали въ неискусныя руки, а не отъ того, что они появились въ обращеніи. Предположимъ, что капиталы эти достались въ руки способнымъ предпринимателямъ, тогда появленіе ихъ на рынкѣ увеличило бы производительную силу и богатство послѣдняго, не представляя никакого повода къ коммерческому кризису.

(*) *Traité d'economie politique.* Ploutologie, liv. II. ch. VI § 4. Тамъ же мы доказали (*Ergonomie*, liv. I. c. VI § 5.), что существованіе банковъ не только не подвергаетъ опасности обращеніе монеты, но напротивъ—придаетъ ей большую правильность и дѣлаетъ цѣнность монеты менѣе измѣнчивою, чѣмъ какова она была до учрежденія банковъ.

ЦАБ "Автограф"

Если увеличеніе свободныхъ капиталовъ ведетъ къ кризису, то слѣдовательно всякій обогащающійся рынокъ и безъ банка былъ бы подверженъ кризису, такъ какъ онъ могъ бы пустить въ предпріятіе бо́льшій противъ прежняго капиталъ. Наконецъ если внезапное появленіе новыхъ капиталовъ было причиною кризиса, то она могла бы дѣйствовать только во время самаго выпуска, а не впослѣдствіи, когда капиталы, сдѣлавшіеся вслѣдствіе того свободными, найдутъ себѣ помѣщеніе. Въ такомъ случаѣ банкирамъ было бы выгодно ограничивать свои выпуски, но они не могли бы быстро увеличивать ихъ, будучи удерживаемы указанными нами выше естественными предѣлами.

VI. Мы думаемъ, что успѣли доказать съ геометрическою точностью: 1) что банки, уплачивая билеты по предъявленіи и на предъявителя, никогда не могутъ выпустить ихъ болѣе необходимаго количества и 2) что никогда выпускъ не бываетъ прямою причиною кризиса. Изъ этихъ положеній вытекаетъ естественное послѣдствіе, что выпускъ билетовъ долженъ быть свободенъ. Но прежде чѣмъ мы будемъ говорить о вѣроятныхъ результатахъ подобнаго либеральнаго законодательства, должно разъяснить, въ чемъ именно состоитъ ошибка банковъ и послѣдствія ея. Банкиръ, выпустившій на 100,000 франковъ билетовъ, дѣлается несостоятельнымъ; тотчасъ поднимается крикъ, что онъ обанкрутился вслѣдствіе излишняго выпуска билетовъ или даже просто отъ того, что выпустилъ билеты. Дѣйствительно: еслибы онъ не сдѣлалъ выпуска, не занималъ и не былъ долженъ, то не былъ бы подверженъ банкротству. Это столь же неоспоримо, какъ и наивно; впрочемъ и съ этой точки зрѣнія, причиною банкротства былъ бы столько же кредитъ полученный имъ чрезъ выпускъ билетовъ, сколько и кредитъ, оказанный ему семействомъ, помѣстившимъ въ его банкъ свое имущество, или торговцомъ, поручившимъ ему получить за себя 100,000 франковъ за свои билеты и векселя. Слѣдовательно, тутъ столько же виноватъ выпускъ билетовъ, какъ и всякій другой кредитъ! Неужели вслѣдствіе этого должно произнести

приговоръ кредиту и уничтожить довѣріе между людьми? Пусть предложатъ эту мѣру; что же касается насъ, то мы не будемъ входить въ разбирательство ея.

Постараемся лучше разыскать настоящую причину предполагаемаго банкротства. Причина эта можетъ быть троякая: 1) или банкиръ издержалъ лично для себя ввѣренные ему капиталы; 2) или онъ отдалъ ихъ въ ссуду лицамъ, издержавшимъ или лишившимся ихъ; 3) или наконецъ отдалъ ихъ въ ссуду на долгій или неопредѣленный срокъ, такъ что не могъ отдать ихъ по востребованію. Во всѣхъ трехъ случаяхъ причина банкротства есть *дурное помѣщеніе занятыхъ капиталовъ*, вслѣдствіе ли выпуска билетовъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ; потому, если кто пожелаетъ предотвратить подобныя банкротства различными ограниченіями, то послѣднія должны касаться помѣщенія капиталовъ, а не выпуска билетовъ.

Теперь мы спросимъ у практическихъ людей и вообще у всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ торговыми дѣлами, возможно ли учредить правительственный надзоръ надъ такимъ помѣщеніемъ! Конечно нѣтъ. Нельзя ли по-крайней-мѣрѣ положить общія теоретическія правила, которыми бы можно было руководствоваться во всѣхъ случаяхъ. Еще того менѣе! Всѣ попытки различныхъ законодателей учредить что-либо подобное, не выдерживали критики, и всѣ были нарушаемы. Единственное правило для помѣщеній состоитъ въ томъ, чтобы банкиръ могъ всегда удовлетворять требованіямъ своихъ кредиторовъ. Но кто не пойметъ, что достигать этой цѣли можно часто совершенно различными путями, сообразно времени, мѣсту, собственному капиталу, намѣреніямъ владѣльцевъ капиталовъ, внесенныхъ въ банкъ для текущихъ счетовъ, потребности рынка въ монетѣ и проч.

Начала, которыми можетъ хорошо руководиться парижскій банкъ, дѣлаютъ для департаментскаго банкира половину операцій невозможною. Можно даже сказать, что въ одномъ и томъ

же городѣ два банкира, живущіе въ разныхъ частяхъ, должны дѣйствовать совершенно различнымъ образомъ. Эта истина, извѣстная всѣмъ дѣловымъ людямъ, подробно развита нами въ особомъ сочиненіи (*). Здѣсь же мы не будемъ распространяться о ней.

Менѣе всего можетъ быть опредѣлено закономъ отношеніе между металлическимъ запасомъ банка и количествомъ билетовъ, обращающихся на какомъ-нибудь рынкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если количество звонкой монеты, необходимое для какого-нибудь рынка, измѣняется мало, то и обращеніе банковыхъ билетовъ также измѣняется незначительно и, слѣдовательно, можетъ быть поддержано очень небольшимъ запасомъ звонкой монеты. Напротивъ, если потребность въ звонкой монетѣ измѣняется, какъ это бываетъ на рынкахъ съ болѣе обширными спекуляціями, то и запасъ звонкой монеты долженъ быть значительнѣе. Вообще говоря, отношеніе между запасомъ звонкой монеты и количествомъ билетовъ крайне измѣнчиво и надо быть вовсе незнакомымъ съ дѣлами, чтобъ искать какую-нибудь гарантію въ металлическомъ запасѣ банка. Первая гарантія кредиторовъ банка заключается въ его портфелѣ, т.-е. въ образѣ помѣщенія капиталовъ банка, а резервная гарантія въ собственномъ капиталѣ банка.

VII. Свобода банковъ пугаетъ многихъ; какъ-будто бы банки всегда готовы растратить капиталы, получаемые ими посредствомъ выпуска билетовъ. При этомъ забываютъ, что банкиръ точно также отвѣчаетъ за эти фонды, какъ и за всякій капиталъ данный ему въ ссуду.

Если фонды, дурно помѣщенные по его ошибкѣ, потеряны, то они пропали для него, а владѣльцы билетовъ терпятъ отъ этого только тогда, когда собственный капиталъ банкира поглощается этими убытками, словомъ, только въ случаѣ банкротства. Для банкира нетолько не выгодно дурно помѣщать фон-

---

(*) *Traité des opérations des banques.*

ды, но напротивъ онъ имѣетъ интересъ самый очевидный, самый прямой, помѣщать ихъ наилучшимъ образомъ, точно такъ какъ купецъ, купившій на кредитъ товары, долженъ стараться продать ихъ какъ можно выгоднѣе. Слѣдовательно, если банкиръ дурно помѣщаетъ капиталъ, то совершенно невольно, по невѣдѣнію и недостатку предусмотрительности. Онъ поступаетъ тогда противъ правилъ своего ремесла. Но во всякомъ случаѣ, неужели ремесло это лучше знаетъ администраторъ или законодатель, чѣмъ самъ банкиръ? Едва ли! Никогда мы не повѣримъ, чтобъ администраторъ, движимый единственно платонической ревностью, былъ такъ же внимателенъ, какъ и банкиръ, къ дѣлу, отъ успѣха или неудачи котораго зависитъ выгода или раззореніе послѣдняго. Потому мы заключаемъ, что лучше всего предоставить банкиру полную свободу въ его торговыхъ операціяхъ. Конечно, при этомъ будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ банкротство нѣкоторыхъ банкировъ, но потери эти точно также вознаградятся какъ и ежедневныя неудачи, случающіяся въ торговлѣ. Никто не споритъ, что потери эти составляютъ зло, но ими покупается свобода и кредитъ, которые слишкомъ благотворны, чтобъ считаться купленными слишкомъ дорогою цѣною.

VIII. Но противники возражаютъ: «банкротство банка влечетъ за собой гораздо худшія послѣдствія, нежели банкротство обыкновенное, потому что, когда билеты его вдругъ потеряютъ цѣнность, а звонкая монета будетъ перелита или вывезена, то рынокъ внезапно останется безъ звонкой монеты, отъ чего произойдутъ пониженіе цѣнъ и кризисъ».

Если лопнетъ банкъ, пользовавшійся монополіею выпуска билетовъ, то на рынкѣ дѣйствительно можетъ ощутиться внезапный недостатокъ монеты. Но это никогда не случится на рынкѣ, гдѣ есть соперничество нѣсколькихъ банковъ, выпускающихъ билеты, потому что не можетъ же быть, чтобъ они лопнули всѣ разомъ. Уцѣлѣвшіе отъ банкротства получатъ возможность выпустить бо́льшее число билетовъ на рынкѣ, гдѣ возвышается за-

просъ на монету и такимъ-образомъ почти внезапно замѣнятъ билеты, потерявшіе цѣнность. Даже въ случаѣ общаго банкротства, кризисъ, при всей своей тяжести бываетъ только кратковременнымъ и прекращается тотчасъ же, какъ только на рынкѣ возстановится обращеніе монеты. Сверхъ того въ случаѣ банкротства гораздо легче перенесть потери, происходящія отъ выпуска билетовъ, чѣмъ отъ текущихъ счетовъ, потому что билеты очень рѣдко бываютъ сосредоточены въ большомъ количествѣ въ однихъ рукахъ. Насъ можетъ быть станутъ упрекать въ томъ, что мы говоримъ о банкротствахъ банковъ такъ легко, какъ-будто о самомъ обыкновенномъ случаѣ. На это мы можемъ отвѣчать, что они подобно всѣмъ другимъ суть неминуемое слѣдствіе кредита, а благодѣянія кредита съ излишествомъ вознаграждаютъ за потерянные чрезъ банкротство капиталы и эти банкротства терпимы изъ уваженія къ общей пользѣ. Развѣ во имя общей пользы болѣе сомнительной, не ведутся войны, влекущія за собой часто гораздо бо́льшія потери въ людяхъ и деньгахъ.

IX. Разсмотримъ теперь съ другой точки зрѣнія вопросъ о свободѣ банковъ. Такъ-какъ выпускъ билетовъ со стороны выпускающаго имѣетъ цѣлью безпроцентный заемъ части капитала обращающагося въ монетѣ, то эта операція, какъ знаемъ, можетъ быть оправдываема; она можетъ быть дозволяема или одному правительству или нѣкоторымъ привиллегированнымъ лицамъ, которыя могутъ раздѣлять эту выгоду съ правительствомъ, или наконецъ для всѣхъ, кто хочетъ взяться за эту операцію, и принять на себя ея издержки и рискъ. Коклень ясно доказываетъ, что страна теряетъ, если вслѣдствіе запрещенія она лишаетъ себя выгодъ подобнаго займа (*).

Если право на этотъ заемъ предоставлено одному правительству, то куда оно помѣститъ добытые имъ капиталы. Пусть самъ читатель, смотря по тому въ какой странѣ онъ находится,

---

(*) См. Глав. II. § 4.

ЦАБ "Автограф"

обсудить, чьи капиталы получаютъ лучшее употребленіе, находящіеся ли въ рукахъ правительства или частныхъ лицъ. Намъ кажется, что капиталы частныхъ лицъ, взятые вообще, всегда производительнѣе и сохраняются лучше, чѣмъ тѣ, управленіе которыми ввѣрено правительству. Причина понятна: владѣлецъ всегда лучше заботится о своемъ имуществѣ, нежели чиновникъ.

Кромѣ-того правительство, дурно помѣстившее капиталы, можетъ всегда скорѣе отказаться отъ уплаты билетовъ на предъявителя и по предъявленіи; а какъ-только это условіе не будетъ исполняться, выпускъ билетовъ не будетъ имѣть предѣла и никто не можетъ поручиться, что цѣнность ихъ будетъ стоять наравнѣ съ цѣнностью золотой и серебряной монеты.

Надо также замѣтить, что правительству всегда труднѣе, чѣмъ банкиру, помѣстить капиталы, полученные чрезъ выпускъ билетовъ, уплачиваемыхъ на предъявителя и по предъявленіи. Дѣйствительно, для постояннаго и безостановочнаго размѣна этихъ билетовъ капиталъ долженъ быть помѣщенъ такъ, чтобъ деньги безпрестанно возвращались въ банкъ для уплаты ими предъявляемыхъ билетовъ, и чтобы банкиръ такимъ-образомъ могъ постоянно соразмѣрять кредитъ, оказываемый имъ съ тѣмъ, которымъ онъ пользуется. Учетъ торговыхъ векселей есть, слѣдовательно, лучшее помѣщеніе для такихъ капиталовъ, а имъ-то правительство и можетъ менѣе всего заниматься, вслѣдствіе представляемаго имъ риска и требуемаго имъ надзора.

Если правительство даетъ нѣкоторымъ лицамъ привиллегію на право выпуска билетовъ, то оно дѣлаетъ несправедливость, отдавая немногимъ то, что по естественному праву должно принадлежать всѣмъ. Эта несправедливость притомъ не гарантируетъ ни выгоднаго помѣщенія капиталовъ, ни наибольшей пользы, которую должно получать общество отъ выпуска билетовъ. До-сихъ-поръ эта система, пользовавшаяся предпочтеніемъ, имѣла слѣдствіемъ учрежденіе колоссальныхъ банковъ, имѣвшихъ столь обширный кредитъ, что могли принимать значительные вклады, не платя никакого процента, и слѣдовательно получать

большую прыбыль на сравнительно незначительный капиталъ, не обращая большаго вниманія на выпускъ билетовъ (*). Операціи этихъ учрежденій по ссудамъ должны были по необходимости быть ограничены, вслѣдствіе самой важности банковъ, которые обязаны были для своей собственной безопасности поступать по общимъ правиламъ и съ большою осторожностью. Такимъ-образомъ эта относительная безопасность была пріобрѣтена только цѣною ограничительныхъ условій; общество избѣжало злоупотребленія выпуска билетовъ, только почти совершенно отказавшись отъ ихъ употребленія.

Когда правительства изъ права выпуска билетовъ на предъявителя и по предъявленіи, сдѣлали предметъ привиллегій, они имѣли при этомъ въ виду подѣлиться прибылью. Такъ было и въ Англіи и до нѣкоторой степени во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ банкъ долженъ былъ ссудить государству половину своего капитала. То же и въ Соединенныхъ Штатахъ, а именно въ Нью-Іоркѣ, гдѣ банки могутъ выпускать билеты на предъявителя и по предъявленіи, только внеся въ государственное казначейство равную сумму въ облигаціяхъ штата.

Эта послѣдняя система представляетъ то неудобство, что лишаетъ банки возможности распоряжаться тою частью своего капитала, которая помѣщена въ облигаціяхъ государственнаго долга, и въ трудное время этотъ капиталъ можетъ быть превращенъ въ звонкую монету только съ значительною потерею. Слѣдовательно, независимо отъ другихъ болѣе мелкихъ неудобствъ, о которыхъ не стоитъ упоминать, всѣ эти постановленія только ограничиваютъ и затрудняютъ банковыя операціи и такимъ-образомъ уменьшаютъ полезное вліяніе этихъ учрежденій на промышленность.

Самое лучшее условіе, при которомъ банки могутъ оказать

(*) По ежемѣсячнымъ отчетамъ французскаго банка за 1858 годъ, перевѣсъ цифры билетовъ надъ запасомъ звонкой монеты составлялъ среднимъ числомъ только 161,975,547 франковъ, цифра незначительная для столь обширнаго учрежденія.

наибо́льшую услугу, самое нормальное условіе состоитъ въ томъ, чтобы предоставить каждому желающему полную свободу выпуска билетовъ, уплачиваемыхъ на предъявителя и по предъявленіи. Эта система доставитъ банкирамъ, кромѣ прибыли отъ другихъ операцій, процентъ равный тому, который они могли бы получить съ капитала въ звонкой монетѣ. Понятно, что для занимающихся банковою торговлею не все-равно имѣть или не имѣть права выпуска билетовъ, потому что въ странѣ, подобной Франціи, свободные выпуски билетовъ могли бы доставить въ ихъ распоряженіе сумму отъ 800 до 1,000 милліоновъ франковъ.

Мы ожидаемъ, что нѣкоторые читатели возстанутъ противъ неосторожности ввѣрять такую сумму нѣкоторымъ банкирамъ или лицамъ, которые не представятъ достаточныхъ гарантій противъ страшныхъ выгодъ, которыя получатъ отъ этой свободы выпускающіе билеты на предъявителя и по предъявленіи и проч. Потому прежде чѣмъ идти дальше, слѣдуетъ разсѣять эти опасенія и показать, какимъ образомъ по всей вѣроятности воспользуются этою свободою, если, какимъ-нибудь чудомъ, она будетъ допущена во Франціи.

X. Если каждому будетъ предоставлено право выпуска билетовъ на предъявителя и по предъявленіи, то легко можетъ статься, что многіе изъ частныхъ лицъ пожелаютъ воспользоваться имъ; но очевидно, что число тѣхъ, которые будутъ въ состояніи воспользоваться имъ, быстро ограничится: въ-самомъ-дѣлѣ публика не будетъ оказывать довѣрія первой попавшейся подписи, не узнавъ предварительныхъ достоинствъ ея, и легко себѣ представить, что въ подобномъ случаѣ она будетъ недовѣрчива. Во всякомъ случаѣ можно навѣрное сказать, что торговецъ будетъ охотно принимать билеты, какъ отъ своего банкира, такъ и билеты, которые бы принималъ послѣдній. Другими словами, надзоръ и ограниченіе выпуска билетовъ, по силѣ обстоятельствъ, перешли бы къ самымъ банкирамъ, потому что, кто захочетъ принять въ счетъ уплаты билетъ, которымъ онъ самъ не

ЦАБ "Автограф"

можетъ расплатиться съ своими кредиторами и въ-особенности со своимъ банкиромъ?

Одни банкиры могли бы пускать въ обращеніе билеты и слѣдить за обращеніемъ билетовъ своихъ совмѣстниковъ. Но былъ ли бы это дѣйствительный и неусыпный надзоръ?

Конечно онъ будетъ бдителенъ, потому что каждый банкиръ всегда бы владѣлъ значительнымъ количествомъ билетовъ другаго банкира, а слѣдовательно подвергался бы весьма чувствительнымъ потерямъ въ случаѣ банкротства послѣдняго. Правда, другіе банкиры имѣли бы у себя сумму почти равную суммѣ его собственныхъ билетовъ; но понятно, что всякій знающій и осторожный банкиръ старался бы повозможности скоро обмѣнять находящіеся у него билеты другихъ банкировъ на свои собственные, потому что такой обмѣнъ освободилъ бы его отъ всякой отвѣтственности въ результатахъ чужихъ операцій. Если ему выгодно получить билеты другихъ для того, чтобъ и его собственные принимались такимъ же образомъ, то въ то же время ему было бы выгодно, чтобъ другіе банкиры имѣли ихъ какъ можно меньше въ обращеніи, для того чтобъ самому имѣть ихъ въ обращеніи въ возможно бо́льшемъ количествѣ. Слѣдовательно всякій банкиръ старался бы отстранить отъ себя билеты, которые считаетъ невѣрными, и держать у себя надежные возможно непродолжительное время сообразно со внушеніями его личнаго интереса. Въ наше время въ коммерческихъ банкахъ вообще принято, что между банкирами не должно производиться ссудъ наличными деньгами. Этотъ принципъ, введенный практикою и вполнѣ оправданный теоріею, придалъ бы болѣе правильности и ограничилъ бы выпускъ банковыхъ билетовъ (*).

Правда, что эти выпуски, ограниченные малымъ числомъ нынѣ существующихъ банкировъ, доставили бы имъ огромнѣйшія выгоды. Но не станемъ обольщать себя, а прослѣдимъ шагъ за

(*) Шотландскіе банки учредили особенныя конторы, въ которыхъ ежедневно обмѣниваютъ билеты, попавшіеся имъ въ руки вслѣдствіе движенія обращенія. Разница въ счетахъ уплачивается билетами государственнаго казначейства.

ЦАБ "Автограф"

шагомъ развитіе свободы банковъ. Не надо забывать, что нельзя выпустить ни одного билета, не найдя помѣщенія капиталу, который онъ представляетъ; а число хорошихъ помѣщеній нельзя увеличивать по желанію. Каждый банкиръ производилъ бы болѣе учетовъ; но такъ какъ можно себѣ предположить, что онъ, не желая раззориться, сталъ бы развивать свои операціи мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ предприниматели были бы въ состояніи съ пользою употребить свои деньги, сохраняя капиталы, данные имъ въ ихъ распоряженіе. Средняя высота процентовъ понизилась бы и побудила капиталистовъ къ новымъ предпріятіямъ.

Но какія предпріятія могли навѣрное разсчитывать на немедленный и вѣрный доходъ? Безъ-сомнѣнія банки. Поэтому повсемѣстно учредились бы новые банки на капиталы, помѣщенные въ настоящее время за проценты у банкировъ, по той причинѣ, что послѣдніе, пріобрѣтая даромъ капиталы посредствомъ выпуска билетовъ, отказались бы платить проценты на ввѣренные имъ капиталы или платили бы самый ничтожный процентъ.

Отъ увеличенія числа, какъ свободныхъ капиталовъ, такъ и самыхъ банкировъ, требованіе на векселя для учета, доставляемыхъ предпринимателями, увеличилось бы. Ихъ стали бы требовать и отъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя нынѣ не имѣютъ никакихъ сношеній съ банками, въ-особенности же отъ земледѣлія. Тогда можно было бы основывать банки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя въ настоящее время не представляютъ для того никакой возможности, потому что право выпуска билетовъ на предъявителя и по предъявленію служило бы поощрительною премією.

Представимъ себѣ, напримѣръ, мѣстность, гдѣ сумма векселей, предъявляемыхъ къ учету по 6%, не превышаетъ 100,000 франковъ. Еслибы захотѣли производить въ этой мѣстности банковую торговлю съ капиталомъ въ 20,000 фр. и 80,000 фр. въ текущихъ счетахъ по 5%, то чистая прибыль банкира составила бы 6,000 фр., изъ которыхъ уплатилъ бы 5,000 фр.

или по своимъ текущимъ счетамъ или самому себѣ. Положивъ, что разныя коммиссіи могутъ покрыть издержки на содержаніе металлическаго запаса въ 5,000 фр. и конторскія издержки, то для прибыли и вознагражденія за рискъ останется сумма въ 1,000 фр., чего конечно недостаточно. Выпускъ билетовъ на 20,000 фр. удвоилъ, а выпускъ въ 40,000 фр. утроилъ бы эту сумму. Въ такомъ случаѣ можно было бы основать банкъ.

Читателю съ перваго раза покажется страннымъ, что мы говоримъ о столь незначительныхъ суммахъ. Но вникнувъ хорошенько въ дѣло, онъ увидитъ, что какъ въ банкѣ, такъ и въ промышленности вообще, чаще всего встрѣчаются малыя предпріятія, которыя и приводятъ въ дѣйствіе самую значительную массу капиталовъ. Прибавимъ, что въ банковой торговлѣ малыя предпріятія самыя полезныя для производительности, потому что всего болѣе углубляются въ кредитъ и съ бо́льшею безопасностью могутъ оказывать его, зная положеніе дѣлъ своихъ клиентовъ. Банкиръ, дѣйствія котораго ограничиваются небольшою мѣстностью, гдѣ происходитъ мало операцій, вполнѣ знакомъ съ дѣлами клiентовъ, между-тѣмъ какъ значительный банкиръ, вслѣдствіе большаго числа своихъ операцій, держитъ себя вдалекѣ отъ нихъ и оказываетъ кредитъ только тѣмъ, которые пользовались имъ и безъ него. Извѣстно, что по мѣрѣ распространенія банковой торговли, монета дѣлается менѣе необходимою для производства мѣны, потому что бо́льшая часть банковыхъ операцій оканчивается взаимнымъ обмѣномъ обязательствъ (долговъ). Вслѣдствіе этого, какъ справедливо замѣтилъ авторъ, выпускъ билетовъ значительно ограничивается. Поэтому, чѣмъ свободнѣе выпускъ билетовъ, уплачиваемыхъ по предъявленіи и на предъявителя, тѣмъ менѣе сумма возможныхъ выпусковъ. Истина эта, оправданная теоріею, вполнѣ подтверждается исторіею шотландскихъ банковъ.

Посмотримъ, что́ происходитъ отъ постепеннаго увеличенія числа банковъ подъ вліяніемъ выгодъ, полученныхъ отъ выпуска билетовъ. Положимъ, на рынкѣ обращаются билеты на сум-

ЦАБ "Автограф"

му въ 50 милліоновъ, принадлежащіе одному банку съ 10 милліонами основнаго капитала. Этотъ банкъ будетъ получать 20, 25,40 процентовъ съ своего капитала, сверхъ обыкновенныхъ процентовъ. Затѣмъ является другой банкъ съ капиталомъ въ 10 милліоновъ и вступаетъ въ соперничество съ первымъ: если оба банка производятъ одинакія операціи, то послѣдній выпускаетъ билеты на 25 милліоновъ и получаетъ 10, 12 или 15 процентовъ сверхъ обыкновенныхъ. Впослѣдствіи основываются еще банки, положимъ въ числѣ трехъ, съ 10 милліонами основнаго капитала каждый, до тѣхъ поръ пока выгоды отъ этой торговли не уравняются съ выгодами, получаемыми отъ другихъ отраслей промышленности. Тогда вся сумма возможныхъ выпусковъ понизится можетъ-быть до 40 милліоновъ: во всякомъ случаѣ она уменьшится, но никакъ не увеличится. Свобода или, какъ ее называютъ, соперничество уменьшитъ или увеличитъ гарантію владѣльцевъ билетовъ.

Въ началѣ выпускъ въ 50 милліоновъ былъ обезпеченъ 10 милліонами капитала; впослѣдствіи, съ учрежденіемъ втораго банка, обезпеченіе это возрастаетъ до 20 милліоновъ и наконецъ до 50-ти. Слѣдовательно конкуренція имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ не уменьшеніе, а увеличеніе гарантій, представляемыхъ банками владѣльцамъ билетовъ, потому-что она не увеличиваетъ число выпусковъ, но напротивъ того безпрестанно увеличиваетъ капиталъ банковъ.

Безъ-сомнѣнія все это на дѣлѣ происходитъ не такъ правильно, какъ въ нашей ипотезѣ: новые банки учреждаются съ болѣе или менѣе значительнымъ капиталомъ и пользуются большимъ или мéньшимъ довѣріемъ публики, но въ общихъ чертахъ эти обстоятельства ни сколько не нарушаютъ справедливости нашихъ словъ.

XI. Принципъ полной свободы банковъ есть самый нормальный, потому-что въ одно и то же время онъ самый вѣрный и выгодный и болѣе всего представляетъ возможность развиться всѣмъ промышленнымъ источникамъ страны: въ то же время онъ

самый справедливый, потому-что никому не даетъ привиллегій безъ труда получать выгоду больше той, которую получаютъ болѣе трудящіеся банкиры.

Значитъ ли это, что при такой системѣ банковая торговля будетъ идти совершенно безукоризненно и что, напримѣръ, введеніе полной свободы не повлечетъ за собою никакихъ бѣдственныхъ послѣдствій? Безъ-сомнѣнія нѣтъ: банкиры не безукоризненнѣе всякаго другаго торговца, они могутъ ошибаться и ошибаются подобно другимъ. Можно утвердительно сказать, что при бо́льшемъ развитіи ихъ операцій, они будутъ чаще ошибаться, но можно также сказать, что ошибки не будутъ увеличиваться соотвѣтственно развитію операцій, потому что, чѣмъ употребительнѣе какая-нибудь отрасль торговли или промышленности, тѣмъ она болѣе совершенствуется. Этотъ фактъ извѣстенъ всякому, кто наблюдалъ за промышленностью; это правило, недопускающее никакихъ исключеній.

Въ настоящее время бываютъ банкротства банковъ; онѣ будутъ и при свободѣ банковъ; но онѣ будутъ ни болѣе гибельны, ни болѣе часты, чѣмъ тѣ, которыхъ мы бываемъ теперь свидѣтелями. Банкиръ, какъ и теперь, будетъ вознаграждаемъ, если станетъ хорошо вести дѣла свои, и будетъ наказанъ совершеннымъ раззоренiемъ, если поведетъ ихъ дурно, или злоупотреблять кредитомъ, оказаннымъ ему публикою. Онъ будетъ отвѣчать за свои поступки подобно тому, какъ капиталисты и публика будутъ отвѣчать за довѣренiе, которое окажутъ банкамъ. Развѣ эта отвѣтственность не есть самая вѣрная и непогрѣшимая изъ всѣхъ гарантій? Не на ней ли основаны въ развитыхъ обществахъ всѣ торговыя и промышленныя сношенія. Не на ней ли въ сущности основано право собственности?

Въ торговлѣ пользуются кредитомъ подъ рискомъ потерпѣть банкротство и съ полнымъ сознанiемъ этой опасности, основательно полагая, что выгоды кредита съ избыткомъ вознаграждаютъ риски и неудобства, сопряженныя съ нимъ. Общество не старается предупредить несостоятельность, вмѣ-

шательствомъ законодательства или администраціи въ коммерческія дѣла, потому-что убѣждено, что въ этомъ дѣлѣ вмѣшательство законодателя и администратора будетъ не только безполезно, но весьма вредно для производства; что никто столько не заинтересованъ къ сохраненію своего капитала, какъ владѣлецъ его, что никто не знаетъ лучше подробностей, недостатковъ и выгодъ какого-нибудь ремесла, какъ занимающійся имъ, что несостоятельность должника, банкира и всякаго другаго есть лучшее наказаніе, которое можно опредѣлить за худое употребленіе занятыхъ капиталовъ и за слишкомъ безразсудный кредитъ. Если правила эти хороши и основательны, какъ общія правила, и если дѣло идетъ о торговлѣ вообще, онѣ не менѣе хороши, если вопросъ касается банковъ, и въ дѣйствительности нѣтъ ни побудительныхъ причинъ, ни основательныхъ предлоговъ для исключенія банкира изъ общаго права и произвольно ограничить кредитъ, которымъ можетъ пользоваться и довѣріе, которое можетъ оказать ему общество.

XII. До-сихъ-поръ мы постоянно смотрѣли на банкъ, какъ на обыкновенный торговый домъ, въ которомъ интересы, какъ самаго предпринимателя, такъ и предпріятія неразлучны; извѣстно, что могутъ существовать и въ дѣйствительности существуютъ банки совершенно инаго свойства, учрежденные въ видѣ акціонерныхъ обществъ. Въ этихъ банкахъ капиталы не составляютъ собственность распорядителей: послѣдніе суть простые повѣренные, которымъ поручено вести дѣло отъ имени общества, а не на свой счетъ.

Эти повѣренные могутъ конечно злоупотреблять своею довѣренностью и управлять порученнымъ имъ капиталомъ въ ихъ личную пользу, не соблюдая правилъ устава общества и дѣйствуя противно желаніямъ и видамъ акціонеровъ. Въ дѣйствіяхъ этихъ повѣренныхъ можетъ крыться злоупотребленіе и потому необходимо изслѣдовать ближе и внимательнѣе этотъ вопросъ.

Сначала замѣтимъ, что эта возможность злоупотребленія существуетъ не только въ отношеніи къ банкамъ, но и ко всѣмъ

предпріятіямъ, основанным въ видѣ акціонерныхъ обществъ. И если этому могутъ помочь законы, то реформы должны касаться общихъ основныхъ правилъ акціонерныхъ обществъ, а не банковъ. За тѣмъ посмотримъ какія злоупотребленія могутъ дѣлать директора банковъ, учрежденныхъ въ видѣ акціонерныхъ обществъ. Могутъ ли они выпускать слишкомъ много билетовъ и поколебать цѣны отъ внезапнаго увеличенія количества находящейся въ обращеніи монеты? Ни сколько. Могутъ ли они дѣлать злоупотребленія, платя слишкомъ высокіе проценты изъ помѣщенныхъ въ банки вкладовъ, основывая во многихъ мѣстностяхъ агентства и конторы? Нѣтъ. Такимъ-образомъ всѣ ограничительныя правила, постановленныя подъ предлогомъ придать бо́льшую вѣрность банковымъ операціямъ, не устраняли возможныя злоупотребленія.

Злоупотребленія, которымъ всегда подвергнуты акціонерные банки, заключаются въ томъ, что директоры могутъ воспользоваться для своихъ собственныхъ оборотовъ капиталомъ и кредитомъ банка. Объяснимъ это примѣромъ. Представимъ себѣ банкъ съ капиталомъ въ 5 милліоновъ, основанный, положимъ, десятью лицами, которыя стараются захватить въ свои руки управленіе банкомъ и подписываются на одинъ или два милліона въ акціяхъ. Когда всѣ акціи разобраны и уплачены, банкъ начинаетъ свое дѣйствіе. Тогда эти десять лицъ, будучи въ одно и то же время директорами, членами учетнаго совѣта, контролерами и проч., сами или чрезъ подставныя лица представляютъ къ учету свои векселя и переводятъ въ свои руки бо́льшую часть средствъ банка. Такимъ-образомъ они могутъ занимать не только капиталъ, внесенный другими акціонерами, но также вкладами банка и капиталами, полученными отъ публики посредствомъ выпуска билетовъ. Всѣ эти капиталы употребляются на собственные обороты этихъ директоровъ и само собою разумѣется на обороты, приносящіе больше процентовъ, чѣмъ учетовъ. Какія же операціи приносятъ вообще высшій процентъ? Именно тѣ, въ которыхъ капиталы только подвер-

ЦАБ "Автограф"

гаются риску или вслѣдствіе неопредѣленности срока помѣщенія и непостоянства возвращенія ихъ, напримѣръ, какъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ или вслѣдствіе самаго свойства операцій, какъ напр. спекуляція. Если операціи идутъ удачно, банкъ процвѣтаетъ; но если онѣ даютъ худой результатъ, банкъ дѣлается несостоятельнымъ и въ своемъ паденіи увлекаетъ за собою своихъ распорядителей.

Но даже въ этомъ крайнемъ случаѣ виновникъ злоупотребленія не избѣгаетъ отвѣтственности: онъ обманываетъ публику точно также, какъ могъ его обмануть всякій частный банкиръ, но только съ болѣе обширными средствами. Всякій, кто немного ближе знакомъ съ операціями кредита, можетъ ясно видѣть, какъ легко директорамъ какого-нибудь акціонернаго банка уклоняться отъ постановленій банка во всемъ, что̀ касается опредѣленія рода его операцій.

Случается еще болѣе важное злоупотребленіе, когда банкиръ какъ директоръ акціонернаго банка, по своему вліянію заставляетъ принимать къ учету векселя несостоятельныхъ должниковъ своихъ и такимъ-образомъ спускаетъ съ рукъ векселя, по которымъ онъ неосторожно произвелъ учетъ. Но, какъ видно, эти злоупотребленія не представляютъ ничего особенно свойственнаго банковымъ обществамъ; ктому же въ практикѣ онѣ не имѣютъ большаго значенія, потому-что безъ злоупотребленій существовать не могутъ.

XIII. Свободный выпускъ билетовъ на предъявителя и по предъявленіи должно считать раціональнымъ и нормальнымъ принципомъ банковъ. Это одинаково подтверждается теоріею и практикою. Остается разсмотрѣть, какое вліяніе имѣло введеніе этого правила вмѣсто монополіи и ограниченій, къ которымъ мы такъ привыкли.

Мы уже замѣтили, что свобода выпуска билетовъ, уплачиваемыхъ на предъявителя и по предъявленіи, замѣтно облегчила бы основаніе банковъ въ значительныхъ мѣстностяхъ и въ-особенности въ земледѣльческихъ странахъ, гдѣ нынѣ это совершенно

ЦАБ "Автограф"

невозможно. Къ этому прибавимъ, что самый интересъ большихъ банковъ заставилъ бы ихъ основать въ этихъ мѣстностяхъ конторы для того, чтобъ имѣть возможность держать въ обращеніи большую сумму билетовъ съ мѣньшимъ металлическимъ запасомъ, т. е. съ бо́льшею выгодою.

Въ-самомъ-дѣлѣ металлическій запасъ банковъ необходимо соразмѣряется съ неодинаковостью потребностей рынка. Въ извѣстное время года города покупаютъ у земледѣльцевъ продукты, которые обыкновенно тотчасъ же уплачиваются звонкою монетою. Если земледѣльцы не принимаютъ банковые билеты, то городскіе торговцы стараются для покупки достать звонкую монету, которую и пріобрѣтаютъ, предъявляя къ размѣну свои банковые билеты. Отсюда видна необходимость для городскихъ банковъ хранить у себя въ извѣстное время значительное количество звонкой монеты и вообще имѣть большій запасъ ея— неудобство, которое легко бы отстранялось, еслибы земледѣльцы, привыкнувшіе пользоваться банкомъ и помѣщать въ него свои фонды для текущихъ счетовъ, получали бы свои билеты. Въ силу этихъ-то наблюденій шотландскіе банки учредили свои конторы по всей странѣ.

Теперь посмотримъ, составляетъ ли учрежденіе банковъ въ незначительныхъ мѣстечкахъ воображаемую пользу или дѣйствительное благодѣяніе. Посмотримъ, какія кредитныя операціи знакомы сельскому населенію во Франціи и какъ бы онѣ происходили при посредствѣ банковъ.

XIV. Въ настоящее время, всякій земледѣлецъ, сдѣлавшій нѣкоторыя сбереженія, ввѣряетъ ихъ нотаріусу, или поручаетъ ему помѣстить ихъ, или же въ послѣдніе годы покупаетъ облигаціи государственнаго долга, или биржевыя цѣнности. Но послѣдній способъ помѣщенія, послѣдствія котораго излишне было бы приводить здѣсь, не вошелъ еще во всеобщее употребленіе: нотаріусы существуютъ 50 лѣтъ и остаются обыкновенными агентами капиталистовъ и совершенно естественно ищутъ помѣщенія наиболѣе выгодныя и удобныя для себя.

ЦАБ "Автограф"

Къ такимъ помѣщеніямъ относятся тѣ, которые доставляютъ ему возможность совершать бо̀льшее число сдѣлокъ и юридическихъ актовъ; къ нимъ относятся, покупка земель или гипотечныя ссуды, которыя могутъ быть совершаемы не иначе, какъ при его оффиціальномъ содѣйствіи. Такимъ-образомъ нотаріусъ заинтересованъ въ возможно бо̀льшемъ размноженіи числа такихъ сдѣлокъ.

Но можно ли назвать эти помѣщенія наиболѣе выгодными для кредитора, заемщика и для производительности вообще? Въ этомъ можно усомниться. Что касается кредитора, то при гипотечной ссудѣ, капиталы затрачиваются на неопредѣленный срокъ, оставляя всегда въ перспективѣ затрудненіе при переходѣ собственности въ другія руки и проволочекъ формальностей. Что же касается заемщика, то онъ только тогда имѣетъ выгоду въ ссудѣ ему капиталовъ, когда получаемый имъ процентъ выше платимаго имъ, причисляя къ послѣднему плату за коммиссію, документы и отсрочку. Какая же операція можетъ дать земледѣльцу столь высокіе проценты?

Всякому извѣстно, какъ это дѣлается. Земледѣлецъ имѣетъ сильное стремленіе къ покупкѣ земли: но онъ мало предусмотрителенъ и не разсчетливъ. При такомъ расположеніи онъ слишкомъ легко уступаетъ искушенію купить земли на деньги занятыя, хотя бы и на короткій срокъ. Затѣмъ произведеніе его труда и претерпѣваемыя имъ лишенія едва достаточны для уплаты долговъ или даже совершенно недостаточны для этого. Въ томъ и другомъ случаѣ земли остаются въ жалкомъ положеніи, лишенными оборотнаго капитала, столь необходимаго для нихъ, и земледѣлецъ остается бѣденъ.

Конечно, во всемъ этомъ виноватъ самъ земледѣлецъ и его незнаніе: но развѣ нотаріусы своими совѣтами и внушеніями не увеличиваютъ зла? Развѣ нотаріусъ по своему положенію не принужденъ давать совѣты, которые съ экономической точки зрѣнія очень пагубны? Развѣ онъ не долженъ для отвращенія зла жертвовать своимъ собственнымъ интересомъ? Развѣ онъ

не поставленъ между общественною пользою или нравственностью и собственнымъ интересомъ? Никто не станетъ оспаривать этого. Если ближе вникуть въ дѣло, то ясно, что онъ можетъ только въ видѣ исключеній пожертвовать своимъ частнымъ интересомъ общественному благу.

Въ-самомъ-дѣлѣ, всякому извѣстно, что вслѣдствіе ограниченія числа нотаріусовъ и права каждаго изъ нихъ назначать себѣ преемника, каждая должность сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ совершенно искусственнымъ, но весьма дѣйствительнымъ имуществомъ, которое покупается и продается, какъ недвижимая собственность, соотвѣтственно получаемому съ него доходу. Но если два земледѣльца соперничествуютъ при покупкѣ земли, то кто изъ нихъ (при одинаковыхъ условіяхъ) дастъ высшую цѣну? Очевидно наиболѣе искусный, съумѣющій извлечь изъ земли самый бо́льшій доходъ. То же самое будетъ и между двумя конкурентами на покупку маклерской конторы. Если же одинъ изъ нихъ рѣшится не склонять крестьянина къ покупкѣ земли и къ гипотечнымъ ссудамъ, то не будетъ въ состояніи предложить за контору такой большой суммы, какъ его менѣе совѣстный конкурентъ и, слѣдовательно, послѣдній взялъ бы верхъ и сдѣлался бы маклеромъ; есть какая-то сила обстоятельствъ, господствующая надъ всѣми личными стремленіями и обязанная всегда обходить, какъ до-сихъ-поръ и дѣлала, всѣ преграды, которыя хотѣло противопоставить ей законодательство.

Теперь представимъ себѣ, что среди сельскаго населенія начинаютъ основываться банки или, какъ въ Шотландіи, конторы банковъ. Банкъ, какъ и нотаріусъ, будутъ поступать сообразно собственнымъ интересамъ; но интересъ перваго совершенно противоположенъ интересамъ втораго: интересъ банка заключается въ помѣщеніи своихъ капиталовъ на непродолжительные сроки, которые безпрестанно возобновляются и могутъ быть по желанію увеличены. Слѣдовательно, банкъ основываетъ свои операціи не на землѣ, а на обработкѣ, что̀ не одно и то же: онъ не

поощряетъ земледѣльца, лишающаго почву оборотнаго капитала, но напротивъ, поощряетъ того, кто затрачиваетъ капиталъ въ почву; потому-что первый не можетъ имѣть съ нимъ никакихъ операцій, и рѣшительно ничего не приноситъ ему; между-тѣмъ какъ второй представляетъ ему билеты къ учету, ссужаетъ его своими капиталами и помощью его производитъ свои уплаты. Если банкъ желаетъ продать закладные листы (гипотеку) или принадлежащіе ему самому или отданные ему на коммиссію, онъ не будетъ стараться уменьшить срокъ ссуды для умноженія числа сдѣлокъ; онъ скорѣе постарается дать заемщику болѣе вѣрное положеніе, въ которомъ онъ могъ бы по возможности и самымъ вѣрнымъ способомъ учесть наибольшее количество векселей; онъ будетъ стараться найти заемщика болѣе всѣхъ способнаго наилучшимъ образомъ обработать землю. Та же самая побудительная причина заставитъ банкъ пріискать человѣка, способнаго сдѣлаться хорошимъ фермеромъ, и доставитъ ему кредитъ, или посредствомъ поруки, или непосредственно.

Выгоды банка непосредственно связаны съ улучшеніемъ земледѣлія и распространеніемъ земледѣльческихъ и экономическихъ познаній; онѣ противоположны страстямъ предразсудка и ошибочнымъ разсчетамъ, возбуждающимъ личный интересъ нотаріуса. Чѣмъ болѣе банкъ будетъ дѣятеленъ и воодушевленъ чувствомъ своихъ собственныхъ выгодъ, тѣмъ болѣе будетъ онъ полезенъ развитію земледѣлія. Лучше всего подтверждаетъ это исторія шотландскихъ банковъ и мнѣнія, высказанныя спеціалистами, во время изслѣдованій ихъ въ 1828 году. Всѣ единогласно пришли къ тому заключенію, что Шотландцы сдѣлались самыми изобрѣтательными и дѣятельными земледѣльцами, благодаря по преимуществу вліянію банковъ.

XV. Итакъ задача свободы банковъ не есть вопросъ чисто-умозрительный и теоретическій, но напротивъ того, имѣетъ громадную практическую важность: онъ прямо касается промышленности, которою занимаются двѣ трети всего народона-

селенія Франціи и именно та часть, которая болѣе всѣхъ нуждается въ просвѣщеніи и поощреніи. Какое же поощреніе можетъ быть сильнѣе и дѣйствительнѣе кредита, оказываемаго дѣятельному и знающему земледѣльцу, въ то же время отказываемаго нерадивому и неспособному. Изъ всѣхъ средствъ произведенія столь необходимой и всѣми желаемой земледѣльческой реформы, не есть ли это самое дѣйствительное, самое непосредственное и въ то же время самое простое, которое требуетъ менѣе условій со стороны законодательства и администраціи? Вотъ это средство и есть именно то, о которомъ въ настоящее время сельское народонаселеніе не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и которое отвергаетъ всѣ предразсудки образованныхъ классовъ. Предположимъ, что свобода банковъ имѣла бы своимъ единственнымъ результатомъ открытіе ссуды только одному земледѣльцу на каждый округъ. Однимъ этимъ она способствовала бы учрежденію тысячи учебныхъ фермъ, содержаніе которыхъ вмѣсто издержекъ давали бы прыбыль и въ которыхъ обученіе было бы тѣмъ болѣе полезно чѣмъ болѣе представляло практичности и полноты. И конечно, свобода банковъ ссудила бы капиталами болѣе чѣмъ одну ферму въ каждомъ округѣ. Полезное вліяніе ея не замедлило бы распространяться повсюду. Взявъ въ соображеніе, какихъ бы усилій общественной власти и страшныхъ жертвъ со стороны лицъ, несущихъ повинности, потребовало бы подобное обученіе, мы поймемъ всемогущество и благодѣтельное вліяніе свободы.

Не станемъ останавливаться на этомъ интересномъ и обширномъ предметѣ, который касается всѣхъ отраслей общественной экономіи, о которомъ остается сказать еще многое, кромѣ того, что мы говорили. Умолчимъ о практическихъ средствахъ къ такому переходу, потому-что, къ-несчастью, мы еще не дошли до него. Споръ ведется еще исключительно предъ лицомъ общественнаго мнѣнія, которое къ-несчастью даже не интересуется имъ; будемъ надѣяться, что оно мало-по-малу согласится со внушеніями разума вникать въ факты; будетъ смѣяться

ЦАБ "Автограф"

надъ страшилищами, пугавшими его до-сихъ-поръ и поймемъ, что изъ всѣхъ вопросовъ, возникающихъ изъ экономическаго положенія современныхъ обществъ, нѣтъ ни одного, разрѣшеніе котораго было бы такъ легко, просто и, въ то же время, важно для всеобщаго благосостоянія, какъ вопросъ о свободѣ банковъ.

Ж. Г.

Курсель-Сенель.

ЦАБ "Автограф"

КРЕДИТЪ И БАНКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Предварительныя разсужденія.

Промышленность, въ своемъ развитіи, идетъ по двумъ параллельнымъ путямъ. Съ одной стороны, она создаетъ рабочіе инструменты, изобрѣтаетъ и совершенствуетъ механическое производство, покоряетъ стихіи и подчиняетъ себѣ естественныхъ дѣятелей: это матеріальное или физическое развитіе; съ другой она развиваетъ человѣческія способности, то посредствомъ совокупленія силъ, то раздѣленіемъ труда; помощью обдуманныхъ соображеній она ускоряетъ обращеніе капиталовъ и распредѣленіе произведеній, наконецъ она поощряетъ трудъ, умножая вокругъ него необходимыя условія порядка, обезпеченія и безопасности: это нравственное или общественное развитіе. Если бы мы захотѣли доискиваться послѣднихъ предѣловъ, на которыхъ остановились въ настоящее время успѣхи промышленности, то на первомъ планѣ нашли бы паровыя машины, желѣзныя дороги и тѣ замысловатые механизмы, которые доставили ткацкой промышленности такое громадное значеніе. Обращаясь за тѣмъ къ учрежденіямъ, показывающимъ послѣдній предѣлъ

нравственнаго и общественнаго развитія, мы естественно должны остановиться на акціонерныхъ компаніяхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ страховыя общества и въ-особенности банки.

Трудно рѣшить вопросъ, на какомъ изъ этихъ путей человѣчество достигло самыхъ блистательныхъ результатовъ. Конечно, можно восхищаться чудесами, произведенными въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ примѣненіемъ пара къ различнымъ отраслямъ промышленности и совершенно понятно удивленіе при мысли о всемъ томъ, что обѣщаетъ намъ въ близкомъ будущемъ столь простое изобрѣтеніе, какъ желѣзныя дороги. Но какъ должны мы удивляться мудрому началу ассоціаціи, безъ которой ни одно значительное предпріятіе не было бы доступно человѣку, тому остроумному принципу застрахованія, который дозволяетъ отдѣльному лицу свободно избирать себѣ поприще, обезпечивъ себя отъ капризовъ случая, и наконецъ банкамъ, доставляющимъ производителямъ капиталы, безъ которыхъ вся ихъ дѣятельность представляла бы только безплодныя усилія?

Несмотря на это, общественные предрасудки не придаютъ этимъ двумъ родамъ усовершенствованій одинаковой важности. Вообще успѣхи духовнаго развитія менѣе цѣнятся, чѣмъ успѣхи дѣлаемые матеріальною промышленностію. Послѣдніе, не будучи столь существенны, болѣе наглядны и явны. Они, такъ-сказать осязаемы. Они измѣряются глазомъ и результаты ихъ, легко изображаемые цыфрами, могутъ быть опредѣлены съ математическою точностью. Первые, не столь очевидные, имѣютъ болѣе скрытый характеръ: вліяніе ихъ скорѣе ощущается, чѣмъ выказывается на дѣлѣ. Оно не можетъ быть подвергнуто точнымъ вычисленіямъ; ктому же оно ограничивается сферою, недоступною взорамъ каждаго. Поэтому-то матеріальныя усовершенствованія были почти всегда легко понимаемы, распространялись быстро и служили ступенью къ новымъ усовершенствованіямъ, тогда какъ успѣхи другаго рода оставались многимъ не извѣстными и даже вовсе не были признаваемы.

ЦАБ "Автограф"

Эта истина въ-особенности становится ясною въ отношеніи къ банкамъ. Достаточно сдѣлать бѣглый очеркъ ихъ историческаго развитія, чтобы убѣдиться въ ихъ обширномъ вліяніи и сознать огромныя услуги, оказанныя ими. Помощью ихъ Шотландія, страна бѣдная по природѣ, получила возможность вдругъ развиться, несмотря на свою неблагодарную почву и чрезмѣрныя требованія пристрастнаго законодательства, которое было создано не ею и не для нея. Ихъ же помощью Сѣверо-Американцы завоевали у пустыни цѣлый міръ, и возвели этотъ новый міръ, исторгнутый ими изъ ничтожества, на степень торговаго величія, неизвѣстнаго странамъ, издавна процвѣтавшимъ на этомъ поприщѣ. Этимъ-то банкамъ несравненно болѣе, чѣмъ выгодамъ своего естественнаго положенія, обязана Англія своимъ преобладаніемъ въ Европѣ и тѣмъ громаднымъ благосостояніемъ, которымъ она пользуется въ настоящее время.

Чего бы не сдѣлали эти удивительныя учрежденія и во всякой другой странѣ, еслибы неосмотрительныя законодательства почти повсюду не искажали ихъ основныхъ началъ и не подавляли ихъ развитія? Даже въ государствахъ, гдѣ, искажаемые въ своихъ основаніяхъ и дѣйствіяхъ, они существовали недолго, банки оставили блистательные слѣды своего временнаго существованія и вліяніе ихъ обнаружилось даже въ безпорядкахъ, послѣдовавшихъ за ихъ паденіемъ. Но невзирая на это, какое равнодушіе видимъ мы во всѣхъ, когда судьба этихъ учрежденій начинаетъ колебаться. Общественное мнѣніе, столь пугливое, когда опасность угрожаетъ какому-нибудь жалкому денежному интересу, но только удобно выражаемому въ цифрахъ, едва обнаруживаетъ свое участіе, когда идетъ вопросъ о существованіи банковъ или главныхъ основаніяхъ ихъ устройства. За примѣрами ходить недалеко. Никто не забылъ еще, что когда въ 1840 году возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи привиллегіи Французскаго банка, Палаты съ сомнительнымъ участіемъ приступили къ разсмотрѣнію этого предмета.

Эта чудовищная монополія банка, препятствующая, для выгодъ одного привиллегированнаго учрежденія, развитію правильныхъ путей кредита, не была даже ни разу затронута (*). Никому даже не пришла и мысль распространить кругъ дѣйствія этого единственнаго учрежденія. Если по временамъ и были предлагаемы нѣкоторыя измѣненія въ его устройствѣ и механизмѣ, онѣ были отстраняемы одно за другимъ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ дней преній весьма поверхностныхъ, было рѣшено, на основаніи нѣсколькихъ словъ, на-удачу сказанныхъ министромъ, что все во Франціи идетъ какъ-нельзя лучше, и пренія были прекращены, не приведя ни къ какому результату. Еще недавно не были ли мы свидѣтелями того, какъ временное правительство однимъ почеркомъ пера закрыло всѣ наши департаментскіе банки и какъ въ то время и потомъ никто не подумалъ справиться о причинахъ и послѣдствіяхъ такого рѣшительнаго поступка правительства.

Правда, что со времени февральской революціи вопросъ о кредитѣ сдѣлался самымъ современнымъ и дѣйствительно тревожитъ многіе умы. Но, увы! въ какомъ хаосѣ носится онъ? Вмѣсто-того, чтобъ искать рѣшеніе его въ правильномъ дѣйствіи торговыхъ банковъ, всѣ занимающіеся имъ стараются, кажется, наперерывъ одинъ передъ другимъ, сочинять чудовищные проэкты. Извѣстныя средства, съ блистательнымъ успѣхомъ оправдавшія себя на опытѣ, съ презрѣніемъ отвергаются безпокойными умами, избирающими только экс-

---

(*) Палата депутатовъ такъ держалась монополіи, что не было возможности требовать у нея уничтоженія или измѣненія послѣдней. Незначительное число депутатовъ, желавшихъ вмѣстѣ съ покойнымъ Гарнье-Пажэ улучшить французское законодательство относительно банковъ, были принуждены просить только слѣдствія, чтобы хотя нѣсколько просвѣтить палату и общественное мнѣніе. Въ слѣдствіи было отказано послѣ рѣчи г-на Тьера, говорившаго въ палатѣ, что относительно теоріи банковъ все извѣстно, и что новаго нельзя узнать ничего. Тѣмъ не менѣе пренія закона 1840 года представляютъ замѣчательный документъ парламентскаго невѣжества. Еслибы палата имѣла малѣйшее понятіе о причинахъ и фактахъ, она была бы возмущена рѣчью г-на Тьера, опредѣлившею ея мнѣніе. К. С.

центричные пути и ласкающими однѣ только химеры своего воображенія. Такимъ-образомъ, несмотря на существенный интересъ, возбужденный съ нѣкотораго времени общею идеею о кредитѣ, коммерческіе банки, настоящіе разсадники кредита, остаются тѣмъ не менѣе предметомъ равнодушія.

Но въ этомъ не слѣдуетъ обвинять одно только заблужденіе массы публики, потому-что подобное же непростительное равнодушіе мы видимъ и въ людяхъ просвѣщенныхъ. Скорѣе слѣдуетъ обвинять науку, не умѣвшую дать банкамъ настоящее мѣсто. Кажется будто въ дѣйствіяхъ этихъ учрежденій заключается что-то таинственное, убѣгающее отъ изслѣдованій и не подвергающееся анализу. Но вѣрно то, что наука не умѣла еще дать удовлетворительнаго понятія о ихъ дѣйствіи. Загляните въ труды экономистовъ и вы не найдете ничего, что могло бы положительными фактами (*) показать вамъ, не скажу, громадныя благодѣянія банковъ, потому-что благодѣянія эти еще оспариваются, но то изумительное и непреложное вліяніе, которое они имѣли во всѣ времена.

Однакожъ операціи, составляющія кругъ дѣятельности банковъ, сами по себѣ не представляютъ ничего сложнаго на практикѣ. По всей вѣроятности онѣ въ самомъ основаніи своемъ были придуманы безъ усилій и глубокихъ соображеній. Сами занятія дѣлами внушили ихъ людямъ недальнимъ, неимѣвшимъ никакихъ другихъ познаній, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, пріобрѣтаемыхъ въ торговлѣ. Поэтому-то никому достовѣрно неизвѣстно, когда онѣ вошли въ общественную жизнь и кто первый изобрѣлъ ихъ. Но эти самыя операціи, столь понятныя и удобопримѣнимыя на практикѣ, которыя при самомъ началѣ не поражали даже самыхъ ограниченныхъ людей, еще и въ настоящее время при разсмотрѣніи ихъ отношеній вообще къ торговлѣ представляютъ трудную загадку, предъ которою теряется проницатель-

(*) Эти рѣшительные доводы были указываемы экономистами; но большая часть изъ нихъ и даже самые знаменитые между ними, какъ Ж. Б. Сэй и Росси, отступили предъ выводами принциповъ, которые они сами поставовили.

ность самыхъ ученыхъ экономистовъ. Явленіе странное, существованіе котораго врядъ ли можно было бы допустить, еслибы оно не подтверждалось примѣрами. Подобное же явленіе замѣчается и въ языкѣ. Народъ, создающій и обработывающій языкъ, не понимаетъ его; по-крайней-мѣрѣ не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ законахъ его образованія. Создавая слова, онъ инстинктивно связываетъ ихъ съ цѣлымъ, а не можетъ дать себѣ отчета въ этой связи, установленной имъ же самимъ. Онъ понимаетъ языкъ, на которомъ говоритъ, онъ упражняется въ немъ, онъ владѣетъ имъ какъ послушнымъ орудіемъ; но это самое орудіе, которое онъ ежедневно употребляетъ въ дѣло безъ всякихъ усилій, и составляющее его же изобрѣтеніе, заключаетъ въ себѣ тайны, которыхъ онъ не въ состояніи разрѣшить. Точно такъ же купецъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ законахъ торговли. Вотъ какъ идетъ человѣкъ по бо́льшей части своихъ путей. Руководимый то́ чувствомъ собственныхъ потребностей, то́ рядомъ таинственной аналогіи, онъ идетъ твердо и увѣренно впередъ и, когда впослѣдствіи, при мысли о прошедшемъ, станетъ разбирать свои труды, онъ уже не понимаетъ ихъ смысла; онъ удивляется, что не въ состояніи найти даже слѣдовъ на только-что пройденномъ имъ пути.

§ II. Дѣйствія банковъ.

Такъ-какъ торговля кредитомъ, векселями и деньгами, составляющая предметъ занятій банковъ, допускаетъ большое число самыхъ разнородныхъ комбинацій (соображеній), то понятно, что и банки бываютъ различныхъ родовъ, иногда какъ самыя условія существованія, такъ и дѣйствія ихъ до того разнятся одно отъ другаго, что удивляешься, какимъ-образомъ столь различнымъ учрежденіямъ дается одно и то же названіе. Но такъ какъ рѣдко случается, чтобъ одно какое-нибудь изъ этихъ учрежденій обнимало разомъ всѣ вѣтви такой обширной торговли, то трудно найти два банка, которыхъ дѣйствія были бы одинаковы, развѣ

ЦАБ "Автограф"

только, если основанія ихъ устройства скопированы другъ съ друга; вотъ что повидимому не допускаетъ и строгой, и рѣзкой классификаціи ихъ. Можно однакожь допустить нѣкоторыя общія подраздѣленія. Такимъ-образомъ различаютъ земскіе или ипотечные банки отъ банковъ коммерческихъ, ни что не препятствуетъ принять это различіе, тѣмъ болѣе что такое дѣленіе, быть-можетъ, самое основательное (*).

Земскіе банки, въ томъ видѣ какъ они существуютъ во многихъ государствахъ, учреждены для выгодъ поземельной собственности и имѣютъ предметомъ своимъ доставленіе капиталовъ земледѣльцамъ. Они пускаютъ въ оборотъ билеты, цѣнность которыхъ обезпечивается залогомъ недвижимаго имѣнія и которые приносятъ проценты, доставляемые изъ годоваго дохода этихъ же имѣній. Вотъ въ чемъ вообще заключается ихъ образъ дѣйствія. Каждый земледѣлецъ, нуждающійся въ деньгахъ, для разработки своей земли можетъ обратиться въ банкъ, который, обезпечивая себя ипотечной гарантіею всей цѣнности его земель, выдаетъ ему билеты, обыкновенно называемые *закладными листами*, на сумму равняющуюся половинѣ или двумъ третямъ всей цѣнности имѣнія. Затѣмъ эти билеты съ гарантіею банка входятъ въ обращеніе. Уплата по нимъ не производится въ извѣстный срокъ; но они приносятъ ежегодный доходъ, примѣрно 4 процента. Для постепенной же уплаты своего долга землевладѣлецъ, получившій такимъ путемъ ссуду, обыкновенно обязуется ежегодно уплачивать банку сверхъ обыкновенныхъ процентовъ еще 1 или 2 процента на погашеніе капитала, которые, впослѣдствіи возрастая по сложной системѣ процентовъ, незамѣтно погашаютъ весь долгъ. Облигаціи эти выдаются на предъ-

---

(*) Мы такъ же охотно приняли бы различіе между коммерческими банками и спекуляціонными, какъ напримѣръ *Общество движимаго кредита*; но послѣдніе, собственно говоря, не могутъ считаться банками. Ипотечные банки отличаются отъ коммерческихъ только тѣмъ, что исключительно занимаются особаго рода спеціальною операціею, тогда какъ коммерческіе банки производятъ самыя разнообразныя операціи. *К. С.*

ЦАБ "Автограф"

явителя и, переходя изъ рукъ въ руки, обращаются въ публикѣ, замѣняя собою звонкую монету. Что же касается до роли банка, то она, какъ можно видѣть, весьма проста. Обязанность банка состоитъ: въ оцѣнкѣ закладываемыхъ имѣній, въ опредѣленіи такимъ-образомъ величины кредита, который онъ можетъ оказать закладчику, и въ выдачѣ ему этой суммы въ билетахъ на имя предъявителя. Послѣ этого банку остается только получать отъ закладчиковъ проценты съ выданныхъ имъ ссудъ и раздавать ихъ предъявителямъ закладныхъ листовъ.

Вотъ вкратцѣ система ипотечныхъ банковъ. По-крайней-мѣрѣ съ нѣкоторыми ничтожными различіями въ примѣненіяхъ; такъ дѣлается въ Польшѣ, въ Пруссіи и во многихъ другихъ частяхъ Германіи. Въ послѣдней части этого сочиненія мы подробно изложимъ сущность и достоинство такой системы. Сказаннаго нами теперь будетъ достаточно для познанія ихъ цѣли и главныхъ средствъ ихъ дѣятельности.

Коммерческіе банки, дѣятельность которыхъ обширнѣе и разнообразнѣе, могутъ быть еще раздѣлены на нѣсколько видовъ. Такъ напримѣръ, часто различаютъ банки для вкладовъ и переводовъ платежей отъ банковъ для учета векселей и выпуска билетовъ. Въ сущности это раздѣленіе менѣе основательно, чѣмъ первое, потому-что оба эти рода дѣятельности, между которыми хотятъ положить различіе, предоставляя ихъ различнымъ учрежденіямъ, сходятся во многомъ и должны, при хорошемъ устройствѣ, взаимно содѣйствовать одно другому. Однако, такъ-какъ извѣстно фактически, что переводные и депозитные банки существовали ранѣе, чѣмъ система учетовъ и система выпуска билетовъ стали извѣстны и вошли въ употребленіе, то слѣдуетъ допустить дѣйствительное различіе между ними.

Впрочемъ образъ дѣйствія прежнихъ банковъ былъ чрезвычайно простъ. Они принимали денежные вклады отъ частныхъ лицъ и открывали имъ кредитъ, равный внесенной суммѣ. Кредитъ этотъ передавался посредствомъ передачи, дѣлаемой дол-

жникомъ кредитору и трансферта въ книгахъ. Она извѣстна подъ названіемъ переводовъ платежей. Главною цѣлью переводовъ было избѣжать перемѣщенія и обращенія звонкой монеты. Банки, дѣйствовавшіе по этой системѣ, не дѣлали никакого употребленія изъ внесенныхъ въ ихъ кассы капиталовъ, напротивъ-того, они пеклись о томъ, чтобы сохранить ихъ неприкосновенными.

Новые банки продолжаютъ принимать вклады, и даже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Но такъ-какъ въ настоящее время это болѣе или менѣе связано со многими другими операціями, которые ведутся банками, то пріемъ этотъ не составляетъ уже отдѣльной системы.

Наконецъ хотѣли различать еще учетные банки, которыхъ предметъ состоитъ въ учетѣ торговыхъ векселей и обязательствъ банковъ, выпускающихъ въ обращеніе билеты и занимающихся исключительно выпускомъ этихъ билетовъ, которые замѣняютъ собою звонкую монету.

Но здѣсь теорія рѣшительно впадаетъ въ ошибку, разъединяя двѣ операціи, неразрывно связанныя природою вещей. Намъ извѣстно, что раздѣленіе это было принято нѣкоторыми первостепенными экономистами. Сверхъ-того въ Англіи сэръ Робертъ Пиль ввелъ его, въ 1844 г., въ законъ и прямо примѣнилъ къ Лондонскому банку, раздѣливъ послѣдній на два департамента, департаментъ учетовъ и департаментъ выпуска билетовъ. Но если мѣра, предложенная Пилемъ и принятая парламентомъ, дѣйствительно умѣстна и хороша, въ чемъ мы однако сомнѣваемся, то это исключительный случай, объясняющійся нѣкоторыми особенными обстоятельствами, и изъ котораго нельзя выводить никакого заключенія.

Вообще въ большомъ кредитномъ установленіи учетъ и выпускъ билетовъ не могутъ существовать одинъ безъ другаго. Не имѣя права выпускать билеты, учетный банкъ, принужденный производить учеты наличными деньгами, скоро бы истощилъ свои средства; дѣятельность его была бы постоянно весьма ограничена. Примѣръ этого можно видѣть теперь еще въ

учетныхъ конторахъ, учрежденныхъ во Франціи со времени послѣдней революціи; это настоящіе зародыши банковъ, которые пріобрѣтутъ дѣйствительную важность только тогда, когда получатъ право выпускать билеты, имѣющіе обращеніе. Точно также, не имѣя права дѣлать учеты, банкъ не имѣлъ бы случая выпускать билеты; потому-что онъ большею частію выдаетъ ихъ въ замѣнъ торговыхъ векселей для обращенія въ публикѣ. Слѣдовательно учетъ и выпускъ билетовъ составляютъ въ сущности два дѣйствія, дополняющія одно другое и въ самомъ основаніи нераздѣльныя. Можно допустить одно только исключеніе въ отношеніи къ Лондонскому банку, который пользуется громадною привиллегіею управлять государственными фондами, и въ который сверхъ-того стекаются вклады частныхъ лицъ и которому наконецъ, нѣкоторымъ образомъ, подчинены многіе мѣстные банки; но въ отношеніи ко всякому другому учрежденію такого рода, не пользующемуся тѣми же преимуществами; истина эта слишкомъ очевидна.

Главнымъ назначеніемъ нѣкоторыхъ банковъ было оказаніе помощи правительству, и такимъ-образомъ они стали скорѣе кассами общественныхъ займовъ, чѣмъ коммерческими учрежденіями. Но это суть особаго рода обороты, о которыхъ не мѣсто говорить здѣсь, потому-что мы теперь не занимаемся разсмотрѣніемъ государственнаго кредита. Другіе банки, учрежденные въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ, чтобы быть въ состояніи выпускать билеты, ограничиваются, какъ частные банкиры, торговлею коммерческими обязательствами. Они также не входятъ въ предѣлы нашего сочиненія, имѣющаго предметомъ общественные банки, какъ орудія кредита вообще (*).

Итакъ, не допуская новыхъ классификацій, въ которыхъ

(*) Жаль, что авторъ отдѣлилъ, такимъ-образомъ, общественные банки, т. е. устроенные въ видѣ анонимныхъ (акціонерныхъ) обществъ, отъ частныхъ банковъ. На дѣлѣ же послѣдніе гораздо прямѣе подходятъ подъ теорію, чѣмъ первые, которые всегда управляются повѣренными, и потому гораздо болѣе подвержены критикѣ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ.

К. С.

ЦАБ "Автограф"

много произвольнаго, и которыя въ сущности совершенно безполезны, ограничимся исчисленіемъ вкратцѣ главныхъ дѣйствій обширныхъ общественныхъ банковъ, находящихся въ нормальномъ состояніи.

Вотъ ихъ дѣйствія:

1. Учетъ торговыхъ обязательствъ, съ взиманіемъ процента, измѣняющагося сообразно времени и всегда вычисляемаго, смотря по отдаленности срока платежа.

2. Выпускъ билетовъ, уплачиваемыхъ *по предъявленіи и на предъявителя* и выдаваемыхъ въ замѣнъ представляемыхъ банку векселей или въ уплату какого-либо долга банка. Они обращаются въ публикѣ, пока предъявитель не заблагоразсудитъ представить ихъ въ кассу для превращенія въ звонкую монету.

3. Производство ссудъ частнымъ лицамъ банковыми билетами или деньгами, подъ залогъ товаровъ и въ-особенности золотыхъ и серебряныхъ вещей, государственныхъ бумагъ и ипотекъ (залоговъ) на движимыя имущества.

4. Открытіе кредита наличными деньгами частнымъ лицамъ или общественнымъ учрежденіямъ до извѣстной суммы, съ истребованіемъ предварительно ручательствъ или же только подъ однимъ обезпеченіемъ нравственности или состоятельности того, кому открывается кредитъ. Этого рода операціи, особенно приняты въ шотландскихъ банкахъ.

5. Пріемъ на сохраненіе денегъ отъ частныхъ лицъ съ обязательствомъ возвращенія ихъ при первомъ востребованіи; при этомъ банкъ платитъ проценты съ внесенныхъ капиталовъ, какъ напримѣръ въ Шотландіи, или беретъ на себя только безвозмездное производство уплатъ и выкупа векселей за вкладчика, какъ дѣлаютъ банки Французскій и Лондонскій или, наконецъ, ограничивается производствомъ уплатъ посредствомъ переводовъ или трансфертовъ въ книгахъ, какъ дѣлали это нѣкогда банки Венеціанскій, Генуэзскій, Амстердамскій, Ротердамскій и Гамбургскій.

ЦАБ "Автограф"

Всѣ эти операціи, кромѣ послѣдней, которая имѣетъ свой особенный характеръ и требуетъ особаго обсужденія, имѣютъ прямое соотношеніе съ кредитомъ, и несмотря на существенное ихъ различіе, представляютъ развитіе одной идеи.

Одно и то же учрежденіе можетъ вести всѣ эти операціи, какъ это бываетъ очень часто. Постараемся опредѣлить важность и цѣль ихъ, представивъ предварительно краткій историческій обзоръ банковъ, со времени слабаго и смутнаго происхожденія ихъ и до достиженія ими той степени развитія, на которой они стоятъ теперь въ нѣкоторыхъ странахъ.

§ III. Историческій очеркъ.

старинные банки (*).

Первый банкъ, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ Венеціанскій, учрежденный около половины XII-го столѣтія. Андерсонъ въ своей *«Исторіи Торговли»* относитъ время учрежденія его къ 1175-му году; другіе указываютъ на 1171-й годъ. Старинный писатель Клеракъ, адвокатъ въ Бордо, писавшій въ 1657 г., и который, какъ кажется, имѣлъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, утверждаетъ, что въ Венеціи было три банка, или лучше, три учрежденія, составлявшія всѣ вмѣстѣ одинъ и тотъ же банкъ, а именно: *Монте-Веккіо*, основанный около 1156 года, въ правленіе дожа Михаила Витали, *Монте-Ново*, учрежденный въ 1380 и *Монте-Новиссимо*, получившій свое начало въ правленіе дожа Леонардо Лоредано въ 1410 году. Соединеніе этихъ трехъ банковъ, говоритъ Клеракъ, и было названо *Венеціанскимъ банкомъ*.

По словамъ того же писателя, учрежденіе каждаго изъ этихъ трехъ банковъ было финансовымъ средствомъ, употребленнымъ

(*) Во всемъ, что относится до банковъ, существовавшихъ прежде Англійскаго банка, мы замѣнили текстъ перваго изданія болѣе полною статьею, помѣщенною авторомъ *въ Экономическомъ словарѣ*, въ статьѣ *„Банки“*.

К. С.

ЦАБ "Автограф"

правительствомъ для удовлетворенія нѣкоторыхъ настоятельныхъ нуждъ государства. Въ правленіе дожа Михапла Витали, республика, изнуренная войною, которую вела съ Византіею, прибѣгнула къ принудительному займу у богатыхъ гражданъ. Заемъ былъ сдѣланъ посредствомъ установленія ренты, на уплату которыхъ ассигновали доходы съ государственныхъ имуществъ. Кредиторы государства образовали палату, составившую первый зародышъ банка, первоначальнымъ капиталомъ котораго была государственная рента. *Монте-Ново,* по словамъ того же Клерака, былъ основанъ для поддержанія Феррарской войны, а *Монте-Новиссимо* для возстановленія финансовъ республики, разстроенныхъ войною, продолжавшеюся семь лѣтъ.

Трудно себѣ представить, какимъ-образомъ три различныя учрежденія могли составить одинъ и тотъ же банкъ. Во всякомъ случаѣ, все относящееся до возникновенія и первыхъ дней Венеціанскаго банка весьма темно. Извѣстно только, что первоначальное устройство его было измѣнено въ 1857 году эдиктомъ, по которому онъ въ то же время получилъ отъ государства капиталъ въ 5-ть милліоновъ дукатовъ, который считался въ долгу за банкомъ, но по которому банкъ не платилъ процентовъ.

Касательно же операцій Венеціанскаго банка можно сказать, что онѣ были почти одинаковы со всѣми сохранными банками (депозитными), учреждавшимися впослѣдствіи. Они принимали вклады отъ частныхъ лицъ, и соразмѣрно этимъ вкладамъ открывали послѣднимъ кредитъ въ своихъ книгахъ. Этотъ кредитъ передавался отъ одного лица къ другому посредствомъ уступки и трансферта по книгамъ; это называлось взаимнымъ переводомъ векселей. Впрочемъ, кажется, что и до учрежденія банка, въ Венеціи производились платежи такимъ же образомъ, подобно тому, какъ впослѣдствіи это дѣлалось въ Ліонѣ. Достовѣрно можно сказать только то, что банкъ доставилъ этимъ операціямъ новыя гарантіи и придалъ имъ болѣе обширное употребленіе.

ЦАБ "Автограф"

«Относительно бо́льшей части банковъ, основанныхъ наподо-біе Венеціанскаго, можно вообще замѣтить, говоритъ г. Галле, что до конца XVI-го столѣтія они не были частными предпріятіями, но учрежденіями государственными или муниципальными (городскими), основанными, управляемыми и часто ссужаемыми государствомъ или городомъ, въ которомъ они находились; имъ были предоставлены привилегіи или монополіи, въ силу которыхъ извѣстнаго рода операціи не могли производиться безъ ихъ участія; и наконецъ, что при основаніи ихъ учреждалась для нихъ мнимая или условная монета, имѣвшая опредѣленную цѣнность и бо́льшею частью превосходившая наличательною цѣною ходячую монету, посредствомъ которой производились уплаты, пріемъ капиталовъ и счеты по курсу, часто мѣнявшемуся.»

Здѣсь можетъ родиться вопросъ, почему бо́льшая часть учреждавшихся въ то время банковъ усвоивали себѣ мнимую монету? Вопросъ этотъ легко объясняется, если примемъ въ соображеніе, что поддѣлка монеты въ бо́льшей части европейскихъ государствъ считалась обыкновеннымъ финансовымъ средствомъ и, что республики, въ которыхъ учреждались банки, хотя и были ограждены отъ этого злоупотребленія относительнымъ достоинствомъ своей администраціи, не были защищены отъ наводненія поддѣльныхъ иностранныхъ монетъ, производившихъ потрясенія въ ихъ торговыхъ оборотахъ. Для приданія торговымъ операціямъ болѣе прочнаго основанія, въ банкахъ стали употреблять идеальную монету, неподвергавшуюся никакой поддѣлкѣ. При пріемѣ серебряной и золотой монеты въ кассу одного изъ банковъ, послѣдній перелагалъ ее, конечно послѣ произведенной пробы для узнанія заключавшагося въ ней количества чистаго металла, на избранную имъ идеальную монету, придавая первой, для бо́льшей безопасности, цѣнность мѣньшую той, которую она имѣла въ дѣйствительности.

Замѣна ходячей монеты идеальною есть можетъ быть самая важная заслуга, которую оказали старинные депозитные банки.

Этимъ по-крайней-мѣрѣ они придали большую вѣрность коммерческимъ сдѣлкамъ и одарили торговые города кредитомъ относительно гораздо бо́льшимъ того, который существовалъ въ другихъ мѣстахъ. Прибавимъ къ тому, что давъ возможность торговцамъ производить платежи и выдачи посредствомъ простыхъ надписей, они освободили ихъ, въ нѣкоторой степени, отъ затрудненій и расходовъ, съ которыми обыкновенно сопряжены употребленіе и перевозка звонкой монеты. Но они не исполнили вполнѣ тѣхъ существенныхъ обязанностей, которыя мы возлагаемъ на банки въ наше время. Можетъ-быть время не благопріятствовало еще выполненію подобной задачи. Но надо сказать также, что учрежденія, основанныя общественною властью и ограниченныя ею, не были въ состояніи исполнить ее.

Венеціанскій банкъ существовалъ до 1797 года, когда онъ палъ подъ ударами завоеванія, вмѣстѣ съ республикою, учредившей его.

Придерживаясь хронологическаго порядка, послѣ Венеціанскаго банка мы находимъ Барселонскій, основанный, какъ кажется, въ концѣ XIV-го столѣтія, подъ гарантіею муниципальныхъ властей этого города. Но такъ-какъ это учрежденіе, не представлявшее никакихъ особенностей, не играло большой роли въ торговомъ мірѣ, то мы не станемъ останавливаться на немъ.

Почти при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась въ XII-мъ вѣкѣ Венеціанская республика, въ 1407 году былъ основанъ въ Генуѣ банкъ, названный банкомъ Святаго Георгія.

Основной капиталъ его состоялъ также изъ государственнаго долга частнымъ лицамъ, для обезпеченія котораго ему отданъ былъ островъ Корсика и нѣкоторыя другія имѣнія. Учрежденный наподобіе Венеціанскаго банка, онъ, какъ и послѣдній, получалъ вклады и такимъ же образомъ производилъ платежи частныхъ лицъ. Управленіе имъ было поручено восьми

директорамъ, избиравшимся изъ среды участниковъ. Онъ также имѣлъ свою особенную монету, стоимость которой превышала на 15% ходячую монету.

Однакожь внутреннія и внѣшнія войны, которымъ постоянно подвергалась Генуэзская республика, заставляли послѣднюю часто прибѣгать къ займамъ и банкъ Св. Георгія былъ такъ часто призываемъ къ посредничеству въ этихъ операціяхъ, что можетъ быть названъ скорѣе кассою государственныхъ займовъ, чѣмъ торговымъ учрежденіемъ. Ограбленный въ 1740 году Австрійцами, онъ прекратилъ свои платежи, но идеальная монета, на которую велись его счеты, осталась въ употребленіи, измѣнивъ только названіе: вмѣсто *valuta di banco*, она стала называться *valuta di permesso*.

Амстердамскій банкъ, основанный 31-го Января 1609 года, почти на тѣхъ же самыхъ началахъ, ограничивался довольно строго, по-крайней-мѣрѣ впродолженіи большей части своего существованія, одними торговыми операціями. Онъ находился подъ покровительствомъ города и подъ властью бургомистровъ. Хотя онъ основанъ позже, но своимъ торговымъ значеніемъ превосходилъ всѣ поименованные нами выше банки, и былъ самый значительный изъ всѣхъ существовавшихъ въ то время банковъ. Однимъ изъ государственныхъ статутовъ было постановлено, что всѣ векселя въ 600 флориновъ и выше должны быть уплачиваемы *банковою* монетою (*banco*). Мѣра строгая, значительно способствовавшая всеобщему распространенію въ странѣ употребленія банковой монеты. Вскорѣ онъ сдѣлался депозитною и сберегательною кассою города и сосѣднихъ провинцій, хотя и не исполнялъ главныхъ обязанностей настоящей сберегательной кассы, т.-е. не платилъ процентовъ на ввѣренные ему вклады. Онъ выдавалъ своимъ вкладчикамъ свидѣтельства, которыя можно было передавать съ платежомъ незначительной пошлины. Частныя лица, ввѣрившія ему свои капиталы, могли вынимать ихъ, платя $^1/_8$ % пошлины за сохраненіе.

ЦАБ "Автограф"

Онъ принималъ звонкую монету только съ вычетомъ 5%, что объясняетъ, почему банковая монета имѣла всегда въ обращеніи цѣнность немного бо́льшую, нежели звонкая монета. Банкъ открывалъ новые счеты только съ платежемъ преміи въ 18 флориновъ. Городъ Амстердамъ ручался за неприкосновенность вкладовъ, которые долгое время банкъ сохранялъ въ цѣлости.

Повидимому кромѣ коммерческихъ выгодъ, которыя имѣлись въ виду при учрежденіи депозитныхъ банковъ, во многихъ городахъ, гдѣ они были основаны, предполагали обратить ихъ въ источникъ государственныхъ доходовъ. Во-первыхъ это можно предполагать изъ того довольно страннаго постановленія, по которому торговцы были обязаны производить нѣкоторыя уплаты непремѣнно банковою монетою. Между прочимъ положительно извѣстно, что многія изъ этихъ учрежденій доставили городамъ, въ которыхъ они находились, довольно значительныя выгоды. Адамъ Смитъ подтверждаетъ это предположеніе касательно Амстердамскаго банка, слѣдующими словами:

«Банкъ доставляетъ городу Амстердаму значительный доходъ, независимо отъ платимой ему пошлины за складку товаровъ.

Всякій, кто открываетъ первый счетъ въ банкѣ, платитъ ему за то 18 флориновъ и 3 флорина, 3 стиверса за возобновленіе послѣдующихъ счетовъ; онъ платитъ также 2 стиверса за каждый трансфертъ въ книгахъ и 6 стиверсовъ, если трансфертъ составляетъ сумму менѣе 300 флориновъ. Тотъ, кто не производитъ балансъ своихъ счетовъ два раза въ годъ, подвергается штрафу въ 25 флориновъ. Тотъ, кто переводитъ деньги на сумму бо́льшую той, которая обозначена въ книгахъ, получаетъ отказъ и платитъ штрафъ въ 3% съ превышающей суммы. Полагаютъ также, что банкъ получаетъ большія выгоды отъ продажи иностранной монеты и слитковъ, которые, вслѣдствіе истеченія срока, въ росписяхъ остаются у него, и которые онъ удерживаетъ у себя для того

чтобъ продать ихъ съ наибольшею выгодою; онъ извлекаетъ еще выгоду отъ продажи банковой монеты съ 5% лажа и покупки ея съ 4% лажа.»

Адамъ Смитъ полагаетъ, что эти доходы были случайны, что ихъ не предвидѣли при основаніи банка и что потому они не имѣли никакого значенія въ побудительныхъ причинахъ его основанія. Касательно Амстердамскаго банка это возможно, хотя сомнительно; но въ устройствѣ Нюренбергскаго банка, основаннаго нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1621 году, ясно обнаруживается намѣреніе получать такимъ способомъ прибыль. Въ Нюренбергѣ, всѣ роды товаровъ, превышающихъ сумму 200 флориновъ и векселя свыше 50 флориновъ, должны были уплачиваться въ банкъ, подъ условіемъ штрафа 10% съ суммы сдѣлки. Между прочимъ платилось 3 крейцера за каждые сто флориновъ *уплаченныхъ* или *полученныхъ* въ банкѣ. Это еще не все. Иностранцамъ было позволено покупать товары на сумму свыше 200 флориновъ, и платить за нихъ звонкою монетою; но когда тѣ же самые иностранцы продавали туземцамъ, послѣднимъ было дозволено вычитывать изъ всей продажной суммы 3 крейцера съ каждой сотни флориновъ для уплаты банку и уплачивать ему вдвойнѣ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ подобная сумма требовалась съ обѣихъ сторонъ. Но всѣ эти злоупотребительныя ограниченія не существовали въ Венеціанскомъ банкѣ, гдѣ всѣ сдѣлки производились безплатно.

Хотя Амстердамскій банкъ долгое время вѣрно сохранялъ ввѣренные ему вклады, но наконецъ отказался отъ своей системы.

Извѣстно, что Голландія два раза была занимаема французскими войсками. Въ первый разъ (это было въ царствованіе Людовика XIV, въ 1627 году), когда торговля потребовала возвращенія фондовъ изъ банка, вклады оказались нетронутыми. На монетахъ найдены были даже слѣды пожара, случившагося въ скоромъ времени послѣ основанія этого учрежденія и уничтожившаго часть городской ратуши; а это доказывало, что ка-

питалы все время оставались безъ перемѣщенія. Но во второй разъ (во французскую революцію) банкъ не былъ въ состояніи возвратить всѣ свои вклады и, къ общему удивленію, оказалось, что директоры дали 24.000,000 франковъ въ ссуду штатамъ Голландіи и Фрисландіи. Съ этой поры Амстердамскій банкъ потерялъ кредитъ, котораго впослѣдствіи никогда не могъ уже возвратить вполнѣ. Въ 1814 году онъ былъ замѣненъ банкомъ новаго устройства въ родѣ Лондонскаго и Парижскаго.

Еслибы Гамбургскій банкъ, основанный въ 1619 году, представлялъ какія-нибудь характеристическія особенности, намъ было бы легко, и столь же поучительно, изложить его исторію, которая извѣстна до малѣйшихъ подробностей, благодаря сочиненію Бюша (сочиненіе это переведено на французскій языкъ: La Banque de Hambourg, rendue facile). Но этотъ банкъ не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ названныхъ нами; дѣйствія его, ограничивались тѣми же оборотами, которые онъ производилъ тѣми же способами. Можно къ чести этого банка, или скорѣе къ чести города, основавшаго и покровительствовавшаго его сказать, что онъ никогда не стремился увеличить свою прибыль въ ущербъ торговли и всегда имѣлъ хорошее управленіе. Поэтому и кредитъ его, подвергавшійся колебаніямъ вслѣдствіе постороннихъ причинъ, какъ напримѣръ поддѣлки монетъ князьями Германской имперіи, или вслѣдствіе занятія страны иностранными войсками, постоянно возвышался послѣ подобныхъ кризисовъ. Это впрочемъ единственный изъ старинныхъ депозитныхъ банковъ, который продолжалъ существовать до нашихъ дней. Роттердамскій банкъ, основанный 18-го августа 1635 года, былъ также, почти во всѣхъ отношеніяхъ, сходенъ съ Амстердамскимъ. Единственное, достойное вниманія, различіе состояло въ томъ, что этотъ банкъ позволялъ негоціянтамъ вести счеты съ нимъ банковою монетою или звонкой, по желанію. Когда сдѣлки производились на звонкую монету, плата, взимаемая банкомъ, была свыше, такъ что такой способъ былъ невыгоденъ. Но банковые билеты были предназначены къ

уплатѣ по иностраннымъ векселямъ на Роттердамъ, тогда какъ звонкая монета служила для уплаты векселей города за границей.

Изъ всѣхъ старинныхъ банковъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Стокгольмскій. Вольтеръ, въ своей *Исторіи Карла XII*, не совсѣмъ основательно утверждаетъ, что это самый древній банкъ въ Европѣ. На самомъ же дѣлѣ онъ основанъ въ 1668 году, т.-е. позднѣе Амстердамскаго и Гамбургскаго, и гораздо позже Генуэзскаго и Венеціанскаго банковъ; но особенно важно то, что онъ первый ввелъ въ употребленіе банковые билеты. «Росписки, говоритъ г. Готье, выдаваемыя Стокгольмскимъ банкомъ негоціянтамъ, помѣщавшимъ въ немъ свои вклады, обращались дѣйствительно во всей Швеціи наравнѣ съ звонкою монетой; они принимались при уплатахъ за всякіе товары, и даже, со времени эдикта 11-го января 1726 года, для платежей по векселямъ.»

Что еще замѣчательнѣе, и о чемъ г. Готье не упоминаетъ, это то, что Стокгольмскій банкъ былъ кажется первымъ образцомъ учрежденія поземельнаго кредита, который распространенъ теперь въ бо́льшей части Германіи.

Дѣйствительно, говорятъ нѣкоторые иностранные писатели, это былъ ломбардъ, т.-е. учрежденіе, выдающее ссуды подъ залогъ; но ломбардъ, въ которомъ вмѣсто драгоцѣнныхъ вещей принимались въ залогъ недвижимыя имущества, до трехъ четвертей ихъ цѣнности. Правда ссуды производились и подъ залогъ золота и серебра и другихъ товаровъ не подверженныхъ порчѣ, но все-таки производство ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній было общимъ правиломъ. Мало того, немного позднѣе, въ 1752 году, когда съ ужасомъ было замѣчено, что большая часть недвижимыхъ имуществъ поступила, вслѣдствіе отчужденія или выкупа, во владѣніе банка, который угрожалъ такимъ-образомъ черезъ нѣсколько вѣковъ сдѣлаться единственнымъ землевладѣльцемъ въ государствѣ, было постановлено, что съ 1754 года землевладѣльцы, должники банка, могли уплачивать ему свои долги мало-по-малу, выдавая кромѣ

процентовъ, ежегодную премію въ 5% до погашенія долга. Въ этомъ заключаются основныя начала учрежденія поземельнаго кредита. Но данныя, которыя мы имѣемъ объ операціяхъ Стокгольмскаго банка, слишкомъ неполны, чтобъ можно было себѣ составить понятіе о характерѣ этого учрежденія.

До сихъ поръ, какъ видно изъ предъидущаго, кругъ дѣйствій коммерческихъ банковъ былъ очень ограниченъ. Банки не стремились къ развитію кредита, они не производили ни учета векселей, ни ссудъ наличными деньгами, ни выпуска билетовъ; вся дѣятельность ихъ состояла въ облегченіи частнымъ лицамъ платежей, посредствомъ простыхъ надписей и безъ передачи звонкой монеты.

Изъ этого нельзя заключить, что обращеніе билетовъ было неизвѣстно въ то время; можно положительно сказать, что обращеніе ихъ было принято въ Венеціи еще въ XV столѣтіи; но республика испугалась внезапнаго исчезновенія монеты *), что было необходимымъ слѣдствіемъ появленія билетовъ, и такъ-какъ она въ то время вела отдаленныя войны, требовавшія значительныхъ суммъ звонкой монеты, то поспѣшила снова привлечь звонкую монету, запретивъ рѣшительно всякіе платежи билетами. Съ-тѣхъ-поръ эта попытка не была нигдѣ возобновляема, по-крайней-мѣрѣ постояннымъ и правильнымъ образомъ.

Удивительно, что такіе промышленные и торговые города, какъ Венеція, Амстердамъ и Гамбургъ, не шли впередъ на этомъ обильномъ поприщѣ, на которое они вступили: что они остановились, такъ сказать, у преддверья кредита, не стараясь въ него проникнуть. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ.

Вклады въ банкахъ возрастали до значительныхъ суммъ; легко было бы понять всю выгоду, которую можно было извлечь изъ этихъ праздныхъ цѣнностей, пустивъ ихъ въ обращеніе инымъ путемъ. Наконецъ это можно было бы сдѣлать безъ всякихъ

---

*) Ниже мы увидимъ, какъ объясняется это исчезновеніе монеты.

опасеній, еслибъ банки позаботились предварительно собрать свой собственный резервный капиталъ, который могъ бы служить обезпеченіемъ для вкладчиковъ. Тѣмъ болѣе, что опытъ доказалъ, что вклады долго лежали въ кассахъ и вынимались только небольшими суммами, тотчасъ же замѣщавшимися другими вкладами; довольно было бы держать постоянно въ кассахъ сумму денегъ, достаточную для удовлетворенія всѣхъ случайныхъ требованій. Остальная сумма, составляя дѣйствительный излишекъ, совершенно безопасно могла быть возвращена торговлѣ посредствомъ учета векселей.

Такимъ-образомъ банки, вступивъ на поприще кредита, увеличили бы средство обращенія. Этотъ первый шагъ повелъ бы ихъ къ другому-выпуску банковыхъ билетовъ, который находится въ тѣсной связи съ учетомъ, и тогда банки, безъ усилій, стали бы на ту точку, которую они достигли въ наше время. Странно кажется, какъ эта мысль не пришла въ голову искуснымъ негоціянтамъ, которыхъ было такое множество въ значительныхъ городахъ; или вѣрнѣе сказать, если эта мысль приходила имъ на умъ, что̀ мы въ правѣ предполагать, почему они не подумали серьезно объ осуществленіи ея. Это легко объясняется. Надобно во-первыхъ припомнить, что повсюду, гдѣ существовали старинные банки, вклады принимались иначе, какъ съ разрѣшенія города или правительства, которые такимъ-образомъ дѣлались поручителями. Располагать этими вкладами, даже съ похвальною цѣлью и съ достаточнымъ ручательствомъ, было бы въ нѣкоторомъ отношеніи злоупотреблять общественнымъ довѣріемъ. Что̀ было прилично для общества, состоящаго изъ частныхъ лицъ, и закону, негодилось бы общественнымъ властямъ, бороться съ которыми не такъ легко. Къ тому же мы видѣли, что такая система потребовала бы предварительнаго устройства запаснаго капитала, иначе возможность несостоятельности, возбуждая опасенія вкладчиковъ, заставляла бы ихъ вынимать преждевременно свои вклады, а общественныя власти не могли и подумать подчинить себя такому обязательству.

ЦАБ "Автограф"

Была еще другая причина. Въ началѣ депозитные банки были учреждены для производства, посредствомъ взаимныхъ переводовъ векселей, платежей по всѣмъ долгамъ негоціянтовъ между собою. Кромѣ-того, въ нѣкоторыхъ городахъ они имѣли въ виду установленіе монеты идеальной, не подверженной никакимъ измѣненіямъ подъ именемъ банковой. Въ эпоху, когда поддѣлка монеты, столь частая во многихъ европейскихъ государствахъ, безпрестанно производила безпорядокъ въ коммерческихъ сношеніяхъ, торговыя республики старались избѣжать бѣдственныхъ послѣдствій подобнаго злоупотребленія, вводя вмѣсто звонкой монеты, подверженной измѣненіямъ, идеальную монету, никогда неизмѣняющуюся. Отсюда и проистекаетъ образованіе общественныхъ кассъ, куда приносилась звонкая монета и гдѣ она принималась по своей внутренней цѣнности, т.-е. количеству заключавшагося въ ней чистаго золота и серебра — отсюда и предположеніе ввести идеальную монету, называвшуюся банковою монетою; отсюда, наконецъ, правило производить платежи посредствомъ передачи кредитныхъ знаковъ или простыхъ надписей, для избѣжанія столь опаснаго въ то время употребленія звонкой монеты. Понятно, что еслибы банки тотчасъ же пускали въ обращеніе, въ видѣ ссудъ, деньги, получаемыя ими въ видѣ вкладовъ, то главная цѣль ихъ учрежденія не была бы достигнута. Но какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ операцій тогдашнихъ банковъ, они принесли несомнѣнно много пользы въ свое время. Въ эпоху, когда монеты повсюду поддѣлывались, къ большому ущербу частныхъ лицъ и въ-особенности торговлѣ, много терпѣвшей оттого, очень важно было установить около себя употребленіе постоянной и не мѣняющейся въ своей цѣнности монеты; этимъ нетолько торговля предохранялась отъ дѣйствительныхъ потерь, причиняемыхъ ей поддѣлкою монеты, но и возстановлялись безопасность и довѣріе, колебавшіяся отъ одного только опасенія въ возможности поддѣлки монеты. Посредствомъ этого, банки дѣйствительно давали своимъ городамъ относительно большой кредитъ. Важно было и достав-

ляемое ими удобство производить всѣ платежи посредствомъ удобнаго и легкаго трансферта; этимъ они много способствовали къ упроченію и развитію въ этихъ городахъ торговой дѣятельности. Но впослѣдствіи, когда жалкая мѣра поддѣлки монеты была оставлена всѣми европейскими правительствами, польза этихъ банковъ уменьшилась; при настоящихъ отношеніяхъ и нуждахъ, они не имѣли бы никакого значенія.

Только съ основанія Англійскаго банка начинается новая эра другаго рода кредитныхъ учрежденій, которыя можно назвать *новыми банками.*

§ IV. Продолженіе историческаго обзора. Лондонскій банкъ и частные банки.

Англійскій банкъ основанъ штатгальтеромъ Голландіи, вступившимъ на престолъ Англіи подъ именемъ Вильгельма III, и устроенъ по образцу Голландскаго банка. Но сколько извѣстно, планъ былъ составленъ шотландскимъ дворяниномъ Вильямомъ Паттерсономъ. Безъ сомнѣнія, во многомъ онъ былъ составленъ по образцу существовавшихъ уже до него банковъ; однакожь онъ съ самаго начала уклонился отъ правилъ, которымъ до-тѣхъ-поръ слѣдовали. На самомъ дѣлѣ нельзя сказать положительно, что до него другіе банки не дѣлали подобныхъ операцій; извѣстно только то, что самыя важныя изъ нихъ, какъ напримѣръ выпускъ въ обращеніе билетовъ, хотя и существовалъ, но только въ видѣ отдѣльныхъ попытокъ; между-тѣмъ какъ онъ постоянно занимался выпускомъ билетовъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался образцомъ подобнаго рода учрежденій, которыя впослѣдствіи распространились повсемѣстно.

Время основанія его относится къ семнадцатому вѣку. Парламентскій актъ разрѣшилъ открыть подписку въ 1,200,000 фунт. стерлинг. (7,500,000 руб.), которая и была окончена въ

десять дней. Вскорѣ послѣ того вышелъ актъ объ учрежденіи банка, которому были предоставлены всѣ привиллегіи корпораціи; хартія объ учрежденіи этого банка дана 27-го іюля 1694 года. Въ силу этой хартіи, банку было дозволено торговать всевозможными билетами или коммерческими бумагами, какъ напр. векселями, также золотомъ и серебромъ въ монетѣ или слиткахъ и проч., принимать въ залогъ всякаго рода товары, выдавать произведенія, получаемыя съ заложенныхъ земель, производить ссуды правительству, но предварительно получивъ на это разрѣшеніе палатъ, которыя въ этомъ случаѣ должны были заботиться объ уплатѣ процентовъ; наконецъ, выдавать предъявителю векселя, уплачиваемыя по предъявленіи и на предъявителя, но только не свыше всей суммы основна:о его капитала, только въ томъ случаѣ развѣ, когда парламентскій актъ дозволитъ ему увеличить выпускъ билетовъ. Такимъ-образомъ Англійскій банкъ съ того же времени соединилъ въ себѣ всѣ таковыя условія коммерческихъ банковъ; но другая статья акта съ самаго начала измѣнила его условіе.

Въ силу этой статьи банкъ обязывался, въ замѣнъ данныхъ ему привиллегій, передать правительству весь свой капиталъ въ видѣ займа. Лучше сказать, взносъ этого капитала въ казну предшествовалъ учрежденію банка, и такъ-какъ финансы государства находились въ плохомъ состояніи, то это и было главною причиною дарованія ему подобныхъ привиллегій. Такимъ-образомъ для коммерческихъ оборотовъ у него остался только безвозвратный долгъ на правительствѣ и годовой доходъ въ 96,000 фунт. стерл., какъ проценты съ долга, считая по 8 на сто, и 4000 фунт. стерл., которые были ассигнованы на уплаты издержекъ банка по сношеніямъ его съ *Шахматной доской* (Exchequer) или Государственнымъ казначействомъ, всего 100,000 фунт. стерл. (625,000 руб.). Съ этимъ-то незначительнымъ доходомъ, при отсутствіи всякаго свободнаго капитала, онъ былъ принужденъ начать выпускъ билетовъ и положить основаніе тому колоссальному кредиту, къ которому онъ съ-тѣхъ-поръ

постоянно стремился. Онъ неуклонно шелъ къ положенной себѣ цѣли и всѣмъ извѣстенъ результатъ его стремленій *).

Однако, несмотря на этотъ фактъ, мы все-таки скажемъ, что эта болѣе чѣмъ смѣлая попытка не должна была имѣть подобный успѣхъ. Подъ тѣми условіями, подъ которыми находился Англійскій банкъ, онъ долженъ былъ или погибнуть, или пуститься въ менѣе обширныя операціи, которыми довольствовались до тѣхъ поръ остальные банки. Выпускъ въ обращеніе билетовъ подвергалъ его большой опасности, потому-что онъ не имѣлъ въ запасѣ капитала, который бы могъ убѣдить публику въ прочности банка. Поэтому развитіе его въ началѣ было медленно и трудно. Впродолженіи шестнадцати лѣтъ ему стоило страшныхъ усилій бороться противъ справедливыхъ предубѣжденій публики. Въ 1696 году, во время переливки монеты, онъ находился въ гибельномъ положеніи, такъ, что былъ вынужденъ пріостановить платежи по своимъ билетамъ. Несмотря на законъ, придававшій бумагамъ его обязательный курсъ, билеты его упали на 20 процентовъ; печальное доказательство преждевременной дряхлости; первый признакъ разстройства, предсказывавшій ему повидимому самый несчастный исходъ. Однакожь, благодаря рѣдкой твердости и постоянному покровительству парламента, онъ удержался въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ. Но продолжая съ тѣхъ поръ по прежнему постоянно давать въ займы правительству весь свой капиталъ, по мѣрѣ того, какъ онъ его увеличивалъ новыми подписками на акціи, и постоянно развивая свое честолюбіе, по мѣрѣ увеличенія своего номинальнаго богатства, и находясь всегда въ одинаковой бѣдности или лишенный постоянно дѣйствительныхъ средствъ, онъ шелъ надъ бездной, которая, судя по законамъ логики, рано или поздно должна была поглотить его. Особенное обстоятельство, никѣмъ не предвидѣнное и никѣмъ не понятое въ началѣ, неожиданно является къ нему на помощь и опредѣляетъ участь его.

*) По всей вѣроятности Венеціанскій банкъ принужденъ былъ отказаться отъ выпуска билетовъ, потому-что находился въ подобномъ положеніи.

Въ 1708 году парламентъ издалъ актъ, которымъ въ Англіи и въ Уэльсѣ воспрещалось производить банковую торговлю и выпускъ билетовъ всякимъ обществамъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ шести членовъ, кромѣ Англійскаго банка. Это постановленіе, съ одной стороны довольно странное, произвело замѣчательное дѣйствіе: оно создало въ Англіи совершенно особую систему. Хотя, безъ сомнѣнія, система эта ошибочна, но, несмотря на все это, она не была лишена нѣкоторой основательности и гармоніи съ дѣломъ. Вся страна покрылась малыми банками, пользовавшимися всѣми правами большихъ банковъ, но которые состояли не болѣе какъ изъ шести членовъ. Эти-то банки и называются въ Англіи *частными банками* (private banks); конечно учрежденія эти вообще значительнѣе нашихъ частныхъ банкирскихъ домовъ, но далеко уступаютъ обществамъ. Эти частные банки, какъ мы только-что видѣли, пользовались по закону правомъ выпускать билеты, уплачиваемые по предъявленію и на предъявителя; но на дѣлѣ право это не приносило почти никакой пользы. Есть ли вѣроятіе пустить въ оборотъ билеты, выданные такими незначительными учрежденіями. Чтобъ помочь этому недостатку, они обратились къ привиллегированному банку, съ которымъ ихъ связывало нѣчто въ родѣ круговой поруки.

Они приступили такимъ-образомъ къ учету векселей; но вмѣсто того, чтобъ уплачивать своими собственными билетами, они чаще всего занимали билеты у Центральнаго банка, которому взамѣнъ ихъ передавали или всѣ, или нѣкоторую часть полученныхъ ими векселей.

Отсюда произошла въ одно и то же время смѣшанная и сложная система, въ которой были раздѣлены операціи, долженствовавшія быть неразрывно связанными; на долю частныхъ банковъ выпалъ учетъ, на долю Центральнаго банка—выпускъ билетовъ. Первые давали послѣднему въ заемъ свои денежныя средства, которыя въ совокупности были значительны и этимъ придали ему прочность, которую въ сущности самъ по себѣ онъ не имѣлъ; въ свою очередь они получи-

ЦАБ "Автограф"

ли право выпуска его билетовъ, которое прежде не имѣли и которымъ пользовались только повидимому. Принужденные употреблять при учетахъ своихъ билеты Англійскаго банка, они должны были для собственной выгоды поддерживать обращеніе ихъ въ своихъ округахъ, какъ-будто они составляли ихъ собственные билеты, и на дѣлѣ они постоянно уплачивали всѣ предъявляемые имъ билеты Главнаго банка, и часто въ минуты кризиса брали на себя, предъ публикою, формальное обязательство въ томъ. Такимъ-образомъ они становились добровольными вспомогательными банками привиллегированнаго банка, частными конторами, помогавшими главной конторѣ, и тѣмъ поддерживали его во время ослабленія. Благодаря-то этой неожиданной поддержкѣ, на которую не разсчитывали учредители, Англійскій банкъ удержался съ такимъ блескомъ, несмотря на слишкомъ очевидные недостатки въ своемъ первоначальномъ устройствѣ, на всѣми признанную недостаточность средствъ и постоянную непрочность своего могущества.

Чего не говорили о его удивительномъ успѣхѣ? Сколько гигантскихъ плановъ возбуждалъ этотъ примѣръ? Сколько нелѣпыхъ теорій породилъ онъ? При видѣ этого учрежденія, лишеннаго всякаго наличнаго капитала, владѣющаго только одними процентами, одною рукою поддерживающаго кредитъ государства, другою управляющаго самымъ обширнымъ обращеніемъ билетовъ, какого не имѣлъ ни одинъ банкъ, каждый бы составилъ себѣ самыя несбыточныя предположенія. Одни думали, что ему стоитъ только захотѣть, чтобы наводнить всю публику бумагою, замѣняющею звонкую монету, и открыть такимъ-образомъ для каждаго, безъ всякихъ усилій и заботъ съ его стороны, неисчерпаемый источникъ богатства. Другіе, болѣе умѣренные, были въ главныхъ основахъ того мнѣнія, что только одно правительство имѣетъ право пополнять бумагою всѣ недоимки своихъ кассъ, конечно не выходя за извѣстные предѣлы. Многіе также, разсматривая эти блистательныя химеры съ противной точки зрѣнія, видѣли въ

Англійскомъ банкѣ одно лишь чудовищное учрежденіе, которому неоднократно предсказывали паденіе. Но всѣ эти предположенія снова перемѣшались, когда увидѣли, что тотъ же банкъ послѣ вѣковаго существованія въ 1797 году прекратилъ размѣнъ своихъ бумагъ на звонкую монету, что и продолжалъ дѣлать безъ значительной для себя потери впродолженіи болѣе двадцати двухъ лѣтъ; это не возбудило бы такого удивленія и не подало бы повода къ ложнымъ предсказаніямъ его, еслибы срокъ этотъ былъ изслѣдованъ во всей подробности. Вмѣсто того, чтобъ разсматривать банкъ отдѣльно, слѣдовало бы взять его со всѣмъ его причетомъ, со всѣми безчисленными спутниками. Слѣдовало бы также взять въ разсчетъ не только его собственныя средства, но и всѣ средства, которыя хранились для него въ частныхъ банкахъ, тогда бы можно было найти объясненіе этому явленію и ясно увидѣть настоящее основаніе колосса, и чудесность его исчезла бы.

Но все это не составляетъ еще нормальнаго развитія кредита. Несмотря на поддержку со стороны правительства, богатство котораго въ настоящее время тѣсно связано съ благосостояніемъ банка, несмотря на все умѣнье, выказываемое имъ въ опасномъ положеніи, въ которомъ онъ находится, несмотря на помощь, доставляемую ему частными банками, можно утвердительно сказать, что Лондонскій банкъ не могъ бы существовать во всякой другой странѣ, менѣе спокойной чѣмъ Англія, или болѣе ея подверженной вторженіямъ непріятелей. Все содѣйствовало къ предохраненію его отъ гибели, которая, при худой организаціи его, казалась неизбѣжною. Нельзя также сказать, чтобъ устройство частныхъ банковъ было бы совершенно безукоризненно. Получивъ при учрежденіи своемъ слишкомъ малые размѣры для того, чтобъ съ успѣхомъ выпускать въ оборотъ свои билеты, но имѣя дозволеніе закономъ и по необходимости принужденные предпринять подобнаго рода операціи, они часто испытывали ужасныя бѣдствія. За то Англія, подчиняясь этому порядку, часто дорого платила за пользованіе не-

ЦАБ "Автограф"

оспоримыми благодѣяніями коммерческаго кредита. По этому-то лордъ Ливерпуль, первый лордъ Казначейства и г. Робинносъ, канцлеръ Государственнаго казначейства справедливо сказали въ офиціальномъ актѣ, представленномъ ими въ 1828 году во время измѣненія этого порядка, что англійскіе законы дозволяли всѣ роды коммерческихъ банковъ, исключая того, который представлялъ наиболѣе условій прочности и обезпеченія. «The effects of the law at present is to permit every description of banking except that, which is solid and secure.»

Оставивъ однако въ сторонѣ всѣ условія прочности и обезпеченія, можно положительно сказать, что ни Лондонскій банкъ, ни частные банки не развили вполнѣ учрежденія коммерческаго кредита; честь этого развитія принадлежитъ шотландскимъ банкамъ.

§ V. Продолженіе историческаго обзора. Банки въ Шотландіи и Соединенныхъ-Штатахъ.

Спустя годъ послѣ основанія Англійскаго банка, въ 1695 году, въ Эдинбургѣ возникло другое учрежденіе подобнаго рода, съ гораздо меньшими претензіями, но зато болѣе прочное; оно носитъ названіе Шотландскаго банка (bank of Scotland). Проэктъ его былъ составленъ лондонскимъ негоціянтомъ Джономъ Голлендомъ. Самое устройство подтверждено особымъ актомъ Шотландскаго парламента, давшаго банку права корпораціи. Основной капиталъ его, составленный изъ акцій въ 83 фунта стерлинговъ, 6 шиллинговъ и 8 пенсовъ каждая, составлялъ не болѣе 100,000 фунтовъ стерлинговъ (625,000 руб. сер.): капиталъ незначительный, но достаточный для предполагавшихся оборотовъ банка и всегда сохранявшійся неприкосновенно. Потому первыя операціи банка были очень удачныя и онъ имѣлъ быстрый успѣхъ. Впослѣдствіи капиталъ Шотландскаго банка увеличивался по мѣрѣ расширенія его оборотовъ, но

онъ оставался всегда сравнительно слабымъ, какъ и вообще капиталы всѣхъ прочихъ кредитныхъ учрежденій Шотландіи. Въ 1804 году онъ былъ увеличенъ до 1,500,000 фунтовъ стерлинговъ (9,375,000 руб. сер.) и остановился на этой цифрѣ.

Въ 1727 году былъ учрежденъ Королевскій Шотландскій банкъ (royal bank of Scotland). Капиталъ въ 246,550 фунтовъ стерлинговъ, назначенный Шотландіи въ видѣ вознагражденія за присоединеніе ея къ Англіи, былъ обращенъ коммисарами на этотъ предметъ и дѣйствительно нельзя было придумать лучшаго употребленія этимъ деньгамъ. Въ началѣ на банкъ было ассигновано только 111,000 фунтовъ стерлинговъ, а въ 1738 году капиталъ опредѣленъ въ 150 тысячъ. Впослѣдствіи онъ былъ увеличенъ до 2.000,000 фунтовъ стерлинговъ и досихъ-поръ остается въ тѣхъ же размѣрахъ. Этотъ новый банкъ, получившій, подобно первому, права корпораціи, дѣйствовалъ столь же удачно, и совмѣстное существованіе обоихъ не вредило успѣшному развитію каждаго.

Третій корпоративный банкъ былъ учрежденъ въ 1746 году подъ именемъ *Льняной компаніи* (British linen company). Изъ одного названія уже видно, что онъ главною своею цѣлью имѣлъ поощреніе льняной промышленности, въ то время совершенно ничтожной и находящейся теперь въ такомъ цвѣтущемъ состояніи. Дѣйствительно банкъ этотъ оказалъ громадныя услуги. Но впослѣдствіи онъ распространилъ свое покровительство и на всѣ отрасли промышленности безразлично и этимъ самымъ потерялъ свое отличіе отъ прочихъ банковъ. Капиталъ его, первоначально опредѣленный въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ, возвысился, впослѣдствіи, до 500,000; но никогда не превышалъ этой суммы, уступавшей даже тѣмъ, на которыхъ остановилось большинство соперничествующихъ банковъ; но это не помѣшало ему занять очень высокое положеніе, въ которомъ онъ и находится до сихъ поръ.

Всѣ эти первые банки были сосредоточены въ Эдинбургѣ. Глас-

го, второй городъ Шотландіи, послѣдовалъ примѣру столицы и, чрезъ нѣсколько времени, во всѣхъ городахъ Шотландіи возникли банки. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что только три названные нами банка были основаны при содѣйствіи общественной власти и получили права корпораціи. Всѣ остальные возникли сами собою и сложились *въ товарищества на вѣрѣ* (joint-stock-banks), видъ торговой ассоціаціи, весьма распространенный въ Великобританіи, не нуждающійся въ предварительномъ разрѣшеніи правительства и отличающійся отъ безъименныхъ обществъ (sociétés anonymes) только тѣмъ, что отвѣтственность компаніоновъ ничѣмъ не ограничена. Но различіе это очень важно и далѣе мы коснемся послѣдствій такого устройства, относительно англійскихъ банковъ.

Весьма правдоподобно, что Шотландія заимствовала у Англіи мысль учрежденія банковъ, но она не замедлила опередить послѣднюю на этомъ поприщѣ, прокладывая себѣ новые пути. Такимъ-образомъ *Шотландскій банкъ*, первый открылъ съ 1696 года свои конторы въ другихъ мѣстахъ, а съ 1704 года сталъ выпускать билеты въ 1 фунтъ стерлинговъ на предъявителя и принимать вклады съ платежемъ процентовъ, а съ 1729 года началъ производить ссуды на счетъ операцій, которыми Лондонскій банкъ никогда не занимался, и которыя составляютъ характерическую особенность шотландской системы.

Развѣтвляясь по всей Шотландіи, банки почти во всѣхъ пунктахъ страны имѣли своихъ агентовъ. Чрезъ это они распространили свое вліяніе, увеличили кругъ своихъ благодѣяній и открыли для торговли легкія и безопасныя средства сообщенія, возбудившія особенную дѣятельность въ торговыхъ оборотовъ. Ссуды на счетъ, производимыя ими наравнѣ съ учетомъ коммерческихъ векселей, мало отличаются отъ послѣднихъ. Это особенный способъ производить ссуды и открывать торгующимъ пользованіе кредитомъ. Однако въ практическомъ примѣненіи ихъ есть довольно значительная разница, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи; но способъ этотъ имѣетъ свою особенную пользу,

уже по одному различію, ибо необходимо, чтобы и способы быть полезнымъ были столь же разнообразны какъ и потребности, которымъ они должны удовлетворять.

Но самое лучшее нововведеніе, которымъ мы имъ обязаны, есть безспорно принятіе вкладовъ съ платежемъ процентовъ. По примѣру первыхъ учрежденій этого рода, основанныхъ въ странѣ, всѣ шотландскіе банки принимаютъ вклады, minimum которыхъ составляетъ обыкновенно 10-ть фунтовъ стерлинговъ (62 руб. 50 коп. сер.), а иногда и меньше, обязываясь выдавать ихъ по востребованію или въ предназначенные сроки, и платятъ на нихъ болѣе или менѣе высокіе проценты, смотря по обстоятельствамъ. Сумма этихъ вкладовъ въ шотландскихъ банкахъ, по ревизіи произведенной въ 1836 году, простиралась до 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (125 милліоновъ руб. сер.). По отчету сэра Роберта Пиля, въ 1845 году, она доходила до 30 милліоновъ фун. стерл. (167,500,000 руб. сер.). Сравнивая въ этомъ отношеніи дѣйствія шотландскихъ банковъ съ образомъ дѣйствій прежнихъ банковъ Венеціянскаго, Амстердамскаго и Гамбургскаго, какъ-будто переносишься въ другой міръ и съ удивленіемъ видишь успѣхи, сдѣланные на этомъ поприщѣ. Въ Венеціи, Амстердамѣ и Гамбургѣ вкладчики платили банкамъ за храненіе вкладовъ; они платили даже небольшой процентъ при каждомъ трансфертѣ (переводѣ) точно такъ же, какъ при вынутіи вклада.

Въ настоящее время роли измѣнились, и теперь сами банки платятъ вкладчикамъ вознагражденіе въ видѣ процентовъ. Отчего же это произошло? Оттого, что современные банки приняли за правило употреблять въ дѣло вклады, чего остерегались дѣлать прежніе. Между обоими упомянутыми образами дѣйствовать—цѣлая бездна, и уже теперь можно предвидѣть послѣдствія такой коренной перемѣны.

Въ началѣ, приманка выгоды привлекла въ кассы банковъ всѣ суммы, находившіяся въ кассахъ частныхъ людей, и вслѣдствіе этого масса вкладовъ сильно увеличилась. Привычка по-

ЦАБ "Автограф"

мѣщать въ банкъ всѣ деньги, необходимыя непосредственно, сдѣлалась всеобщею, тогда какъ прежде это было въ употребленіи только между лицами, занимавшимися торговлею. Вслѣдствіе этого распространилось употребленіе трансфертовъ, а чрезъ это самое гораздо легче и совершеннѣе достигнута была цѣль, къ которой стремились старинные банки и которая составляла настоящій предметъ ихъ учрежденія, именно: избѣжаніе по возможности дорогой перевозки звонкой монеты.

Кромѣ-того вклады не остались тѣмъ, чѣмъ они были прежде, простымъ матеріаломъ для трансфертовъ; они сдѣлались еще орудіемъ экономіи и порядка. Всякій, имѣвшій у себя извѣстную сумму денегъ, ненужную ему на нѣкоторое время, могъ извлекать изъ нея выгоду, въ ожиданіи той минуты, когда она ему понадобится. Какое сбереженіе общественнаго богатства! Какое постоянство дѣятельности въ его употребленіи! Ни одна способность не остается праздною, ни малѣйшая частица звонкой монеты не остается безъ употребленія ни на одинъ день.

Обыкновеніе помѣщать деньги въ банкъ, распространяясь всё болѣе-и-болѣе, проникло наконецъ и до низшихъ классовъ общества и на долю шотландскихъ банковъ выпала новая неожиданная, вмѣстѣ съ тѣмъ высокая обязанность. Рядомъ съ капиталами богачей, къ нимъ стали поступать и незначительныя сбереженія бѣдняковъ. Составляя сохранныя и резервныя кассы для первыхъ, они сдѣлались для послѣднихъ кассами сбереженій. Шотландскіе банки съ успѣхомъ исполняли эту священную обязанность за долго еще до того времени, когда въ Англіи и Франціи сдѣлалось извѣстнымъ столь популярное теперь названіе *сберегательныхъ кассъ*. Будучи лучше организованы и имѣя возможность пускать капиталы въ обращеніе посредствомъ ссудъ и учета, они не имѣли надобности, какъ послѣдніе, опредѣлять мѣру своихъ благодѣяній; они не постановляли точнаго предѣла, на которомъ должна была останавливаться цифра вкладовъ одного лица. Потому трудолюбивый работникъ, ввѣрившій имъ свои деньги, могъ, рядомъ дополнительныхъ вкладовъ и

ЦАБ "Автограф"

оставленіемъ въ банкѣ причитавшихся на нихъ процентовъ увеличивать размѣръ своего вклада до назначеннаго имъ самимъ предѣла и такимъ-образомъ нетолько составить себѣ резервный фондъ на случай болѣзни и застоя въ работѣ, но и подняться выше своего состоянія, устроивъ на свои деньги собственную мастерскую. Шотландскіе банки представляютъ собою самыя полезныя учрежденія, распространяющія въ народѣ надежду и въ то же время идеи порядка и заботливость о будущемъ. Потому они долгое время замѣняли собою сберегательныя кассы, въ то время еще неизвѣстныя, а теперь составляющія необходимое дополненіе банковъ.

Можно составить себѣ понятіе о томъ, до какой степени вся масса вкладовъ, принимаемыхъ банками и возвращаемыхъ ими торговлѣ въ видѣ ссудъ, увеличила силу кредитныхъ и учетныхъ учрежденій. Не употребляя даже въ дѣло своихъ собственныхъ капиталовъ, они въ однихъ ввѣренныхъ имъ вкладахъ нашли бы достаточную массу капиталовъ для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ значительныхъ ссудъ и учета безчисленныхъ векселей.

Въ 1826 году въ системѣ англійскихъ банковъ произошла важная перемѣна. Затрудненія въ торговлѣ, явные успѣхи шотландскихъ банковъ и признанная непрочность банкирскихъ домовъ побудили парламентъ отмѣнить актъ 1708 года, которымъ было запрещено учреждать въ Англіи банки товариществамъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ шести членовъ; по-крайней-мѣрѣ дѣйствіе этого постановленія было ограничено пространствомъ на шестьдесятъ пять миль кругомъ Лондона. Начиная съ этого времени, въ Англіи рядомъ съ банкирскими домами возникаютъ товарищества на вѣрѣ (joint stock banks), учреждаемыя на основаніяхъ шотландскихъ банковъ. Сначала они распространялись очень медленно, такъ что въ 1833 году ихъ было всего тридцать четыре, но въ послѣдующіе годы число ихъ умножилось съ такою быстротою, что въ 1836 году ихъ считалось уже до 80-ти. Хотя въ устройствѣ своемъ они встрѣтили значительныя затрудненія

со стороны англійскихъ законовъ, препятствовавшихъ свободному образованію торговыхъ обществъ, и хотя вообще устройство и управленіе ихъ были ниже шотландскихъ банковъ, тѣмъ не менѣе они не замедлили оказать благотворное вліяніе на кредитную систему Великобританіи, исправивъ и дополнивъ ея недостатки.

Въ томъ же 1826 году въ Англіи запрещенъ былъ выпускъ въ обращеніе билетовъ цѣнностью менѣе 5-ти фунтовъ стерлинговъ. Между-тѣмъ Лондонскій банкъ неоднократно испытывалъ выгоду употребленія мелкихъ купоновъ, помогавшихъ ему выпутываться изъ опасныхъ кризисовъ; но правительство было поражено тѣмъ обстоятельствомъ, что билеты на малыя суммы чаще другихъ подвергались поддѣлкѣ. Впрочемъ запрещеніе это не было распространено на Шотландію. Въ то же время Лондонскій банкъ сталъ учреждать свои конторы въ провинціяхъ. Онъ постепенно завелъ ихъ въ Глостерѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Лидсѣ, Ливерпулѣ, Бристолѣ, Эксетерѣ, Ньюкэстлѣ, Гуллѣ, Норвичѣ, и т. д.

Система ирландскихъ банковъ, скопированная прежде съ системы банковъ Собственной Англіи съ такими же ограниченіями и еще бо́льшими злоупотребленіями, была также преобразована въ 1826 году и въ такомъ же духѣ.

Сѣверная-Америка очень рано вступила въ путь кредита при помощи коммерческихъ банковъ. Еще въ то время, когда она была англійскою колоніею, въ ней дѣлались попытки для развитія кредита; но только впослѣдствіи кредитныя учрежденія стали распространяться въ ней съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ. Въ 1811 году, во всемъ Американскомъ Союзѣ было только 88 банковъ, общій капиталъ которыхъ простирался до 42,609,101 долл. (около 57,500,000 р. с.); въ 1816 году число ихъ почти утроилось, потому-что въ эту эпоху было всего открыто 246 банковъ съ капиталомъ въ 89,822,297 долл. (около 121,250,000 р. с.); въ 1820 ихъ считалось 307 съ капиталомъ въ 101,714,551 долл. (около 135,619,000 р. с.); въ 1830 году 328 съ капиталомъ въ 110,186,608 долл. (около 146,915,000 р. с.). Въ послѣдующіе

годы число ихъ увеличивалось еще быстрѣе до-тѣхъ-поръ,-пока кризисъ 1837 года, возбужденный непримиримою враждою къ нимъ президента Джексона, не подорвалъ значительнаго числа ихъ; но это обстоятельство не на долго задержало ихъ развитіе и въ 1838 году, по свидѣтельству г. Кэри (Carey), на всемъ пространствѣ Союза находилось 677 банковъ съ капиталомъ въ 378 милл. долл. (510,300,000 р. с.).

Въ 1816 году въ Соединенныхъ Штатахъ основано было центральное кредитное учрежденіе, подъ именемъ *Банка Соединенныхъ Штатовъ*. Пятая часть его капитала, опредѣленнаго въ 35 милліоновъ долларовъ, дана была правительствомъ, которое кромѣ-того даровало ему много привиллегій, между прочимъ, исключительное право на храненіе и управленіе государственными фондами.

Благодаря своимъ собственнымъ средствамъ и исключительнымъ преимуществамъ, банкъ этотъ вскорѣ затмилъ своимъ блескомъ всѣ прочіе и занялъ даже особое положеніе въ нѣдрахъ самаго Союза. Но въ 1837 году, вслѣдствіе несогласій съ правительствомъ, онъ лишился всѣхъ привиллегій и спустился съ высоты своего могущества. Теперь онъ ни что иное, какъ банкъ штата Пенсильваніи и почти сравнился съ банками другихъ штатовъ.

Существенное различіе банковъ Соединенныхъ Штатовъ отъ англійскихъ и шотландскихъ состоитъ собственно въ образѣ ихъ устройства — какъ обществъ. Въ то время, какъ англійскіе банки почти всѣ сложились въ товарищества на вѣрѣ (joint stock companies), т. е. ассоціаціи, въ которой всѣ члены отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ за обязательства общества, банки Соединенныхъ Штатовъ, не столь стѣсняемые въ своемъ устройствѣ, сложились большею частію въ безъименныя или акціонерныя общества (товарищества на паяхъ, sociétés anonymes, incorporated companies), гдѣ каждый членъ отвѣчаетъ только тою суммою, которую онъ внесъ въ капиталъ общества. Обстоятельство это кажется чуждымъ, какъ природѣ такъ и операціямъ банка; но тѣмъ не менѣе оно имѣетъ замѣтное вліяніе на операціи. Это

не значитъ, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ можно было учреждать товарищества, не испрашивая на то ни у кого разрѣшенія. Тамъ, какъ и во всей Европѣ, необходимо дозволеніе правительства; но дозволенія эти, разрѣшаемыя правительствами каждаго штата въ предѣлахъ своего штата, получаются тамъ гораздо легче. Въ этомъ-то отношеніи, по нашему мнѣнію, банки Соединенныхъ Штатовъ составляютъ шагъ впередъ въ сравненіи съ англійскими и шотландскими банками. Потому, несмотря на предразсудокъ, распространенный на ихъ счетъ во всей Европѣ, а въ-особенности во Франціи, мы постараемся доказать на основаніи фактовъ, что они превышаютъ и тѣ и другіе, нетолько своимъ энергическимъ вліяніемъ на торговлю, но и прочностію своего существованія.

Послѣ сказанныхъ нами словъ въ пользу учрежденія банковъ, намъ не остается уже упоминать ни объ одномъ дѣйствительномъ успѣхѣ въ ряду уже существующихъ фактовъ. Поэтому мы не станемъ выводить на сцену коммерческіе банки другихъ странъ, какъ напримѣръ французскіе или бельгійскіе. О нихъ мы будемъ говорить тогда только, когда станемъ сравнивать различныя условія существованія и дѣйствія ихъ. Теперь же мы желали представить только историческій обзоръ банковъ, отмѣчая по возможности всѣ успѣхи кредитныхъ учрежденій въ ихъ главныхъ фазисахъ, и обзоръ этотъ естественно долженъ быть оконченъ на томъ, на чемъ остановился послѣдній ихъ шагъ развитія. Въ послѣдующей главѣ постараемся представить краткій, но основательный и полный очеркъ существенныхъ понятій о кредитѣ; въ дальнѣйшихъ же отдѣлахъ книги мы снова коснемся основныхъ идей, на которыхъ зиждется всякая система кредита.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТЕОРІЯ КРЕДИТА. — ОБЩІЙ И КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЕЯ.

§ I. Свойство банковаго билета. — Онъ есть кредитный знакъ.

Изъ операцій, предоставленныхъ банкамъ, самая лестная безъ-сомнѣнія, право выпуска въ обращеніе билетовъ. Эта возможность платить вмѣсто звонкой монеты бумагою, принимаемою всею публикою за наличныя деньги, дѣйствительно весьма замѣчательна и повидимому имѣетъ въ себѣ нѣчто чудесное. Поэтому она всегда увлекала собою предпріимчивые умы и по той же самой причинѣ пугала людей робкихъ. Одни видѣли въ этой операціи неистощимый источникъ богатства, другіе же подозрѣвали въ ней опасную приманку, непремѣнно ведущую къ гибели; впрочемъ тѣ и другіе считали ее такою характеристическою чертою банковъ, что почти совершенно позабыли прочія операціи банковыхъ учрежденій и видѣли въ нихъ только фабрику билетовъ. Еслибы въ это дѣло постарались вникнуть поглубже, то увидали бы, что операція банковъ, несмотря на свой блескъ, весьма проста и естественна, и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не объяснялось бы общими основаніями торговли. Тогда поняли бы, что, несмотря на свою существенную и огромную важность, она въ общемъ составѣ банковыхъ операцій играетъ второстепенную роль, составляя только необходимое дополненіе другой, болѣе важной, отрасли дѣятельности банковъ.

Но для этого нужно было сначала составить себѣ ясное понятіе о свойствахъ и результатахъ банковой операціи. Нужно знать, отчего происходитъ такое свойство банковъ и до какихъ предѣловъ оно простирается; но въ-особенности должно понять истинныя свойства банковыхъ билетовъ и основанія ихъ выпуска. Но какъ ошибались въ этомъ! Сколько объ этомъ предметѣ было пущено безсвязныхъ и нелѣпыхъ теорій, освященныхъ однако молчаніемъ, а иногда и поддержкою лучшихъ финансовыхъ умовъ своей эпохи. Почти повсюду господствуетъ мнѣніе, что право выпуска банковыхъ билетовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ праву *чеканить монету*, и что оно стремится къ вытѣсненію изъ обращенія звонкой монеты и замѣнѣ ея бумажными знаками. Удивительно, что послѣ полутора-вѣковаго существованія коммерческихъ банковъ, когда ихъ билеты подвергались такимъ испытаніямъ и оцѣнкѣ, когда съ другой стороны дѣйствія, свойства и существенныя качества монеты такъ ясно и хорошо опредѣлены, могутъ еще встрѣчаться люди—не невѣжды, а образованные, которые сравниваютъ банковые билеты съ монетою, и хотятъ поставить на одну линію и смѣшивать подъ однимъ названіемъ двѣ столь различныя вещи. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что это ошибочное мнѣніе до-сихъпоръ имѣетъ множество приверженцевъ. Повсюду вокругъ себя слышишь, какъ говорятъ, что банковые билеты замѣняютъ деньги (*); что банки, своими выпусками, увеличиваютъ массу монетныхъ знаковъ, и что дарованное имъ право выпускать билеты равняется праву чеканить монету; и подобныя грубыя ошибки, составляющія прямую противоположность съ самыми простыми данными науки, съ каждымъ днемъ укореняются повиди-

---

(*) Въ этомъ отрицаніи есть доля преувеличенія. Банковый билетъ и звонкая монета—вещи различныя, въ этомъ никто не сомнѣвается, но съ другой стороны справедливо, что билетъ замѣняетъ собою серебро, какъ монету, и въ томъ-то и состоитъ польза выпуска билетовъ; впослѣдствіи мы сами увидимъ, что авторъ нашъ признаетъ это правило и бросаетъ принятую здѣсь методу придираться къ словамъ. К. С.

ЦАБ "Автограф"

мому всё болѣе-и-болѣе. Всѣ они выражаются въ одномъ извѣстномъ словѣ: *бумажныя деньги*, чудовищномъ соединеніи двухъ несовмѣстныхъ выраженій и въ мнимой аксіомѣ англійской политической экономіи: *что самый совершенный видъ монеты есть бумажные знаки.* Слушая подобнаго рода безсмысленныя слова и химеры, можно подумать, что мы вернулись ко временамъ Ло (Law), и что намъ, какъ и тогда, на собственномъ опытѣ слѣдуетъ познать различіе между монетою и банковымъ билетомъ.

Дѣйствительно, со временъ Ло до нашихъ дней, понятія бо́льшей части экономистовъ о банкахъ въ сущности не многимъ отличаются между собою. Всѣ они заключаются въ одной и той же мысли, что банковыя бумаги замѣняютъ деньги. Только каждый изъ нихъ къ этой общей для всѣхъ ихъ мысли присоединилъ другія, измѣнившія практическое приложеніе первой. Одни думали, что для совершеннаго исполненія роли звонкой монеты банковыя бумаги должны быть поддерживаемы вѣрною надеждою на размѣнъ ихъ во всякое время на звонкую монету; другіе же напротивъ-того утверждали, что для существованія ихъ не нужно ничего, кромѣ обращенія подъ покровительствомъ и съ одобреніемъ закона. Ло, подобно большинству экономистовъ своего времени, принимавшій за истину, что золото и серебро составляютъ все богатство народа и что нужно стремиться къ увеличенію ихъ массы въ странѣ, думалъ также, по логической связи такого принципа, что не должно полагать никакихъ предѣловъ выпуску бумажныхъ знаковъ, назначенныхъ для замѣны денегъ, и дѣйствительно, система его съ самаго начала, когда она еще была учреждена на довольно разумныхъ основаніяхъ, стремилась къ тому, чтобы обременить страну безпрестанными и чрезмѣрными выпусками билетовъ. Экономисты, слѣдовавшіе за нимъ, постановили другія правила. Понимая яснѣе истинное употребленіе золота и серебра; зная, что монеты бываютъ полезны только какъ дѣятели обращенія и въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для требованій обращенія, они приняли за правило, что масса бумажныхъ знаковъ, находящихся въ обра-

щеніи, ни въ какомъ случаѣ не должна превышать количества самой монеты (*). Многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ Адамъ Смитъ и Жанъ Батистъ Сэй, даже говорили изъ видовъ благоразумія, что бумажными знаками можно замѣнить только часть звонкой монеты, напримѣръ половину; тогда какъ другіе болѣе рѣшительные и смѣлые, какъ Рикардо, предлагали замѣнить бумажными знаками всю массу существующей монеты. Но несмотря на все различіе мнѣній относительно мѣры практическихъ приложеній, всѣ примкнули къ одной главной мысли, что банковыя бумаги замѣняютъ деньги. Эта-то роковая теорія со своими объясненіями и варіантами и была гибельнымъ источникомъ всѣхъ ложныхъ системъ, всѣхъ несчастныхъ соображеній, столько разъ подвергавшихъ опасности участь банковъ подобно тому, какъ въ другія времена она была предлогомъ сопротивленія или даже преслѣдованій, встрѣченныхъ банками.

Еслибы ограничивались тѣмъ мнѣніемъ, что употребленіе банковыхъ билетовъ въ нѣкоторой мѣрѣ уменьшаетъ употребленіе звонкой монеты въ обращеніи въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ ее не столь необходимымъ, то были бы ближе къ истинѣ. Но все-таки необходимо было бы замѣтить, что это свойство не принадлежитъ однимъ только собственно банковымъ билетамъ, которые раздѣляютъ его и съ коммерческими и переводными векселями и билетами на предъявителя, съ государственными бумагами, могущими быть предметомъ торговли или передаваемыми на предъявителя и вообще со всѣми кредитными знаками (**); пото-

---

(*) Не вдаваясь въ изслѣдованія, до чего *должно* простираться количество банковыхъ билетовъ, можно положительно сказать, что количество билетовъ, выплачиваемыхъ по предъявленію, не *можетъ* превышать количества звонкой монеты, изъятой банкомъ изъ обращенія. *К. С.*

(**) Замѣчаніе это вполнѣ справедливо относительно коммерческихъ векселей; извѣстно, что всѣ подобнаго рода бумаги въ нѣкоторой мѣрѣ замѣняютъ монету, или, какъ говоритъ нашъ авторъ, дѣлаетъ употребленіе ея не столь необходимымъ. Такимъ же образомъ иногда машина замѣняетъ одинъ или нѣсколько пріемовъ въ работѣ или вообще дѣлаетъ употребленіе ихъ не столь необходимымъ для полученія извѣстной массы произведеній. *К. С.*

ЦАБ "Автограф"

му что послѣдніе въ дѣйствительности всѣ безъ исключенія, дозволяя помощію кредита производить большое число обмѣновъ, дѣлаютъ на столько же излишнимъ употребленіе звонкой монеты. Такъ какъ монета есть только посредникъ при обмѣнѣ, составляющемъ истинный предметъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, то ясно, что укоренившаяся въ какой-нибудь странѣ привычка производить обмѣны путемъ кредита, то-есть посредствомъ облигацій и *промессовъ*, дѣлаетъ менѣе необходимымъ употребленіе этого дорогаго посредника. Итакъ, чѣмъ болѣе въ странѣ распространяется употребленіе кредита, тѣмъ безполезнѣе и рѣже становится употребленіе монеты; а какъ изъ всѣхъ посредниковъ кредита, изъ всѣхъ представляющихъ его знаковъ, банковые билеты всѣхъ могущественнѣе, всѣхъ дѣйствительнѣе и болѣе всего способны къ общему и правильному употребленію, то понятно, что они еще болѣе другихъ способствуютъ тому, чтобы сдѣлать безполезнымъ употребленіе монеты. Но это еще не значитъ, что они замѣняютъ послѣднюю. Они такъ далеки отъ того, что имѣютъ значеніе и цѣнность только въ той мѣрѣ, въ какой съ помощью ихъ можно по желанію получить звонкую монету.

Монета есть товаръ. Она имѣетъ свою собственную внутреннюю цѣнность, и только вслѣдствіе этой цѣнности она принимается при обмѣнѣ. Эта истина извѣстна всякому. Для чего же уподоблять монетѣ кусокъ бумаги, въ которомъ нѣтъ существеннаго условія ея существованія? Это условіе—существованіе внутренней цѣнности—такъ необходимо даже для монеты, что ничто не можетъ замѣнить или насиловать ея цѣнности. Отнимите у какой-нибудь монеты часть ея внутренней цѣнности, уменьшите въ извѣстной пропорціи ея вѣсъ или пробу и тотчасъ же, несмотря на ея наименованіе и покровительство, которымъ пользуется, она теряетъ въ обращеніи, какъ средство обмѣна, ровно столько же, сколько она потеряла, какъ товаръ. Если же значеніе и цѣнность монеты въ обмѣнѣ такъ строго опредѣлены ея внутреннею цѣнностію, какъ можно вообразить себѣ, что есть

возможность придавать то же значеніе и ту же цѣнность банковымъ билетамъ, которые все же сами по себѣ ни что̀ иное, какъ клочки бумаги.

Итакъ, банковые билеты — не монета. Еще болѣе, никто не можетъ придать имъ этого значенія, потому-что, если нѣтъ на землѣ силы, которая могла бы придать золотымъ и серебрянымъ монетамъ высшую цѣнность противъ той, которую онѣ заключаютъ въ самихъ себѣ, то нѣтъ также и законовъ (*), которые могли бы возвысить до ихъ уровня кусокъ бумаги, лишенной всякой цѣнности.

Что же такое банковый билетъ? Торговое обязательство (облигація) и ничего болѣе. Это есть признаніе долга (долговое обязательство), выдаваемое банкомъ, по которому онъ обязывается уплатить впослѣдствіи. Это не есть дѣйствительная цѣнность, а только обязательство, обѣщаніе (promesse). Это обязательство, хотя и имѣетъ нѣсколько отличную форму, но въ сущности совершенно одинаково со всѣми тѣми, которыми ежедневно обмѣниваются при частныхъ сдѣлкахъ. Но, говорятъ нѣкоторые, если банковыя бумаги и не суть истинная монета, то покрайней-мѣрѣ онѣ сдѣлаются *воображаемою монетою*, обращающеюся въ публикѣ, какъ настоящая и имѣющая всѣ свойства послѣдней. Такъ-какъ выраженіе «*воображаемая монета*», не имѣетъ въ языкѣ никакого опредѣленнаго смысла, то ни что̀ не мѣшаетъ употреблять его для обозначенія того или другаго рода бумажныхъ знаковъ; это такой же способъ выражаться въ немногихъ словахъ, какъ и всякой другой.

Однако, надобно замѣтить, что употребленное названіе также мало соотвѣтствуетъ банковымъ билетамъ, какъ и всякому другому роду передаточныхъ обязательствъ, обращающихся въ публикѣ подъ различными условіями. Если банковые билеты — воображаемая монета, то этимъ же именемъ должно назвать векселя

(*) Авторъ совершенно забываетъ здѣсь узаконенія, по которымъ устанавлялся обязательный курсъ для ассигнацій и банковыхъ билетовъ. К. С.

и всѣ кредитные знаки, которые могутъ быть продаваемы или передаваемы. Коммерческія обязательства передаются изъ рукъ въ руки точно такъ же, какъ банковый билетъ; они употребляются при мѣнахъ, платежахъ и всякаго рода сдѣлкахъ съ тою только разницею, что обращеніе ихъ не столь повсемѣстно и не такъ легко.

Вообще нельзя сказать, чтобъ банковые билеты, подобно коммерческимъ обязательствамъ, обращались въ публикѣ на такомъ же основаніи, какъ и звонкая монета и имѣли то же значеніе. Вездѣ, гдѣ монета въ употребленіи, она принимается какъ товаръ; по этому ее принимаютъ за дѣйствительную плату, причемъ уничтожаются всѣ права и претензіи того, кто ее получаетъ. Банковые билеты напротивъ, обращаются какъ векселя; полученіе ихъ не считается дѣйствительною уплатою, но только обѣщаніемъ будущей уплаты, и права получившаго банковый билетъ продолжаютъ существовать съ тою только разницею, что переходятъ къ другому кредитору. Въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто уплаты происходитъ только одно перемѣщеніе долга. Это есть ни что иное какъ замѣнъ одного обязательства другимъ; потому-что платящій банковыми билетами, этимъ самымъ, съ согласія кредитора переводитъ свой долгъ на банкъ. Итакъ монета уничтожаетъ обязательства, а банковый билетъ напротивъ возобновляетъ или перемѣщаетъ ихъ, подобно коммерческимъ обязательствамъ, отъ которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ отличается только легкостію и обширностію обращенія (*).

Строго говоря, названіе «*воображаемая монета*», даваемое банковымъ билетамъ, нетолько произвольно, но и ложно. Если смотрѣть на банковый билетъ съ обыкновенной точки зрѣнія, то онъ

(*) Между коммерческою бумагою и банковымъ билетомъ существуетъ огромная разница, о которой не упомянуто въ текстѣ; первая, при передачѣ, уничтожаетъ долговое обязательство передающаго лица только послѣ уплаты по векселю лицамъ, давшимъ его, тогда какъ передача безъименнаго банковаго билета совершенно и окончательно освобождаетъ отъ долга лицо, передающее билетъ. К. С.

ЦАБ "Автограф"

не имѣетъ никакого воображаемаго или условнаго значенія. Могущественное общество, устроенное на прочныхъ основаніяхъ и къ тому же вполнѣ отвѣтственное, выдавая билетъ, обязуется заплатить опредѣленную сумму по предъявленіи и на предъявителя, и дѣйствительно уплачиваетъ его тотчасъ же по представленіи билета. Гдѣ уже тутъ условное значеніе. Напротивъ, здѣсь все ясно, просто и осязательно. Конечно, подобный билетъ не замѣняетъ монеты; это доказывается даже самыми обстоятельствами дѣла; поэтому нельзя назвать его *монетой*, но въ немъ также нѣтъ ничего условнаго, потому-что всѣ обязательства по немъ вполнѣ исполняются. Слѣдовательно названіе „*воображаемая монета*“ вдвойнѣ возможно, и нѣтъ ничего понятнѣе соединенія этихъ двухъ словъ.

Если иногда и можно употребить выраженіе „*бумажныя деньги*“ или „*воображаемая монета*“, то только относительно нѣкоторыхъ подозрительныхъ обязательствъ, выпускъ которыхъ допускается иногда правительствомъ въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, съ цѣлью поправить свои дѣла, пользуясь легковѣріемъ публики; такіе билеты не имѣютъ никакой цѣнности (*), потому-что вовсе не обезпечиваютъ уплаты по нимъ въ будущемъ, и которымъ тѣмъ не менѣе насильственныя узаконенія стараются придать обязательный курсъ. Таковы были билеты банка Ло (Low), при паденіи его системы; такими же были впослѣдствіи ассигнаціи. Въ нѣкоторой степени и съ нѣкоторыми необходимыми изъятіями (**) можно было бы придать такое же значеніе и билетамъ лондонскаго и американскихъ банковъ въ то время, когда уплата по нимъ звонкою мо-

---

(*) Еслибы эти бумаги не имѣли цѣнности, ихъ нельзя было бы ни давать, ни принимать въ замѣнъ товаровъ. Правда, сами по себѣ онѣ не имѣютъ цѣнности, но пріобрѣтаютъ весьма значительную цѣнность вслѣдствіи правительственныхъ узаконеній, которыя приносятъ имъ обязательный курсъ. Эти узаконенія могутъ быть сильно порицаемы; но все-таки они придаютъ цѣнность бумагѣ, къ которой относятся. К. С.

(**) И даже безъ изъятій. К. С.

нетою была пріостанавливаема. Такіе билеты нельзя считать облигаціями, потому-что выпускающіе ихъ не принимаютъ на себя никакихъ обязательствъ.

Они также не имѣютъ въ себѣ ничего коммерческаго, потому-что ими прямо нарушаются всѣ законы торговли. Въ нихъ все ложно; обязательства, въ нихъ заключающіяся, — ни что̀ иное какъ приманка; выставленныя на нихъ суммы — оптическій обманъ. Впрочемъ, въ мысляхъ тѣхъ, которые выпускаютъ ихъ, они дѣйствительно предназначены замѣнять монету, потому-что ихъ выдаютъ вмѣсто монеты. Такіе билеты дѣйствительно можно назвать «*бумажною*» или «*воображаемою монетою*». Да и можно ли иначе назвать то, что̀ не можетъ имѣть болѣе честнаго наименованія! Но въ этомъ случаѣ подобное названіе должно считаться безчестіемъ; кто-то сказалъ совершенно справедливо, что выпускъ подобныхъ билетовъ можетъ считаться послѣднею степенью поддѣлки монетъ государства; прибѣгающіе къ такимъ жалкимъ средствамъ прямо идутъ къ гибели.

Однако, чтобъ быть справедливымъ, надобно сказать, что экономисты, въ томъ числѣ и знаменитые, слова которыхъ имѣютъ вѣсъ въ подобномъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ нами отвергаютъ эти ложныя сближенія, эти невѣрныя названія; но въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ непослѣдовательно. Не признавая за банковыми билетами значенія монеты, отказывая имъ въ названіи «*бумажной*» или «*воображаемой монеты*», они тѣмъ не менѣе рѣшительно утверждаютъ, что въ обращеніи они замѣняютъ звонкую монету. Поэтому, согласно ихъ мнѣнію, изъ обращенія исчезнетъ звонкой монеты на такую же сумму, на какую будетъ выпущено банковыхъ билетовъ. Но какъ объяснить самый принципъ и примѣненіе подобной ипотезы. По принципу непонятно, какимъ-образомъ банковые билеты, которые не суть звонкая монета и даже не заслуживаютъ названія *воображаемой монеты*, могутъ входить въ обращеніе и замѣнить собою повсюду звонкую монету. На самомъ дѣлѣ, какимъ-образомъ совершается это предполагаемое замѣщеніе? Какими способами выполняется оно на

практикѣ? Кто его дѣйствительные или видимые агенты? Въ практикѣ банковые билеты обыкновенно, за очень рѣдкими исключеніями, выдаются въ замѣнъ векселей. Судя по этому видимому факту, кажется, что они замѣняютъ въ обращеніи просто коммерческіе векселя. Но по какому странному и таинственному превращенію эти билеты, выдаваемые вмѣсто другихъ билетовъ, замѣняютъ собою деньги? Должно сознаться, что подобное явленіе требуетъ объясненія; объясненія же этого намъ не даютъ. Пусть нѣкоторые экономисты считаютъ эту теорію однимъ изъ самыхъ лучшихъ экономическихъ выводовъ Адама Смита, но мы, несмотря на все наше уваженіе къ А. Смиту, не можемъ видѣть въ ней что-нибудь иное, какъ замысловатую игру воображенія, основанную на нѣкоторыхъ предразсудкахъ и выдуманную съ цѣлью обойти вопросы, которыхъ нельзя было рѣшить.

Не надобно думать, чтобы мы придирались къ словамъ. Эти ложныя наименованія неголько слишкомъ часто служатъ предлогомъ для преслѣдованія банковъ, но кромѣ-того, вносятъ въ публику превратныя понятія. Такъ напримѣръ, она безъ всякихъ основаній предполагаетъ, что между суммою выпущенныхъ банкомъ билетовъ и суммою звонкой монеты, находящейся въ обращеніи или изъятой изъ него, существуетъ нѣкоторое постоянное соотношеніе.

На самомъ же дѣлѣ, если что-нибудь замѣняетъ или дѣлаетъ не нужною звонкую монету, то это кредитъ (*), который дѣйствуетъ весьма разнообразно; банковые же билеты суть ни что иное, какъ главные его агенты.

Итакъ, отбросимъ всѣ эти пустыя теоріи. Нужно дать себѣ

(*) Это предположеніе, совершенно справедливое, исправляетъ то, что авторъ говорилъ передъ тѣмъ противъ хорошо основанной и ясно изложенной теоріи. Звонкая монета замѣняется кредитомъ: если банковые билеты суть его главные дѣятели, то посредствомъ ихъ кредитъ замѣняетъ звонкую монету, и такимъ-образомъ мы возвращаемся къ здравой теоріи. К. С.

ЦАБ "Автограф"

болѣе систематическій и удовлетворительный отчетъ о значеніи и дѣйствіяхъ банковъ.

Такъ-какъ настоящая цѣль послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобъ благопріятствовать развитію коммерческаго кредита, то, для соблюденія послѣдовательности въ изложеніи, намъ надобно сперва объяснить, что̀ такое кредитъ и какія онъ доставляетъ выгоды? Разсмотримъ прежде всего, что̀ такое кредитъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какимъ-образомъ банки, выпуская свои билеты, содѣйствуютъ его развитію.

§ 11. Предварительныя понятія о кредитѣ.

Хотя очень не многимъ понятно дѣйствіе кредита и не всѣ умѣютъ оцѣнить могущество его, всякому однако извѣстно употребленіе этого слова и придаваемое ему обыкновенно значеніе. Въ самомъ общемъ смыслѣ, кредитъ есть довѣріе, примѣненное къ коммерческимъ дѣламъ. Дѣйствіе, которымъ выражается это довѣріе, есть заемъ, т.-е. ссуда, производимая лицомъ, имѣющимъ капиталъ, заемщику, который принимаетъ на себя обязательство уплатить долгъ впослѣдствіи. Говорятъ: что кредитъ господствуетъ въ странѣ, когда ссуды совершаются въ ней легко и въ большомъ числѣ, когда владѣтели капиталовъ отдаютъ ихъ охотно, будучи увѣрены въ ихъ уплатѣ. Точно также про частное лице говорятъ: что оно имѣетъ кредитъ, если легко находитъ заимодавцевъ.

Но не должно полагать, что главный результатъ кредита состоитъ въ перемѣщеніи денегъ и, въ болѣе обширномъ смыслѣ, переходѣ капиталовъ изъ рукъ собственно капиталистовъ въ руки производителя. Судя по тому, какъ обыкновенно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ, казалось бы, что въ этомъ единственная цѣль или единственное возможное примѣненіе его. Напротивъ-того, это примѣненіе самое рѣдкое и менѣе другихъ заслуживающее вниманія. Во всякой странѣ большая часть кредитныхъ сдѣлокъ совершается въ самомъ кругу промышлен-

ныхъ оборотовъ, т.-е. или между производителями, или между торгующими. Производитель сыраго матеріала ссужаетъ его фабриканту-промышленнику для первой обработки, получая отъ него въ замѣнъ обязательство на срокъ. Послѣдній, въ свою очередь, и на такихъ же условіяхъ, ссужаетъ свое произведеніе другому фабриканту, который подвергаетъ его вторичной обработкѣ, и такимъ-образомъ кредитъ распространяется отъ одного производителя къ другому и оканчивается на потребителѣ. Получивъ такимъ способомъ товары отъ фабриканта или коммиссіонера, оптовой торговецъ ссужаетъ ихъ мелочному торговцу. Всякій, занимая съ одной стороны, съ другой самъ даетъ въ займы иногда деньги, но чаще всего произведенія. Такимъ путемъ совершается въ торговыхъ оборотахъ безпрерывный взаимный обмѣнъ ссудъ. Въ этомъ-то умноженіи и увеличеніи взаимныхъ ссудъ и состоитъ развитіе кредита и все его могущество.

Съ перваго взгляда казалось бы, что эти взаимныя ссуды въ совокупности не приносятъ никому выгоды, потому-что каждый въ получаемыхъ ссудахъ находитъ уплату ссудъ, сдѣланныхъ имъ самимъ; но не должно забывать, что всѣ эти ссуды изображаются обязательствами на срокъ, которыя принимаютъ видъ билетовъ, могущихъ быть передаваемы безъ передаточныхъ надписей. Лице, давшее другому товаръ въ кредитъ, получаетъ отъ него билеты, которые стоитъ только продать, чтобъ немедленно получить обратно свой капиталъ. Такимъ-образомъ, всякій имѣетъ возможность скоро получить обратно, только въ другой формѣ, ссуженныя имъ цѣнности, тогда какъ полученныя имъ ссуды остаются за нимъ до истеченія срока его обязательствъ. Слѣдовательно его средства, его производительная сила увеличиваются на все количество полученныхъ имъ ссудъ, не теряя нисколько отъ ссудъ, произведенныхъ имъ (*). Ясно, что въ этой системѣ капиталъ для каждаго увеличивается на сумму оказываемаго ему кредита.

(*) Это можетъ быть истиною только въ отношеніи частнаго лица, но не

На это нѣкоторые экономисты возражаютъ, что кредитъ не образуетъ капиталовъ и не можетъ ничего прибавить къ дѣйствительному богатству народа. Это мы увидимъ впослѣдствіи. Между-тѣмъ можно ли отрицать, что въ приведенной нами системѣ производительный капиталъ каждаго увеличивается; а если это справедливо для каждаго лица въ частности, то можетъ ли оно быть несправедливо для всего общества. Къ тому же должно замѣтить, что все это не ипотеза, а фактъ, который совершается въ глазахъ всѣхъ и въ дѣйствительности котораго всякій можетъ легко убѣдиться. Система взаимныхъ ссудъ между производителями ежедневно приводится въ дѣйствіе въ бо́льшихъ или мéньшихъ размѣрахъ во всякой промышленной странѣ и слѣдствія ея слишкомъ очевидны и поразительны, чтобъ можно было въ нихъ сомнѣваться. Благодаря этой системѣ, всякій негоціантъ можетъ по мѣрѣ кредита, которымъ онъ пользуется или, сообразно обычаямъ страны, удвоить, утроить, иногда удесятерить цифру своихъ оборотовъ, т.-е. производить операціи на сумму вдвое, втрое, вдесятеро больше дѣйствительнаго его богатства (*), не теряя ничего отъ кредита,

---

цѣлаго общества; частное лице можетъ получить въ кредитъ капиталовъ больше или столько же, сколько онъ роздалъ въ ссуду; но онъ можетъ получать только капиталы, принадлежащіе другому частному лицу, которое лишается ихъ, производя ссуду. Такимъ-образомъ кредитъ служитъ только къ перемѣщенію пользованія капиталомъ изъ однихъ рукъ въ другія; это ясно доказывается тѣмъ, что нельзя себѣ представить ссуды безъ совершенно соотвѣтствующаго ему долга; а изъ этого слѣдуетъ, что сумма ссудъ и сумма долговъ непремѣнно должны быть всегда равны другъ другу. К. С.

(*) Эти цѣнности доставляются капиталистами, которые находятъ въ этомъ свою пользу. Чаще всего негоціантъ, торгующій на кредитъ, даетъ векселя или получаетъ ихъ. Эти билеты или векселя хранятся до наступленія срока у того, кто далъ капиталъ, если онъ владѣетъ капиталами, безъ которыхъ можетъ на время обойтись. Если у него нѣтъ такихъ капиталовъ, онъ производитъ учетъ своимъ билетамъ или векселямъ у своего банкира, который доставляетъ ему капиталы или изъ своихъ собственныхъ суммъ, или изъ суммъ, ввѣренныхъ ему капиталистами. Такимъ-образомъ, во всякомъ кредитномъ оборотѣ есть капиталистъ, который доставляетъ капиталъ, составляющій предметъ оборота, и заемщикъ, хорошо или дурно помѣщающій занятые капиталы. К. С.

которымъ пользуются его совмѣстники. Пусть отвергаютъ вообще возможность увеличенія цѣнностей посредствомъ кредита, тѣмъ не менѣе фактъ этотъ существуетъ. Если политическая экономія въ своемъ настоящемъ положеніи не объясняетъ этого явленія — тѣмъ хуже для нея; но не слѣдуетъ, опираясь на сомнительную теорію, отвергать очевидные факты. Что бы ни говорили, прямое и необходимое дѣйствіе кредита на торговыя отношенія есть увеличеніе количества суммы *цѣнностей*, посредствомъ которыхъ каждый промышленникъ совершаетъ свои обороты и тѣмъ самымъ увеличиваетъ производительныя средства ихъ.

Сверхъ-того система взаимныхъ ссудъ можетъ до безконечности увеличиваться въ размѣрахъ. Капиталистъ, ссужающій торговлю своимъ капиталомъ, можетъ дать его только однажды, по этому кредитъ, который онъ можетъ оказать, ограниченъ, какъ и состояніе его; тогда какъ кредитъ между производителями не имѣетъ предѣловъ, потому-что въ производствѣ предметъ кредита постоянно возобновляется (*). Дѣйствительно, предположивъ, что всякій промышленникъ, продающій свои произведенія другому въ долгъ, легко можетъ немедленно получить обратно свои деньги, продавъ полученные въ замѣнъ ихъ векселя, то самыя произведенныя имъ ссуды даютъ ему средства сдѣлать вслѣдъ затѣмъ ссуду еще болѣе значительную. Дѣйствія его не ограничены величиной его капитала, который безпрерывно возсоздается, возрастая каждый разъ чрезъ присоединенія къ нему прибыли. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи нельзя положить предѣла количеству ссудъ, которыя всякій промышленникъ въ состояніи сдѣлать: онъ можетъ безпредѣльно увеличивать и умножать ихъ, и чѣмъ болѣе онъ умножаетъ ихъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ средствъ увеличить ихъ еще болѣе (**).

(*) Но количество его безпрестанно уменьшается вслѣдствіе потребленія.
К. С.

(**) При этомъ необходимо все-таки, чтобы съ одной стороны промышлен-

Эти данныя чрезвычайно просты и ничего не можетъ быть справедливѣе и точнѣе выводовъ, которые на нихъ основаны. Этихъ данныхъ достаточно было бы, чтобъ доказать всѣ выгодныя послѣдствія кредита, еслибъ ихъ къ несчастію не затемняли и не измѣняли общественные предразсудки и ложныя указанія науки. Перейдемъ теперь къ возраженіямъ экономистовъ, которыя помогутъ намъ объяснить механизмъ кредита.

«Кредитъ не творитъ *капитала*, говоритъ Жанъ-Батистъ Сэй, т. е. если лице, занявшее для производительнаго употребленія какую-нибудь *цѣнность*, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ пользованіе *капиталомъ*, то съ другой стороны лице, дающее капиталъ въ ссуду, лишаетъ себя права пользованія имъ.» Изъ чего Сэй повидимому основательно выводитъ, что кредитъ производитъ только перемѣщеніе капитала и въ сущности приноситъ только однѣ маловажныя выгоды. Разберемъ слова Сэя.

Прочитавъ предъидущее, очевидно, что Сэй разсмотрѣлъ въ обширномъ явленіи кредита только одинъ случай, именно ссуду, сдѣланную промышленнику капиталистомъ. При этомъ онъ впалъ въ обыкновенную ошибку, взглянувъ на предметъ слишкомъ односторонне, тогда какъ мы видѣли, что это частный случай, менѣе всѣхъ интересный, наименѣе достойный изслѣдованія. Въ своей ипотезѣ онъ справедливо говоритъ, что капиталистъ, дающій свои деньги въ заемъ, дѣйствительно лишается пользованія ими. Онъ могъ бы самъ употребить ихъ на устройство какого-нибудь промышленнаго заведенія, на заграничную торговлю, заняться торговыми оборотами или учетомъ. Онъ отказывается отъ такого употребленія капитала въ пользу заемщика. Въ этомъ случаѣ нѣтъ увеличенія капитала, а только перемѣщеніе его; что

никъ нашелъ капиталистовъ, которые оказали бы ему кредитъ; съ другой стороны необходимъ сбытъ, который бы обезпечилъ ему своевременное возвращеніе капиталовъ, занятыхъ имъ для отдачи въ ссуду. А оба эти условія значительно ограничиваютъ возможность его производить ссуды. К. С.

выигрываетъ одна сторона, то очевидно теряетъ другая, и мы можемъ вмѣстѣ съ Сэйемъ сказать въ пользу такого перемѣщенія только то, что промышленникъ, получившій капиталъ, по всей вѣроятности воспользуется имъ лучше самаго капиталиста. Но все измѣняется, когда кредитъ разсматривается въ настоящей его сферѣ, т. е. въ кругу взаимныхъ ссудъ производителей. Производители ссужаютъ другъ друга не капиталами, а своими произведеніями или товарами, которые обращаются у занявшаго ихъ въ производительные капиталы, другими словами въ орудія труда; но находясь въ рукахъ владѣльца, они до продажи ихъ остаются мертвымъ капиталомъ. Изъ этого можно понять огромную разницу между обоими указанными случаями, разницу, совершенно уничтожающую выводъ, сдѣланный Сэйемъ.

Чтобъ отдать себѣ отчетъ въ изумительныхъ дѣйствіяхъ кредита, должно въ предметахъ, составляющихъ богатство народа, тщательно отличать произведенія и товары отъ орудій труда, т. е. производительнаго капитала. Ихъ часто смѣшиваютъ подъ общимъ названіемъ капиталовъ, что могло бы быть справедливо, еслибъ имѣлось въ виду опредѣлить только массу народнаго богатства, потому-что всякій товаръ—есть капиталъ и всякій капиталъ—товаръ, и то и другое одинаково составляютъ частныя имущества и общественное богатство; но если имѣть въ виду производительную силу, то опредѣленіе это негодится. Доколѣ предметъ остается въ рукахъ производителя, онъ есть ни что иное, какъ товаръ или, если угодно, капиталъ, но капиталъ бездѣйствующій. Не доставляя промышленнику никакой выгоды, онъ составляетъ для него бремя и причину непрерывныхъ затрудненій, вводитъ его въ безполезныя издержки и потери, какъ напримѣръ расходы на сохраненіе, складъ и сбереженіе, проценты съ основнаго капитала и прочее, не считая порчи, которой подвергается бо́льшая часть товаровъ при долгомъ сохраненіи. Слѣдовательно если эти предметы выходятъ изъ его кладовыхъ посредствомъ продажи въ кредитъ, то можно ли

ЦАБ "Автограф"

сказать, что онъ лишенъ пользованія ими? Нѣтъ, потому-что они могли принести ему пользу только при продажѣ. Напротивъ того онъ избавился отъ безполезнаго бремени. Между-тѣмъ, если предположить, что эти произведенія изъ его кладовой, гдѣ онѣ лежали безъ употребленія, перешли къ другому промышленнику, подвергающему ихъ новой обработкѣ, то онѣ изъ непроизводительнаго товара обратились для послѣдняго въ производительный капиталъ. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ произойдетъ увеличеніе производительнаго капитала съ одной стороны, безъ уменьшенія его для другой (*). Далѣе, если допустить, что продавецъ, отдавая товары свои въ кредитъ, получаетъ взамѣнъ ихъ векселя, которые онъ легко можетъ продать немедленно, то очевидно, что онъ получаетъ чрезъ то средство пріобрѣсти снова матерьялы и орудія для продолженія своего производства. Итакъ, тутъ производительный капиталъ увеличивается у обѣихъ сторонъ и больше всѣхъ выигрываетъ при этомъ продавецъ или заимодавецъ.

Странно казалось бы однако думать, чтобъ однимъ дѣйствіемъ кредита всякій сдѣлался богаче, чѣмъ былъ; откуда берутся избыточные капиталы, которыми мы такъ щедро надѣляемъ всѣхъ? Произвелъ ли ихъ кредитъ? Но можетъ ли такое нравственное явленіе, какъ кредитъ, что-нибудь создать или произвести? Если же онъ ничего не создаетъ, то не ограничивается ли дѣйствіе его простымъ перемѣщеніемъ капиталовъ? Какимъ же образомъ онъ можетъ имѣть свойство увеличивать частныя средства и общественное богатство? Вотъ возраженіе во всей его силѣ, но оно почти совершенно опровергается сказаннымъ нами выше.

Кредитъ не производитъ ничего, но, не увеличивая вообще массы капиталовъ, составляющихъ достояніе страны, не увеличи-

---

(*) Но все же это происходитъ единственно потому, что капиталы переходятъ изъ рукъ капиталиста, не могшаго воспользоваться ими, въ руки того, который могъ сдѣлать ихъ производительными. К. С.

ваетъ ли онъ, по-крайней-мѣрѣ, производительнаго ея капитала, открывая производительное употребленіе тѣмъ капиталамъ, которые безъ его помощи оставались бы въ бездѣйствіи. Взглянемъ на положеніе страны подобной Франція. Обозрѣвая ея магазины и лавки, мы вездѣ найдемъ огромныя массы непроданныхъ товаровъ, цѣнность которыхъ безъ сомнѣнія во всякое время значительно превышаетъ количество звонкой монеты, находящейся въ странѣ. Они тяготятъ своихъ владѣльцевъ, которые всячески стараются продать ихъ. Между-тѣмъ какъ всѣ они, кромѣ тѣхъ, которые назначены къ окончательному потребленію, могли бы быть полезны другимъ промышленникамъ, какъ матерьялы или орудія труда. Вмѣсто того товары эти лежатъ безъ пользы въ ожиданіи покупателей. Они конечно разойдутся когда-нибудь, но медленно и понемногу, а между-тѣмъ какая трата времени и труда. Представимъ себѣ, что по мановенію волшебнаго жезла, произведенія эти немедленно будутъ разобраны, что съ одной стороны переполненныя кладовыя опустѣютъ, съ другой, всѣ лица, могущія съ пользою употребить эти произведенія, будутъ снабжены ими, однимъ словомъ, что вся масса товаровъ перейдетъ быстро, безъ затрудненій и препятствій, изъ состоянія залежалаго продукта въ состояніе производительнаго капитала: какая новая дѣятельность во всей странѣ, какое быстрое увеличеніе производительной силы и за тѣмъ какое умноженіе богатства! Волшебнымъ жезломъ въ этомъ случаѣ будетъ кредитъ, а такое быстрое превращеніе и есть собственно оказываемое имъ благодѣяніе.

Благодѣтельное дѣйствіе кредита происходитъ единственно отъ того, что онъ ускоряетъ обращеніе капиталовъ, открывая имъ безпрестанно новое производительное употребленіе (*),

---

(*) Въ этомъ-то и заключается истина и опроверженіе ложнаго мнѣнія автора, высказанное имъ выше. Кредитъ можетъ увеличить производительныя силы общества единственно только болѣе прибыльнымъ и дѣятельнымъ употребленіемъ капиталовъ. К. С.

сокращая время ихъ бездѣйствія и умножая нѣкоторымъ образомъ ихъ воспроизводительную силу. Это-то и называютъ обыкновенно «*дѣятельностію обращенія*» — выраженіе знакомое всѣмъ, хотя рѣдко понимаемое во всемъ своемъ значеніи. Однимъ словомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что кредитъ производитъ болѣе общее и дѣятельное обращеніе. А въ этомъ заключается все: производительная сила, трудъ, богатство, благоденствіе всѣхъ и каждаго.

Посредствомъ слова: «*дѣятельность обращенія*», можно объяснить то, ничѣмъ другимъ необъяснимое явленіе, что помощію кредита негоціанты и промышленники совершаютъ вдесятеро болѣе оборотовъ, чѣмъ могли бы они сдѣлать ихъ безъ этого могущественнаго средства. Значитъ ли это, что цѣнности, находящіяся въ ихъ рукахъ, въ данный моментъ вдесятеро болѣе тѣхъ, которыми они владѣли безъ помощи кредита? Конечно нѣтъ: это только значитъ, что въ извѣстное пространство времени торговецъ или производитель, вмѣсто одного раза, десять разъ возобновилъ свои матерьялы или произведенія; что вмѣсто-того, чтобъ оставлять свои капиталы въ видѣ товаровъ, не находящихъ покупателей на наличныя деньги, онъ пользуется быстрымъ сбытомъ ихъ для того, чтобъ удесятерить свое производство; что наконецъ благодаря льготамъ, которыя онъ оказываетъ другимъ и которыми самъ пользуется, онъ увеличилъ вдесятеро орудія труда, или болѣе дѣятельнымъ употребленіемъ ихъ извлекъ изъ каждаго изъ нихъ вдесятеро болѣе пользы. Вотъ вся тайна столь же простая сама по себѣ, какъ благотворная по послѣдствіямъ.

Здѣсь однако рождается еще вопросъ, какою таинственною силою кредитъ совершаетъ эти чудеса и нельзя ли достигнуть тѣхъ же результатовъ простымъ употребленіемъ одной звонкой монеты. Быть можетъ, сказаннаго нами будетъ недостаточно; чтобы разсѣять на этотъ счетъ всѣ сомнѣнія, было бы достаточно положиться на свидѣтельство собственныхъ своихъ глазъ. Тогда сдѣлалось бы очевиднымъ, что въ еже-

дневныхъ сдѣлкахъ своихъ промышленники, продавая другъ другу въ кредитъ и обмѣниваясь обязательствами, на самомъ дѣлѣ, увеличиваютъ массу своихъ оборотовъ, и слѣдовательно и производительныя силы другъ друга. Не довольно ли этого очевиднаго факта? Но есть упорные предразсудки, которые борятся даже съ очевидностью. Чтобъ окончательно разсѣять ихъ, необходимо глубже вникнуть въ предметъ, необходимо раскрыть весь механизмъ промышленности, показать какъ медленно, сложно и затруднительно обращеніе произведеній при употребленіи одной только звонкой монеты и почему только кредитъ освобождаетъ его отъ такихъ затрудненій. Мы постараемся объяснить это въ слѣдующей главѣ. Теперь же необходимо только уяснить тѣсную связь между банковыми операціями и развитіемъ коммерческаго кредита. Для этого будетъ достаточно сказаннаго нами выше. Остановившись на этомъ, разсмотримъ предварительно, какимъ образомъ, съ какою цѣлью, и какими средствами банки играютъ роль въ этой системѣ.

§ III. Роль банкировъ въ системѣ кредита.

Съ перваго взгляда кажется, что въ кредитныхъ операціяхъ торговля сама можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ и не нуждается въ посторонней помощи. Дѣйствительно, мы сейчасъ видѣли, что всѣ кредитныя сдѣлки совершаются внутри ея самой. Кромѣ незначительныхъ ссудъ капиталистовъ все, что она получаетъ, происходитъ отъ нея же. Сама она есть источникъ кредита, которымъ пользуется, источникъ неисчерпаемый, потому-что безпрерывно возобновляется вмѣстѣ съ производствомъ (*). Но для чего же въ такомъ случаѣ посторонняя помощь? По только-что указаннымъ даннымъ не видно

(*) Однако кредитъ не имѣетъ вообще другаго предмета, какъ капиталы, затраченные на промышленность для того, чтобъ возобновляться посредствомъ постояннаго производства. *К. С.*

никакой надобности въ ней; и дѣйствительно можно сказать, что въ теоріи она безполезна.

Но мы знаемъ уже, что въ системѣ этой необходимо предположить, что каждый можетъ продать билеты, полученные имъ въ уплату за свои товары. Безъ этого производство и обмѣны остановились бы въ самомъ началѣ, потому-что ссуда, сдѣланная производителемъ другому, не давала бы ему никакой возможности получить цѣнность въ другихъ предметахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяла бы ему вторично возобновить ссуду; такимъ-образомъ всѣ ссуды, производимыя въ торговлѣ, подошли бы подъ случай простой ссуды, сдѣланной капиталистомъ, который, какъ мы видѣли, производитъ одно только перемѣщеніе производительнаго капитала. Слѣдовательно, возможность продавать векселя, получаемые въ замѣнъ товаровъ, есть необходимое условіе дѣйствія кредита. Здѣсь-то и начинаются затрудненія. Предоставленная самой себѣ торговля не нашла бы сбыта своимъ векселямъ или, по-крайней-мѣрѣ, обращеніе ихъ было бы медленно и затруднительно, а вслѣдствіе этого, употребленіе ихъ сдѣлалось бы чрезвычайно ограниченно и самый кредитъ необходимо пострадалъ бы отъ такого стѣсненія. Вотъ что именно дѣлаетъ необходимымъ вмѣшательство банковъ.

Конечно, можно предположить такой порядокъ вещей, при которомъ торговцы сами бы позаботились о сбытѣ своихъ векселей. Для этого нужно только, чтобы векселя одного, безпрепятственно принимались другими и ходили бы по рукамъ. Такимъ-образомъ торговецъ, получивъ вексель за товары, проданные имъ въ кредитъ, употребилъ бы его на покупку матерьяловъ или орудій, необходимыхъ для его производства, не стѣсняя себя въ выпускѣ такихъ же векселей. Онъ переведетъ его на имя продавца, тотъ въ свою очередь переведетъ его другому производителю, отъ котораго получаетъ товаръ, и такъ далѣе до срока уплаты. Еслибъ такое обращеніе могло водвориться само собою и производилось бы всегда съ достаточною дѣятель-

ностію и повсемѣстно, то не было бы надобности ни въ частныхъ банкирахъ, ни въ общественныхъ банкахъ и кредитъ приносилъ бы свои плоды безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Понятно, что тогда употребленіе звонкой монеты сдѣлалось бы почти ненужнымъ въ торговыхъ сдѣлкахъ, потому-что ее замѣняли бы векселя торговцевъ, какъ теперь замѣняютъ ее иногда банковые биллеты. Такъ какъ каждый торговецъ въ одно и то же время давалъ бы и принималъ векселя, то въ день платежа можно было бы взаимно переводить ихъ и, такимъ способомъ, безъ употребленія звонкой монеты погашать взаимныя обязательства. Но для того должно предположить, что всѣ торговцы знаютъ другъ друга, чего не бываетъ на дѣлѣ; что покупатели и продавцы, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ, могутъ въ случаѣ надобности видѣться и сговариваться другъ съ другомъ, наконецъ, что всѣ они имѣютъ другъ къ другу одинаковое довѣріе. Кромѣ-того для этого необходимо, чтобы торговецъ имѣлъ векселей на сумму, соотвѣтствующую цѣнѣ закупаемыхъ имъ произведеній или суммѣ уплатъ, которыя онъ долженъ произвести, чтобъ векселя эти находились постоянно въ знакомыхъ рукахъ, гдѣ за ними можно слѣдить и во всякое время выкупать и чтобъ сроки ихъ совпадали. Но въ дѣйствительности этого не бываетъ, такъ какъ свободное и, можно сказать, самостоятельное обращеніе такихъ векселей встрѣчаетъ въ торговомъ мірѣ всевозможныя матерьяльныя и нравственныя препятствія, то для облегченія или замѣна его торговля и нуждается въ постоянной помощи.

Есть два способа содѣйствовать обращенію коммерческихъ обязательствъ. Первый состоитъ въ томъ, чтобы просто производить торговлю билетами въ пользу ихъ владѣльцевъ, не получая съ такой операціи никакой выгоды, и ограничиваясь однимъ только пріисканіемъ третьяго лица, которое бы нуждалось въ этихъ билетахъ, или которое желало бы пріобрѣсти ихъ. Этотъ способъ употребляютъ биржевые маклера или просто мѣнялы. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы покупать билеты у

тѣхъ, которые ихъ имѣютъ, выплачивая имъ цѣнность ихъ, съ тѣмъ, чтобы пустить ихъ въ обращеніе на свою собственную пользу. Этотъ способъ употребляютъ банкиры, производящіе учетъ, т. е. покупающіе предлагаемые имъ билеты и потомъ перепродающіе ихъ за своею подписью. Второй изъ этихъ двухъ способовъ несомнѣнно лучше перваго и вслѣдствіе того видимо стремится замѣнить первый повсюду. Мы здѣсь займемся однимъ только вторымъ способомъ. Итакъ занятіе банкира состоитъ въ томъ, чтобы получать коммерческіе векселя, немедленно выплачивая ихъ цѣнность за вычетомъ процентовъ, причитывающихся до срока платежа на выдаваемую имъ сумму. Это и называется учетомъ. Видя, какъ банкиры производятъ свои дѣла, съ какою легкостію и почти безъ отсрочки они выплачиваютъ огромное количество билетовъ, получаемыхъ ими отовсюду, многіе воображаютъ себѣ, что они богатые капиталисты, у которыхъ сундуки ломятся отъ золота, и которымъ стоитъ только черпать изъ нихъ. Это совершенно ошибочно. Хотя и есть богатые банкиры, но изъ этого не слѣдуетъ, что они необходимо должны быть такими, и богаты они или нѣтъ, они все-таки производятъ обороты не одними своими капиталами. Предоставленные своимъ собственнымъ средствамъ, они, несмотря на всю громадность послѣднихъ, вскорѣ лишились бы возможности производить ссуды и кругъ ихъ операцій былъ бы постоянно чрезвычайно ограниченъ. Какимъ-образомъ успѣваютъ они производить такое множество взятыхъ на себя учетовъ. Въ сущности, банкиры служатъ только посредниками въ родѣ маклеровъ, съ тою только разницею, однако довольно значительною, что они сами участвуютъ въ предпринимаемыхъ ими сдѣлкахъ. Во-первыхъ, они бываютъ посредниками между промышленниками и капиталистами, имъ по преимуществу отдаютъ послѣдніе свои капиталы, которые хотятъ пустить въ оборотъ или которыми могутъ располагать на нѣкоторое время. Находясь въ сношеніяхъ съ большимъ числомъ промышленниковъ, отъ которыхъ получаютъ билеты, банкиры могутъ доставить каши-

талистамъ всегда быстрое и легкое помѣщеніе капиталовъ, тѣмъ болѣе вѣрное, что оно обезпечено ими самими. Такимъ-образомъ въ ихъ кассахъ накопляется довольно значительная масса капиталовъ, которые стараніями ихъ пускаются въ безпрерывные обороты. Вотъ первое довольно важное средство для производства учетовъ. Во-вторыхъ, они служатъ посредниками между самими торговцами. Получивъ билеты и произведя по нимъ учетъ, они часто снова пускаютъ ихъ въ обращеніе, сдѣлавъ на нихъ свою надпись. На дѣлѣ часто случается, что для самого торговца билеты выгоднѣе денегъ; напримѣръ: когда ему нужно произвести уплату въ отдаленныхъ мѣстахъ и пересылка простыхъ билетовъ, по которымъ уплата должна быть произведена въ этихъ мѣстахъ, можетъ избавить его отъ дорогой перевозки звонкой монеты. Такимъ-образомъ, банкиры косвенно сближаютъ между собой тѣхъ изъ торговцевъ, которые предлагаютъ билеты, и тѣхъ, которые дѣлаютъ на нихъ запросъ, и, оказывая услугу послѣднимъ, они сбываютъ большое количество полученныхъ ими билетовъ и возобновляютъ свои фонды. Вотъ другой источникъ болѣе драгоцѣнный, чѣмъ первый, но также играющій посредническую роль, которую они никогда не покидаютъ.

Хотя мы приписываемъ банкиру только роль посредника, однако не можемъ не замѣтить, что къ его дѣятельности примѣшивается частица высокой роли поручителя. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ бываетъ поручителемъ, обезпечивая своимъ личнымъ ручательствомъ употребленіе ввѣряемыхъ ему капиталовъ. Кромѣ-того онъ также бываетъ поручителемъ, потому-что дѣлаетъ свою надпись на полученныхъ имъ билетахъ для оборота. Какъ поручитель и какъ посредникъ онъ одинаково облегчаетъ употребленіе кредита и содѣйствуетъ развитію его.

Благодаря такому полезному посредничеству, торговцы во многихъ отношеніяхъ освобождены отъ заботы заниматься помѣщеніемъ своихъ билетовъ. Не переходя за извѣстный предѣлъ, они могутъ ни о чемъ не заботиться, и, получая билеты, переда-

вать ихъ своему банкиру, который уплачиваетъ имъ цѣнность ихъ, принимая на себя остальные хлопоты. Драгоцѣнное облегченіе, освобождающее отъ непріятныхъ затрудненій и медленности въ обращеніи ихъ долговыхъ документовъ въ звонкую монету, облегченіе, ускоряющее ходъ ихъ оборотовъ и дающее имъ въ то же время возможность открывать своимъ кліентамъ болѣе обширный кредитъ.

Что видѣли мы до сихъ поръ? Вещи самыя простыя и нормальныя, ни въ чемъ неудаляющіяся отъ обыкновенныхъ формъ коммерческихъ оборотовъ. Ссуды деньгами и товарами, производимыя иногда между капиталистами и промышленниками и еще чаще между промышленниками или торговцами съ обѣихъ сторонъ, и среди ихъ банкиры, являющіеся не для измѣненія сущности этихъ сдѣлокъ, но для занятія роли посредниковъ или поручителей: вотъ и все. Теперь разсмотримъ, не тѣмъ же ли самымъ занимаются банковыя общества, носящія названіе общественныхъ банковъ.

§ IV. Роль общественныхъ банковъ (*).

Хотя операціи кредита и облегчаются посредничествомъ банкировъ, но въ этомъ отношеніи вліяніе послѣднихъ очень еще ограничено. Представляемыя ими удобства помѣщенія торговыхъ бумагъ во многомъ неудовлетворительны. Выпускаемые ими билеты не всегда соотвѣтствуютъ условіямъ тѣхъ, которые предъявляютъ на нихъ свои требованія, при томъ, будучи вполнѣ удобны только при извѣстныхъ обстоятельствахъ или для извѣстныхъ цѣлей, они часто могутъ превышать запросъ на нихъ. Двѣ существенныя особенности въ формѣ и содержаніи будутъ всегда пре-

(*) Этотъ параграфъ содержитъ весьма удачное и почти безукоризненное изложеніе начала, употребленія и пользы банковыхъ билетовъ. Онъ гораздо лучше предшествовавшихъ разсужденій и во многомъ исправляетъ ихъ.

ЦАБ "Автограф"

пятствовать правильному и всеобщему употребленію ихъ: первая особенность состоитъ въ опредѣленности срока платежа, вслѣдствіе чего владѣлецъ подобныхъ бумагъ, въ случаѣ надобности обратить ихъ въ звонкую монету ранѣе срока, долженъ продать ихъ; это сопряжено иногда съ затрудненіями и всегда съ потерями. Вторая особенность заключается въ необходимости, при всякой передачѣ ихъ, дѣлать передаточную надпись, такъ какъ кромѣ матерьяльнаго неудобства, которое можетъ произойти отъ чрезмѣрнаго накопленія надписей, они, вслѣдствіе отвѣтственности, которую принимаетъ на себя дѣлающій трансфертъ, представляютъ для него важную невыгоду, въ-особенности, если онъ не знаетъ остальныхъ надписей. Какъ бы ни былъ малъ рискъ, покупатель съ большою осторожностію рѣшится взять такую бумагу, и если рѣшится, то не иначе, какъ за извѣстное вознагражденіе, и совершенно впрочемъ законное. Возьмите сумму этихъ вознагражденій при всѣхъ переходахъ такого векселя, и вы увидите, какой она составитъ процентъ къ сроку платежа.

По этимъ и другимъ причинамъ, которыя приводить здѣсь излишне, употребленіе векселей, несмотря ни на какія мѣры будетъ всегда затруднительно и убыточно, а поэтому и помѣщеніе ихъ ограниченно. Слѣдовательно негоціантъ не можетъ быть увѣренъ, что возвратитъ сдѣланную имъ ссуду. Это легко указываетъ на роковой, весьма близкій предѣлъ, на которомъ останавливается коммерческій кредитъ и останавливается не вслѣдствіе самой природы вещей, но вслѣдствіе чисто матерьяльнаго препятствія, останавливающаго его ходъ. Банкиры отодвинули это препятствіе, но не разрушили его. Этого достаточно, чтобы убѣдиться въ пользѣ банковыхъ обществъ.

Съ перваго взгляда очевидно, что компанія въ отношеніи посредничества или гарантіи будетъ всегда имѣть болѣе значенія, нежели частный банкиръ, если станетъ ограничиваться тѣмъ же кругомъ операцій; потому-что съ одной стороны кругъ дѣйствія ея обширнѣе, а съ другой обезпеченіе прочнѣе. Слѣдственно одна замѣна частнаго дома компаніею, составляетъ уже шагъ

впередъ, и потому она отдаляетъ предѣлъ, на которомъ останавливается коммерческій кредитъ. Но все же, пока компанія не измѣнитъ и самый образъ дѣйствій, предѣлъ этотъ будетъ существовать. Затруднительность помѣщенія бумагъ, ограничивающая дѣйствія частныхъ банкировъ, существуетъ и для нея. Всѣ трудности согласить срокъ платежа билетовъ, относительно мѣста и времени, съ условіями покупателей, выпадаютъ и на долю компаніи съ прибавкою еще побочныхъ обстоятельствъ, усложняющихъ дѣло. Поэтому банковыя компаніи, учрежденныя для учета, всегда изъискивали средства уничтожить эти препятствія, чтобы тѣмъ облегчить и обобщить обращеніе билетовъ. Для достиженія этой цѣли первымъ стараніемъ было освободить билеты отъ множества надписей, а лицъ, дающихъ ихъ, отъ необходимости дѣлать на нихъ надпись при каждомъ трансфертѣ. Это и дѣлаютъ всѣ компаніи, даже и тѣ, которыя во Франціи лишены права выпуска въ обращеніе собственно банковыхъ билетовъ. Не ограничиваясь, какъ частные банкиры, приложеніемъ своей надписи, въ видѣ ручательства, на принимаемыхъ ими векселяхъ, чтобы пустить ихъ вновь въ оборотъ, онѣ оставляютъ ихъ у себя и хранятъ въ своихъ портфеляхъ, а вмѣсто нихъ пускаютъ въ обращеніе билеты на свое имя за одною только своею подписью. Основываясь на мысли совершенно справедливой, что надпись могущественной, пользующейся хорошею репутаціею и всѣмъ извѣстной компаніи, имѣетъ гораздо болѣе цѣны, нежели множество надписей частныхъ лицъ, большею частію даже неизвѣстныхъ послѣднимъ пріобрѣтателямъ векселя. Компаніи принимаютъ на себя относительно сихъ послѣднихъ всѣ обязанности и отвѣтственность; наконецъ, чтобы освободить ихъ и отъ необходимости дѣлать передаточныя надписи при переводѣ билетовъ, выпускаютъ ихъ на предъявителя. Мы уже видимъ новый порядокъ вещей, но въ сущности однако ничего не измѣнилось. Образъ дѣйствій другой, но виды и цѣль тѣ же. Замѣнъ векселей банковыми билетами съ выпускомъ ихъ на предъявителя составляетъ новую эру въ системѣ кредита. Обра-

щеніе билетовъ чрезвычайно облегчается, во-первыхъ потому, что при передачѣ ихъ не требуется выполненія разныхъ формальностей и во-вторыхъ потому, что покупатели, не принимая на себя никакой отвѣтственности и не подвергаясь риску, берутъ ихъ охотнѣе и безъ вознагражденія.

За симъ однако остается затрудненіе, происходящее отъ опредѣленности срока платежа.

Замѣна банковыми билетами частныхъ векселей, составляетъ уже огромный шагъ впередъ къ устраненію этого затрудненія, потому-что такая замѣна дозволяетъ возможность сдѣлать кредитные знаки по ихъ формѣ и содержанію болѣе удобными для обращенія, наиболѣе соотвѣтственными интересамъ банковъ и публики. Эта форма, какъ вѣроятно уже читатели поняли, есть форма билетовъ, уплачиваемыхъ на *предъявителя* и *по предъявленіи*, для обозначенія которыхъ преимущественно и употребляютъ названіе «*банковыхъ билетовъ*».

Изобрѣтеніе банковыхъ билетовъ есть по всей вѣроятности дѣло случая. Однако мы сейчасъ видѣли, какъ можно было дойти до того путемъ разсужденія и послѣдовательнымъ измѣненіемъ обыкновенныхъ векселей. Но разсужденія не уничтожили бы сомнѣнія въ успѣхѣ новаго способа, повидимому столь рискованнаго. Трудно было сообразить a priori все значеніе этихъ простыхъ преобразованій. Чтобы считать ихъ удобопримѣнимыми, нужно было предвидѣть то, что только опытъ сдѣлалъ очевиднымъ, а именно, что эти билеты будутъ представляемы къ уплатѣ только послѣ извѣстнаго времени обращенія въ публикѣ, и что требованія уплаты, когда выпускъ производится въ большихъ размѣрахъ, могутъ быть разсчитаны съ точностью и даже съ математическою вѣрностью. Какъ бы то ни было, сдѣланный нами очеркъ достаточно указываетъ значеніе, которое банковый билетъ занимаетъ въ системѣ торговли. По существу своему онъ не многимъ отличается отъ векселя, представляя, подобно послѣднему, торговое обязательство, совершаемое съ одною цѣлью и въ одномъ духѣ. Вся разница въ формѣ. За симъ усло-

вія платежа, которыя составляютъ существенное основаніе всякой кредитной бумаги, находимъ мы и въ банковомъ билетѣ, столь же формальными и опредѣленными. Его назначеніе, какъ уже сказано, не замѣнять деньги, но замѣнять ихъ обращеніе. И дѣйствительно, на практикѣ банковые билеты выпускаются въ замѣнъ торговыхъ обязательствъ. Фактъ этотъ уже говоритъ много. Онъ ясно доказываетъ, что банковый билетъ замѣняетъ не деньги, но торговыя бумаги. Замѣняетъ онъ ихъ со всевозможными выгодами и отличается отъ нихъ единственно этимъ преимуществомъ.

Если разобрать по одиночкѣ всѣ главныя условія употребленія банковыхъ билетовъ, то проистекающія отъ этого выгоды будутъ очевидны для всякаго.

Выпущенный могущественною компаніею, которой имя, богатство и кредитъ всѣмъ извѣстны, банковый билетъ внушаетъ всѣмъ одинаковое довѣріе. Онъ не ограничивается, подобно простымъ векселямъ, извѣстнымъ болѣе или менѣе тѣснымъ кругомъ, но напротивъ, по свойству своему можетъ обращаться всюду. Какъ компанія, выпускающая его, по значенію своему, получаетъ характеръ общественнаго учрежденія, такъ и онъ получаетъ свойство публичныхъ фондовъ и пріобрѣтаетъ возможность войти въ извѣстной странѣ во всеобщее употребленіе. Будучи уплачиваемъ на *предъявителя*, банковый билетъ дѣлается общеупотребительнымъ для всѣхъ кредитнымъ знакомъ. Такъ-какъ передача его изъ рукъ въ руки не требуетъ никакихъ формальностей, ни надписей, то легкостью и быстротою своего обращенія онъ соперничаетъ съ звонкою монетою. Во многихъ случаяхъ, по своей матеріальной легкости онъ передается еще удобнѣе. Благодаря этому обстоятельству, банковый билетъ, въ какихъ бы рукахъ онъ ни находился, имѣетъ для всѣхъ одинаковую цѣнность; обыкновенный вексель принимаютъ часто только по довѣрію къ подписи продавца, которая извѣстна покупателю; въ банковомъ же билетѣ обращаютъ только вниманіе на подпись выпустившей его компаніи, и потому принима-

ютъ его безразлично на одинаковыхъ условіяхъ. Вотъ еще причина, почему употребленіе ихъ можетъ распространяться, а передача производиться безъ всякихъ затрудненій и замедленій.

Банковый билетъ, имѣя огромное преимущество платежа по предъявленію, равняется по цѣнѣ обыкновенному векселю въ день срока платежа, т.-е. наличнымъ деньгамъ. Эту цѣнность, которой вексель достигаетъ однажды, въ послѣдній день своего обращенія, банковый билетъ имѣетъ постоянно, сначала до конца. Но не должно ошибаться въ существѣ этого качества и, основываясь на немъ, приписывать банковому билету всѣ качества звонкой монеты. Собственно говоря онъ имѣетъ только свойство векселя въ день уплаты, но свойство, сдѣлавшееся постояннымъ и нераздѣльнымъ съ понятіемъ объ этомъ кредитномъ знакѣ. Вслѣдствіе же этого постояннаго свойства, банковый билетъ можетъ всегда оставаться въ рукахъ своего владѣльца, или находиться въ обращеніи для уплаты или пересылки денегъ. Такимъ-образомъ къ достоинству векселя, въ день уплаты онъ присоединяетъ всѣ выгоды билета только-что выпущеннаго въ обращеніе. Удивительное сочетаніе свойствъ, повидимому совершенно противоположныхъ. Притомъ нѣтъ никакихъ затрудненій, ни споровъ въ оцѣнкѣ его дѣйствительной стоимости въ разсчетахъ, на сколько онъ можетъ возвыситься или упасть въ курсовыхъ соображеніяхъ, при пересылкѣ съ одного мѣста на другое; потому-что его цѣнность, реализируемая всюду и всегда, остается неизмѣнною, постоянною.

Этими замѣчательными свойствами банковый билетъ отличается отъ торговаго векселя, и въ нихъ-то состоятъ преимущества его обращенія, особенно по доступности его для всѣхъ при всевозможныхъ случаяхъ.

Казалось бы, что условіе уплаты по предъявленію, должно было бы напротивъ ограничивать обращеніе банковаго билета частымъ возвращеніемъ его въ банкъ. На практикѣ выходитъ на оборотъ. Соединеніемъ всѣхъ отличительныхъ его свойствъ, которымъ послѣднее служитъ дополненіемъ, банковый билетъ

ЦАБ "Автограф"

становится столь удобнымъ для обращенія, дотого вполнѣ удовлетворяетъ видамъ и соотвѣтствуетъ потребностямъ тѣхъ, которые его принимаютъ, что имъ не представляется необходимости требовать по немъ уплаты. Вмѣсто того, чтобы поступать въ обращеніе случайно, для удовлетворенія опредѣленной потребности и по выполненіи ея выходить изъ обращенія, банковый билетъ обращается до-тѣхъ-поръ, пока не приходитъ въ ветхость. Дѣйствительно, какъ доказано неизмѣннымъ опытомъ, большая масса выпущенныхъ при этихъ условіяхъ банковыхъ билетовъ остается въ публикѣ весьма долгое время до предъявленія къ уплатѣ.

Изъ этого проистекаетъ новое свойство банковыхъ билетовъ— свойство болѣе замѣчательное, нежели всѣ прочія, а именно: банковый билетъ, въ отношеніи выпускающаго его въ обращеніе банка, представляется векселемъ на отдаленный срокъ. Предположивъ, что банковые билеты остаются въ обращеніи три мѣсяца, хотя втеченіи этого временн они для ихъ владѣльца и публики имѣютъ всю цѣнность билетовъ, достигшихъ срока уплаты и обращаются на этомъ основаніи; для банка, выпустившаго ихъ они представляютъ векселя на трехмѣсячный срокъ. Такимъ-образомъ удачною комбинаціею условій, представляя для своихъ владѣльцевъ возможность ежеминутной уплаты, они доставляютъ банку всѣ выгоды срочныхъ билетовъ. Они удовлетворяютъ съ одной стороны, не истощая средствъ другой. Но чтобы сдѣлать возможнымъ выпускъ этихъ билетовъ въ большомъ количествѣ необходимы средства, иначе никакая бы компанія въ мірѣ не выдержала такого напряженія. Но разсматриваемое само по себѣ, это обстоятельство тѣмъ не менѣе содѣйствуетъ съ своей стороны развитію кредита, сокращая разительно издержки, которыя влечетъ за собою пользованіе имъ.

Нужно ли теперь распространяться еще далѣе о значеніи банковыхъ билетовъ въ системѣ кредита. Кажется, что оно уже доказано. Выдаваемые въ замѣнъ торговыхъ бумагъ,

они замѣняютъ ихъ въ обращеніи, между-тѣмъ какъ послѣднія, менѣе къ этому свойственныя, хранятся въ портфеляхъ банка до срока ихъ уплаты. Благодаря этой замѣнѣ, обращеніе билетовъ не встрѣчаетъ препятствія, распространяется болѣе-и-болѣе, развивая вмѣстѣ съ тѣмъ кредитъ. Посредствомъ ихъ производятся уравненія счетовъ, о которыхъ было говорено выше; негоціантъ, получивъ банковый билетъ въ замѣнъ переданныхъ имъ банку коммерческихъ векселей, всегда можетъ уплатить этими билетами свои собственные векселя, предъявляемые къ уплатѣ, и такимъ образомъ, огромное количество долговъ погашается безъ употребленія звонкой монеты. Въ этомъ смыслѣ банковые билеты часто дѣлаютъ не нужнымъ употребленіе звонкой монеты, но никогда не исключаютъ ее вполнѣ.

Что касается до банковъ, которые выпускаютъ билеты, понятно теперь, что ихъ цѣль есть только облегченіе и развитіе коммерческаго кредита, и что они достигаютъ этого самыми простыми средствами. Какъ частные банкиры, банки сами по себѣ служатъ только посредниками, но посредниками болѣе могущественными. Принадлежащее имъ право выпуска билетовъ, повидимому столь чудесное и которому приписываютъ такіе удивительные результаты, которое возбудило столько рукоплесканій съ одной стороны и опасеній съ другой, само собою низводится до его настоящаго значенія, и является удачнымъ, но въ то же время очень простымъ коммерческимъ дѣломъ. Ясно, что несмотря на свое огромное значеніе, оно въ дѣйствительности не независимо, но напротивъ того, въ правильной системѣ, подчинено учету, которому служитъ обязательнымъ помощникомъ и необходимымъ дополненіемъ.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РАЗВИТІЕ ТЕОРІИ КРЕДИТА.

§ I. Происхожденіе и развитіе мѣны.

Теперь, зная уже, что настоящее назначеніе банковъ содѣйствовать развитію коммерческаго кредита, мы должны обратиться къ понятію о кредитѣ, о которомъ было сказано вкратцѣ, и прослѣдить эту идею въ ея развитіи и результатахъ. Для этого намъ не безполезно обратиться къ временамъ отдаленнымъ.

При началѣ промышленности каждый человѣкъ работаетъ отдѣльно, производитъ единственно для себя и для своего семейства, и одинъ потребляетъ почти всѣ свои произведенія. Если иногда онъ и соединяется съ себѣ подобными для общей работы, напримѣръ для ловли, въ которой онъ одинъ не могъ бы пріобрѣсти добычи, то достигнувъ цѣли ассоціаціи, онъ дѣлитъ добычу съ товарищами, и потребляетъ свою часть, слѣдовательно весь плодъ его труда служитъ для удовлетворенія его личнымъ потребностямъ.

При подобномъ положеніи дѣлъ, собственно говоря, нѣтъ промышленныхъ отношеній и мѣна не существуетъ.

Съ перваго взгляда кажется, что этотъ порядокъ, болѣе простой въ сравненіи съ нынѣ существующимъ, есть въ то же вре-

мя и болѣе правильный, потому-что не подверженъ безпорядкамъ, которые происходятъ отъ распредѣленія произведеній.

На дѣлѣ оказывается противное. Весьма понятно, что при разнообразіи производительности, въ-особенности примѣняемой исключительно къ собиранію самородныхъ плодовъ земли, случается, что у всякаго остается значительный излишекъ одного произведенія, между-тѣмъ какъ онъ чувствуетъ недостатокъ въ другомъ, не менѣе полезномъ продуктѣ. Вслѣдствіе этого бываетъ дурное употребленіе плодовъ труда, излишекъ съ одной стороны, недостатокъ съ другой. Чего много, то отдается даромъ, а чего нѣтъ—того нельзя достать. Вездѣ расточеніе и лишеніе, т.-е. всевозможные безпорядки вмѣстѣ.

Поэтому лишь только люди начинаютъ сближаться, то начинаютъ изыскивать средства поправить этотъ недостатокъ, промѣнивая между собою избытокъ своихъ произведеній. Кто былъ счастливъ на охотѣ, отдаетъ нѣкоторую часть своей добычи сосѣду, чтобы получить отъ него избытокъ молока его стадъ. Кому удалось собрать значительное количество плодовъ, промѣниваетъ излишекъ на звѣриную кожу, необходимую для одежды. Такимъ-образомъ плоды трудовъ распредѣляются лучше, расточительность уменьшается, уменьшаются вмѣстѣ съ тѣмъ и лишенія, одна и та же масса произведеній служитъ къ удовлетворенію большаго количества потребностей. Эта мѣна излишка однихъ на излишекъ другихъ, есть въ нѣкоторомъ родѣ основное правило торговли. Этого нельзя еще назвать промышленнымъ бытомъ, но оно составляетъ первый шагъ къ нему.

Когда мѣна болѣе-и-болѣе входитъ въ употребленіе, она мало-по-малу порождаетъ идею раздѣленія труда. Тотъ, кто отлично охотится или ловитъ рыбу, замѣчаетъ, что ему выгоднѣе исключительно заниматься этимъ, нежели дробить свой трудъ на нѣсколько различныхъ занятій, потому-что мѣною продуктовъ охоты или рыбной ловли на продукты другихъ занятій, онъ удовлетворитъ своимъ разнообразнымъ потребностямъ. Поэтому онъ и ограничивается по возможности этимъ единственнымъ за-

нятіемъ. Другой ограничивается обработкою земли, третій изготовленіемъ охотничьихъ принадлежностей, четвертый выдѣлкою одежды изъ шкуръ звѣрей, убитыхъ на охотѣ или изъ шерсти стадъ. Такимъ-образомъ занятія раздѣляются, всякій выбираетъ себѣ ремесло и всѣ промѣниваютъ между собою свои произведенія.

Вслѣдствіе такого раздѣленія труда производство становится обильнѣе, по той двойной причинѣ, что всякій становится искуснѣе въ избранномъ имъ ремеслѣ, и предаваясь исключительному занятію, можетъ пріобрѣсти гораздо бо́льшее число необходимыхъ для него орудій. Къ этому можно прибавить, что онъ выигрываетъ значительное количество времени, потеря котораго неизбѣжна при переходѣ отъ одного занятія къ другому.

Этимъ раздѣленіемъ труда начинается область промышленности. Мѣна принимаетъ постепенно бо́льшіе размѣры, изъ исключенія она становится вскорѣ правиломъ. Она уже не примѣняется какъ прежде только къ одному излишку; но для большинства людей обнимаетъ собою всю сумму ихъ произведеній. По этому ошибочно нѣкоторые писатели опредѣляютъ иногда торговлю такъ: торговля есть мѣна избытка одного на избытокъ другаго. Это опредѣленіе могло быть справедливо въ первые вѣка человѣчества, но положительно не вѣрно въ наши дни, по-крайней-мѣрѣ для народовъ образованныхъ. Кто скажетъ напримѣръ, что сапожникъ, который всю жизнь изготовляетъ и продаетъ сапоги, мѣняетъ только свой избытокъ. На дѣлѣ онъ мѣняетъ почти всю сумму своихъ произведеній на всѣ почти необходимые для него предметы; точно такъ же поступаютъ всѣ ремесленники.

Такимъ-образомъ по мѣрѣ расширенія раздѣленія труда увеличивается количество мѣнъ, а торговля болѣе-и-болѣе стремится охватить собою всю массу произведеній промышленности. Такъ первый обмѣнъ, имѣвшій цѣлью исправить безпорядки при распредѣленіи плодовъ, привелъ къ идеѣ раздѣленія труда, которая имѣла послѣдствіемъ болѣе дѣятельное и обильное про-

изводство, а въ свою очередь, раздѣленіе труда повело къ умноженію и обогащенію мѣны. Успѣхъ очевиденъ съ обѣихъ сторонъ; съ одной въ производствѣ труда, съ другой въ сбереженіи произведеній.

§ II. Употребленіе денегъ при обмѣнѣ.

Однако вскорѣ должна была произойти остановка на пути прогресса, остановка вслѣдствіе матерьяльнаго препятствія въ производствѣ постоянной мѣны произведенія на произведеніе. Не всегда случается между двумя сторонами, одинаково расположенными къ мѣнѣ, чтобы предложенія одной совпадали съ требованіями другой. Напротивъ, одинъ, напримѣръ, хочетъ промѣнять своихъ быковъ на хлѣбъ, и находитъ охотника взять быковъ; но этотъ въ замѣнъ ихъ можетъ только отдать ему овецъ, въ которыхъ тотъ не нуждается. При этихъ условіяхъ, часто повторяющихся, прямая мѣна невозможна. Вообще человѣкъ, который передаетъ другому произведеніе своего труда, рѣдко находитъ у сего послѣдняго произведеніе, которое онъ взялъ бы въ замѣнъ своего; потребности влекутъ его въ другую сторону, и большею частію ему придется обращаться къ нѣсколькимъ лицамъ, чтобы получить въ разныхъ видахъ и въ неравныхъ доляхъ количество произведеній, на которое онъ имѣетъ право. Изъ этого проистекаетъ необходимость общаго товара, который былъ бы, нѣкоторымъ образомъ, посредникомъ между прочими товарами, который всякій охотно принималъ бы за уступаемое имъ произведеніе, и который бы отъ него всякій взялъ за требуемый имъ предметъ. Таковы свойства денегъ. Мы не будемъ распространяться о свойствахъ и употребленіи денегъ, которыхъ значеніе теперь достаточно понятно. О нихъ необходимо сказать только нѣсколько словъ, для того чтобы не прервать нити нашихъ объясненій.

Главное назначеніе денегъ — облегчать производство мѣны чрезъ повсемѣстное признаніе ихъ посредствующимъ товаромъ,

ЦАБ "Автограф"

или чѣмъ-то въ родѣ общаго залога. Человѣкъ, который продалъ какое-нибудь произведеніе и не получилъ въ замѣнъ ни какого другаго отъ покупателя, беретъ у него покамѣстъ извѣстное количество денегъ, посредствомъ которыхъ онъ получитъ отъ другаго требуемый имъ предметъ равной стоимости. Деньги становятся, такимъ-образомъ, посредникомъ между тою и другою мѣною, и постепенно дѣлаются посредникомъ въ кругообращеніи произведеній. Можно придать деньгамъ и другое значеніе, разсматривая ихъ, какъ мѣрило цѣнностей. Извѣстно, что онѣ на практикѣ имѣютъ такое значеніе. Такъ чтобы дать понятіе о цѣнности какой-нибудь вещи, сравниваютъ ее съ извѣстнымъ количествомъ золота или серебра, обычай очень понятный, потому-что золото и серебро общій товаръ, на который поочередно мѣняются всѣ прочіе. Прибавимъ, что этотъ товаръ есть единственный, который, допуская правильное дѣленіе, представляетъ удобства для точныхъ вычисленій. Поэтому и принимаютъ его, какъ родъ образца, по отношенію къ которому сравниваютъ всѣ прочія цѣнности. Нужно замѣтить, что эта мѣра не абсолютная, но относительная, потому-что цѣнность денегъ, какъ и всякаго другаго товара, измѣняется сообразно съ временемъ.

Вотъ главныя условія, которыя должны соединять въ себѣ деньги, для того чтобы удовлетворять своему двоякому назначенію.

Безъ-сомнѣнія, прежде всего онѣ должны имѣть собственную цѣнность, и притомъ цѣнность, равную цѣнности предметовъ, которые на нихъ вымѣниваются; иначе сложныя отношенія, которыхъ онѣ нѣкоторымъ образомъ составляютъ ключъ, не имѣли бы никакой гарантіи. Никто не рѣшился бы отдать свои произведенія подъ недостаточный или сомнительный закладъ, не будучи увѣренъ, что онъ за нихъ получитъ въ полной мѣрѣ ихъ стоимость. Длинный рядъ сдѣлокъ, на которыхъ зиждется промышленность, поколебался бы тогда въ своихъ основаніяхъ и обороты остановились бы.

ЦАБ "Автограф"

Въ строгомъ смыслѣ всякій товаръ можетъ служить монетою; достаточно только, чтобы онъ былъ общеупотребителенъ, могъ быть всюду отданъ и принятъ. Даже можно привести въ примѣръ нѣсколько товаровъ, которые въ разное время имѣли это назначеніе, какъ то: скотъ, соль, хлѣбъ, кожи и проч. Можно сказать даже болѣе: и въ наше время, если пристально вглядѣться, мы найдемъ, что разные товары въ извѣстныхъ особенныхъ случаяхъ имѣютъ значеніе денегъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, по мѣрѣ распространенія и обобщенія обычая мѣны, деньгами по преимуществу сдѣлались металлы, и особенно драгоцѣнные металлы; это легко объясняется ихъ свойствами. Дѣйствительно драгоцѣнные металлы подвержены порчѣ менѣе другихъ товаровъ; они не портятся отъ времени, качество ихъ однообразно или легко можетъ быть сдѣлано таковымъ, ихъ легко измѣрять и дѣлить на какія угодно части, они имѣютъ большую цѣнность въ маломъ объемѣ, представляютъ менѣе затрудненій въ обращеніи и перевозкѣ, и наконецъ цѣнность ихъ не подвержена значительнымъ и чувствительнымъ измѣненіямъ и, благодаря этому, они скорѣе всякаго другаго товара представляютъ прочное основаніе.

Чтобы сдѣлать металлы, въ видѣ денегъ, болѣе удобными для употребленія, ихъ обыкновенно раздробляютъ на правильныя и симметрическія части опредѣленнаго закономъ вѣса, объема и пробы. Одна изъ частей берется за единицу, и для упрощенія разсчетовъ стараются, чтобы всѣ прочія относились къ этой такимъ-образомъ, чтобы составляли правильную ея долю или ея величину, нѣсколько разъ взятую.

Всюду признано, что опредѣленіе такого раздробленія должно быть дѣломъ правительства, какъ и право чеканить монету; не потому, какъ полагаютъ, что это составляетъ существенную принадлежность верховной власти, но потому, что гарантія правительства казалась лучше всякой другой и что вмѣшательство его приводитъ монетную систему къ единству и правильности. Вслѣдствіе принадлежности ему права приготовлять монету,

ЦАБ "Автограф"

правительство обозначаетъ ее своимъ штемпелемъ. Это наблюденіе правительства надъ монетою не имѣетъ и не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ облегченія сдѣлокъ установленіемъ однообразной монеты и избавленіемъ частныхъ лицъ отъ необходимости повѣрять всякій разъ вѣсъ и цѣнность монеты. Введеніе денегъ составило огромный успѣхъ, не потому что онѣ сами собою увеличили богатство народовъ, но потому, что освободили торговлю отъ препятствій и матерьяльныхъ затрудненій, останавливавшихъ ея развитіе.

Благодаря употребленію этого послѣдняго посредника въ мѣнѣ, онъ изъ частнаго сдѣлался общимъ. Кто отдалъ свое произведеніе, если онъ озаботился взять за него равноцѣнное количество общаго товара, денегъ, можетъ получить, когда и гдѣ ему вздумается, всякое произведеніе, въ которомъ онъ нуждается. Горизонтъ его расширился, онъ не ограниченъ болѣе малымъ количествомъ предметовъ, которые можетъ ему предложить одинъ человѣкъ; горизонтъ этотъ распространяется на всѣ производимые предметы. Промышленный міръ сдѣлался обширнымъ рынкомъ, въ которомъ всякій, помѣстивъ какимъ бы то ни было образомъ плодъ своего труда можетъ всюду и когда хочетъ выбирать нужные ему предметы, не ограничиваясь пространствомъ или временемъ.

Естественнымъ результатомъ этого было болѣе правильное распредѣленіе произведеній и въ то же время бо́льшая производительность труда, отъ болѣе широкаго примѣненія принципа раздѣленія труда.

§ III. Содѣйствіе кредита.

Разбирая удивительныя свойства монеты, можно подумать, что введеніе ея составляетъ въ отношеніи обращенія произведеній послѣднюю точку возможнаго прогресса. Впрочемъ, если всмотришься поближе, замѣтно еще новое препятствіе. Всякій поймет, что употребленіе этого излишняго товара, который вмѣ-

шивается во всѣ коммерческія сдѣлки, составляетъ препятствіе обращенію и причиняетъ дѣйствительную потерю публикѣ. Такъ какъ деньги имѣютъ свою собственную цѣнность, пріобрѣтеніе ихъ стоитъ чего-нибудь и не всякій можетъ ихъ имѣть. Пріобрѣсти ихъ можно только пожертвованіемъ части капитала. Употребленіе ихъ, слѣдовательно причиняетъ убытокъ обществу вообще и каждому изъ членовъ его въ-особенности: вслѣдствіе по-крайней-мѣрѣ, потери процентовъ, а можетъ-быть еще чего-нибудь, какъ мы это скоро увидимъ. Кромѣ того, если ихъ нужно постоянно таскать съ собою, какое затрудненіе, какая тягость! Какъ бы ни были незначительны издержки перевозки ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ массѣ онѣ составляютъ огромную сумму. Поэтому справедливо, что употребленіе денегъ влечетъ за собою большія затрудненія и значительную потерю силъ. Это препятствуетъ свободному ходу мѣны и замедляетъ, если не совершенно останавливаетъ, на извѣстной точкѣ развитіе промышленности. Ясно, что еслибы можно было обойтись безъ денегъ въ мѣнѣ, удержавъ за нею характеръ общности, которою она теперь запечатлѣна, выгода была бы двойная: во-первыхъ въ значительномъ сбереженіи употребленія капиталовъ, во-вторыхъ въ новомъ и сильномъ толчкѣ, данномъ обращенію произведеній. Это и достигается кредитомъ.

Вопросъ заключается не въ замѣнѣ звонкой монеты бумажною,—это было бы чудовищною химерою. На самомъ дѣлѣ изъ однихъ предшествовавшихъ объясненій уже видно, что подобное замѣщеніе невозможно.

Вопросъ въ томъ, чтобы обойтись безъ употребленія монеты въ косвенной мѣнѣ, какъ обходятся безъ нихъ въ непосредственной. Вотъ задача. Разрѣшеніе ея если не кажется легкимъ, то по-крайней-мѣрѣ, въ ней нѣтъ ничего противнаго разсудку.

Такъ какъ монета только посредникъ, принимаемый продавцемъ за ручательство, по которому онъ можетъ получить стоимость, равную по цѣнности проданному имъ въ другомъ мѣстѣ произведенію, то для него не столь важно получить извѣст-

ЦАБ "Автограф"

ную сумму денегъ, какъ увѣренность въ возможности получить цѣнность, на которую онъ имѣетъ право. Деньги будутъ ему не нужны, онъ отъ нихъ откажется безъ затрудненія, если получитъ эту увѣренность другимъ образомъ. Эту ипотезу тѣмъ легче допустить, что всякій на великомъ всемірномъ рынкѣ покупаетъ и продаетъ въ одно и то же время. Продавая произведенія или оказывая услуги, онъ становится кредиторомъ общества, получая же продукты для собственнаго употребленія, онъ становится должникомъ его, и большею частью отданныя и полученныя въ долгъ суммы уравновѣшиваются болѣе или мѣнѣе (*). Предположимъ, что какимъ-нибудь образомъ ссуды и займы могутъ быть взаимно погашаемы, тогда и тѣ и другіе будутъ погашаться ежедневно, и великій вопросъ о мѣнѣ будетъ рѣшенъ безъ посредничества звонкой монеты. Это и достигается употребленіемъ торговаго довѣря, т. е. кредитомъ.

Выяснимъ эту истину примѣрами, взятыми изъ самыхъ обыденныхъ отношеній.

А и Б два земледѣльца, сосѣди и друзья. *Б* нуждается, для обработки своихъ полей, въ упряжи лошадей, а сосѣдъ его *А* имѣетъ лишнюю пару лошадей. Онъ обращается къ *А* съ предложеніемъ купить ее за двадцать мѣшковъ ржи. Торгъ заключенъ на этомъ условіи, остается только произвести мѣну предмета на предметъ. Къ-несчастію рожь еще не посѣла, и *Б* можетъ отдать ее только чрезъ три мѣсяца, когда она будетъ собрана и обмолочена, а въ лошадяхъ онъ нуждается немедленно. Если нѣтъ между друзьями довѣрія, какъ быть? Нужно, чтобы или *Б* обошелся безъ лошадей въ ущербъ своей работѣ, или, чтобы онъ досталъ денегъ въ ожиданіи уборки ржи. А достать денегъ можно только растратою части его оборотнаго капитала. Въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ потеря, по-крайней-мѣрѣ, для одного изъ договаривающихся. Если

(*) Ссуды и долги постоянно уравновѣшиваются, потому-что нельзя представить кредитора безъ должника и должника безъ кредитора. К. С.

же напротивъ, сдѣлка основана на довѣріи, *А* отдаетъ лошадей и терпѣливо ждетъ уборки хлѣба, потребовавъ себѣ только незначительное вознагражденіе за отсрочку платежа.

Намъ возразятъ, можетъ-быть, на этотъ примѣръ, что если и нельзя съ точностію сказать, что *А* лишаетъ себя пользованія своими лошадьми, потому-что онъ не имѣлъ въ нихъ надобности, но по-крайней-мѣрѣ положительно то, что онъ лишаетъ себя на три мѣсяца части своего капитала для пользованія ею его сосѣда *Б*. Безъ-сомнѣнія да, но если предположить, что онъ съ другимъ имѣетъ условія, подобныя заключеннымъ съ *Б*, очевидно, что онъ себя ничего не лишаетъ; количество его дѣйствительнаго имущества остается то же, только капиталъ переходитъ изъ одного мѣста, гдѣ онъ былъ безплоденъ и даже составлялъ затрудненіе, въ другое, гдѣ онъ немедленно употребляется съ пользою. Намъ скажутъ, это простое перемѣщеніе капитала. Мы согласны съ этимъ, но перемѣщеніе это полезно и самая мѣна не стремится ни къ чему иному. Конечнымъ результатомъ подобнаго оборота будетъ равная выгода съ обѣихъ сторонъ.

Мы привели въ примѣръ только случай непосредственной мѣны между двумя производителями, двумя друзьями, чтобы упростить отношенія и отстранить письменныя обязательства. Дѣйствительно, *А* удовольствовался словеснымъ обѣщаніемъ *Б*, потому, что они сосѣди и знаютъ другъ друга, и этого словеснаго обѣщанія было достаточно, чтобы сдѣлать деньги безполезными, до такой степени справедливо то, что это выгодная сдѣлка основана на кредитѣ или довѣріи, а не на бумагѣ, которая есть только видимый знакъ кредита.

Будемъ развивать далѣе нашу ипотезу. На слѣдующій день послѣ вышеописанной сдѣлки *А* отправляется къ одному изъ своихъ сосѣдей и друзей, *В*, для покупки у него 25 овецъ. Съ общаго согласія цѣнность всѣхъ овецъ опредѣляютъ въ двадцать мѣшковъ ржи, и торгъ заключенъ на этихъ условіяхъ. Сосѣдъ *Б*, говоритъ покупщикъ, долженъ мнѣ двадцать мѣшковъ ржи,

ЦАБ "Автограф"

которые онъ отдастъ по окончаніи жатвы; если это вамъ удобно и вы можете подождать, онъ отдастъ ихъ вамъ вмѣсто меня, а мы расквитаемся. Если условіе принято, то вотъ уже совершена посредственная мѣна, или лучше сказать заключенъ рядъ сдѣлокъ безъ употребленія денегъ и безъ всякаго письменнаго обязательства. Вмѣсто трехъ договаривающихся сторонъ можно предположить четыре, пять и болѣе. Если они имѣютъ другъ къ другу равное довѣріе, мѣна будетъ производится на томъ же условіи, т. е. на довѣріи къ словесному обѣщанію. Можно даже допустить, что не одинъ изъ нихъ не предоставитъ сосѣду выгоды, которой равной не получилъ бы самъ, что въ этой цѣпи сдѣлокъ, каждый становится въ одно и то же время должникомъ и кредиторомъ на равныхъ условіяхъ и на одну и ту же сумму, обстоятельство совершенно уничтожающее мысль о дѣйствительной ссудѣ капитала однимъ другому. Изъ всего этого останется только одно, что въ день, назначенный для ликвидаціи, будетъ заключенъ цѣлый рядъ сдѣлокъ безъ дѣйствительнаго платежа и безъ употребленія денегъ.

Изъ этого видно, что кредитъ между договаривающимися можетъ, даже въ самыхъ сложныхъ отношеніяхъ, если не замѣнить деньги, то доставить возможность обойтись безъ оныхъ.

Ясно, что означенныя сдѣлки по простотѣ своей могутъ быть въ употребленіи только въ очень ограниченномъ кругу сосѣдей и друзей. Лишь только онѣ изъ него выходятъ, словесныя обѣщанія недостаточны. Необходимы уже обѣщанія письменныя, особенно когда ихъ придется передавать, какъ въ предъидущемъ примѣрѣ. *А* передалъ *В* обѣщаніе *Б* Но развѣ обѣщанія эти, сдѣлавшись письменными, измѣняютъ свой характеръ? Нѣтъ, они остаются только кредитными сдѣлками, совершенно подобными, описаннымъ нами, съ тою только разницею, что, будучи выражены на бумагѣ, онѣ могутъ быть передаваемы большему числу лицъ, и что въ отношеніи ихъ, можно съ большимъ основаніемъ обращаться къ судебному вмѣшательству. Обѣщанія эти, будучи написаны, получаютъ возможность обращаться въ

ЦАБ "Автограф"

обширномъ кругу. Они легче могутъ быть передаваемы изъ рукъ въ руки и содѣйствовать бо́льшему числу сдѣлокъ. Мы уже видѣли, что до-тѣхъ-поръ пока они истекаютъ отъ частныхъ лицъ, пока срокъ платежа по нимъ долженъ быть опредѣленъ и при каждомъ трансфертѣ должно дѣлать на нихъ надпись, ихъ обращеніе ограничено. Отсюда проистекаетъ потребность общественныхъ банковъ. Благопріятствуемые своимъ коммерческимъ значеніемъ, банки могутъ не подчинять выпускаемые ими билеты тѣмъ особеннымъ условіямъ, которыя ограничиваютъ ихъ обращеніе. Этимъ самымъ они придаютъ имъ способность распространенія, которой не могутъ имѣть облигаціи простыхъ торговцевъ. Между тѣми и другими бумагами существуетъ почти та же разница, какъ между устными и письменными обязательствами. Обязательства устныя имѣютъ обращеніе только въ ограниченномъ кругѣ друзей, кругъ обращенія письменныхъ обязательствъ гораздо обширнѣе, банковые билеты одни имѣютъ всеобщій курсъ (*). Слѣдовательно это одно и то же. Это обѣщаніе или обязательство; однимъ словомъ, простыя кредитныя сдѣлки. Чтобы опредѣлить услугу, оказываемую банковыми билетами, нужно сказать, что они обобщаютъ кредитъ, какъ монета обобщила мѣну. Поэтому содѣйствіе ихъ не менѣе благодѣтельно.

§ IV. Непосредственныя выгоды отъ употребленія кредита въ мѣнѣ.

Значительная экономія въ употребленіи денегъ составляетъ первую выгоду, происходящую отъ вліянія кредита на мѣну. Многіе экономисты, придерживаясь въ этомъ ученія Адама Смита, полагаютъ, что это выгода единственная. Мы вскорѣ увидимъ, что они ошибаются; но допустимъ на время ихъ ипотезу, для опредѣленія значенія этой выгоды. Вотъ разсчетъ, выводимый Ж. Б. Сэемъ, мнѣніе котораго объ этомъ предметѣ, под-

---

(*) На томъ рынкѣ, на которомъ банкъ совершаетъ свои обороты. *К. С.*

держиваемое именемъ автора и справедливо заслуженнымъ имъ авторитетомъ, имѣютъ еще огромное значеніе.

Онъ утверждаетъ (*), и трудно не согласиться съ тѣмъ, что количество обращающейся въ странѣ звонкой монеты постоянно ограничено потребностями той страны. Далѣе онъ развиваетъ очень спорную ипотезу, будто банковые билеты замѣняютъ въ обращеніи все количество или часть звонкой монеты, не увеличивая и не уменьшая всей массы ея; затѣмъ предполагая, что половина ея, какъ товара, замѣняется такимъ-образомъ бумагою, онъ задаетъ себѣ вопросъ, какія выгоды проистекаютъ отъ этой замѣны.

«Какъ ни драгоцѣнно, говоритъ онъ, увеличеніе народнаго капитала, не надо однако преувеличивать его дѣйствительное значеніе. Я предположилъ для ясности, что половина количества звонкой монеты страны можетъ быть замѣнена билетами; но эта пропорція чрезвычайно велика, особенно если принять во вниманіе, что билеты имѣютъ значеніе цѣнности тогда только, когда могутъ быть ежеминутно, безъ труда, размѣниваемы на деньги. Тѣмъ не менѣе допустимъ это предположеніе и постараемся опредѣлить важность такого увеличенія относительно къ народному капиталу.» «Никто не предполагалъ, чтобы количество звонкой монеты, необходимое для обращенія, превышало бы одну пятую часть цѣнности ежегоднаго производства въ какомъ-нибудь народѣ; по разсчету же нѣкоторыхъ, оно не превышаетъ и тридцатой части; слѣдовательно первая оцѣнка очень высока, и что касается до меня, я считаю ее выше дѣйствительной. Однако достутимъ ее. При такомъ условіи страна, которая производитъ ежегодно на 20 милліоновъ, должна имѣть звонкой монеты на 4 милліона. Предположивъ, что половина количества звонкой монеты или 2 милліона могутъ быть замѣнены билетами и употреблены на увеличеніе народнаго капитала, они увеличатъ его разъ навсегда, на цѣнность равную $^2/_{20}$ или $^1/_{10}$ цѣнности всего ежегоднаго производства.

(*) Traité, liv. 1, ch. 22.

Ежегодныя произведенія можетъ-быть въ свою очередь будутъ очень высоко оцѣнены, если предположить цѣнность ихъ равную $^1/_{10}$ части цѣнности производительнаго народнаго капитала; я ихъ оцѣниваю такъ высоко въ томъ предположеніи, что производительные капиталы приносятъ въ массѣ $5^0/_0$ дохода и столько же приноситъ поддерживаемая ими промышленность. Если, слѣдовательно, билеты увеличили народный капиталъ на $^1/_{10}$ часть цѣнности ежегоднаго количества произведеній, то они, даже и при высшей оцѣнкѣ, увеличили народный капиталъ на $^1/_{100}$ часть его.»

«Хотя при самомъ большомъ выпускѣ билетовъ, увеличеніе народнаго капитала въ довольно богатой странѣ вовсе не такъ значительно, какъ обыкновенно предполагаютъ, тѣмъ не менѣе оно драгоцѣнно, потому-что даже благоденствующій народъ можетъ сберечь отъ непроизводительнаго потребленія своихъ произведеній развѣ самую незначительную часть для увеличенія народнаго капитала, если только дѣятельность его не такъ развита, какъ напримѣръ въ Англіи; или духъ бережливости не распространенъ и не поддерживается такъ хорошо, какъ напримѣръ въ Голландіи.

Многое можно возразить противъ этихъ выводовъ и мыслей, служащихъ имъ основаніемъ. Главнѣйшая ошибка Ж. Б. Сэя, ошибка, на которую мы уже указали, состоитъ въ томъ, что, по его понятію, банковые билеты замѣняютъ въ обращеніи звонкую монету.

Допустивъ даже вѣрность этой ипотезы, ошибочно было бы полагать, что банковые билеты замѣняютъ только равное суммѣ ихъ количество звонкой монеты. Хотя вообще можно сказать, что количество употребляемой звонкой монеты въ странѣ ограничивается потребностями обращенія, но при этомъ должно прибавить, что оно обусловливается издержками, которыя влечетъ за собою употребленіе такого средства обращенія. Такъ-какъ для пріобрѣтенія его, народу приходится жертвовать частью своего обортонаго капитала, то онъ употребляетъ его умѣренно, часто

обходится безъ онаго, не произведя всѣхъ дѣйствительно полезныхъ сдѣлокъ; вотъ почему въ странѣ, гдѣ въ употребленіи одна звонкая монета, мѣна мало оживлена, и всякій преимущественно потребляетъ собственныя произведенія. Предположимъ, что звонкая монета будетъ замѣнена чѣмъ-нибудь ничего нестоющимъ или малоцѣннымъ, очевидно что мѣна оживится, потребности обращенія увеличатся. Отсюда слѣдуетъ, что еслибы банковые билеты, какъ многіе предполагаютъ, дѣйствительно замѣнялись въ обращеніи звонкою монетою, то они обращались бы постоянно въ большомъ количествѣ (*).

Но факты доказываютъ совершенно противное. Въ странѣ, гдѣ развитъ кредитъ, количество выпускаемыхъ банками билетовъ никогда не равняется перемѣщаемому количеству звонкой монеты. Непреложнымъ доказательствомъ этому можетъ служить Англія, гдѣ всѣ мѣны производятся при помощи суммы въ 1,500 милліоновъ, считая тутъ банковые билеты и звонкую монету; между-тѣмъ какъ Франція употребляетъ одной звонкой монеты на сумму вдвое бо́льшую. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ былъ бы еще поучительнѣе, потому-что тамъ количество обыкновенныхъ посредниковъ обращенія еще менѣе нежели въ Англіи. Это объясняется тѣмъ, что если въ этомъ случаѣ что-нибудь замѣняетъ звонкую монету, то конечно не бумажные знаки банковъ, а кредитъ, проявляющійся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; здѣсь банковые билеты только однѣ изъ проявленій, однѣ изъ главныхъ его двигателей. Какъ-скоро банки придали движеніе кредиту, развитіе послѣдняго идетъ гораздо далѣе предѣловъ выпуска банковыхъ билетовъ; такимъ-образомъ, кредитъ вытѣсняетъ и часть банковыхъ билетовъ, точно такъ какъ вытѣсняетъ часть звонкой монеты.

Не останавливаясь болѣе на опроверженіи ипотезъ Ж. Б. Сэя,

(*) Нѣтъ, если эти билеты дѣйствительно уплачиваются по предъявленіи и на предъявителя, потому-что въ такомъ случаѣ цѣнность ихъ всегда равняется цѣнности звонкой монеты, и слѣдовательно пріобрѣтеніе ихъ стоитъ также дорого, какъ и пріобрѣтеніе звонкой монеты. К. С.

которыя къ-несчастію противорѣчатъ фактамъ, мы постараемся вывести въ другой формѣ болѣе вѣрный и ясный разсчетъ.

Чтобы съ одного взгляда опредѣлить все значеніе сбереженія производимаго развитіемъ кредита, достаточно сравнить относительное положеніе Англіи и Франціи.

Хотя цифра народонаселенія менѣе значительна въ Англіи, нежели во Франціи, однако всѣмъ извѣстно, что производительность той и другой равносильна. Сверхъ-того можно предположить, что въ Англіи движеніе торговли вдвое болѣе, потому-что обычай мѣны болѣе распространенъ въ ней. Между-тѣмъ какъ во Франціи большое число производителей, особенно изъ класса земледѣльцевъ, почти исключительно потребляютъ собственныя произведенія, не покупая и не продавая многаго; въ Англіи болѣе распространено обыкновеніе отправлять свои произведенія на рынокъ для полученія оттуда необходимыхъ предметовъ, потому-что принципъ раздѣленія труда въ ней болѣе развитъ и, слѣдовательно, мѣна гораздо оживленнѣе. По этому слѣдовало бы думать, что въ Англіи потребность *въ посредникѣ* мѣны должна быть сильнѣе чѣмъ во Франціи.

Между-тѣмъ по разсчетамъ экономистовъ и официальнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что масса звонкой монеты, употребляемой въ Англіи, не превышаетъ 750 милліоновъ, между-тѣмъ какъ Франція, не пользуясь большими удобствами и даже, какъ увидимъ далѣе, съ мѣньшими удобствами, употребляетъ для своихъ сдѣлокъ капиталъ въ три съ половиною мильярда (*), т.-е. для той же или даже для менѣе значительной цѣли, Франція употребляетъ капиталъ въ четыре раза большій. Предположимъ,

(*) Это исчисленіе денежнаго капитала Франціи согласуется съ исчисленіемъ г-на Леона Фошѐ въ статьѣ о монетахъ, представленной имъ въ 1843 году академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Оно основано, на сколько была возможность, на официальныхъ данныхъ. Мы считаемъ его однако немного преувеличеннымъ; но выводимые результаты тѣмъ не менѣе точны, потому-что Англія при лучшемъ устройствѣ системы кредита, могла бы удовольствоваться при всѣхъ мѣнахъ еще мѣньшимъ количествомъ звонкой монеты; доказательствомъ чего можетъ служить примѣръ Шотландіи и нѣкоторыхъ штатовъ, входящихъ въ составъ Американскаго Союза.

ЦАБ "Автограф"

что коммерческое движеніе во Франціи, въ сложности равно движенію въ Англіи, что далеко не точно. Очевидно, что при лучшихъ экономическихъ условіяхъ первая могла бы довольствоваться тѣмъ же количествомъ находящейся въ обращеніи звонкой монеты. Вмѣсто трехъ съ половиною мильярдовъ, она употребляла бы, подобно Англіи, 750 милліоновъ для мѣны, которая происходила бы съ тою же легкостью, какъ и теперь. Тогда бы она могла отъ такого безплоднаго употребленія обратить къ производительнымъ работамъ сумму въ два мильярда 750 милліоновъ. Основываясь на этихъ данныхъ, опредѣлимъ, во что обходится Франціи несовершенство ея системы обращенія.

Процентъ съ этого безполезнаго капитала, считая по пяти на сто (процентъ очень незначительный въ сравненіи съ среднимъ процентомъ съ капиталовъ въ этой странѣ) составляетъ сумму въ 139,500,000 франковъ; цифра очень значительная, составляющая почти одну десятую часть налоговъ. Но не по пяти на сто слѣдуетъ считать проценты съ означенной безплодной массы звонкой монеты. Еслибы можно было обойтись въ торговлѣ, безъ нея, такъ-какъ она не составляетъ части чистаго дохода страны, а напротивъ, часть ея капитала, она ежегодно была бы обращена въ производительный капиталъ, который среднимъ числомъ, какъ обыкновенно считаютъ, приносилъ бы $10^0/_0$ или ежегодно 275 милліоновъ. Вотъ на сколько Франція издерживаетъ болѣе Англіи для совершенія мѣны: сумма огромная, которою она безполезно лишаетъ свой доходъ, или которою она могла бы его увеличить при болѣе экономическомъ употребленіи звонкой монеты.

Въ этомъ разсчетѣ весьма многое упущено изъ виду. Если 2 мильярда 750 милліоновъ, которые Франція употребляетъ для мѣны въ видѣ безполезной монеты, были бы превращены въ производительные капиталы, они принесли бы конечно болѣе $10^0/_0$ тѣмъ, которые употребляли бы ихъ съ пользою. Но какую дѣятельность и какое благосостояніе произвели бы они во всей странѣ? Предположимъ, что они обращены въ заводы; кромѣ приносимыхъ ими выгодъ предпринимателямъ, развѣ не нужно

считать выгодою то количество работы, которое они дали бы столькимъ незанятымъ рукамъ. Предположимъ, что они обращены въ желѣзныя дороги и каналы; развѣ не нужно считать выгодою то драгоцѣнное удобство, которое торговля найдетъ въ нихъ для передвиженія ея произведеній. Притомъ, кто же не знаетъ, что употребляемый въ странѣ капиталъ приноситъ пользу не однимъ тѣмъ, которые его употребляютъ. Для рабочихъ классовъ онъ новый источникъ работы (*), для общества новый принципъ жизни, котораго благодѣтельное вліяніе становится чувствительнымъ на большое пространство.

Такимъ-образомъ очевидно, что не должно оставлять безъ вниманія вредъ, который наноситъ себѣ Франція, безплоднымъ употребленіемъ столь значительной массы монеты. Что мы скажемъ, принявъ въ соображеніе, что, далеко не облегчая движеніе мѣны, она во многихъ случаяхъ представляетъ только затрудненіе. Что стоитъ постоянная перевозка товара-монеты, котораго назначеніе — находиться въ постоянномъ обращеніи. Эти издержки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ кажутся ничтожными; но если взять во вниманіе то обстоятельство, что онѣ ежедневно повторяются, легко понять, что къ концу года онѣ составляютъ очень значительную сумму. Онѣ тѣмъ болѣе значительны во Франціи, что употребительнѣйшая тамъ монета есть серебро, монета тяжелая, громоздкая вслѣдствіе ея низкой въ настоящее время цѣны, которая отнюдь не соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ размѣрамъ нашихъ сдѣлокъ. Прибавьте къ этому стоимость постоянной траты времени при платежѣ и полученіи денегъ, счетѣ кассы и ликвидаціяхъ. Справедливо замѣчаютъ, что англійскій негоціантъ совершаетъ болѣе сдѣлокъ въ полчаса, нежели французскій въ цѣлый день и этимъ преимуществомъ онъ обязанъ отсутствію звонкой монеты;

(*) Если рабочая плата находится съ процентомъ въ пропорціи 32 по разсчетамъ, которые наиболѣе преувеличиваютъ сумму процентовъ, то запросъ на работу, о которомъ говоритъ здѣсь авторъ и который въ настоящее время не существуетъ, простирался бы ежегодно на 413 милліоновъ франковъ. К. С.

ЦАБ "Автограф"

справедливо, что Франція, чрезмѣрно умноживъ цѣною пожертвованій дорого стоющій посредникъ мѣны, вмѣсто ожидаемаго облегченія, затруднила только ходъ сдѣлокъ.

Вотъ прямыя непосредственныя выгоды, которыя Франція получила бы отъ развитія кредита. Еслибы не было еще и другихъ, этотъ предметъ одинъ уже достоинъ вниманія ея государственныхъ людей.

Но это, смѣемъ сказать, еще не важная сторона вопроса; какъ ни велика экономія, соблюдаемая обращеніемъ части звонкой монеты въ производительный капиталъ, въ развитіи кредита есть еще высшая цѣль. Дѣло не въ увеличеніи производительнаго капитала страны двумя мильярдами, не въ избѣжаніи перевозки денегъ, а въ новой цѣнности, которую получаютъ всѣ капиталы вслѣдствіе новой дѣятельности, въ пробужденіи ихъ отъ несчастнаго усыпленія, въ которомъ они нынѣ находятся: въ приведеніи ихъ въ постоянное прикосновеніе съ работою, которая ихъ оплодотворяетъ; въ оплодотвореніи самой работы капиталомъ, безъ котораго она ничтожна; однимъ словомъ въ возбужденіи производительности, приведеніемъ въ движеніе всѣхъ жизненныхъ силъ, въ настоящее время очень склонныхъ къ усыпленію. Вотъ чудо, которое производитъ кредитъ; вотъ услуга которую онъ оказываетъ, услуга гораздо значительнѣе тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ. — РАЗНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ РАЗВИТІЯ КРЕДИТА.

§ I. Облегченіе обращенія произведеній.

Адамъ Смитъ, желая наглядным образомъ выразить свойство и значеніе выгодъ, проистекающихъ, по его мнѣнію, для страны отъ обращенія банковыхъ билетовъ, употребилъ сравненіе, съ которымъ всѣ согласились. Это сравненіе было много разъ повторяемо нетолько въ сочиненіяхъ экономистовъ, но и въ разсужденіяхъ законодательныхъ собраній и государственными людьми. Вообще имъ пользовались въ видахъ враждебныхъ развитію кредита; да позволено будетъ намъ употребить его съ противоположною цѣлью.

Авторъ сочиненія «*Richesse de la nation*» (*О народномъ богатствѣ*) обрисовалъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Та часть капитала, которую торговецъ долженъ постоянно имѣть при себѣ, для удовлетворенія могущихъ возникнуть требованій, составляетъ мертвый капиталъ, который, оставаясь въ такомъ состояніи, не приноситъ никакой пользы, ни ему, ни его странѣ.»

«Разумныя банковыя операціи даютъ ему возможность превратить мертвый фондъ въ фондъ живой и производительный въ видѣ товаровъ, инструментовъ, предметовъ необхо-

димой потребности для рабочихъ, однимъ словомъ фондъ, который что-нибудь приноситъ или ему, или его странѣ. Золотая или серебряная монета, посредствомъ которой произведенія страны обращаются и распредѣляются между ихъ потребителями, такой же мертвый капиталъ, какъ и деньги, оставляемыя торговцемъ при себѣ безъ употребленія. Эта драгоцѣнная часть капитала страны ничего не производитъ для нея. Банкъ, благоразумно замѣняя бумагою золото и серебро, обращаетъ большую часть мертваго капитала въ капиталъ производительный.»

Подобную же мысль мы нашли у Ж. Б. Сэя, который впрочемъ признается, что въ этомъ случаѣ повторилъ только мысли своего учителя. Вотъ какимъ сравненіемъ Адамъ Смитъ старался растолковать вышеприведенное объясненіе.

«Можно, говоритъ онъ, справедливо сравнитъ золото и серебро, обращающіяся въ странѣ, съ большою дорогою, которая служитъ для перевозки на рынокъ всѣхъ произведеній, но сама ничего не производитъ. Благоразумный банкъ, устраивая (если позволено будетъ сказать или употребить эту смѣлую метафору) *дорогу на воздухъ, даетъ возможность обратить значительную часть дорогъ въ пастбища и пашни, и такимъ-образомъ увеличить сумму произведеній земли и работы.* Нужно однако сознаться, что, хотя торговля и промышленность могутъ быть такимъ-образомъ распространены, но онѣ не могутъ столь твердо держаться на фантастическихъ крыльяхъ бумажныхъ денегъ, какъ на твердой почвѣ золотой и серебряной монеты (*).»

Несмотря на *смѣлость* сравненія, употребляемаго въ этомъ случаѣ самимъ Адамомъ Смитомъ, оно не лишено нѣкотораго основанія, за исключеніемъ во всякомъ случаѣ того, что относится къ предполагаемымъ опасностямъ отъ употребленія кредитныхъ бумагъ, опасностямъ, которыя при правильной систе-

---

(*) Кн. II, гл. 2.

мѣ вовсе или далеко не такъ велики, какъ представлены въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Но если сдѣланное сравненіе въ нѣкоторомъ отношеніи вѣрно, очевидно, что Адамъ Смитъ не сдѣлалъ изъ него всѣхъ логическихъ выводовъ. Онъ остановился, такъ сказать, на пол-дорогѣ и признаемся, что и въ этомъ случаѣ не узнаемъ обычной предусмотрительности этого проницательнаго, обширнаго и всегда твердаго ума. Мы принимаемъ сравненіе, но съ условіемъ развить и дополнить его.

Предположимъ, что можно земныя дороги, по которымъ слѣдуютъ наши товары, по вышеприведенной смѣлой гипотезѣ, вдругъ замѣнить воздушными, столь же удобными путями. Что произойдетъ тогда?

Во-первыхъ, какъ очень основательно замѣчаетъ Адамъ Смитъ, все довольно значительное пространство, которое мы въ настоящее время принуждены отводить подъ дороги, сдѣлается свободнымъ и можемъ обратить его въ пастбища или пашни. Изъ непроизводительной, сдѣлавшись производительною, это пространство земли увеличитъ нашъ производительный капиталъ,—чистая выгода для страны. Но развъ она единственная? очевидно нѣтъ: не нужно большой проницательности, чтобы видѣть, что мы немедленно извлекаемъ и другую выгоду, не менѣе важную отъ относительнаго облегченія перевозки, уменьшенія платежа за проѣздъ и совершеннаго отсутствія тренія.

Хотя мы и не считаемъ это сравненіе вполнѣ безупречнымъ, но будемъ развивать его до конца.

На нашихъ дорогахъ не одно пространство земли составляетъ цѣнность, которую должно считать потерянною для страны. Нужно еще прибавить болѣе или менѣе значительную цѣнность постройки и цѣнность издержекъ на передвиженіе при всякой перевозкѣ. Затруднительность перевозки зависитъ отъ силы тренія. И это обстоятельство далеко не маловажное и не второстепенное, такъ что старанія къ усовершенствованію путей сообщенія имѣли гораздо менѣе въ виду сбереженіе пространства, назначеннаго для постройки дорогъ, нежели уменьшеніе усилій, упо-

требляемыхъ для перевозки посредствомъ постепеннаго ослабленія тренія. На простыхъ дорогахъ, худо содержимыхъ и неправильно устроенныхъ, для перевозки должно употреблять много усилій; треніе уменьшается на вымощенныхъ дорогахъ и шоссе, на желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ оно еще меньше, но и въ послѣднемъ случаѣ, треніе еще чувствительно, такъ что для преодолѣнія его, несмотря на всѣ усилія уровнять дорогу, мы должны употреблять для перевозки сильные двигатели. На воздушной дорогѣ треніе,—источникъ столькихъ издержекъ, къ уничтоженію дѣйствія котораго всѣ стремятся, тотчасъ уничтожится.

Допустимъ возможность устройства воздушной дороги. Что произойдетъ изъ этого? Безъ-сомнѣнія чрезъ это сбережется часть пространства, занимаемаго въ настоящее время дорогою; но очевидно, что полученная такимъ-образомъ выгода не будетъ самая значительная. Самая большая выгода, самая цѣнная, единственная, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе,—потому-что она подчиняетъ всѣ прочія,—будетъ состоять въ легкости перевозки.

Съ уничтоженіемъ тренія потребныя для перевозки усилія сдѣлаются почти ничтожными и издержки перевозки значительно сократятся. Слѣдовательно, кромѣ выигрыша пространства дорогъ, сбереженіе будетъ повторяться при каждой перевозкѣ. Тогда увеличится передвиженіе, какъ это всегда случается при улучшеніи способовъ его и произойдетъ нетолько лучшее распредѣленіе всѣхъ полезныхъ произведеній, но и употребленіе значительной части нынѣ теряющихся произведеній. Напримѣръ деревья, которыя гніютъ на корнѣ въ лѣсахъ восточной Франціи, не имѣющія почти никакой цѣнности, потому-что имъ нѣтъ намѣстъ употребленія и перевозка ихъ стоитъ большихъ издержекъ, по воздуху отправились бы въ наши приморскіе города, гдѣ недостатокъ ихъ такъ чувствителенъ, или въ большіе центры народонаселенія, гдѣ топливо такъ дорого. Гранитъ изъ окрестностей Булони или вулканическіе камни Оверни, изобилующіе на мѣстѣ,

ЦАБ "Автограф"

расходились бы во всѣ города, какъ строительный матеріалъ. Затѣмъ нечистоты, изобилующія въ большихъ городахъ и вывозъ которыхъ такъ затруднителенъ въ-особенности въ столицѣ, вмѣсто того чтобы пропадать даромъ, какъ это часто случается въ сосѣдствѣ городскихъ воротъ, заражая окрестности, увозились бы въ поле для удобренія. Такимъ-образомъ мы бы нетолько сдѣлали сбереженіе въ постройкѣ дорогъ, но и достигли бы лучшаго употребленія всѣхъ средствъ страны. И кто скажетъ, что эти выгоды имѣютъ менѣе значенія, нежели употребленія въ пользу безполезнаго пространства дорогъ. Послѣдняя выгода ограничена, другая же безконечна.

Это-то обстоятельство уменьшенія или уничтоженія тренія, сходное съ нашимъ предметомъ, Адамъ Смитъ, по видимому, упустилъ изъ виду.

Между-тѣмъ, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о благотворномъ дѣйствіи кредита, нужно разсмотрѣть его съ этой точки зрѣнія. Нужно прослѣдить всѣ его послѣдствія, не останавливаясь на матерьяльномъ второстепенномъ фактѣ.

Во-первыхъ постоянный результатъ развитія кредита есть постоянное уменьшеніе процента, платимаго за капиталы. Тамъ, гдѣ кредитъ развитъ, платятъ 3, 4 и не болѣе 5%; гдѣ этого развитія нѣтъ 8, 10 или 12; даже и въ послѣднемъ случаѣ можно сказать, что кредитъ ограниченъ, но все-таки существуетъ. При употребленіи во всѣхъ сдѣлкахъ звонкой монеты, т. е. при совершенномъ отсутствіи кредита платили бы 20, 30 и болѣе процентовъ. Это истина, которую очень легко повѣрить сравнительнымъ изученіемъ кредита въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. А что означаетъ пониженіе процента, какъ не то же, что уменьшеніе тренія при перевозкѣ произведеній? Въ сущности это одно и то же. Промышленникъ, который нуждаясь, для произведенія извѣстныхъ предметовъ, въ матеріалахъ и инструментахъ, платитъ за употребленіе ихъ также, какъ тотъ, кто перевозитъ что нибудь, платитъ за употребленіе дороги и за силы, нужныя для преодолѣнія силы тренія. Если процентъ уменьшает-

ся, то первый достигаетъ своей цѣли съ меньшими издержками, подобно тому, какъ послѣдній при усовершенствованіи путей сообщенія. Тогда ему становится возможнымъ нетолько продавать дешевле свои произведенія, но замѣтьте еще, и предпринимать съ выгодою разныя производства, о которыхъ онъ прежде не могъ бы и думать. Такимъ образомъ, горизонтъ промышленности расширяется по мѣрѣ уменьшенія ея издержекъ. Это совершенно сходно съ тѣмъ, какъ новая, болѣе дешевая и удобная дорога уменьшаетъ издержки перевозки и увеличиваетъ массу перевозимыхъ предметовъ, вслѣдствіе возможности употреблять съ пользою то, что прежде проходило почти даромъ. Однако уменьшеніе процента, хотя дѣйствительно есть одинъ изъ самыхъ полезныхъ результатовъ развитія кредита, но долго еще не можетъ назваться главнымъ. Умноженіе производительныхъ капиталовъ составляетъ могущество и значеніе кредита, а уменьшеніе процента есть только признакъ и послѣдствіе такого умноженія (*). Въ-самомъ-дѣлѣ отчего въ странѣ, гдѣ кредитъ развивается, проценты начинаютъ понижаться. Это именно происходитъ отъ умноженія капиталовъ, отъ большаго предложенія ихъ на требованія потребителей. Подобному явленію нѣтъ другаго возможнаго истолкованія. Сказанное умноженіе капиталовъ, даже взятое отдѣльно отъ производимаго имъ пониженія процента, и есть чудесность кредита, благодѣяніе его. Оно оживляетъ промышленность, окружая ее оплодотворяющими ея элементами; оно нарушаетъ инерцію мертвыхъ цѣнностей, приводитъ въ движеніе умы и руки; оно увеличиваетъ производительность работы, облегчая трудъ ея и даетъ возможность употребить съ пользою всѣ жизненныя силы страны.

Противъ насъ возстанутъ многіе за то, что мы осмѣлились утверждать, будто кредитъ умножаетъ капиталы. Однако нѣтъ болѣе очевиднаго факта, хотя теорія не всегда объясняетъ

(*) Точнѣе слѣдовало бы сказать: обращеніе къ дѣятельности бездѣйствующихъ капиталовъ и обыкновенное накопленіе оныхъ, вслѣдствіе болѣе обширнаго производства. К. С.

ЦАБ "Автограф"

его; чтобы убѣдиться въ немъ, достаточно сравнить эпоху коммерческаго кризиса, подобнаго нынѣшнему, съ болѣе обыкновеннымъ временемъ, какъ напримѣръ съ тѣмъ, которое предшествовало послѣдней революціи (1848 года). Нельзя сказать, чтобы въ первомъ случаѣ было менѣе капиталовъ, нежели теперь. Что же важнаго случилось тогда въ промышленности и торговлѣ. Ничего болѣе, какъ совершенное уничтоженіе кредита, котораго было достаточно, чтобы остановить производство и оставить безъ хлѣба милліонъ работниковъ.

Кредитъ ничего не можетъ создать; положимъ; но и дорога ничего не можетъ создать; однако мы видимъ, что она создаетъ новыя произведенія, придавая цѣнность тѣмъ предметамъ, которые ее не имѣли. Она извлекаетъ изъ ничтожества предметы, пропадавшіе на мѣстѣ безъ употребленія. Иногда, не простирая такъ далеко своего дѣйствія, она даетъ большую цѣнность тому, что имѣло цѣнность незначительную, а это тоже производство. Сама въ сущности ничего не создавая, она увеличиваетъ число произведеній, т.-е. капиталы, потому-что большая часть предметовъ, которымъ она придаетъ цѣнность; можетъ быть еще употреблена производительнымъ образомъ. Итакъ дѣйствія кредита почти тѣ же. Онъ ничего не создаетъ, но придаетъ жизнь бездѣйствующимъ капиталамъ. Если онъ не извлекаетъ ихъ, подобно дорогѣ, изъ отдаленныхъ странъ, гдѣ они пропадаютъ даромъ, то онъ, по-крайней-мѣрѣ, выпуститъ ихъ изъ магазиновъ и кладовыхъ, гдѣ они остаются безъ употребленія. Онъ выводитъ ихъ изъ бездѣйствія и летаргіи и призываетъ къ полезному употребленію. Развѣ это не то же, что производить? Развѣ послѣ этого можетъ кто-нибудь не согласиться съ тѣмъ, что умножать употребленіе капиталовъ значитъ умножать ихъ (*)?

(*) Непонятно, почему авторъ поддерживаетъ здѣсь, а въ слѣдующемъ параграфѣ объясняетъ совершенно неточное выраженіе, и въ то же время употребляетъ вѣрное выраженіе: *умножать употребленіе* капиталовъ. Человѣкъ работаетъ двѣнадцать часовъ вмѣсто прежнихъ шести; онъ увеличиваетъ свои

Но такъ-какъ это касается самаго основанія нашего предмета, мы постараемся доказать, что и въ другомъ смыслѣ вполнѣ справедливо мнѣніе, что кредитъ умножаетъ капиталы.

§ II. Умноженіе капиталовъ.

Нѣтъ ни одного экономиста, достойнаго этого имени, который бы не сознавалъ благодѣтельнаго вліянія, оказываемаго изобиліемъ капиталовъ на судьбу людей и въ-особенности на судьбу многочисленнаго класса рабочихъ. Но въ то же время большое число изъ нихъ полагаетъ, что изобиліе капиталовъ есть результатъ отдаленный, котораго можно достигнуть постепенно, чрезъ продолжительное сбереженіе и накопленіе денегъ. Мы встрѣтили уже выше эту мысль, выраженную Ж. Б. Сэйемъ. Очень недавно еще этотъ вопросъ былъ отлично развитъ извѣстнымъ экономистомъ Мишелемъ Шевалье въ одномъ сочиненіи, которое имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ вопросъ объ улучшеніи судьбы рабочихъ. Изъ его словъ должно заключить, что, напримѣръ, Французы, которые, относительно изобилія капиталовъ, такъ отстали отъ Англичанъ и Американцевъ, могутъ надѣяться догнать ихъ не иначе, какъ посредствомъ медленнаго накопленія прибыли.

Однакожь что̀ такое капиталъ? За исключеніемъ домовъ, заводовъ, дорогъ и каналовъ, онъ вообще заключается въ матерьялахъ и орудіяхъ. Но, спрашивается, развѣ трудно государству, уже достаточно надѣленному необходимымъ, пріобрѣсти въ короткое время и посредствомъ собственнаго изготовленія или вывоза изъ-за границы, всѣ матеріалы и орудія, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность при работѣ? Развѣ только однимъ сбереженіемъ денегъ можетъ оно пріобрѣсти ихъ? Развѣ для него необходимо съ нетерпѣніемъ ждать цѣ-

---

занятія и потому производитъ больше; но число людей не увеличилось, и нѣтъ никакого умноженія. К. С.

лые годы? Мы далеки отъ того, чтобъ отрицать пользу и необходимость накопленія и сбереженія денегъ. Но въ сущности, люди, строго придерживающіеся подобнымъ экономическимъ правиламъ, сильно ошибаются; они забываютъ преимущество другаго дѣятеля, польза котораго, будучи также вѣрна, достигается скорѣе. Въ этомъ кажется легко убѣдиться на примѣрахъ.

Посмотрите, чего недостаетъ французскимъ полямъ. Конечно капитала, но какого? Земледѣльческихъ орудій, болѣе удобныхъ, чѣмъ нынѣ употребляемыя; лучшихъ средствъ для перевозки, болѣе обильныхъ удобреній, болѣе сильнаго и здороваго рабочаго скота, расширенія скотоводства, а иногда лучшихъ сѣменъ, обѣщающихъ болѣе обильную жатву. Мы оставляемъ въ сторонѣ фермы и риги, составляющія однако также значительную часть капитала; но о нихъ можно теперь умолчать и ограничиться одними матерьялами и орудіями. Развѣ во Франціи трудно достать эти матерьялы и орудія? Или нельзя изготовить ихъ въ самое непродолжительное время, въ случаѣ недостатка? Положимъ, мы нуждаемся въ телѣгахъ и земледѣльческихъ орудіяхъ; но развѣ сосѣдніе телѣжники и кузнецы не въ состояніи сдѣлать ихъ? Или же они такъ завалены работою, что не могутъ удовлетворить требованіямъ? Къ несчастію мы видимъ совершенно противное. Въ то время, какъ въ деревняхъ недостаетъ орудій, тѣ которые ихъ дѣлаютъ остаются безъ работы; пусть только явятся заказы и за исполненіемъ ихъ не будетъ остановки. Немного дерева, желѣза и много работы,—вотъ все, что̀ нужно; и все это есть въ странѣ. Особенно послѣднее, главная вещь въ этомъ дѣлѣ, находится въ это время въ избыткѣ.

То же можно сказать относительно скота, удобренія и сѣменъ, хотя легко можетъ статься, въ нѣкоторыхъ округахъ будетъ совершенный недостатокъ въ удобреніи. Вообще, все это легко найти или произвести, потому-что производство чрезвычайно способно распространиться, когда на него большой спросъ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что достаточно было бы двухъ или трехъ годовъ для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ это-

го рода, ощущаемымъ нашимъ земледѣліемъ, особливо если ему будетъ дозволено, въ случаѣ нужды, обратиться для помощи за границу.

Итакъ, собственно говоря, недостатокъ не въ земледѣльческомъ капиталѣ; а если въ крайнемъ случаѣ и въ немъ, то его легко создать въ непродолжительное время. Въ сущности земледѣльцу недостаетъ только возможности заплатить за него (*). Онъ нуждается въ этомъ капиталѣ; орудія, скотъ, сѣмена ему особенно полезны для его промысла, и онъ имѣлъ бы отъ нихъ огромную выгоду впослѣдствіи; но ему недостаетъ въ эту самую минуту средствъ пріобрѣсти ихъ, и онъ вынужденъ отказаться отъ выгодъ, которыя бы могъ извлечь изъ нихъ. Итакъ у него нѣтъ возможности и средства для уплаты; но положимъ, что кредитъ доставляетъ ему эту возможность. Онъ тотчасъ же раздаетъ заказы (**) и тогда телѣжникъ, кузнецъ, скотоводъ и поставщикъ удобренія принимаются за дѣло и въ короткое время земледѣльческій капиталъ изобилуетъ въ странѣ. Намъ скажутъ: надобно же когда-нибудь заплатить, потому-что кредитъ только отсрочиваетъ уплату, а не избавляетъ отъ нея. Это справедливо; но развѣ нѣтъ у землевладѣльца въ его кладовыхъ, житницахъ, хлѣвахъ и поляхъ, продуктовъ необходимыхъ городскому работнику. Ему только недостаетъ случая ихъ продать и времени, необходимаго для обращенія ихъ въ деньги. Это время дается ему кредитомъ. Кредитъ доставляетъ эти случаи или умножаетъ ихъ, потому-что, усиливая производство въ городахъ, онъ усиливаетъ тѣмъ же и самое потребленіе. Съ другой стороны, если находятъ, что матерьялы и орудія, требуемыя земледѣльцемъ дѣйствительно будутъ ему по-

---

(*) Онъ скорѣе нуждается въ пониманіи своихъ интересовъ и необходимости имѣть оборотный капиталъ; безъ сомнѣнія капиталъ этотъ получить легко, но для этого недостаточно одного кредита, неподдерживаемаго или невозбуждаемаго болѣе высокимъ состояніемъ промышленности. К. С.

(**) Напротивъ-того, французскій крестьянинъ старается прежде всего накупить себѣ земли. К. С.

лезны, то это потому, что онѣ вѣроятно дадутъ ему возможность усовершенствовать обработку и расширить свое производство. Самое употребленіе ихъ даетъ ему больше средствъ къ уплатѣ, чѣмъ прежде. Все что мы сказали о земледѣліи, прилагается въ той же мѣрѣ и къ технической промышленности. Снабдить орудіями и инструментами мастерскія рабочихъ или фабрики и заводы такъ же легко, какъ и фермы земледѣльцевъ. Пусть только мастеровые и заводчики или фабриканты будутъ имѣть возможность заказать и заплатить за недостающіе имъ инструменты; они найдутъ сколько угодно механиковъ къ своимъ услугамъ, хотя бы для удовлетворенія новымъ заказамъ, они должны были увеличить свои мастерскія, усовершенствовать орудія, увеличить число работниковъ и силу двигателей. Итакъ, для промышленности механической, какъ и для земледѣльческой, трудность состоитъ не въ созданіи недостающаго капитала, а въ возможности занять его (*).

Почему капиталы въ такомъ большомъ количествѣ изобилуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, странѣ новой, неимѣвшей за собою, подобно Франціи, четырнадцати вѣковъ для накопленія сбереженій? Потому-что, благодаря кредиту, возможность занять капиталъ открыта тамъ всякому, или по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, которые могутъ употребить его съ пользою (**). Эта возможность тамъ одинаково развита въ городахъ и селахъ, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ бывшій президентъ Жеферсонъ, ревностный противникъ банковъ, который, приводя эти факты въ доказательство своей теоріи, не замѣчаетъ, что они говорятъ не за, а противъ него (***). Въ его странѣ,—говоритъ онъ,—существуетъ обычай,

---

(*) Просто нужно найти ему выгодное помѣщеніе. К. С.

(**) Это потому, что, благодаря практическому образованію производителей, капиталъ бываетъ тамъ занимаемъ только для полезнаго употребленія. К. С.

(***) Жеферсонъ, объясняя дѣйствіе банковъ, точно такъ же, какъ и Адамъ Смитъ, котораго слова онъ даже повторяетъ, утверждаетъ, что банки выгодны только для городскихъ негоціантовъ, которымъ они доставляютъ чрезмѣрную выгоду, не принося никакой пользы сельскимъ обывателямъ, представляющимъ туда только векселя для учета. Онъ забываетъ, что безъ облегченія, которое до-

что земледѣльцы, нуждающіеся въ орудіяхъ или въ сѣменахъ, обращаются къ одному изъ городскихъ негоціантовъ, которые даютъ имъ деньги въ кредитъ, отлагая срокъ уплаты до окончанія слѣдующей жатвы. Тотъ же самый фактъ объясняется, только съ бо́льшимъ пониманіемъ его значенія, въ позднѣйшемъ, нами уже упомянутомъ сочиненіи (*). Вотъ почему капиталы такъ изобилуютъ во всѣхъ обширныхъ равнинахъ Сѣверной-Америки, даже у поселенцевъ, постепенно населяющихъ пустыню; тогда-какъ они такъ ничтожны и рѣдки въ деревняхъ Франціи, даже тамъ, гдѣ они могли бы наконецъ накопиться втеченіи столь долгаго времени. Изъ этого происходитъ, что капиталы образуются постоянно; что всѣ пустоты пополняются безъ труда и что количество ихъ быстро увеличивается.

Итакъ, совершенно справедливо, что кредитъ опережая медленное дѣйствіе накопленія и сбереженія, почти мгновенно умножаетъ капиталы. Какимъ образомъ?.. Единственно тѣмъ, что даетъ каждому бо́льшую возможность доставать ихъ. Вмѣсто-того, чтобъ оставлять эту возможность тѣмъ, которые и безъ того въ состояніи платить наличными деньгами, онъ открываетъ ее всѣмъ тѣмъ, которые по своему положенію и нравственности представляютъ обезпеченіе въ уплатѣ; а число такихъ людей весьма значительно. Другими словами, кредитъ доставляетъ эту возможность всякому, кто способенъ посредствомъ труда употребить съ пользою разныя произведенія. Этимъ самымъ, онъ во-

---

ставляютъ банки городскимъ негоціантамъ, послѣдніе не могли бы производить сельскимъ обывателямъ тѣхъ ссудъ, о которыхъ онъ говоритъ далѣе. Впрочемъ, онъ называетъ эту систему ссудъ просто *обычаемъ*, какъ-будто подобный обычай можетъ образоваться безъ разумной причины и, какъ кажется, не понимаетъ всей важности этого обычая. Въ этомъ-то и заключается первый источникъ благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ; это есть могущественный рычагъ, посредствомъ котораго американскій народъ поднялъ и обработалъ пустыню. Дай Богъ, чтобъ подобный обычай утвердился во Франціи; какъ измѣнился бы тогда видъ ея полей.

(*) The credit system, by H. C. Carey, Philadelphia 1838. (Кредитная система. Соч. Кэри-Филадельфія, 1838 г.)

первыхъ, увеличиваетъ число потребителей и особенно такихъ, которые покупаютъ продукты для дальнѣйшей обработки ихъ. Во-вторыхъ, онъ расширяетъ для всякаго сферу производительнаго потребленія. Такимъ-образомъ онъ вдвойнѣ увеличиваетъ дѣйствительный спросъ на капиталы и всячески ускоряетъ ихъ образованіе.

У торговыхъ людей есть поговорка: не трудно произвести товаръ, а трудно его продать. Не принимая буквально этой поговорки, нельзя не согласиться съ ея относительною вѣрностью. Безъ-сомнѣнія, еслибы производителей не останавливала затруднительность продажи своихъ произведеній, то они были бы готовы еще болѣе распространить свое производство. Этому были уже примѣры. Сколько во Франціи промышленниковъ, которые производятъ столько, сколько они могутъ произвести? Изъ десяти нѣтъ и одного, не говоря уже, что незначительное число тѣхъ, которые производятъ почти все, что могутъ произвести при нынѣшнихъ размѣрахъ своихъ заведеній, весьма охотно увеличили бы производство, въ случаѣ усиленія запросовъ на ихъ произведенія. Отъ этого и происходятъ всѣ заботы и затрудненія въ пріисканіи покупателей.

Напротивъ, говоритъ Сэй, не трудно продать, а трудно произвести, потому-что произведенія покупаются на произведенія, и если чувствуется трудность продажи съ одной стороны, то это показываетъ недостаточность производства съ другой. Изъ сказанныхъ словъ ясно, что Сэй теряетъ изъ виду одну изъ сторонъ задачи. Конечно, произведенія промѣниваются на произведенія, но при какихъ условіяхъ, когда нѣтъ кредита между договаривающими сторонами? Неиначе, какъ при употребленіи весьма дорогаго посредника, котораго мы не всегда можемъ имѣть въ достаточномъ количествѣ; слѣдовательно, при огромномъ треніи, котораго часто бываетъ достаточно, для воспрепятствованія мѣнѣ и во всякомъ случаѣ для затрудненія ея хода. Какъ бы то ни было, трудность продажи — фактъ очевидный. Столь же очевидно и то, что производство, останавливаемое именно этимъ

затрудненіемъ, никогда не приближается къ послѣднимъ предѣламъ возможнаго. Вотъ отчего такъ медленно образуются капиталы; эта медленность происходитъ не отъ трудности производить, но отъ трудности найти сбытъ. Это-то и есть скрытое зло, которое насъ давно точитъ и противъ котораго сама бережливость — средство слишкомъ слабое. Копите сколько хотите, зло это все-таки будетъ существовать; одинъ кредитъ можетъ насъ избавить отъ него (*).

Можно ли заключить изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ, что кредитъ умножаетъ капиталы? Отчего же нѣтъ, такъ какъ безъ участія кредита не образовывались бы капиталы. Мы согласны съ тѣмъ, что онъ только придаетъ цѣнность существующимъ предметамъ, и что настоящими производителями все же будутъ мастера и рабочіе, обработывающіе матеріалы. Но тѣмъ не менѣе вѣроятно согласятся съ нами въ томъ, что кредитъ есть двигатель или душа вновь созданнаго имъ производства и оживляетъ его своимъ всемогущимъ дыханіемъ; съ другой стороны, можно ли сказать, что кредитъ производителенъ самъ по себѣ? Можетъ-быть онъ производителенъ на столько, на сколько производительна торговля, которая тоже не создаетъ, не обработываетъ произведенія, хотя и придаетъ имъ цѣнность черезъ перевозку. Слово *производить* очень неопредѣленно, эластично, и трудно разграничить предѣлы употребленія его. Теперь уже всѣми признано, что торговля производительна. И въ-самомъ-дѣлѣ, существуетъ ли значительная разница между трудомъ рудокопа, добывающаго каменный уголь и трудомъ человѣка, доставляющаго его потребителямъ. Ни тотъ, ни другой не произвели и не обработали каменнаго угля, но и тотъ и другой въ равной мѣрѣ, хотя различнымъ способомъ, содѣйствовали доставкѣ его въ руки потреби-

---

(*) Если зло заключается въ трудности сбыта (что совершенно справедливо) то лекарство противъ него должно состоять въ улучшеніи умѣнія находить сбытъ и промышленнаго искусства, а кредитъ составляетъ одну изъ отраслей послѣдняго.

К. С.

теля. Если первый—производитель, то конечно и второй долженъ быть названъ имъ: если отказывать въ этомъ названіи послѣднему, то оно не можетъ быть дано и первому, и вотъ вамъ продуктъ безъ производителя. Дѣло въ томъ, что они оба содѣйствовали къ тому, чтобы придать каменному углю его настоящую полезность, доставляя его въ руки потребителей, и слѣдовательно трудъ того и другаго одинаково производителенъ. Спрашивается, развѣ нельзя допустить, что кредитъ тоже производителенъ, такъ какъ, благодаря его вліянію, такое большое количество сырыхъ матерьяловъ, прежде совершенно безполезныхъ, извлечено изъ своей инерціи и обращается въ обработанный продуктъ или производительные капиталы?

Называйте это дѣйствіе кредита, какъ хотите, но согласитесь, что оно имѣетъ подобные результаты. Какой ни есть кредитъ, производителенъ или нѣтъ, умножаетъ ли онъ капиталы или нѣтъ, но безъ него все-таки производство чахнетъ и умноженіе капиталовъ пріостанавливается. Этого достаточно, чтобы убѣдиться въ громадной пользѣ или, лучше сказать, въ рѣшительной необходимости его содѣйствія.

Для представленія себѣ разительнаго примѣра той разницы, которая существуетъ между ходомъ дѣлъ, гдѣ господствуетъ кредитъ и такимъ, въ которомъ послѣдній не существуетъ, должно перенестись мысленно въ одну изъ повторяющихся на нашихъ глазахъ эпохъ, когда исчезаетъ личное довѣріе, когда торговля останавливается, т.-е. во время такъ называемаго коммерческаго кризиса. Всякому извѣстно, что подобнаго рода кризисы часто происходятъ вслѣдствіе внезапныхъ и неожиданныхъ событій, не имѣющихъ впрочемъ никакого прямаго отношенія къ торговлѣ. Какія же послѣдствія такого переворота? Въ одинъ день дѣла останавливаются, обращеніе произведеній прекращается, продажи не существуетъ, магазины переполняются и вскорѣ ослабляется и самое производство. Отчего же происходитъ такое странное внезапное разстройство? Отчего такое необыкновенное и быстрое уменьшеніе сбыта, когда, повидимому, потребности не могли измѣниться

въ столь короткое время. Намъ возразятъ, быть-можетъ, что сбытъ остановился по причинѣ отсутствія производства. Но еще наканунѣ производство было въ полной силѣ, нигдѣ не было замѣтно недостатка въ немъ, а теперь сбытъ вездѣ прекратился. Ясно, что единственною причиною такого разстройства было уменьшеніе довѣрія и исчезновеніе кредита. По пустотѣ, которую кредитъ образуетъ при своемъ исчезновеніи, можно судить о занимаемомъ имъ въ торговлѣ мѣстѣ и составить себѣ понятіе о важности его роли въ дѣлѣ производства и обращенія произведеній.

Итакъ, возвращаясь къ нашей исходной точкѣ, скажемъ, что настоящій результатъ введенія кредита въ коммерческія дѣла заключается въ увеличеніи, если не суммы цѣнностей, принадлежащихъ странѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, суммы производительныхъ цѣнностей (*). Вотъ прямое слѣдствіе. Оно не маловажно, какъ мы уже видѣли, но ближайшія слѣдствія будутъ еще больше, потому-что при открытіи такого количества новыхъ матеріаловъ для труда, при увеличеніи производительной силы и легкости сбыта, каждый промышленникъ придастъ своему производству болѣе обширный размѣръ. Въ то же время на ряду съ прежними явится большое число новыхъ производителей, ободренныхъ легкостію пріобрѣтенія орудій для труда и общимъ усиленіемъ запроса; по этому въ магазинахъ и въ мастерскихъ будетъ больше товаровъ, чѣмъ прежде, и по той же самой причинѣ, они будутъ сбываться съ увеличивающеюся быстротой; содѣйствуя производству новыхъ товаровъ. Такое дѣйствіе кредита будетъ передаваться далѣе и далѣе, умножаясь, такъ сказать, въ геометрической пропорціи. Поэтому, трудно сказать, на чемъ остановилось бы постоянное развитіе богатства народа, покровительствуемаго кредитомъ, еслибы другія причины не разстроивали этого движенія, еслибы самъ кредитъ не былъ подверженъ внезапнымъ кризисамъ, которые отъ времени до времени уничтожаютъ его благодѣянія.

(*) Здѣсь авторъ вполнѣ возвращается къ истинной теоріи науки, за предѣлы которой онъ перешагнулъ на нѣкоторое время. К. С.

ЦАБ "Автограф"

§ III. Сбереженіе и накопленіе. Торговля капиталами и употребленіе ихъ.

Если государство и должно стараться увеличить свое производство, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ оно должно было пренебрегать сбереженіемъ; напротивъ того. Несомнѣнно, что народъ, который потреблялъ бы ежегодно все что производитъ, не много бы успѣлъ на поприщѣ обогащенія, даже еслибы производительныя силы его достигли высшей степени развитія; ему необходимо слѣдовательно умѣть откладывать ежегодно часть своихъ доходовъ для увеличенія своего капитала. Таково впрочемъ естественное стремленіе всѣхъ народовъ. Масса, несмотря на довольно многочисленные примѣры пагубной неосторожности, проникнута вообще духомъ порядка и предусмотрительности, побуждающаго ее откладывать въ сторону, для будущаго времени, сбереженія изъ своихъ доходовъ. Отсюда постоянный прогрессъ всѣхъ народовъ, пока какія-нибудьчрезвычайныя причины нищеты и безпорядковъ не полагаютъ ему непреодолимаго препятствія.

Можно ли думать, чтобъ содѣйствіе кредитныхъ учрежденій, такъ много способствующихъ оживленію производства, было бы безполезно для увеличенія сбереженія. Они необходимы во-первыхъ потому, что поощряютъ врожденную человѣку предусмотрительность, представляя ему учрежденія, всегда готовыя для помѣщенія сбереженныхъ имъ денегъ, а во-вторыхъ и потому еще, что способствуютъ полезному употребленію этихъ денегъ, заставляя ихъ находиться въ безпрерывномъ обращеніи къ общей выгодѣ всѣхъ.

Недостаточно имѣть желаніе дѣлать сбереженія, еще менѣе того получать столько денгъ, чтобы сбереженіе было возможно; надо найти употребленіе сбереженнымъ деньгамъ; иначе можно скоро утомиться на этомъ трудномъ пути. Но такъ какъ экономіи въ средѣ общественной жизни составляются чрезвычайно долго, копѣйка за копѣйкой, то большая часть людей не находятъ въ сво-

емъ положеніи способа употребить ихъ съ пользою. Нѣкоторые еще могутъ пускать ихъ въ обращеніе, но мѣрѣ ихъ накопленія для увеличенія своего оборотнаго капитала, но число такихъ людей незначительно; остальные же могутъ употреблять ихъ тогда только, когда онѣ составятъ довольно значительныя суммы. Итакъ, отъ недостатка кредитныхъ учрежденій бо́льшая часть сбереженій остается въ бездѣйствіи; случается даже, что отъ неяснаго пониманія цѣли, къ которой ведетъ бережливость, многіе вовсе отъ нее отказываются и беззаботно удовлетворяютъ минутнымъ потребностямъ.

Это очень хорошо понялъ Ж. Б. Сэй. Вотъ что́ говоритъ онъ объ этомъ предметѣ въ прекрасномъ своемъ анализѣ сбереженія. Сказавъ, что каждый промышленникъ, заставляя капиталъ свой обращаться производительнымъ образомъ, легко находитъ способъ употребить съ пользою и сбереженныя имъ деньги, что́ впрочемъ не безусловно справедливо, онъ прибавляетъ: «Владѣльцы же отданныхъ въ наемъ земель, и люди живущіе собственною рентою или заработанною платою, не пользуются этимъ преимуществомъ, и могутъ только тогда употребить капиталъ свой съ пользою, когда онъ возрастетъ до значительной суммы. Вслѣдствіе этого много сбереженій потребляются непроизводительнымъ образомъ, между-тѣмъ какъ они могли бы обращаться производительно и, увеличивая частные капиталы, увеличивать тѣмъ самымъ и массу народнаго капитала. Слѣдовательно, кассы и общества, которыя берутъ на себя пріемъ, соединеніе и производительное помѣщеніе незначительныхъ сбереженій частныхъ лицъ, чрезвычайно благопріятствуютъ (если они только представляютъ условія совершенной безопасности) умноженію капиталовъ (*).

Для составленія себѣ приблизительнаго понятія о пользѣ учрежденій, о которыхъ говоритъ здѣсь Ж. Б. Сэй, достаточно прослѣдить дѣятельность французскихъ сберегательныхъ кассъ съ 1818

(*) Traité. Liv. I, ch. II.

года. Несмотря на все свое несовершенство, такъ какъ учрежденія эти ограничили размѣръ вкладовъ и принимаютъ только самыя незначительныя суммы, они успѣли однакожь собрать въ послѣдніе годы, напримѣръ въ 1844 году, сумму въ 400 милліоновъ фр. Этого конечно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было бы сдѣлать, но много, относительно того, что было прежде. Что дѣлалось въ-самомъ-дѣлѣ съ незначительными сбереженіями, накопленными до учрежденія нынѣшнихъ сберегательныхъ кассъ? Можно полагать, что большая часть изъ нихъ потреблялась непроизводительно; остальныя же, пока сумма ихъ не достигала довольно значительныхъ размѣровъ, оставались запрятанными въ кошелькахъ, старыхъ тюфякахъ, стѣнахъ и т. п., съ большою опасностью для своихъ владѣльцевъ, и безъ всякой пользы для государства. Но и теперь можно быть увѣреннымъ, что, несмотря на существованіе сберегательныхъ кассъ и вслѣдствіе ихъ крайней недостаточности, большее количество гораздо значительнѣйшихъ суммъ испытываютъ ту же участь.

Слѣдовательно для банковъ возникаетъ новая задача: собирать всѣ сбереженія, малыя и большія, и заставлять ихъ немедленно приносить пользу, какъ своимъ владѣльцамъ, такъ и вообще всему государству. Исполненіе этого новаго назначенія, какъ-бы заключеніе или слѣдствіе перваго, принадлежитъ единственно однимъ только банкамъ, такъ какъ одни они могутъ найти въ своихъ оборотахъ вѣрное помѣщеніе для такихъ капиталовъ. Будучи между капиталистами (большими и малыми) и работниками, такими же естественными посредниками какъ и между разнаго рода производителями, они принимаютъ одной рукой для того только, чтобы раздать другой, и безъ затрудненія находятъ въ своихъ многочисленныхъ сношеніяхъ случай немедленно употребить ввѣренныя имъ суммы.

Кромѣ сбереженій въ собственномъ смыслѣ, банки могутъ собирать еще всѣ тѣ капиталы, которые, по какимъ-либо обстоятельствамъ, остаются случайно безъ употребленія, и масса такихъ капиталовъ всегда значительна. Сколько негоціантовъ, про-

мышленниковъ, владѣльцевъ или капиталистовъ накопляютъ по немногу значительныя суммы денегъ, имѣя въ виду какую-нибудь покупку или исполненіе какого-нибудь обязательства въ срокъ болѣе или менѣе отдаленный. Пока наступитъ минута потребленія, капиталъ лежитъ въ бездѣйствіи въ ихъ сундукахъ, а между-тѣмъ могъ бы быть полезенъ въ другомъ мѣстѣ. Но съ открытіемъ банка, послѣдній собираетъ всѣ эти разсѣянные капиталы, и такъ какъ сроки уплаты ихъ расположены постепенно, то онъ можетъ употребить большую часть изъ нихъ къ двойной выгодѣ владѣльцевъ и заемщиковъ. Такимъ-образомъ кредитныя учрежденія торгуютъ капиталами; пусть они, подобно громадным общественнымъ резервуарамъ, собираютъ капиталы, чтобы снова распространить ихъ въ массѣ; пусть они обращаютъ на полезное всѣ общественныя богатства такимъ-образомъ, чтобы ни одна частичка ихъ не оставалась въ бездѣйствіи.

Стоитъ только бросить взглядъ вокругъ себя, чтобы видѣть все, что недостаетъ намъ въ этомъ отношеніи. Вмѣсто мѣрнаго распредѣленія звонкой монеты, мы видимъ всюду поражающій безпорядокъ. Здѣсь монета лежитъ въ бездѣйствіи, отягощая своего владѣльца, а между-тѣмъ рядомъ съ нимъ полезныя работы терпятъ отъ недостатка капитала. Съ одной стороны—чрезвычайный излишекъ, съ другой—крайній недостатокъ. Въ обыкновенное время нерѣдко встрѣчаются люди, затрудняющіеся своими деньгами, и тщетно ищущіе хорошаго помѣщенія для нихъ; но еще чаще видимъ мы такихъ, въ рукахъ которыхъ не удаются самыя лучшія предпріятія отъ недостатка средствъ.

Надо однакожь сказать, что дурное употребленіе капитала несвойственно одной Франціи. Оно болѣе или менѣе замѣтно во всѣхъ странахъ, гдѣ учрежденіе банковъ не свободно. Нечего и говорить, что Англія подвержена этому недостатку столько же, сколько и другія государства. Чтобы дополнить въ этомъ отношеніи предшествующія соображенія, намъ достаточно будетъ перевести нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ сочиненія зна-

ЦАБ "Автограф"

менитаго экономиста Джемса Уильсона (*), имя котораго пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью въ его отечествѣ.

«Вообще банковая торговля,—говоритъ онъ,—такъ какъ производилась она въ Англіи, не стремилась привлечь большаго количества капиталовъ, какъ средство для удовлетворенія недостатка въ текущихъ оборотахъ или въ видѣ постоянныхъ вкладовъ. Ни одна изъ нашихъ банковыхъ операцій не требуетъ большихъ капиталовъ, а въ первомъ изъ указанныхъ нами значеній устройство банковъ, и начало, на которомъ они зиждутся, не могли поощрить прилива постоянныхъ вкладовъ въ большихъ размѣрахъ.»

«Вообще собственный капиталъ банкировъ составляетъ малую часть тѣхъ средствъ, которыми они располагаютъ. Мы уже выше замѣтили, что банкиры скорѣе посредники, помощью которыхъ занимаются и отдаются въ заемъ капиталы другихъ лицъ, нежели торговцы, заставляющіе обращаться свой собственный капиталъ. На капиталъ, принадлежащій банкиру, должно скорѣе смотрѣть, какъ на обезпеченіе противъ тѣхъ рисковъ, которымъ онъ подвергаетъ ввѣренные имъ вклады, а не какъ на важныя пособія для его торговой дѣятельности.»

«Ни самое устройство англійскихъ банковъ, ни начала, на которыхъ они дѣйствовали, не могли привлечь въ собственное свое распоряженіе большаго количества постоянныхъ вкладовъ. Во-первыхъ, кредитъ и устойчивость ихъ были подвержены слишкомъ частымъ нарушеніямъ для того, чтобы они могли надѣяться внушить ту степень довѣрія, которая необходима для того, чтобы сдѣлаться избраннымъ мѣстомъ вклада для частныхъ капиталовъ. Во-вторыхъ обыкновеніе назначать процентъ на вклады распространено не повсемѣстно, и даже въ Лондонѣ, кромѣ впрочемъ нѣкоторыхъ слабыхъ исключеній, имѣющихъ мѣсто только при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оно вовсе неизвѣстно.

(*) Capital, Currency and Banking, by James Wilson, Esq., M. P.—London, 1847, art. III. (*Капиталъ, биржевой курсъ и банковыя операціи.* Соч. Джемса Уильсона.—Лондонъ, 1847 г. ст. III.

ЦАБ "Автограф"

Такого рода капиталы обыкновенно обращаются въ публичные фонды, или въ другаго рода государственныя цѣнности. Главный капиталъ, помощью котораго дѣйствуютъ англійскіе банки, состоитъ изъ собранныхъ ими незначительныхъ суммъ, оставшихся на время въ бездѣйствіи, вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія торговли и громадности ея доходовъ; но эти средства слишкомъ незначительны и невѣрны для того, чтобы могли послужить предметомъ постоянныхъ выгодныхъ помѣщеній.»

«Фабриканты, негоціанты, мелочные торговцы, фермеры, землевладѣльцы, черезъ руки которыхъ проходитъ весь доходъ съ публичныхъ фондовъ, всѣ имѣютъ, въ извѣстное время, въ своемъ распоряженіи значительныя суммы для удовлетворенія своихъ обязательствъ и предстоящихъ расходовъ; но всегда случается, что кромѣ этихъ денегъ, довольно значительные капиталы, будучи изъяты изъ того или другаго предпріятія, дожидаются минуты, когда ихъ снова пустятъ въ оборотъ; эти-то, случайно находящіяся въ бездѣйствіи суммы, и составляютъ главное средство, которымъ пользуются банки; средства эти хотя и случайны въ отношеніи къ каждому отдѣльному случаю, но представляютъ вообще довольно замѣчательное постоянство. Половина кліэнтовъ какого-нибудь банкира могутъ быть то заимодавцами, то заемщиками; но несмотря однакожь на эту постоянную перемѣну отношеній банкира къ каждому изъ нихъ, положеніе его довольно постоянно относительно всей массы средствъ. Вообще мы можемъ смотрѣть на банкира, какъ на агента, являющагося въ данный моментъ между заимодавцами и заемщиками монетъ и всегда готоваго или занять, или заплатить.

Здѣсь г. Джемсъ Уильсонъ разсматриваетъ, какіе способы предсталяютъ болѣе надежности для привлеченія въ банки находящуюся въ бездѣйствіи монету, и какъ надо употреблять ее для доставленія государству наибольшихъ выгодъ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что англійскіе банки никогда не внушали обществу надлежащаго довѣрія; затѣмъ, доискиваясь причинъ такого недостатка, онъ продолжаетъ:

ЦАБ "Автограф"

«Этотъ основной недостатокъ англійскихъ банковъ мы, кажется, можемъ приписать, если не совсѣмъ, то по-крайней-мѣрѣ отчасти, дѣйствію законодательства. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Англійскій банкъ былъ преобразованъ въ корпорацію, ограниченія, которымъ правительство подвергало отъ времени до времени употребленіе капиталовъ, и дѣйствія отдѣльныхъ частныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ, были, по нашему мнѣнію, источникомъ, если не всѣхъ, то, по-крайней-мѣрѣ, большей части золъ и упадка кредита, которымъ такъ часто подвергались Англійскіе банки. Еслибъ не привиллегіи, отъ времени до времени даваемыя правительствомъ банку и не ограниченія, налагаемыя имъ съ тою же цѣлью частнымъ предпріятіямъ; еслибъ наконецъ не постоянное вмѣшательство его съ намѣреніемъ уменьшить или поправить вредъ, произведенный его предъидущими дѣйствіями, мы бы безъ-сомнѣнія уже давно имѣли кредитныя учрежденія, основанныя на самыхъ высшихъ, здравыхъ и полезныхъ началахъ, какія только могли внушить человѣку умъ, конкурренція и энергія и заставить его приложить ихъ къ практикѣ. Банковая торговля скорѣе всѣхъ другихъ, при условіи совершенной независимости и невмѣшательства правительства, можетъ достигнуть совершенства. Народъ никогда не обратится къ менѣе надежному банку, когда въ распоряженіи его будетъ находиться другой, представляющій всѣ условія безопасности, и готовый оказать ему всѣ услуги, которыя только можно ожидать отъ кредитнаго учрежденія.»

Независимо отъ довѣрія, которое должно внушать такого рода учрежденіе, есть другое, не менѣе необходимое условіе для привлеченія въ кассу наибольшаго количества вкладовъ; оно состоитъ въ платежѣ достаточныхъ процентовъ: иначе никто бы не былъ расположенъ помѣстить въ банкъ свои наличныя деньги, и такимъ-образомъ большая часть капиталовъ осталась бы непроизводительною. Въ этомъ отношеніи англійскіе банки также чрезвычайно несовершенны. Большая часть изъ нихъ, начиная съ Лондонскаго банка, вовсе не платятъ процентовъ

за ввѣряемые имъ вклады, которыми они однакожь пользуются при учетѣ; другіе же, если и платятъ нѣкоторый процентъ, то такой незначительный, что совершенно поглощается вознагражденіемъ, взимаемымъ ими при помѣщеніи или выдачѣ капитала. Вслѣдствіе этого стали искать способа избѣгать ихъ посредства. Такъ въ послѣдніе годы маклера, ограничивавшіеся сначала торговлею коммерческими бумагами на счетъ другихъ, стали принимать вклады съ платежемъ процентовъ и производить учетъ векселямъ на собственный свой счетъ и, перемѣнивъ такимъ образомъ свое первоначальное назначеніе, стали настоящими банкирами (*). Понятно однакожь, что дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не можетъ вполнѣ замѣнить большія компаніи, потому-что не представляетъ такой обширности и такихъ вѣрныхъ обезпеченій. Оттого-то самая незначительная часть звонкой монеты получаетъ такимъ путемъ полезное употребленіе.

«Отъ недостатка удобнаго способа помѣщенія, говоритъ Д. Уильсонъ, деньги, сбереженныя въ каждомъ округѣ, стремятся всегда въ столицу, для того, чтобы найти помѣщеніе въ публичныхъ фондахъ или другихъ подобныхъ цѣнностяхъ, между-тѣмъ какъ при существованіи прочнаго банка онѣ бы могли быть удержаны на мѣстѣ и такимъ-образомъ способствовать, мѣстнымъ усовершенствованіямъ, облегчая промышленныя и земледѣльческія предпріятія.»

Отсюда также происходитъ накопленіе звонкой монеты въ одномъ мѣстѣ, особенно на биржѣ, между-тѣмъ, какъ сильный недостатокъ ея чувствуется повсюду. Трудно описать всѣ безпорядки, порождаемые дурнымъ распредѣленіемъ звонкой монеты. Въ самой средѣ общества сберегается менѣе денегъ, потому-что духу сбереженія недостаетъ возбужденія; наконецъ деньги эти приносятъ менѣе пользы ихъ владѣльцамъ, да и самое общество не извлекаетъ изъ нихъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя

(*) Извѣстно, что въ Англіи всякой можетъ быть маклеромъ, и никакой законъ не запрещаетъ ему производить обороты на свой счетъ.

бы можно было ожидать отъ нихъ. Вмѣсто-того, чтобы распространяться въ промышленности и увеличивать ея производительность, онѣ безъ пользы пропадаютъ въ рукахъ своихъ владѣльцевъ или же накопляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ только поддержкою ажіотажа или необузданной биржевой игры.

Но мы спѣшимъ добраться до заключенія г. Д. Уильсона, въ которомъ онъ ставитъ шотландскую систему въ параллель съ англійскою:

«Изъ всѣхъ началъ, которымъ слѣдовали въ банковой торговлѣ, самое благопріятное къ увеличенію массы вкладовъ, самое выгодное для банкировъ и общества, было безъ-сомнѣнія то, которому придерживались шотландскіе банки.»

«Во-первыхъ они устроены такимъ-образомъ, что внушаютъ обществу самое высокое довѣріе къ своей непоколебимости и прочности. Изъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ обращенія, они въ состояніи назначать проценты для всѣхъ вкладовъ, какъ бы кратковременны они ни были; сверхъ этого они извлекаютъ выгоду изъ болѣе высокаго процента, за который находятъ возможность помѣщать значительную часть своихъ вкладовъ. Величина назначаемыхъ ими процентовъ обыкновенно равняется тому, который бы вкладчики могли получить, обративъ капиталъ свой въ публичные фонды, принимая въ разсчетъ маклерскіе расходы и рискъ, которому они подвергаются при упадкѣ цѣнности облигацій или при продажѣ ихъ; а такъ какъ шотландскіе банки выдаютъ одинаковый процентъ, несмотря на кратковременность срока вкладовъ, то каждый съ охотою открываетъ въ нихъ свой счетъ и каждый вечеръ вноситъ въ банкъ свою дневную экономію, стараясь не потерять процентовъ даже за одинъ день. Выгоды этой системы гораздо значительнѣе для самихъ банковъ и обществъ, нежели это покажется съ перваго взгляда человѣку, не близко знакомому съ такого рода оборотами. Первымъ результатомъ ея есть чрезвычайное сбереженіе употребленія денегъ; всякому, сдѣлавшему сбереженіе, представляются самыя побудительныя причины вно-

сить въ банкъ хотя бы и на одинъ день даже самыя мелкія суммы, въ которыхъ онъ не имѣетъ непосредственнйо надобности Вслѣдствіе этого все торговое движеніе Шотландіи совершается при помощи суммы не превосходящей 3,500,000 фунт. стерл. (21,875,000 руб), включая въ эту сумму и билеты различной стоимости, начиная отъ фунта и выше; между-тѣмъ какъ обращающіеся въ Англіи монета и билеты, составляютъ не менѣе 50 или 60 милл. фунтовъ (отъ 312,500,000 до 375,000,000 руб.). Народонаселеніе же Англіи со включеніемъ Уэльса, въ шесть разъ болѣе народонаселенія Шотландіи; слѣдовательно 21 милл. фунт. стерл. должны были бы удовлетворять всѣмъ торговымъ нуждамъ страны, такъ какъ въ Шотландіи обороты совершаются на сумму въ 3,500,000 фунт. стерл. Нельзя однакожь допустить, чтобы подобная разница происходила отъ бо̀льшей значительности англійской торговли; это сомнительно; но еслибъ даже оно и было такъ, все-таки употребленіе монеты или билетовъ требуется не въ большихъ коммерческихъ сдѣлкахъ, а скорѣе ограничивается мелочною торговлею, платою рабочимъ и частными потребностями.»

«Первое разительное слѣдствіе сбереженія капиталовъ есть чрезвычайное накопленіе вкладовъ въ шотландскихъ банкахъ; вклады эти составляютъ ихъ имущество и простираются въ настоящее время до 30,000,000 фунт. стерл. (187,500,000 руб.).»

«Англійскій банкъ съ капиталомъ въ 14,500,000 фунт. стерл. и оборотомъ въ 20,000,000, независимо отъ своихъ сдѣлокъ съ правительствомъ, имѣетъ въ настоящее время вкладовъ не болѣе 10,000,000 фунт. стерл. (*), бо̀льшую часть которыхъ составляютъ исключительно запасы лондонскихъ банкировъ; между-тѣмъ какъ шотландскіе банки съ капиталомъ менѣе 10,000,000 фунт. стерл. и оборотомъ въ 3,000,000 распоряжаются вкла-

---

(*) Въ то время, какъ писались эти строки (22 марта 1845 года) изъ 10,000,000 фунт. стерл. составляющихъ сумму вкладовъ Лондонскаго банка, 2,000,000 были вложены, по предписанію закона, компаніями на уступки линій желѣзныхъ дорогъ.

дами на сумму въ 30,000,000 фунт. стерл. Благотворное вліяніе этой системы относительно общества, выражается не въ однихъ процентахъ получаемыхъ отъ сбереженныхъ денегъ; эта система увеличиваетъ еще дѣйствительный капиталъ государства тѣмъ, что придаетъ производительную дѣятельность капиталамъ, которые оставались бы въ бездѣйствіи; кромѣ-того она удерживаетъ на мѣстѣ значительныя суммы, которыя искали бы себѣ помѣщенія въ публичныхъ фондахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бо́льшая часть земледѣльческихъ усовершенствованій, которыми славится Шотландія, произошли вслѣдствіе употребленія на мѣстѣ сбереженій страны.»

Несмотря на справедливость сдѣланныхъ замѣчаній, мы находимъ однакожь необходимымъ сказать нѣсколько словъ, если не въ опроверженіе, то по-крайней-мѣрѣ въ дополненіе ихъ. Во-первыхъ г. Уильсонъ, какъ намъ кажется, придаетъ слишкомъ исключительное значеніе дѣятельности банковъ, состоящей въ принятіи и употребленіи съ пользою сбереженій страны; не надо упускать изъ виду, что посредствомъ учета и выпуска билетовъ, банки исполняютъ другую болѣе важную роль, состоящую въ приданіи цѣнности всему, что́ доступно работѣ. Далѣе замѣтимъ, что г. Уильсонъ потому такъ удивляется совершенству шотландскихъ банковъ, что сравниваетъ ихъ только съ банками своего отечества. Шотландская система, безъ сомнѣнія, гораздо выше англійской, но далека еще отъ того совершенства, которое приписываетъ ей г. Уильсонъ. Не останавливаясь на причинахъ указанныхъ недостатковъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, укажемъ на ихъ главные признаки.

Во-первыхъ шотландскіе банки, раздавая вообще своимъ акціонерамъ дивидендъ въ 9% на 100, выплачиваютъ обыкновенно вкладчикамъ только $2^1/_2\%$; явная несправедливость, доказывающая существованіе скрытаго недостатка. Конечно, это далеко не то, что дѣйствіе Лондонскаго банка, раздающаго своимъ акціонерамъ дивидендъ въ 11%, и ничего не платящаго своимъ вкладчикамъ; но все-еще далеко до совершенства, которое можно ожи-

дать отъ системы полной свободы банка. Затѣмъ сумма вкладовъ въ шотландскихъ банкахъ слишкомъ несоразмѣрна съ ихъ собственнымъ капиталомъ; 30,000,000 на 10,000,000 фунт. стерл.; тутъ что̀ ни говорите, а скрывается дѣйствительная опасность, которая обнаруживалась не разъ довольно важными потрясеніями. И все-таки эти банки принуждены посылать въ Лондонъ значительную часть довѣряемыхъ имъ вкладовъ, чтобъ найти для нихъ помѣщеніе; между-тѣмъ какъ они могли и должны-бъ были быть употреблены на мѣстѣ. Этимъ самымъ они увеличиваютъ въ обыкновенное время чрезмѣрное накопленіе капиталовъ на биржѣ; а во время финансовыхъ кризисовъ, когда начинается отливъ вкладовъ, они первые приступаютъ къ продажѣ и тѣмъ не мало содѣйствуютъ упадку фондовъ.

Слѣдовательно и въ шотландской системѣ встрѣчаемъ значительные недостатки. Да и нельзя согласиться съ г. Уильсономъ, который говоритъ, что шотландскіе банки пользовались съ самаго основанія своего неограниченною свободою, тогда какъ они даже и теперь не могутъ организоваться въ видѣ анонимныхъ обществъ (акціонерныхъ) и ограничить отвѣтственность каждаго товарища его собственнымъ паемъ.

Несмотря однакожъ на всѣ недостатки или пробѣлы, вышеизложенныя замѣчанія тѣмъ не менѣе въ существѣ своемъ совершенно справедливы. Нечего и упоминать, что тѣ же замѣчанія въ равной степени относятся къ Франціи, какъ и къ Англіи. Очевидно, что зло, которымъ страдаетъ Великобританія отъ недостатка кредитныхъ учрежденій, гораздо чувствительнѣе во Франціи. Кромѣ сберегательныхъ кассъ, дѣятельность которыхъ чрезвычайно ограничена, Франція не имѣетъ ни въ Парижѣ, ни въ департаментахъ ни одного порядочнаго учрежденія, которое бы могло принимать сбереженія страны. Куда же онѣ дѣваются? Бо́льшая часть изъ нихъ потребляется непроизводительнымъ образомъ; другая сосредоточивается на парижской биржѣ, гдѣ служитъ только къ поддержанію ажіотажа, отъискивая насильственное помѣщеніе въ публичныхъ фондахъ; остальная же, за не-

имѣніемъ лучшаго, стекается въ кассы частныхъ банкировъ и нотаріусовъ, гдѣ пользуясь только сомнительною безопасностью не приноситъ ни малѣйшей пользы ни своимъ владѣльцамъ, ни обществу.

Всѣ жалуются, что капиталы стремятся на биржу и вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣчаютъ, что сами тому виною, заслоняя имъ всѣ другіе пути къ помѣщенію. Всѣ возстаютъ противъ ажіотажа, призываютъ противъ него законъ и не видятъ, что сами поддерживаютъ его несправедливыми ограниченіями. Пока банкамъ не будетъ дозволено основываться совершенно свободно, нельзя надѣяться, чтобъ зло прекратилось, несмотря на всѣ усилія ограничить или подавить его. Капиталы вмѣсто-того, чтобы разлиться подобно благотворной росѣ, будутъ скопляться на однихъ мѣстахъ, особенно на биржѣ и порождать тѣ ужасныя бури, которыя отъ времени до времени разрушаютъ столько состояній, пріобрѣтенныхъ съ такимъ большимъ трудомъ.

Въ селеніяхъ зло принимаетъ другой видъ, но не теряетъ своей важности. Тамъ деньги скопляются малу-по-малу, копѣйка за копѣйкой, и слѣдовательно долго остаются безъ всякаго употребленія. Когда же наконецъ онѣ достигнутъ довольно значительной суммы, то ихъ начинаютъ употреблять въ дѣло; но къ какому? Къ пріобрѣтенію незначительнаго клочка земли, и способствованію, такимъ-образомъ, раздробленію поземельной собственности на самые малые участки. Въ-самомъ-дѣлѣ французскій крестьянинъ не знаетъ другаго употребленія сбереженнымъ деньгамъ, какъ покупку земли, какъ бы ни было незначительно количество ея. Подобная страсть сельскихъ жителей подаетъ поводъ къ жалобамъ и негодованію; оно, если хотите, и справедливо; но какъ же требовать отъ этихъ несчастныхъ другаго образа дѣйствій, когда это ихъ единственное средство? Зло однакожь велико, больше даже, нежели кажется съ перваго взгляда. Кромѣ траты времени въ употребленіи сбереженныхъ денегъ и того, что онѣ служатъ только къ раздробленію уже и безъ того незначительныхъ участковъ земли, которые могли бы быть гораздо лучше обработа-

ны въ своемъ первобытномъ состояніи, эта бѣшеная конкуренція незначительныхъ капиталовъ, имѣетъ естественнымъ послѣдствіемъ возвышеніе до невѣроятности цѣны маленькихъ поземельныхъ участковъ; часто даже окончательное раззореніе ихъ владѣльцевъ, и во всякомъ случаѣ поглощаетъ въ покупной цѣнѣ земли капиталы, которые бы могли быть такъ полезны для улучшенія почвы.

§ IV. Выводъ теоріи кредита.

Быть-можетъ мы ошибаемся, но намъ кажется, что вышеизложеннаго было достаточно, чтобъ дать удовлетворительное понятіе о дѣйствіи и вліяніи кредита на общество.

Дѣйствіе это, нѣкоторымъ образомъ, двояко. Оно, съ одной стороны, имѣетъ предметомъ естественныя произведенія, различные матерьялы и инструменты, которые надо доставить какъ можно скорѣе въ руки людей, имѣющихъ возможность пустить ихъ въ дѣло; съ другой стороны—звонкую монету, плодъ бережливости, всѣ капиталы находящіеся въ бездѣйствіи, всѣ разсѣянныя сбереженія, которыя надлежитъ собрать, чтобы заставить ихъ приносить пользу, распредѣливъ ихъ всюду, гдѣ только чувствуется потребность въ нихъ.

Содѣйствіе банковъ необходимо и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не потому, чтобъ они прибавляли что-либо къ капиталу или къ дѣйствительнымъ средствамъ страны, но потому, что быстрое обращеніе произведеній и безпрерывное употребленіе бездѣйствующихъ капиталовъ предполагаетъ во всѣхъ людяхъ обоюдное довѣріе, предварительное согласіе, которое можетъ утвердиться и распространиться только при посредничествѣ банковъ.

Вотъ еще два примѣра, которые подтвердятъ сказанную истину.

Въ одномъ мѣстѣ мы видимъ мастерскія механика, кузнеца, колесника, которыя закрыты не отъ недостатка матеріаловъ, но отъ недостатка заказовъ. Между-тѣмъ какъ въ другомъ мѣ-

стѣ фабрикантъ нуждается въ машинахъ, земледѣлецъ въ пахатныхъ орудіяхъ. Почему же не дѣлаютъ они заказовъ, въ которыхъ такъ нуждаются механикъ, кузнецъ или колесникъ? Потому-что для нихъ необходимы деньги, а ихъ-то и нѣтъ у нихъ въ настоящую минуту. А между-тѣмъ магазины и кладовыя ихъ завалены различными продуктами, въ которыхъ нуждается множество потребителей. Отчего же не промѣнять ихъ на машины и орудія? Потому-что прямой промѣнъ невозможенъ; прежде надо продать продукты; а такъ-какъ они сами требуютъ за нихъ денегъ, то и не скоро могутъ найти покупщиковъ. Такимъ-образомъ у обѣихъ сторонъ работа останавливается. Въ такомъ положеніи производство чахнетъ и общество прозябаетъ, несмотря на всѣ элементы дѣятельности и благосостоянія.

Есть однакожъ средство отвратить подобное препятствіе. Если механикъ, кузнецъ или колесникъ не согласаются выдать произведенія свои иначе, какъ за чистыя деньги, то это не вслѣдствіе сомнѣнія ихъ въ состоятельности земледѣльца или фабриканта, а потому, что поставка въ кредитъ истощитъ ихъ капиталъ и поставитъ самихъ въ невозможность продолжать работы. Такъ пусть же каждый изъ нихъ, такъ какъ онъ увѣренъ въ будущей состоятельности другаго, выдаетъ ему свои произведенія, требуя отъ него вмѣсто денегъ билетъ, который бы онъ могъ въ свою очередь представить своимъ поставщикамъ. При этомъ условіи возстановилось бы обращеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и работа. Хорошо; но вѣдь для этого необходима увѣренность, что билеты будутъ приняты въ торговлѣ; иначе это будетъ походить на простую ссуду. Но этой-то именно увѣренности и недостаетъ; билетовъ этихъ не берутъ, не потому, чтобы подозрѣвали ихъ дѣйствительность, но потому, что сомнѣваются въ возможности помѣстить ихъ. Пусть въ эту минуту явится банкъ и скажетъ: ты, механикъ, выдавай свои машины; ты, кузнецъ — свои инструменты; ты, земледѣлецъ — естественныя произведенія; ты фабрикантъ — обработанные про-

дукты; всѣ вы принимайте съ полной увѣренностью векселя, если только имѣете довѣріе къ нравственнымъ качествамъ вашихъ должниковъ. Всѣ эти билеты я беру на себя до самаго дня уплаты, а въ замѣнъ ихъ выдамъ вамъ другіе за моей подписью, которые отъ васъ всюду примутъ. Тогда уничтожается всякое препятствіе. Всюду будутъ совершаться продажи, товары начнутъ безпрерывно обращаться, производство оживится и не будетъ уже болѣе ни матерьяловъ, ни инструментовъ, ни произведеній, которые хотя бы на одну минуту лежали безъ употребленія.

Мы уже видѣли, какъ банки достигаютъ этого чрезвычайно важнаго результата посредствомъ учета и выпуска билетовъ. Но вотъ также владѣльцы и рабочіе, которые сберегли нѣсколько денегъ изъ своихъ доходовъ или заработковъ. Въ настоящемъ своемъ положеніи они не могутъ употребить ихъ въ пользу тотчасъ же, вслѣдствіе чего и хранятъ ихъ въ ожиданіи удобнаго случая. А между-тѣмъ тутъ же, рядомъ съ ними, другіе рабочіе могли бы извлечь изъ этихъ денегъ большую пользу, и охотно бы согласились вознаградить ихъ за ссуду. Отчего жъ бы, кажется, не отдать имъ этихъ денегъ? Оттого, что владѣльцы ихъ не имѣютъ достаточнаго довѣрія къ этимъ отдѣльнымъ личностямъ, состоятельность которыхъ ничѣмъ не обезпечивается и потому они боятся, ввѣривъ имъ свои деньги и польстившись на выгоды, лишиться ихъ вовсе. Вотъ почему они удерживаютъ ихъ съ одинаковымъ вредомъ для себя и для государства. Но является банкъ и говоритъ: отдайте мнѣ ваши деньги, мнѣ, обществу сильному, прочному и представляющему вамъ всѣ тѣ обезпеченія, которыя вы тщетно искали бы у отдѣльныхъ лицъ. Я заставлю ихъ приносить доходъ и, отвѣчая за возвратъ ихъ, буду платить вамъ проценты съ вычетомъ только нѣкоторой части за коммиссію или за услуги. Тогда сбереженныя деньги соберутся, чтобы снова быть розданными, и войдутъ такимъ-образомъ въ обращеніе ко всеобщей выгодѣ; всякій постарается дѣлать какъ-можно больше сбереженій

потому-что будетъ имѣть легкій и вѣрный случай извлечь изъ нихъ наибольшую пользу.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего искусственнаго, необыкновеннаго, ничего, чтобы не оправдывалось практикою и разумомъ. Есть ли это начало безпорядка, вверженное въ среду общества? Напротивъ, это принципъ порядка, введенный въ сферу, гдѣ царствуетъ ужасное разстройство. Или можетъ-быть это новая опасность, угрожающая торговымъ сдѣлкамъ? Пожалуй да; если вы исказите устройство банковъ или введя неправыя привиллегіи или занявшись, какъ говорятъ, фабрикаціею бумажныхъ денегъ. Если же вы предоставите дѣламъ свободное теченіе, то кредитныя учрежденія нетолько непородятъ новыхъ опасностей, но напротивъ, загладятъ тѣ частные риски, которыми усѣяно торговое поприще. Это условіе собственно и составляетъ ихъ задачу, и они могутъ разсчитывать на успѣхъ только при выполненіи его.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАЗЛИЧНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ.

§ I. Улучшеніе быта рабочихъ.

Кредитъ, придавая цѣнность мертвымъ капиталамъ, даетъ людямъ возможность трудиться; онъ находитъ полезное занятіе рукамъ и способностямъ человѣка. Въ этомъ состоитъ можетъ-быть самое благодѣтельное дѣйствіе кредита. Сколько людей въ странѣ, какъ Франція, страдаютъ отъ недостатка занятій! Сколько рукъ, за неимѣніемъ лучшаго дѣла, употреблены на самую грубую работу за самое скудное вознагражденіе; не говоря уже о людяхъ, которые по уму и дарованіямъ способны были бы руководить трудомъ рукъ, совершенствовать этотъ трудъ полезными изобрѣтеніями, а между-тѣмъ находятъ занятіе для однихъ лишь физическихъ силъ своихъ. Эти люди мало потребляютъ, но къ несчастію еще менѣе производятъ, и бываютъ въ тягость, какъ обществу, такъ и самимъ себѣ. Какая ужасная потеря живыхъ силъ; какой страшный безпорядокъ! Какое печальное расточеніе всѣхъ средствъ народа! Но, съ появленіемъ кредита, безпорядокъ этотъ прекратится (*). Капиталы, руки, умъ, все

(*) Нашъ авторъ и здѣсь приписываетъ одному кредиту результаты прогресса всѣхъ родовъ промышленности.

К. С.

начинаетъ приносить пользу, все начинаетъ идти въ дѣло; всякій человѣкъ и всякій предметъ немедленно получаютъ употребленіе полезное и соотвѣтственное ихъ природѣ.

Съ нѣкотораго времени стали ревностно заниматься изъисканіемъ средствъ къ улучшенію быта рабочаго класса. Многіе просвѣщенные умы трудились надъ этимъ важнымъ вопросомъ, одни по священной ревности ко благу человѣчества, другіе, побуждаемые ужасомъ, который внушала имъ толпа людей, безпрерывно угнетаемыхъ нуждою, часто совращающею ихъ съ пути. Со времени послѣдней революціи вопросъ этотъ обратилъ на себя особенно живое вниманіе. Такая забота совершенно основательна; а труды и изслѣдованія, каковы бы ни были побужденія трудящихся, заслуживаютъ особенной похвалы. Но вообще слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сдѣланныя изъисканія не достигали своей цѣли, потому-что были направлены противъ центра зла и его видимыхъ признаковъ, нисколько не касаясь его причинъ. Думали улучшить положеніе рабочихъ мѣрами прямо къ нимъ относящимися, какъ-будто между всѣми разрядами рабочихъ не существуетъ тѣсной *обоюдной зависимости,* или какъ-будто заработанная плата не подлежитъ общимъ законамъ промышленности и торговли. Всѣ эти труды и изслѣдованія остались и должны были остаться безъ всякаго результата. Трудъ рабочаго, какъ и трудъ мастера, есть коммерческая цѣнность подчиняющаяся тѣмъ же условіямъ, какъ и всѣ другія; повышающаяся и понижающаяся соразмѣрно отношенію между предложеніемъ и запросомъ на нее. Если ее требуется больше чѣмъ предлагается, т. е. если представляется работы относительно болѣе, чѣмъ рабочихъ, коммерческая цѣнность повышается; въ противномъ случаѣ она падаетъ. Нѣтъ правила болѣе непогрѣшимаго; оно приводитъ къ заключенію, что единственное средство къ увеличенію платы работникамъ и улучшенію быта ихъ, есть улучшеніе вообще положенія промышленности посредствомъ развитія производительной дѣятельности. Всякая мѣра полезная для промышленности вообще, непремѣнно полезна и рабочему классу, и однѣ лишь

эти мѣры при помощи немногихъ только правилъ предусмотрительности и порядка, выходящихъ изъ круга промышленности вообще, оказываютъ дѣйствительное и сильное вліяніе. Но между всѣми мѣрами, ведущими къ высокой и благородной цѣли—улучшенію быта рабочаго класса, самыя могущественныя и дѣйствительныя тѣ, которыя клонятся къ развитію всѣхъ средствъ кредита.

При настоящемъ положеніи промышленности, какъ бы ни были дѣятельны и обширны силы и умъ человѣка, онъ не можетъ произвести ничего безъ капитала, т. е. безъ необходимыхъ орудій и матеріаловъ. Слѣдовательно капиталъ есть непремѣнная принадлежность, которой содѣйствіе необходимо человѣку при трудѣ. Безъ капиталовъ нѣтъ произведеній, нѣтъ и работы. При рѣдкости капиталовъ, трудъ не совершенствуется; въ этомъ случаѣ запросъ на него не великъ; тѣмъ сильнѣе и дѣятельнѣе предложеніе его, потому-что человѣку нужны средства къ существованію; а вслѣдствіе этого естественно происходитъ то, что предлагаемый повсюду трудъ покупается по низкой цѣнѣ и скудно вознаграждается. Умножьте капиталы, немедленно увеличится въ томъ же отношеніи и запросъ на работу, а какъ предложеніе не можетъ увеличиться въ такой же пропорціи, плата за трудъ возвышается по мѣрѣ усиленія запроса. Такимъ-образомъ тайна для улучшенія быта рабочихъ, которую ищутъ такъ далеко, заключается почти — вся: въ умноженіи капиталовъ помощію кредита (*).

Ожидаютъ чудесъ отъ вступленія въ товарищество работника съ мастеромъ. Какъ-будто плата за трудъ увеличится отъ измѣненія формы ея. Допустивъ даже возможность такого товарищества, не слѣдуетъ воображать, чтобъ работникъ отъ этого выигралъ, потому-что онъ получитъ изъ барыша только ту часть, которую хозяинъ можетъ безопасно ему предоставить. Если въ

(*) Это выраженіе можно еще лучше выразить въ слѣдующей болѣе широкой фразѣ: въ развитіи и распространеніи промышленности. К. С.

сущности получаемая имъ часть не увеличится, то не все ли равно, получитъ ли онъ ее въ видѣ постоянной платы или измѣняющагося барыша? Напротивъ-того, въ послѣднемъ случаѣ для работника еще болѣе опасности и затрудненій, отъ которыхъ онъ скоро пожелаетъ освободиться. Слѣдовательно, вопросъ не въ томъ, чтобы измѣнить видъ вознагражденія за трудъ, а чтобы увеличить это вознагражденіе. Вотъ цѣль, къ которой должно стремиться, чтобы достигнуть удовлетворительнаго результата.

Необходимо указать на общее правило, почти не имѣющее исключенія, что плата работнику въ извѣстной странѣ тѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе въ ней кредитъ.

Предполагали однако постановить для этого другіе законы. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, такса на платы рабочимъ опредѣляется обыкновенно цѣною жизненныхъ припасовъ, а поэтому мало шансовъ улучшить состояніе массы, потому-что цѣна за трудъ всегда измѣрялась бы ихъ потребностями. И сколько разъ руководствовались этимъ ложнымъ принципомъ для поддержанія безчеловѣчныхъ ограниченій, искусственно возвышающихъ цѣну на жизненные припасы? Къ счастію, это только неосновательная ипотеза, слишкомъ хорошо опроверженная фактами.

Обыкновенно основываются на примѣрѣ Англіи, гдѣ, правда, давно замѣчено совпаденіе двухъ фактовъ: возвышенная заработная плата и высокія цѣны на припасы. Изъ этого случайнаго совпаденія, причину котораго такъ легко объяснить, сдѣлали, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, общій выводъ, прилагаемый ко всѣмъ случаямъ. Отчего не противопоставили Англіи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, на оборотъ, при гораздо высшей цѣнѣ за трудъ, жизненные припасы гораздо дешевле? Одно противорѣчіе этихъ извѣстныхъ фактовъ вполнѣ доказываетъ ложность предлагаемаго правила. Это фактическое доказательство можно было бы добавить еще нѣсколькими другими фактами, подтверждающими наше мнѣніе.

Нѣтъ: не цѣна на жизненные припасы опредѣляетъ мѣру заработанной платы, а единственно относительное изобиліе капитала.

ЦАБ "Автограф"

Во всякомъ производствѣ дѣйствуютъ двѣ силы, два дѣятеля: капиталъ и трудъ. Если одинъ изъ этихъ дѣятелей находится въ излишествѣ и предложеніе его сильнѣе другаго, онъ получаетъ мѣньшую часть прибыли. Если капиталы рѣдки, а запросы на нихъ велики, то они получаются на тяжкихъ условіяхъ, а отъ этого страдаетъ плата за трудъ. Если же ихъ много и предложеніе его большое то они получаются на лучшихъ условіяхъ и плата за трудъ на столько же поднимается. Такъ-какъ капиталы находятся болѣе или менѣе въ излишествѣ въ странѣ, гдѣ развитъ кредитъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что возвышеніе заработанной платы есть просто послѣдствіе и признакъ развитія кредита. Вотъ почему благодѣтельный результатъ его проявляется въ одно и то же время и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ при совершенномъ различіи прочихъ обстоятельствъ. Вотъ почему, переходя изъ Англіи во Францію, оттуда въ Германію, потомъ въ Турцію и въ азіатскія государства, мы видимъ, что плата за трудъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ уничтоженія кредита; цѣна на жизненные припасы падаетъ далеко не въ той же пропорціи.

Мы особенно стоимъ за эту истину, потому-что она чрезвычайно важна. Нѣтъ истинъ, которыя бы болѣе этой интересовали человѣчество, а она однакожь предана совершенному забвенію.

Можетъ-быть съ перваго раза удивятся тому, что возвышеніе платы за трудъ, когда оно есть естественный результатъ развитія кредита, нисколько не исключаетъ собою дешевизны продуктовъ. Намъ скажутъ, что это парадоксъ, а между-тѣмъ нѣтъ ничего проще. Въ-самомъ-дѣлѣ, по этой ипотезѣ плата за трудъ возвышается только потому что капиталъ,— ея необходимый сотрудникъ въ дѣлѣ производства, довольствуется меньшею прибылью; общая сумма промышленной прибыли не измѣнилась; она только иначе распредѣлена. Возьмемъ въ примѣръ ткацкіе станки, выдѣлывающіе извѣстныя матеріи; можетъ случиться, что цѣна матерій одинакова въ разныхъ странахъ, но она распредѣляется раз-

лично, смотря по состоянію кредита. Тамъ, гдѣ кредитъ очень ограниченъ, фабрикантъ, владѣтель станка, беретъ себѣ бо́льшую часть барыша, оставляя работнику самую малую долю; въ другомъ мѣстѣ раздѣлъ производится по по́ламъ; въ иныхъ странахъ наконецъ, гдѣ изобиліе въ капиталахъ еще больше, фабрикантъ беретъ себѣ только меньшую часть, предоставляя остальное работнику. Такимъ-то образомъ увеличивается плата за трудъ безъ измѣненія суммы издержекъ производства. Это не ипотеза, а голая истина. Сказанное нами о ткацкихъ станкахъ, прилагается съ такою же точностію и ко всякому другому роду производства, только разница въ распредѣленіи не такъ чувствительна.

Не справедливо было бы думать, что тамъ, гдѣ царствуетъ кредитъ, фабриканты были бы менѣе состоятельны. Если изобиліе капитала принуждаетъ ихъ довольствоваться меньшими барышами, то оно же позволяетъ имъ учащать эти барыши, заводя напримѣръ, при равномъ личномъ состояніи, бо́льшее число станковъ. Даже тѣмъ самымъ, что кредитъ позволяетъ производителямъ умножать свои средства для дѣйствія, онъ заставляетъ ихъ довольствоваться меньшими барышами; такъ что даже и эта предполагаемая невыгода сама въ себѣ имѣетъ щедрое вознагражденіе. При этомъ выигрываютъ всѣ, и работники и фабриканты; что́ вполнѣ объясняется общимъ увеличеніемъ производства. «Владѣтель ткацкаго станка въ Индіи, говоритъ г. Кэри, беретъ себѣ болѣе половины барыша и живетъ въ бѣдности и нуждѣ. Владѣлецъ небольшаго числа станковъ въ Ліонѣ, беретъ половину прибыли; другая половина достается работнику: оба бѣдны. Владѣлецъ станковъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ беретъ себѣ только десятую часть, оставляя девять десятыхъ работнику (*): оба въ состояніи жить хорошо,

---

(*) Нашъ авторъ и г. Кэри приписываютъ исключительно кредиту указываемое ими различіе въ вознагражденіи труда и мы не имѣемъ притязанія оспаривать ихъ точность. Но, чтобы знать на сколько основательны ихъ выводы, нужно изслѣдовать еще два вопроса, а именно: 1) Устроены ли сравниваемые станки по одинаковой модели или другими словами, одинаково ли они производительны.

ЦАБ "Автограф"

и постоянно улучшать свое положеніе (*)». Нужно ли намъ показывать все краснорѣчіе этого сближенія?

Вотъ какимъ-образомъ плата за трудъ возвышается отъ одного благодѣтельнаго вліянія кредита, не нарушая ни чьихъ интересовъ.

Возвышеніе заработанной платы не есть единственная выгода, получаемая работникомъ отъ развитія кредита. Въ банковыхъ учрежденіяхъ, необходимыхъ помощникахъ кредита, онъ находитъ вѣрный пріютъ для своихъ сбереженій и легкое средство извлечь изъ нихъ пользу. Какъ только онъ благоразумною экономіею накопилъ сколько-нибудь денегъ, онъ ихъ тотчасъ помѣщаетъ въ эти всегда открытыя хранилища, гдѣ онѣ увеличиваются безъ всякаго труда, какъ отъ новыхъ взносовъ имъ производимыхъ, такъ и отъ наростанія процентовъ. Если впослѣдствіи, когда его накопленныя деньги достигнутъ значительныхъ размѣровъ, онъ захочетъ воспользоваться ими, чтобы сдѣлаться самому хозяиномъ, устроивъ на свой счетъ независимое заведеніе, то онъ въ этихъ же учрежденіяхъ найдетъ полезное вспомоществованіе и твердую опору. Производятъ ли банки ему, какъ это дѣлается въ Шотландіи, положительныя ссуды наличными деньгами, или ограничиваются, какъ въ другихъ мѣстахъ, учетомъ его векселей, они на дѣлѣ увеличиваютъ его капиталъ и дозволяютъ ему съ слабыми средствами распространять свои дѣйствія.

Кто захочетъ взглянуть съ этихъ точекъ зрѣнія на французскаго работника и сравнить его положеніе съ положеніемъ шотландскаго работника, или лучше, американскаго, тотъ будетъ пораженъ относительными невыгодами положенія перваго. Эти невыгоды могутъ быть выражены въ этихъ немногихъ словахъ:

---

2) Одинаково ли число станковъ, употребляемыхъ фабрикантами трехъ сравниваемыхъ мѣстностей. Низшая степень искусства въ устройствѣ станковъ и мастерскихъ и въ нравахъ, ограничивающихъ дѣятельность предпринимателя, должна имѣть послѣдствіемъ меньшую мѣру вознагражденія, независимо отъ присутствія или отсутствія кредита. Въ соціальныхъ наукахъ нѣтъ ничего опаснѣе односторонняго взгляда на факты и поспѣшнаго вывода изъ нихъ безусловныхъ заключеній.

(*) *The credit system*, p. 4. К. С.

ЦАБ "Автограф"

недостатокъ благосостоянія въ его настоящемъ положеніи и отсутствіе всѣхъ средствъ выйти изъ него.

Правда съ 1818 года было основано значительное число сберегательныхъ кассъ; это одно уже есть истинное благодѣяніе. Но кому неизвѣстна крайняя недостаточность этихъ учрежденій? Такъ-какъ онѣ не владѣютъ тѣми средствами, какими владѣютъ банки, для обращенія въ оборотъ ввѣренныхъ имъ вкладовъ, то звонкая монета, накопившаяся въ ихъ рукахъ, дѣлается вскорѣ тяжкимъ бременемъ; а такъ-какъ онѣ однѣ открываютъ помѣщеніе для сбереженій ремесленниковъ, работниковъ, слугъ, то къ нимъ и притекаютъ безъ различія всѣ небольшіе капиталы страны. Поэтому онѣ и должны были ограничить очень небольшою суммою maximum вкладовъ. Вообще, съ очень немногими исключеніями, было положено, что каждый вкладчикъ не можетъ имѣть въ кассѣ болѣе 2000 франковъ. Теперь говорятъ даже, что и эта сумма будетъ уменьшена до 1500 франковъ, для облегченія бремени, несомаго капиталомъ, какъ поручителя за цѣлость вкладовъ (*). Что же можно предпринять съ подобною суммою, особливо въ странѣ, гдѣ кредитъ закрытъ для начинающихъ? Бережливый работникъ, достигшій крайняго предѣла вкладовъ, остается съ своимъ скромнымъ капиталомъ безъ всякой надежды устроить тотчасъ же какую-нибудь мастерскую или съ пользою продолжать копить деньги.

Поэтому, за исключеніемъ примѣровъ, которые можно найти въ нѣкоторыхъ особыхъ ремеслахъ, очень рѣдко случается во Франціи, чтобы работникъ вышелъ изъ своего положенія иначе, какъ по какому-нибудь непредвидѣнному обстоятельству. Чтобы ни говорили, а экономіи и порядка для него недостаточно. Притомъ всякому извѣстно, что для своего развитія объ эти общественныя добродѣтели должны имѣть въ виду награду, а иначе онѣ не будутъ въ состояніи восторжествовать надъ ежеминутными соблазнами.

(*) Цифра эта уменьшена даже до 1000 франк. закономъ 30 Іюня—9 Іюля 1851 года. К. С.

ЦАБ "Автограф"

Итакъ справедливо, что положеніе французскаго работника, сравнительно, самое скверное. А почему? Потому-что Франція въ гибельномъ ослѣпленіи отталкиваетъ отъ себя благодѣянія кредита, которыя она такъ легко можетъ упрочить за собою. Если это не единственная причина бѣдствія, то по-крайней-мѣрѣ одна изъ самыхъ главныхъ. Надобно сказать, что отъ этого недостатка терпятъ не одни только рабочіе классы; онъ чувствуется повсюду. Цѣлое общество страдаетъ отъ дурнаго употребленія своихъ главныхъ силъ. Но нужно согласиться съ тѣмъ, что зло это дѣлается чувствительнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся въ ряды людей, лишенныхъ матерьяльныхъ средствъ и имѣющихъ только одни руки.

§ II. Предполагаемыя опасности отъ дѣйствія кредита.

Часто отвергаютъ благодѣтельныя дѣйствія кредита, вслѣдствіе опасностей, которыя, какъ говорятъ, онъ влечетъ за собою. Съ ужасомъ говорятъ объ исчезновеніи звонкой монеты, о коммерческихъ кризисахъ, различнаго рода экономическихъ потрясеніяхъ, которыя, какъ утверждаютъ, неразлучно связаны съ банками и составляютъ почти необходимое послѣдствіе обширнаго развитія кредита,—грозные призраки, всякій разъ вызываемые на сцену, какъ только затрогивается вопросъ о банкахъ.

Допустивъ даже, что эти опасенія дѣйствительно такъ велики, какъ предполагаютъ, нельзя понять, какъ можно отказываться отъ очевидныхъ, громадныхъ выгодъ, въ виду какого-нибудь случайнаго вреда. Развѣ опасеніе наткнуться на подводные камни, которыми усѣяно море, и ежедневныя кораблекрушенія, представляютъ достаточныя причины для того, чтобы закрыть море для мореплавателей? Но многіе сами увеличиваютъ для себя подобныя опасенія, а главное то, что они не понимаютъ настоящей причины этихъ золъ. Никто не хочетъ сознаться, что зло происходитъ не отъ свободнаго развитія кредитныхъ учрежденій, а скорѣе

отъ насильственныхъ уклоненій и несправедливыхъ узаконеній, которымъ ихъ почти всегда подчиняли. Конечно, страны, въ которыхъ кредитъ получилъ широкое развитіе, всегда подвергались и подвергаются частымъ потрясеніямъ; но въ этомъ случаѣ не въ употребленіи кредита заключается зло, а въ злоупотребленіи имъ; вѣдь грустно подумать, что главнымъ виновникомъ этихъ злоупотребленій всегда бываютъ правительства.

Разсмотримъ однако вообще приводимыя причины.

Во-первыхъ говорятъ, что часто банки чрезмѣрнымъ выпускомъ билетовъ вытѣсняютъ изъ обращенія звонкую монету, что для публики стѣснительно и опасно.

Если справедливо, какъ мы это старались доказать, что банковые билеты замѣняютъ въ обращеніи не деньги, но торговыя бумаги, то приводимое неудобство ихъ—чистая химера! Правда, что кредитъ, развиваемый банками, во многихъ случаяхъ избавляетъ отъ употребленія звонкой монеты, и поэтому уменьшаетъ ея количество. Но уменьшеніе, происходящее отъ подобной причины, не опасно и не стѣснительно. Какое намъ дѣло до того, что звонкая монета выходитъ изъ страны, если она намъ не нужна въ ту минуту? Не лучше ли ей оставить страну, чтобы внѣ ея превратиться въ производительный капиталъ, нежели совершенно безполезно обращаться въ нашихъ рукахъ? Когда потребности нашихъ мѣнъ удовлетворены, чего намъ больше нужно. Если вы опасаетесь, что звонкой монеты не будетъ и тогда, когда въ ней настанетъ надобность, то будьте покойны; какъ безполезность ея была причиною ея исчезновенія, такъ по самой природѣ вещей необходимость въ ней снова привлечетъ ее.

Однако должно сознаться, что были случаи, когда звонкая монета исчезала изъ обращенія, хотя и была нужна, и не являлась, хотя въ ней была сильнѣйшая потребность. Примѣры этому мы найдемъ въ исторіи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Но разсмотрѣвъ внимательно этотъ фактъ, мы замѣтимъ, что онъ случается только въ странахъ, гдѣ законъ насильственно поддерживаетъ курсъ банковыхъ билетовъ, потерявшихъ кредитъ.

ЦАБ "Автограф"

Законъ не можетъ дать билету цѣнность, которой онъ не имѣетъ, но онъ можетъ стѣснить звонкую монету, поставляя ее въ невыгодное и фальшивое положеніе, при которомъ она, при размѣнѣ, идетъ ниже ея цѣнности, и потому ее скрываютъ и вывозятъ за границу. Вотъ почему иногда случалось, что, когда банки прекращали уплату наличными деньгами, монета—несмотря на дѣйствительную потребность въ ней, исчезала. Какъ видимъ, это происходило не отъ употребленія кредита, а отъ злоупотребленія имъ.

Бо́льшее повидимому значеніе имѣетъ вторая приводимая причина, что страны, гдѣ кредитныя учрежденія наиболѣе развиты, болѣе другихъ подвержены финансовымъ кризисамъ, отъ времени до времени поражающимъ торговлю и потрясающимъ всѣ коммерческіе обороты. Вообще нужно сказать, что на эти случайныя явленія, печальныя послѣдствія которыхъ сильно преувеличиваютъ, обращаютъ слишкомъ большое вниманіе. Но не замѣчаютъ того, что коммерческіе кризисы, тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ причинъ безпорядковъ и несчастія, дѣлаютъ болѣе шума, нежели зла, и что страны, имъ подвергнувшіяся, часто въ самый моментъ ихъ, гораздо счастливѣе и находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели страны, которыхъ бѣдствія эти не коснулись. Съ одной стороны мы видимъ безпорядокъ, бросающійся въ глаза, но скоропроходящій, а съ другой, бѣдствія глубокія и постоянныя. Но мы не станемъ ослаблять впечатлѣнія, производимаго кризисами; допустимъ, что онѣ дѣйствительно такъ ужасны, какъ предполагаютъ. Что́ же слѣдуетъ изъ этого заключить?

Коммерческій кризисъ въ томъ видѣ, какъ онъ намъ представляется вообще, есть ни что́ иное, какъ мгновенное исчезновеніе кредита. Понятно, что подобное явленіе можетъ случиться только тамъ, гдѣ кредитъ развитъ, по той причинѣ, что нельзя потерять того, чего нѣтъ. Кажется также очень естественно, что потрясеніе имъ производимое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе кредитъ. Давно уже философы сказали: только тѣ могутъ что-нибудь потерять, которые что-нибудь имѣютъ, и большимъ потерямъ подвержены

тѣ, которые больше имѣютъ. Вотъ почему богатыя страны, гдѣ развитіе кредита сильнѣе, подвержены болѣе другихъ потрясеніямъ, называемымъ коммерческими кризисами. Можно ли вслѣдствіе этого сказать, что кредитъ служитъ для нихъ источникомъ несчастій? Вслѣдствіе того, что въ тяжелые дни онѣ могутъ иногда терять его, можно ли сказать, что онѣ худо дѣлаютъ, пользуясь имъ, пока могутъ, пока онъ существуетъ? Даже, еслибы онѣ подвергались опасности навсегда потерять кредитъ, то можно ли осуждать ихъ за то, что въ ожиданіи ея онѣ пользуются его благодѣяніями. Такъ могли бы говорить моралисты, проповѣдывавшіе презрѣніе къ богатству; но могутъ ли сказать это экономисты и государственные люди? Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отвергать не только кредитъ, но все, что̀ составляетъ частное и общественное богатство. Чтобы оградить людей отъ ударовъ судьбы, слѣдовало бы возстановить простоту золотаго вѣка; чтобы не подвергать земледѣльцевъ несчастіямъ отъ града, слѣдовало бы запретить обработку полей.

Когда, вслѣдствіе развитія кредита, страна процвѣтаетъ, не отдаютъ себѣ вполнѣ отчета въ томъ, сколько это развитіе содѣйствовало процвѣтанію ея, воображая, что легко можно было бы дойти до такого состоянія безъ помощи кредита. Когда его исчезновеніе нарушаетъ благосостояніе, имъ созданное, и оставляетъ въ коммерческомъ мірѣ огромную пустоту, ему приписываютъ всѣ происходящія отъ этого частныя потери, не обращая вниманія на принесенную имъ пользу.

«Не лучше ли было бы,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Джефферсонъ,—видѣть цвѣтущую торговлю Соединенныхъ Штатовъ, опирающуюся на твердое основаніе звонкой монеты, нежели поддерживаемою воздушными и хрупкими крыльями банковыхъ билетовъ.» Быть-можетъ, еслибъ при этомъ условіи она могла достигнуть той же степени процвѣтанія. Но еслибы торговля Соединенныхъ Штатовъ основывалась исключительно на звонкой монетѣ, она не была бы такъ цвѣтуща. Она походила бы на торговлю Испаніи, неподверженную въ своемъ

ходѣ случайнымъ потрясеніемъ, но которая идетъ вяло. Слѣдовательно вопросъ не въ томъ, лучше ли, чтобы извѣстная торговля основывалась на звонкой монетѣ, а не на бумагѣ, а въ томъ, слѣдуетъ ли предпочесть ничтожную торговлю цвѣтущей, хотя и подверженной нѣкоторымъ потрясеніямъ. Другими словами, слѣдуетъ рѣшить: должно ли избрать безконечную нищету для того, чтобы избѣжать какого-нибудь временнаго зла.

Притомъ коммерческіе кризисы, когда они происходятъ дѣйствительно отъ колебаній кредита, а не отъ какого-нибудь коренного недостатка общественнаго устройства, или ошибки законодательства, обыкновенно очень скоропреходящи. Кредитъ, на время поколебленный, вскорѣ возстановляется. Послѣ минутнаго затмѣнія онъ является снова, если только народъ, который имъ пользовался, не разрушилъ въ припадкѣ безумія учрежденія, которыя даровали ему благосостояніе. Съ возобновленіемъ кредита снова открываются всѣ источники богатства, и въ самое короткое время потрясенія, причиною которыхъ было его колебаніе, будутъ забыты и отъ нихъ не останется и слѣда.

Право даже совѣстно доказывать столь простыя истины. Всѣ возраженія противъ учрежденія банковъ основываются въ сущности на томъ странномъ убѣжденіи, что основаніемъ кредита служатъ воображаемыя цѣнности. Имъ не довѣряютъ и объясняютъ себѣ коммерческіе кризисы горькимъ пробужденіемъ отъ иллюзій, среди которыхъ усыпляли себя. Говорятъ, что воображаемые пути могутъ только вести къ подобнымъ же ложнымъ и воображаемымъ богатствамъ, и наступающій кризисъ внезапно разрушаетъ эту иллюзію. Вотъ на чемъ основаны странныя предубѣжденія противъ банковъ; но какъ только общество убѣдится, что въ употребленіи кредита нѣтъ ничего лживаго и обманчиваго, и что оно ограничивается только болѣе правильнымъ и дѣятельнымъ употребленіемъ физическаго и умственнаго трудовъ человѣка, болѣе обширнымъ и плодотворнымъ производствомъ дѣйствительныхъ богатствъ, то всѣ эти возраженія исчезаютъ сами собою, какъ пустые призраки.

ЦАБ "Автограф"

Впрочемъ мы можемъ сказать, что сдѣлали большія уступки предразсуднымъ противникамъ банковъ. Далеко не справедливо мнѣніе, что число и сила кризисовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе развиты кредитныя учрежденія; напротивъ-того, кризисы всегда происходятъ отъ окружающихъ ихъ стѣсненій и отъ произвольной строгости налагаемыхъ на нихъ законовъ. Эта истина выяснится совершенно изъ сравнительнаго очерка хода банковыхъ операцій во Франціи, Англіи, Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но предварительно сдѣлаемъ краткій обзоръ правилъ, которымъ должны быть подчинены банки. Тогда понятнѣе будутъ всѣ вредныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою всякое отступленіе отъ этихъ правилъ.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

УСТРОЙСТВО БАНКОВЪ.

§ I. Общія основанія.

Въ 1-омъ § 2-ой главы мы старались объяснить невѣрность нѣкоторыхъ названій, послужившихъ поводомъ къ столькимъ ошибкамъ. Съ ними исчезаютъ ложныя теоріи, для которыхъ онѣ служатъ единственнымъ основаніемъ.

Если справедливо, что банковые билеты не суть бумажныя деньги или представители денегъ, то совершенно неосновательно было бы предполагать, какъ это дѣлаютъ теперь, что право выпуска ихъ должно принадлежать исключительно правительству или тѣмъ лицамъ, которымъ оно его предоставляетъ и думаютъ такъ на томъ ложномъ основаніи, что право *чеканить монету* есть одно изъ священныхъ правъ верховной власти. По той же самой причинѣ нужно считать ложною необходимость привести всѣ банковые билеты къ одной формѣ и выпускать ихъ изъ одного источника подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы сдѣлать мнимую монету (это обыкновенно приводимая причина) однообразною во всей странѣ, подобно звонкой монетѣ. Если же банковые билеты только коммерческія обязательства, тогда и банки должны считаться только обширными

торговыми домами. Принявъ это, слѣдуетъ разсматривать, какъ превышеніе или по-крайней-мѣрѣ какъ злоупотребленіе власти всѣ ограниченія дѣйствій банковъ и препятствія имъ постановляемыя.

Законодателю нѣтъ надобности устроивать банки по своему усмотрѣнію, ограничивать кругъ дѣйствій ихъ, опредѣлять операціи, которыя они могутъ предпринимать и тѣ, отъ которыхъ должны воздерживаться, однимъ словомъ подчинять ихъ исключительнымъ правиламъ, какъ это теперь почти всюду дѣлается (*). Напротивъ того, всякая попытка въ этомъ родѣ сопровождается пагубными послѣдствіями. Изучайте исторію банковъ и вы увидите, что бѣдствія, которыми они иногда обрушивались на народъ, проистекали, какъ изъ зараженнаго источника, изъ беззаконнаго вліянія на нихъ правительства.

Еще вреднѣе ограничивать число банковъ, потому-что оно должно ограничиваться потребностью, а потребность никто не можетъ опредѣлить впередъ. Вообще размноженіе такихъ учрежденій хорошо, потому-что чѣмъ больше ихъ, тѣмъ менѣе чувствительны ихъ частныя ошибки; но тщетно правительство будетъ искать опредѣленную норму въ этомъ отношеніи, оно или недошагнетъ, или перешагнетъ за нее; стѣсненіе въ одномъ случаѣ, опасность въ другомъ. Что же касается до правила, принятаго во Франціи и другихъ странахъ, не допускать болѣе одного банка вооруженнаго исключительными привиллегіями, то мы уже выразили наше мнѣніе объ этомъ.

Слѣдовательно всѣ имѣютъ право учреждать банки. Учрежденіе ихъ не должно быть стѣсняемо и ограничиваемо болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой торговый домъ.

Но такъ-какъ эти учрежденія имѣютъ болѣе, нежели всѣ другія, вліяніе на благосостояніе страны, вліяніе соразмѣрное съ

(*) Тѣмъ болѣе, что законодатель, часто не зная сущности банковой торговли и всегда незнакомый съ условіями ея въ странѣ, въ которой онъ устанавливаетъ свои правила, можетъ только постановить отрицательныя правила ограниченія. стѣсняющія свободу банкира. К. С.

ихъ важностію, то было бы совершенно справедливо, еслибы правительство наблюдало надъ ними болѣе, нежели надъ всѣми другими торговыми домами, и законы въ этомъ отношеніи были строже и опредѣлительнѣе. Но развѣ это значитъ, что правительство и законы должны стѣснять ихъ, подчиняя особеннымъ исключительнымъ правиламъ; конечно нѣтъ, но обыкновенныя правила торговли должны быть примѣняемы съ тѣмъ бо́льшею строгостью, что малѣйшее упущеніе въ этомъ случаѣ влечетъ за собою гораздо важнѣйшія послѣдствія. Законы правительства должны требовать отъ банковъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ ихъ обязательства были выполняемы буквально, точно, и безъ замедленія.

Притомъ никто не имѣетъ права избавлять банки отъ этихъ условій, даже и самыя государства, потому-то они заключили обязательства не съ государствомъ, а съ частными лицами и обществомъ. Это вредно, потому-что можетъ вовлечь въ опасный путь и быть причиною многихъ несчастій. Однако всѣ правительства столь осторожныя, упорныя и боязливыя въ дѣлѣ учрежденія банковъ, столь опрометчиво налагающія на нихъ всякаго рода произвольныя и стѣснительныя правила, въ минуты кризиса, приготовленнаго ихъ ошибками, являются очень снисходительными въ приложеніи къ нимъ основанія общаго права. Онѣ обращаются съ ними тогда, какъ съ избалованными дѣтьми: дѣлаются снисходительными къ нимъ; онѣ, нарушая ихъ священныя обязательства и права частныхъ лицъ, предоставляютъ имъ законныя льготы, которыя только поддерживаютъ ихъ на ложномъ пути и подготовляютъ новыя несчастія. Преступная снисходительность, пагубныя послѣдствія которой мы часто испытывали.

Правительство должно оказывать банкамъ покровительство и свободу, но отнюдь не давать льготы. На этомъ основаніи было бы совершенно противно здравому смыслу, еслибы правительство стало поощрять выпускъ бакновыхъ билетовъ, приказывая принимать ихъ при платѣ податей. Банкъ самъ долженъ себѣ составить

такое положеніе; поднять такъ свой кредитъ, внушить всякому столь полное и обширное довѣріе, такъ облегчить размѣнъ на звонкую монету своихъ билетовъ, чтобъ всякій могъ найти употребленіе ихъ выгоднымъ, удобнымъ и вѣрнымъ. Тогда сборщики податей, не колеблясь, будутъ принимать ихъ подъ свою личную отвѣтственность. Въ противномъ случаѣ было бы злоупотребленіемъ принуждать ихъ къ этому. Это значитъ оказывать къ банкамъ довѣріе, котораго они не заслуживаютъ, одобрять ихъ въ дурномъ, предоставляя имъ не дѣлать хорошаго, принуждать государство къ пожертвованію, отъ котораго оно въ правѣ отказаться, подвергать его опасности, которой оно должно избѣгать.

Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ придавать банковымъ билетамъ принудительный курсъ. Многія правительства покушались, силою закона, дать обращеніе билетамъ, которые сами не внушали достаточнаго довѣрія, и сколько безпорядковъ было послѣдствіемъ подобныхъ мѣръ. Гарантіи эти излишни, когда билетъ самъ по себѣ вѣренъ; въ противномъ случаѣ онѣ безнравственны и ни къ чему не служатъ. Онѣ безполезны потому, что никакой законодатель не можетъ заставить принимать въ обращеніи за полную цѣну, бумагу потерявшую довѣріе; безнравственны же потому, что, несмотря ни на что, въ извѣстныхъ случаяхъ сила закона беретъ верхъ и подъ защитою совершаетъ самыя отвратительныя злоупотребленія. Эти мѣры, не поддерживая нисколько кредита, окончательно уничтожаютъ его. Естественнымъ послѣдствіемъ ихъ, мы уже видѣли, бываетъ исчезновеніе звонкой монеты, такъ какъ послѣдняя, поставленная въ невыгодное и ложное положеніе, обмѣнивается на настоящую свою цѣнность. Благодаря Бога, съ давнихъ поръ уже правительства отказались отъ варварскаго и раззорительнаго способа переливки монеты. Вышеприведенныя мѣры напоминаютъ этотъ способъ, на который можно смотрѣть какъ на остатокъ варварства прежнихъ временъ.

Но, скажутъ намъ, если правительство не будетъ какими-ни-

будь средствами поощрять обращеніе билетовъ, выпущенныхъ банками, какимъ-образомъ послѣдніе могутъ пустить ихъ въ обращеніе въ значительномъ количествѣ? Ничего нѣтъ проще.

Чтобы ни говорили по этому поводу банку, учрежденному на разумныхъ основаніяхъ, никогда не было трудно дать билетамъ обращеніе въ торговлѣ и въ публикѣ наравнѣ съ звонкою монетою. Это дѣлается само собою. Въ наше время нѣкоторые экономисты, основываясь на примѣрѣ Франціи, дурно понятомъ, вообразили, что въ извѣстныхъ случаяхъ трудно пріучить публику къ такого рода билетамъ, и необходимо прибѣгать къ разнымъ другимъ средствамъ, чтобы ознакомить ее съ ними. Это ошибка, которую докажетъ и самый примѣръ Франціи. Нѣтъ такого народа, какъ бы мало онъ ни былъ образованъ, какъ бы ни былъ испуганъ предшествовавшими кризисами, который бы не принялъ безъ всякаго затрудненія банковыхъ билетовъ, если съ одной стороны банкъ проченъ, а съ другой, билеты могутъ быть тотчасъ же размѣниваемы на звонкую монету. Это условіе быстраго и легкаго размѣна, когда оно происходитъ въ глазахъ всѣхъ, говоритъ такъ разительно и краснорѣчиво, языкомъ до того понятнымъ даже самому ограниченному разсудку, что никто, въ какой бы то ни было странѣ, не можетъ противостоять этому краснорѣчію. Поэтому ни во Франціи, ни въ другихъ странахъ не предстояло надобности насиловать общественное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Если билеты Французскаго банка и обращались долгое время только въ Парижѣ, то единственно потому, что они размѣнивались исключительно въ Парижѣ (*). Если и въ самомъ Парижѣ обращеніе ихъ было ограничено, это потому, что купоны ихъ по своей цѣнности не соотвѣтствовали потребностямъ большинства. Для объясненія столь простыхъ явленій не слѣдуетъ подозрѣвать въ публикѣ несуществующаго предубѣжденія.

(*) А также потому, что выпускъ ихъ приносилъ прямую выгоду только нѣкоторымъ торговымъ домамъ, векселя которыхъ принимались къ учету. Вмѣстѣ съ расширеніемъ учетовъ Французскаго банка, увеличилось и обращеніе билетовъ.

К. С.

ЦАБ "Автограф"

Слѣдовательно, эта сторона вопроса вовсе не такъ важна; гораздо важнѣе рѣшеніе вопроса объ основаніяхъ, на которыхъ долженъ обыкновенно производиться выпускъ билетовъ.

§ II. Предѣлы выпуска билетовъ. — Отношеніе между количествомъ выпущенныхъ билетовъ и металлическимъ запасомъ банка.

Прежде всего мы должны замѣтить, что банковые билеты тѣмъ удобнѣе обращаются въ публикѣ, чѣмъ менѣе ихъ нарицательная цѣна. Опытомъ доказано, что билеты слишкомъ возвышенной цѣнности, не соотвѣтствуя обыкновеннымъ потребностямъ, обращаются только въ маломъ числѣ рукъ и поэтому вскорѣ возвращаются въ кассу, когда владѣльцамъ ихъ представляется необходимость размѣнять ихъ; между-тѣмъ какъ билеты мѣньшей цѣнности, соотвѣтствуя ежедневнымъ потребностямъ большинства, находятся въ обращеніи долгое время. Такъ напримѣръ, въ Шотландіи одни только билеты въ пять фунтовъ стерлинговъ остаются долгое время въ обращеніи, прочіе же возвращаются въ кассу очень скоро послѣ ихъ выпуска. Вслѣдствіе этого банку, когда онъ хочетъ расширить выпускъ билетовъ, слѣдовало бы понижать ихъ цѣну, и на оборотъ, повышать ее, если онъ случайно почувствуетъ потребность или желаніе ограничить выпускъ.

Но не опасно ли дозволить банкамъ произвольно понизить цѣну билетовъ. Нисколько. Правда, что билеты небольшой цѣнности, распространяясь, вытѣснили бы изъ обращенія звонкую монету, но что же изъ этого? Это не можетъ назваться ни неудобствомъ; ни опасностью, напротивъ, даже выгодою, потому-что уменьшило бы стоимость обращенія. Если спросятъ, на чемъ же остановится такая дѣлимость, мы отвѣтимъ, что она остановится на томъ предѣлѣ, за которымъ перестанетъ давать выгоды. Такъ напримѣръ во Франціи, при полной свободѣ въ этомъ отношеніи, банкъ послѣ нѣсколькихъ попытокъ

вѣроятно не сталъ бы выпускать билетовъ ниже пяти франковъ, точно такъ же, какъ и банки Соединенныхъ Штатовъ не выпускаютъ билетовъ ниже доллара (1 р. $35^1/_4$ коп.), потому-что при меньшей цѣнѣ билетовъ издержки превышали бы выгоду.

Нѣкоторые однако опасаются, чтобы, вслѣдствіе безграничной свободы выпуска билетовъ, денежный рынокъ не былъ наводненъ бумажными знаками, забывая, что, при свободѣ, обращеніе ихъ подвержено общественному контролю, который останавливаетъ всякое злоупотребленіе. Если она будетъ допущена съ одной стороны, то будетъ остановлена съ другой, такъ-какъ свобода не ограничена для обѣихъ сторонъ. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что совершенно свободное обращеніе билетовъ есть въ то же время самое умѣренное.

Опасеніе слишкомъ большаго выпуска банковыхъ бумагъ занимало однако умы многихъ. Такъ, недавно еще академія нравственныхъ и политическихъ наукъ назначила для преміи разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ далеко можетъ безъ опасности простираться выпускъ банковыхъ билетовъ (*)? При этомъ, кажется, академія дѣйствовала подъ вдохновеніемъ сэра Роберта Пиля, билль котораго, представленный въ 1844 году, имѣлъ главною цѣлью исправить вредъ, происходившій отъ воображаемаго излишка въ обращеніи билетовъ англійскихъ банковъ. Мы однако осмѣливаемся сказать, что академія видѣла опасность тамъ, гдѣ ея не существовало. Тамъ, гдѣ есть безпорядки, они происходятъ не отъ излишка билетовъ въ обращеніи; все что объ этомъ ежедневно повторяется, говорится только вслѣдствіе очень невнимательнаго наблюденія фактовъ. Они невѣрны даже и въ отношеніи привилегированныхъ банковъ, въ которыхъ кроется зародышъ всѣхъ коммерческихъ кризисовъ, потому-что обществен-

---

(*) Вотъ изложеніе заданнаго вопроса: *на основаніи принциповъ науки и данныхъ опыта опредѣлить законы, долженствующіе установить отношеніе между находящимися въ обращеніе билетами и звонкою монетою, для того, чтобы государство могло пользоваться всѣми выгодами развитія кредита, не опасаясь злоупотребленій имъ.*

ный контроль имѣетъ вліяніе и на обращеніе ихъ билетовъ, если только не будетъ приданъ обязательный курсъ. Когда же неправильныя дѣйствія этихъ банковъ производятъ кризисъ (мы вскорѣ увидимъ, что коммерческія потрясенія не имѣютъ другихъ причинъ), то это бываетъ не столько результатомъ излишка выпуска билетовъ, сколько излишка принимаемыхъ ими вкладовъ и неправильнаго употребленія оныхъ.

Иногда возникаетъ вопросъ, должно ли существовать необходимое отношеніе между суммою выпущенныхъ банкомъ билетовъ и его металлическимъ фондомъ, и если существуетъ, то какое?

Директоры Лондонскаго банка, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приняли за правило имѣть по возможности въ кассѣ, монетою или слитками, количество равное трети суммы всѣхъ обязательствъ банка, понимая подъ этимъ общимъ названіемъ обязательствъ, вклады, которые могутъ быть вытребованы, и билеты обращающіеся въ публикѣ. Правда, что мѣра эта не всегда соблюдалась на практикѣ, но, по-крайней-мѣрѣ, допущена въ теоріи и ее стараются по возможности сохранить.

На основаніи этого примѣра, и во Франціи считали возможнымъ принять такую же пропорцію и примѣнить ее къ дѣлу, правда, забывая иногда принятые банками вклады, сумма которыхъ составляетъ также долгъ банковъ передъ публикою, и принимая въ разсчетъ только билеты. Вообще же остановились на той мысли, что банкъ находится въ нормальномъ состояніи, когда его металлическій запасъ равенъ третьей части суммы находящихся въ обращеніи билетовъ.

Но на чемъ основано это правило? Гдѣ разсчеты, изъ которыхъ оно выведено или данныя, которыя его подтверждаютъ? Отчего треть, а не четверть или половина? Если опытъ и доказалъ справедливость или выгоду этой пропорціи въ отношеніи Лондонскаго банка, гдѣ причины допустить ее и въ отношеніи учрежденій, поставленныхъ въ другихъ условіяхъ? Мы не думаемъ, чтобы когда-нибудь дано было на все это удовлетворительное объясненіе, даже была ли сдѣлана попытка дать его.

ЦАБ "Автограф"

Дѣло въ томъ, что нѣтъ возможности опредѣлить постоянное отношеніе между выпущенными билетами и металлическимъ запасомъ банка. Оно существенно зависитъ отъ значительности учрежденія, отъ обширности его кредита, отъ среды, въ которой оно дѣйствуетъ и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, на которыя трудно указать (*).

Мы сказали, что отношеніе между выпущенными билетами металлическимъ запасамъ банка зависитъ отъ степени значительности учрежденій, и чтобы пояснить эту мысль, достаточно указать для примѣра на крайность въ подобномъ случаѣ.

Предположимъ, что законъ не постановляетъ ограниченій выпуску билетовъ *на предъявителя и по предъявленіи*, и что частное лицо, не очень богатое, пожелаетъ, по примѣру большихъ компаній, пустить въ обращеніе подобные билеты. Что произойдетъ изъ этого. Выпущенные имъ билеты едва будутъ приняты нѣсколькими лицами въ тѣсномъ кругу лично знающихъ его негоціантовъ; внѣ этого круга ихъ не примутъ. Слѣдовательно, владѣльцы ихъ, не имѣя возможности употреблять ихъ во всѣхъ своихъ оборотахъ, поспѣшатъ размѣнять ихъ, и такимъ-образомъ билеты эти тотчасъ послѣ выпуска будутъ представлены къ уплатѣ. Кому не понятно, что въ подобномъ случаѣ, для избѣжанія банкротства, выпустившій билеты долженъ имѣть въ кассѣ не треть, не половину, но полную сумму ихъ стоимости.

По этой-то причинѣ и нельзя позволить частнымъ банкирскимъ домамъ выпускать билеты, хотя бы это и разрѣшалось законами (**).

(*) Въ-особенности отъ свойства формы и важности оборотовъ между рынкомъ, въ которомъ находится банкъ, и другими рынками, гдѣ билеты его не обращаются. К. С.

(**) М. Ж. Уильсонъ приводитъ въ своемъ сочиненіи (Capital, currency and banking, стр. 99) слѣдующій примѣръ: въ Шотландіи, гдѣ законъ совершенно не ограничиваетъ свободы выпуска билетовъ *на предъявителя и по предъявленіи*, нѣкто сэръ Моберлей, человѣкъ очень значительный и съ большимъ состояніемъ, дѣйствительно сталъ выпускать отъ себя билеты; но всѣ его страшныя усилія поддерживать ихъ въ обращеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, оказались тщетными.

По такой же причинѣ частные банки Англіи (private banks), такъ какъ число участниковъ въ нихъ было ограничено биллемъ 1708 года шестью, съ трудомъ могли пользоваться правомъ выпуска билетовъ, и когда они дозволяли себѣ широко имъ пользоваться, то подвергались большимъ опасностямъ. Хотя конечно сила ихъ, въ этомъ отношеніи, много превышала силу частнаго банкира, но они все-таки были очень ограничены слабостью ихъ средствъ и кредита. Неужели думаютъ, что этимъ банкамъ достаточно было сохранять въ кассѣ треть стоимости ихъ билетовъ. Дѣйствуя такъ, они скоро бы дождались кризиса, поэтому они и не приняли такого рода дѣйствія; это доказывается тѣмъ, что, до 1826 года хотя число ихъ доходило до 700, сумма выпущенныхъ ими билетовъ не превышала среднимъ числомъ 8 милл. фунт. стерл.; между-тѣмъ какъ одинъ Лондонскій банкъ имѣлъ болѣе нежели двойное количество. И то эта относительная осторожность не оградила ихъ отъ потрясеній.

Но если въ подобныхъ обстоятельствахъ третья часть суммы обращающихся билетовъ недостаточна для кассы, можно себѣ представить другія обстоятельства, въ которыхъ ея будетъ слишкомъ много, напримѣръ, для прочнаго банка, имѣющаго значительный капиталъ, пользующагося неограниченнымъ кредитомъ и дѣйствующаго на обширномъ пространствѣ.

Притомъ, повторяемъ, что нужно обращать вниманіе не только на капиталъ банка, но и на среду, въ которой онъ дѣйствуетъ. Учрежденіе, основанное во второстепенномъ городѣ, никогда не можетъ идти такъ далеко, какъ то, которое находится въ столицѣ; оно должно будетъ сохранять большую сумму въ наличности, потому-что практика и кругъ его дѣйствій ограниченнѣе. По той же причинѣ учрежденіе, основанное въ небольшомъ государствѣ, болѣе ограничено въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели находящееся въ государствѣ обширномъ. Такъ-какъ кругъ обращенія билетовъ перваго ограниченнѣе, то послѣдніе скорѣе и чаще возвращаются въ банкъ. *Maximum* возможности выпуска билетовъ былъ бы доступенъ банку, котораго билеты одинаково принима-

ЦАБ "Автограф"

лись бы во всѣхъ торговыхъ странахъ, и тогда кто можетъ рѣшить, какъ широко онъ ею бы воспользовался.

Съ другой стороны, если справедливо, а кажется въ этомъ сомнѣваться нельзя, что билеты малой цѣнности остаются въ обращеніи долѣе, нежели билеты высшихъ цѣнностей; при этомъ должно допустить, что разсматриваемая нами пропорція должна измѣняться всякій разъ съ повышеніемъ или пониженіемъ minimum'а нарицательной цѣнности билетовъ. Шотландскіе банки, благодаря праву выпускать билеты въ одинъ фунтъ стерлинговъ и выше, которымъ они пользуются въ видѣ исключенія, дѣйствуя въ странѣ бѣдной и необширной, пользуются бо́льшею легкостью выпуска билетовъ, нежели однородные съ ними англійскіе банки, которые дѣйствуютъ въ странѣ болѣе богатой и обширной. Притомъ и самый Лондонскій банкъ, принявъ третную пропорцію съ 1826 года, когда онъ былъ лишенъ права, которымъ пользовались прежде всѣ англійскіе банки, выпускать билеты менѣе пяти фунтовъ; и если ему будетъ возвращено это право, кто знаетъ, не измѣнитъ ли и онъ основанія своего разсчета вмѣстѣ съ измѣненіемъ своего положенія.

Между-тѣмъ слово *металлическій запасъ* очень неопредѣленно. Чрезвычайно важно знать, изъ чего долженъ состоять этотъ запасъ. Если онъ будетъ состоять, подобно Лондонскому банку, изъ части фондовъ, вносимыхъ частными лицами для текущихъ счетовъ и оставляемыхъ правительствомъ во временное распоряженіе банка, понятно, что такое обезпеченіе будетъ ненадежно, и фондъ, такимъ-образомъ составленный, не всегда будетъ достаточенъ, хотя бы онъ въ обыкновенное время и превышалъ половину цѣнности выпущенныхъ билетовъ. Не нужно забывать, что Лондонскій банкъ долженъ заботиться не только объ уплатѣ билетовъ, но и о возвращеніи частныхъ вкладовъ, которые и составляютъ главную основу его металлическаго запаса. Что́ съ нимъ станетъ, если вкладчики въ массѣ потребуютъ свои вклады обратно, что́ случается часто, какъ мы сейчасъ увидимъ безъ особенныхъ причинъ, потому только, что эти вклады без-

процентные и владѣльцы ихъ ощущаютъ потребность употребить ихъ съ пользою? Поэтому позволительно сказать, что Лондонскій банкъ переходитъ мѣру благоразумія, соблюдая менѣе интересы публики, нежели интересы своихъ акціонеровъ, барыши которыхъ онъ старался увеличить, рискуя всѣмъ. Но еслибы металлическій фондъ Лондонскаго банка состоялъ изъ цѣнностей, собственно ему принадлежащихъ, то безъ-сомнѣнія, что при положеніи его въ странѣ обширной и богатой, въ столицѣ промышленнаго и торговаго міра, откуда онъ распространяетъ свое вліяніе нетолько на европейскій континентъ, но и на образованныя страны Америки, онъ могъ бы безъ опасности усилить выпускъ билетовъ, перейдя даже нынѣшній предѣлъ.

Что же значитъ предъ всѣми этими фактами третная пропорція, которой такъ снисходительно придерживаются во Франціи и которую намъ выдаютъ за непогрѣшимую истину. Очевидно, что она разбивается со всѣхъ точекъ зрѣнія. Но какой же принципъ слѣдуетъ принять? Никакого, потому-что дѣйствительно нельзя установить постояннаго правила. Можетъ статься намъ скажутъ, нельзя ли по-крайней-мѣрѣ пользоваться во всякомъ отдѣльномъ случаѣ указаніями опыта? Можетъ-быть можно; но такое руководство очень шаткое, какъ это и доказываетъ приведенный нами въ примѣръ Лондонскій банкъ. Мы только-что сказали, что учрежденіе это переходитъ часто мѣру благоразумія въ выпускѣ билетовъ. Можно ли однако вслѣдствіе этого сказать, что существуетъ лучшая пропорція между выпускаемыми билетами и металлическимъ запасомъ, которую ему и слѣдовало бы принять? Нѣтъ; въ исключительномъ положеніи, въ которомъ онъ находится, онъ долженъ постоянно искать наилучшую пропорцію и не находитъ ея никогда (*). Уже много попытокъ было сдѣлано съ

(*) Этой мысли соотвѣтствуетъ билль, представленный сэромъ Робертомъ Пилемъ и принятый парламентомъ въ 1844 году. Этимъ биллемъ *maximum* выпуска билетовъ банкомъ опредѣленъ въ 14 милл. фунт. стерл., цифра, равняющаяся капиталу банка (мы уже видѣли, что этотъ капиталъ помѣщенъ весь въ государственныхъ фондахъ). Болѣе этого предѣла банкъ не можетъ выпускать би-

этою цѣлью, но постоянно безъ успѣха. Какою пропорціею ни опредѣляли бы металлическій запасъ банка, но какъ этотъ запасъ можетъ ежеминутно быть весь истраченъ, то Лондонскій банкъ будетъ всегда на волосъ отъ катастрофы. Это происходитъ отъ кореннаго, неисправимаго недостатка Лондонскаго банка, заключающагося не только въ отсутствіи собственнаго капитала, но и въ ненормальномъ положеніи его, вслѣдствіе привиллегіи, которою онъ пользуется.

Что же нужно дѣлать, чтобы устроить выпускъ банками билетовъ такимъ-образомъ, чтобы оно не представляло никакой опасности. Единственно предоставить все конкуренціи, которая удержитъ всякаго въ должныхъ предѣлахъ. Какъ трудно, чтобы не сказать невозможно, управлять при господствѣ привилегіи выпусками билетовъ и учетами, такъ легко это дѣлается при свободѣ. Законодателю и не приходится принимать никакихъ предосторожностей, такъ-какъ все устраивается само собою, сообразно съ потребностями мѣста и времени.

Мы тотчасъ же постараемся доказать это; но предварительно окончимъ очеркъ основаній банковыхъ операцій, которыя не были до-сихъ-поръ разсмотрѣны еще съ достаточною полнотою.

§ III. Процентные вклады.—Ссуда наличными деньгами.

Въ первой главѣ мы видѣли, что дѣйствія депозитныхъ (сохранныхъ) банковъ бываютъ различны, но что одинъ только способъ дѣйствія соотвѣтствуетъ настоящему развитію и потребностямъ народовъ, именно способъ, введенный впервые въ употребленіе шотландскими банками. Онъ состоитъ въ принятіи всѣхъ де-

---

летовъ безъ соотвѣтствующаго увеличенія металлическаго запаса. Извѣстно, что этотъ законъ былъ пріостановленъ, лишь только вступилъ въ силу. Намъ кажется, что онъ не оправдываетъ теорію и не можетъ быть соблюденъ на практикѣ; но здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ вопросъ.

нежныхъ вкладовъ и въ употребленіи ихъ на операціи банка, какъ-будто бы эти капиталы ему принадлежатъ, съ обязанностію возвратить ихъ при востребованіи и уплатою процентовъ, цифра которыхъ мѣняется сообразно съ временемъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, дѣйствія банковъ и частныхъ банкировъ различаются только по формѣ, сущность ихъ та же. Учетомъ торговыхъ бумагъ и выпускомъ билетовъ банки сдѣлались посредниками между негоціантами; принятіемъ вкладовъ они становятся посредниками между сими послѣдними и капиталистами. И эта операція банковъ носитъ отпечатокъ преимуществъ, проистекающихъ изъ ихъ устройства. Частные банкиры принимаютъ вклады отъ ограниченнаго числа кліентовъ довольно большими суммами на особенныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ почти при всякомъ отдѣльномъ случаѣ и обязуются возвращать ихъ подъ условіемъ предварительнаго извѣщенія, между-тѣмъ какъ банки принимаютъ ихъ изъ всякихъ рукъ, въ большомъ и въ маломъ количествѣ, на общихъ однообразныхъ условіяхъ и обязуются возвратить ихъ при первомъ востребованіи. Эти различія всѣ въ пользу банковъ и объясняются значительностію ихъ собственныхъ капиталовъ и обширностью ихъ операцій.

Однако и банкамъ нѣтъ препятствія установить различіе между капиталами. Одни, по свойству своему, вкладываются на непродолжительное время; таковы, напримѣръ, капиталы, которые вносятъ въ банкъ негоціанты, имѣющіе съ ними текущіе счеты, чтобы не хранить ихъ въ своей кассѣ, и которые они берутъ назадъ по мѣрѣ надобности; другіе капиталы имѣютъ характеръ болѣе постоянный; таковы, напримѣръ, суммы сбереженій, которыя помѣщаются въ банки съ цѣлью увеличенія капитала. Ничто не препятствуетъ, какъ мы сказали, сдѣлать между этими капиталами различіе, давая за послѣдніе большій процентъ, но съ условіемъ возвращенія ихъ не иначе, какъ по предварительномъ извѣщеніи. Это различіе, допущенное, какъ намъ кажется, банками Шотландіи и Соединенныхъ-Штатовъ, не разрушаетъ общаго принципа. Довольствуясь меньшимъ про-

центомъ, всякій можетъ оставить за собою право располагать своимъ вкладомъ по произволу.

Съ перваго взгляда кажется, что банку опасно отягощать себя массою вкладовъ, которые онъ обязуется возвращать по востребованію. Очевидно, онъ долженъ употреблять ихъ въ свою пользу для учета или другой цѣли, иначе онъ не будетъ въ состояніи платить проценты. Если же онъ ихъ пуститъ въ оборотъ для собственнаго употребленія, то что же будетъ дѣлать онъ, когда вкладчики, движимые злоумышленностію или паническимъ страхомъ, въ массѣ потребуютъ свои вклады обратно. Дѣйствительно, можно задать себѣ этотъ вопросъ и опасность кажется очень существенна. Опытъ доказалъ, однако, что эта опасность представляется только въ исключительныхъ случаяхъ, что легко понять: нужно всегда предполагать, что банкъ дѣйствуетъ въ большихъ размѣрахъ и число его вкладчиковъ очень значительно, потому-что подобныя операціи возможны только при такомъ условіи. Если такъ, злоумышленность, какъ бы она ни была сильна, не можетъ произвести на большое число людей внезапное впечатлѣніе; затѣмъ она не можетъ дѣйствовать на нихъ такъ скрытно, чтобы ея дѣйствія остались совершенною тайною. Такимъ-образомъ банкъ всегда можетъ быть предупрежденъ заранѣе для принятія надлежащихъ мѣръ. Что же касается до заговоровъ, участниками ихъ можетъ быть только малое число людей, по этому по величинѣ количества вкладовъ они всегда будутъ безплодны и банку нечего ихъ опасаться, если онъ будетъ всегда, какъ слѣдуетъ, на стражѣ, сохраняя въ наличности значительную часть вкладовъ. Не болѣе опасенъ паническій страхъ; онъ никогда не бываетъ такъ внезапенъ и не овладѣваетъ всѣми вдругъ, какъ предполагаютъ; нѣкоторые симптомы всегда предшествуютъ ему, и банкъ правильно устроенный и хорошо управляемый, всегда имѣетъ возможность ихъ парализировать. Нужно взять во вниманіе, что страхъ, какая бы ни была его причина, уравновѣшивается въ подобномъ случаѣ частнымъ интересомъ, который совѣтуетъ не брать капитала изъ банка, гдѣ онъ произ-

водителенъ, чтобы не остаться безъ процентовъ, тѣмъ болѣе, если требованіе вкладовъ всеобщее, потому-что тогда еще труднѣе будетъ найти помѣщеніе капиталу при столькихъ свободныхъ капиталахъ. Вотъ вслѣдствіе чего панический страхъ, когда ему нѣтъ серьёзнаго основанія, останавливается въ своемъ развитіи. Вотъ почему никогда никакой панический страхъ не поколебалъ хорошо организованнаго банка; дѣйствіе его вредитъ только банкамъ, въ устройствѣ которыхъ кроется начало безпорядковъ, выводимый кризисомъ наружу и основательно пугающій публику.

Тѣмъ не менѣе повторяемъ, есть обстоятельства, при которыхъ опасность очевидна; но при какихъ условіяхъ. Во-первыхъ, когда въ банкѣ, если онъ не платитъ на вклады процентовъ, находятся только цѣнности временно праздныя въ ожиданіи помѣщенія. Въ этомъ положеніи находятся банки Лондонскій и Французскій. Во-вторыхъ, когда масса вкладовъ превзойдетъ границы, такъ что станутъ отягощать банкъ. Въ такомъ положеніи находится сохранная казна во Франціи и особенно сохранныя казны шотландскихъ банковъ.

Такъ-какъ Лондонскій банкъ не платитъ процентовъ на вклады (которые онъ однако употребляетъ съ большою пользою при учетахъ), очевидно, что они вносятся въ него не для помѣщенія въ немъ. Ихъ никогда не вкладываютъ съ цѣлью оставить на долго, но только въ ожиданіи случая помѣстить ихъ куда-нибудь. Сумма ихъ однако значительна и простирается до 12 милл. фунт. стерл., потому-что вслѣдствіе дѣятельности англійской производительности, капиталы въ Англіи составляются быстро и потому-что нѣтъ другаго болѣе правильнаго средства для ихъ помѣщенія (*). Это послѣднее обстоятельство указываетъ на одно изъ самыхъ важныхъ несовершенствъ системы банковъ,

---

(*) Есть еще другая причина значительности вкладовъ Лондонскаго и Парижскаго банковъ: а именно биржевая игра, требующая большихъ и постоянно свободныхъ капиталовъ, ожидающихъ прибыли не въ правильномъ помѣщеніи.
К. Є.

Слѣдовательно, такъ-какъ капиталы накопляются быстрѣе нежели представляются средства помѣщенія ихъ, они временно вносятся въ кассы банковъ и остаются тамъ только до перваго случая, потому-что считаютъ ихъ тамъ въ большой сохранности. Представляется случай, подписки на акціи желѣзной дороги, или что-нибудь въ этомъ родѣ; капиталы вдругъ требуются изъ банка и касса его быстро опустошается. Вотъ почему часто кассы англійскихъ банковъ, даже въ хорошія времена, вдругъ истощаются. Къ этому впослѣдствіи примѣшивается паническій страхъ, который усиливаетъ и распространяетъ зло.

Въ Шотландіи обстоятельства совершенно другія; хотя банки ея имѣютъ въ сущности подобный же недостатокъ. Такъ-какъ банки ея платятъ проценты на вклады, то послѣдніе дѣйствительно вносятся въ нихъ для помѣщенія. Поэтому и требованія ихъ обратно не такъ часты и внезапны. Къ несчастію, проценты эти очень незначительны; между-тѣмъ сумма вкладовъ огромная. Въ 1736 году она равнялась 20 милл. фунт. стерл. (125,000,000 руб.) (*). Что же касается до платимаго банкомъ вкладчикамъ процента, то, стоявъ долгое время на $4^0/_0$, лѣтъ двадцать тому назадъ онъ упалъ до $2^1/_2{}^0/_0$; что объясняется постояннымъ накопленіемъ вкладовъ. Не находя имъ болѣе помѣщенія въ своей странѣ, шотландскіе банки принуждены отсылать бо́льшую часть ихъ въ Лондонъ, гдѣ за неимѣніемъ другаго помѣщенія, они превращали ихъ въ государственныя ренты, которыя сами приносятъ очень незначительный процентъ. Какъ бы то ни было, незначительность платимаго банками процента не прикрѣпляетъ вклады. По счастію, духъ спекуляціи менѣе развитъ въ Шотландіи, чѣмъ въ Лондонѣ и внезапныя предпріятія рѣдки. Несмотря на это часто случалось, что

(*) Макъ-Коллокъ въ своемъ *Торговомъ словарѣ* (*Dictionnaire du commerce*) считаетъ сумму эту въ 24 милл. фунт. стерл. въ 1831 году. Мы выше видѣли, что М. Ж. Уильсонъ въ 1847 году цѣнилъ ее въ 30 милл. фунт. стерл. Приводимая нами цифра взята изъ оффиціальныхъ разъисканій парламента въ 1836 г.

вкладчики массою требовали обратно вкладовъ и банки были вынуждены продавать часть фондовъ въ Лондонѣ, вдругъ съ большими потерями для себя и ущербомъ для страны.

Нужно ли указывать, что и въ этомъ случаѣ потеря происходитъ только отъ недостатка въ правильныхъ и разнообразныхъ способахъ помѣщенія капиталовъ. Еслибы средства къ этому были обширнѣе, масса вкладовъ не была бы такъ велика и процентъ на нихъ неизбѣжно бы поднялся, что отстраняло бы съ двухъ сторонъ кризисъ. Что же касается до причинъ ограничивающихъ употребленіе этихъ фондовъ, мы ихъ разсмотримъ впослѣдствіи.

Съ той минуты, какъ банкъ принимаетъ процентные вклады, онъ увеличиваетъ свои средства. Онъ расширяетъ горизонтъ своихъ дѣйствій и получаетъ возможность предпринимать операціи, которыя были бы ему недоступны, еслибы онъ ограничивался однимъ выпускомъ билетовъ. Такимъ-образомъ банки, почти постоянно принимая систему процентныхъ вкладовъ, обыкновенно открываютъ негоціантамъ кредитъ наличными деньгами. Операція эта сходна съ операціею учета, какъ способъ доставленія капиталовъ торговлѣ, но по формѣ и, во многихъ отношеніяхъ, по сущности эти способы различны. Учету предшествуетъ коммерческая операція, выразившаяся въ векселѣ, въ которой банкъ уже послѣ этого становится посредникомъ. При учетѣ, вмѣсто своего капитала, банкъ получаетъ вексель; при открытомъ кредитѣ, онъ выдаетъ деньги или билеты, ничего самъ не получая. Прибавимъ еще, что, въ первомъ случаѣ, выдаваемая сумма гарантирована двумя подписями; во второмъ банкъ ограничивается простою гарантіею одного негоціанта.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что такой способъ поддержки промышленности въ сущности опаснѣе операціи учетовъ, и потому нужно пользоваться имъ съ большею осторожностію. Разсмотримъ сперва представляемыя имъ выгоды.

Вообще банку не слѣдуетъ прямо ссужать промышленность капиталами; притомъ онъ не можетъ этого выполнить съ поль-

зою для публики, выгодою и безопасностью для себя. По этому кажется, что такія ссуды должны быть осуждены въ самомъ ихъ принципѣ; и это справедливо. Между-тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ изъ нихъ можетъ быть сдѣлано очень полезное употребленіе. Вотъ какимъ-образомъ; всякому извѣстно, что, кто занимается торговлею, тотъ обыкновенно имѣетъ въ своей кассѣ извѣстную сумму для непредвидимыхъ расходовъ. Она служитъ къ уплатѣ пущенныхъ въ оборотъ векселей, которые могутъ быть возвращены назадъ по несостоятельности векселедателя и счетовъ, которые могутъ быть внезапно представлены, словомъ, для всѣхъ неожиданныхъ потребностей. Ни одинъ негоціантъ не останется безъ такого запаснаго капитала, да и самое простое благоразуміе не дозволитъ ему этого. Обязательство непріятное для негоціанта, потому-что этимъ онъ лишается части своихъ средствъ. Въ то же время оно составляетъ значительную потерю для своей страны, потому-что такимъ-образомъ пропадаетъ разсѣянный по всѣмъ кассамъ очень значительный капиталъ. Въ этомъ случаѣ, содѣйствіе банка можетъ оказать большую пользу посредствомъ ссудъ наличными деньгами; онъ можетъ уничтожить все происходящее отъ этого зло, не подвергаясь никакой опасности. Онъ открываетъ каждому негоціанту, къ которому имѣетъ довѣріе, кредитъ, вслѣдствіе чего сей послѣдній можетъ во всякое время получить отъ него опредѣленную сумму. Кредитъ этотъ не долженъ быть такъ великъ, чтобы негоціантъ могъ воспользоваться имъ для какого-нибудь предпріятія, но достаточенъ для покрытія всѣхъ непредвидимыхъ расходовъ. При этомъ уже негоціанту болѣе не нужно имѣть сохранный фондъ и онъ можетъ употребить съ пользою весь свой капиталъ.

Къ тѣмъ же самымъ результатамъ приходятъ, если негоціантъ, вмѣсто того чтобы пользоваться открываемымъ ему банкомъ кредитомъ, вноситъ ему для текущаго счета сумму, которую онъ хочетъ имѣть въ запасѣ. Такъ, какъ капиталы банка не остаются по бо́льшей части мертвыми, то и въ этомъ случаѣ нѣтъ потеряннаго капитала. Разница въ томъ, что въ семъ послѣд-

немъ случаѣ негоціантъ ссужаетъ банкъ своимъ запаснымъ капиталомъ, который онъ отдѣляетъ отъ оборотнаго капитала, тогда какъ въ первомъ случаѣ банкъ дѣлаетъ ссуды изъ вкладовъ, внесенныхъ въ него для помѣщенія.

При операціи ссудъ наличными деньгами, банкъ долженъ старательно избѣгать большаго увеличенія долга одного и того же лица. Онъ долженъ принять за правило: не расширять предѣловъ кредита и по возможности ограничивать продолжительность ссудъ, назначая краткій срокъ для ихъ возвращенія. Вообще, повторимъ еще разъ, кредитъ, открываемый банкомъ, имѣетъ цѣлью только доставить возможность негоціанту покрыть непредвидѣнные расходы. Банкъ не долженъ дозволять, чтобы кто-нибудь изъ пользующихся имъ лицъ употреблялъ въ оборотъ получаемыя ссуды; такимъ-образомъ банкъ можетъ поставить себя въ зависимость отъ своихъ должниковъ, потому-что для него было бы необходимо въ видахъ своего же интереса поддерживать ихъ, и они сами придутъ въ полную зависимость отъ банка, потому-что ихъ существованіе будетъ зависѣть отъ его воли или каприза: обоюдная зависимость, которая сдѣлается источникомъ большихъ золъ. Вотъ еще одно изъ злоупотребленій администраціи шотландскихъ банковъ, происходящее изъ того же источника, какъ и указанный нами излишекъ вкладовъ.

Если подобныя операціи не соотвѣтствуютъ цѣли банковъ, тѣмъ менѣе слѣдуетъ ему дѣлать ссуды торговымъ домамъ или промышленнымъ заведеніямъ. Это дѣло капиталиста, который, имѣя свободные на долгое время капиталы, старается выгодно помѣстить ихъ, а не банка—у котораго нѣтъ свободныхъ для помѣщенія капиталовъ. У банка собственно есть только запасный капиталъ, который онъ и долженъ хранить у себя по мѣрѣ возможности; онъ дѣйствуетъ болѣе своимъ кредитомъ, нежели капиталомъ. Развѣ понятіе о кредитѣ соотвѣтствуетъ понятію о долговременномъ помѣщеніи капитала; это даже противно разсудку. Слѣдовательно, учрежденіе коммандитныхъ компаній для ссуды промышленности капиталами, есть ошибка до-

казанная опытомъ. Изъ всѣхъ основанныхъ компаній ни одна почти не имѣла успѣха. Если нѣкоторые и поддерживали свое существованіе, то потому только, что съ этими ложными операціями они соединяли и другія, болѣе правильно устроенныя, которыя въ извѣстной степени парализировали этотъ недостатокъ. Но даже и въ этомъ случаѣ въ нихъ скрывалась ошибка. Этотъ упрекъ можно сдѣлать бельгійскимъ банкамъ, которые тѣмъ не менѣе оказали большія услуги своей странѣ.

Это самое разсужденіе примѣняется и къ земледѣльческимъ банкамъ, учрежденнымъ съ спеціальною цѣлью поощрять земледѣліе и дѣлать ссуды земледѣльцамъ. Оборотъ капиталовъ такъ медленъ въ земледѣліи, и по своему положенію, земледѣльцы такъ удалены отъ торговаго движенія, что могутъ заключать обязательства только на отдаленные сроки, — условіе діаметрально противоположное понятію о хорошемъ устройствѣ банковъ. Можно назвать много земледѣльческихъ банковъ, которые закрывались иногда при весьма благопріятныхъ, повидимому, условіяхъ и съ активнымъ капиталомъ, значительно превышавшимъ сумму ихъ обязательствъ: мы не знаемъ ни одного, который находился бы въ блестящемъ положеніи.

Впрочемъ ошибаются тѣ, которые хотятъ учредить для земледѣлія особыя кредитныя учрежденія; дайте кредиту большое развитіе въ городахъ и будьте увѣрены, что тогда онъ распространится между земледѣльцами, если не прямо, то чрезъ посредничество, если только движеніе земледѣльческихъ продуктовъ внутри и внѣ страны будетъ пользоваться достаточною свободою для того, чтобы продукты эти могли сдѣлаться предметами торговли и спекуляцій въ городахъ.

Въ этой главѣ мы старались изложить истинные принципы банковой системы; остается разсмотрѣть дѣйствія этихъ принциповъ на практикѣ; въ послѣдней мы увидимъ ясное подтвержденіе высказанныхъ нами истинъ.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КОММЕРЧЕСКІЕ КРИЗИСЫ. — ЕДИНСТВО И МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ БАНКОВЪ. — ПРИВИЛЕГІЯ И СВОБОДА.

§ I. Единство и многочисленность банковъ.

Такъ-какъ до настоящаго времени учрежденіе банковъ почти повсюду сопровождалось болѣе или менѣе важными потрясеніями, сдѣлавшимися въ нѣкоторыхъ странахъ почти періодическими, то распространилось мнѣніе, что подобные пагубные случаи составляютъ неизбѣжный результатъ ихъ учрежденія.

Отправляясь отъ этой идеи по довольно логической послѣдовательности, приходятъ къ тому предположенію, что умноженіе этихъ учрежденій необходимо повлечетъ за собою еще болѣе сильныя потрясенія. Если даже одинъ банкъ, учрежденный напримѣръ въ Лондонѣ или Парижѣ, одаренный особыми привилегіями и дѣйствующій подъ контролемъ правительства, даже невольно, однимъ только выпускомъ своихъ билетовъ и учетами, дѣлается причиною или поводомъ къ такимъ ужаснымъ несчастіямъ, то чего можно ожидать, если въ одномъ и томъ же мѣстѣ будетъ учреждено нѣсколько банковъ, которые войдутъ въ соперничество другъ съ другомъ. Несомнѣнно, что они, одинъ передъ другимъ, будутъ стараться придать торговлѣ лихорадочное напряженіе, опас-

ность котораго опытъ уже столько разъ показалъ на дѣлѣ. Тогда жажда спекуляціи и безумное *обремененіе рынка* (*over-trade*), отъ времени до времени увлекающія умы всѣхъ, сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ страны. Тогда будетъ слѣдовать кризисъ за кризисомъ, паденіе за паденіемъ, до окончательнаго разрушенія общественнаго кредита и всѣхъ частныхъ учрежденій. Потому-то многіе тревожатся при одной мысли о томъ, что привиллегіи банка будутъ распространены и на новыя учрежденія подобнаго рода. Что же касается до мысли: возвѣстить полную свободу этихъ учрежденій и позволить учреждать подобныя всякому желающему, то можно быть увѣреннымъ, что она покажется весьма многимъ—чудовищнымъ безуміемъ.

Но что́ бы сказали, еслибъ было доказано изъ практики и теоріи, что все зло и заключается именно: въ исключительныхъ привилегіяхъ банка; что коммерческіе кризисы вообще не имѣютъ другаго начала, и что единственное лекарство противъ нихъ и заключается именно въ свободѣ, которую всѣ отвергаютъ.

Правда въ 1840 году, Тьеръ, бывшій тогда президентомъ совѣта и министромъ, говорилъ другое во время преній относительно возобновленія привилегій Французскаго банка; по словамъ этого министра опытъ доказалъ, что два или три банка не могутъ, безъ большой опасности, дѣйствовать совмѣстно въ одномъ и томъ же городѣ, и что эта конкуренція и для страны и для нихъ самихъ сдѣлалась бы источникомъ важныхъ затрудненій и почти всегда была бы для нихъ гибельна. Но напрасно бы мы старались отъискивать такой примѣръ въ исторіи, мы не знаемъ на какихъ фактахъ основано это увѣреніе. Жаль, что г. Тьеръ не почелъ за нужное сказать, въ какой части свѣта опытъ доказалъ справедливость его словъ; мы съ своей стороны не знаемъ ни одной страны, гдѣ бы опытъ не доказалъ противнаго.

Еще въ прошедшемъ вѣкѣ Адамъ Смитъ, не бывшій пламеннымъ приверженцемъ банковъ, замѣтилъ, что учрежденія, осно-

ванныя въ Шотландіи, дѣлались тверже, прочнѣе и правильнѣе въ своихъ оборотахъ по мѣрѣ того, какъ число ихъ увеличивалось. Безопасность публики,—говоритъ онъ,—не только не уменьшалась, но напротивъ, увеличилась съ недавнимъ умноженіемъ числа банковыхъ обществъ въ Соединенномъ королевствѣ Англіи и Шотландіи — событіе, возбудившіе въ началѣ всеобщія опасенія(*). А между-тѣмъ банки, учрежденные въ Собственной Англіи, были тогда основаны на весьма неудовлетворительныхъ началахъ, такъ-какъ по силѣ закона 1708 года, бывшаго въ то время еще въ дѣйствіи, они не могли имѣть болѣе шести компаніоновъ, что́ не позволяло имъ пріобрѣсти полноту необходимую для подобныхъ учрежденій.

Событія, происходившія впослѣдствіи въ Англіи и въ-особенности въ Шотландіи, только подтвердили эти вѣрныя соображенія.

Нигдѣ на свѣтѣ банки не дѣйствуютъ съ такою правильностью и безопасностью для публики и для самихъ себя, какъ въ части Соединенныхъ Штатовъ, называемой обыкновенно *Новою-Англіею* и заключающей въ себѣ шесть Штатовъ: Родъ-Эйландъ, Массачусетсъ, Мэнъ, Ньюгемпшайеръ, Вермонтъ и Коннектикетъ. Съ другой стороны, нигдѣ не господствуетъ такая полная свобода въ учрежденіи банковъ сравнительно съ числомъ народонаселенія. Въ 1830 году, по таблицамъ, составленнымъ тогда г. Галлатеномъ, бывшимъ министромъ Соединенныхъ Штатовъ, въ этой части Американскаго Союза считалось 172 банка на общее число народонаселенія въ 1,862,000 душъ; слѣдственно, среднимъ числомъ на 10,725 жителей приходилось по одному банку. Между шестью помянутыми штатами два: Родъ-Эйландъ и Массачусетсъ отличаются еще бо́льшею терпимостью, такъ-что, собственно говоря, въ нихъ не существуетъ никакихъ ограниченій относительно банковъ. Въ Массачусетсѣ существуетъ только подать по $1^{0}/_{0}$, взимаемая въ пользу штата съ налична-

---

(*) «Богатство народовъ». Кн. II, гл. 2. (*Richesse des nations, liv. II, chap.* 2.)

го капитала банка; а въ Родъ-Эйландѣ нѣтъ даже и этой подати. Вслѣдствіе чего, число банковъ тамъ сравнительно еще значительнѣе, чѣмъ въ другихъ штатахъ, такъ-что на 6,200 жителей приходится одинъ банкъ; и замѣчательно, что именно въ этихъ двухъ штатахъ народонаселеніе потерпѣло менѣе всего отъ гибельныхъ потрясеній, столько разъ колебавшихъ торговый міръ.

Можно сказать, что въ-особенности въ Родъ-Эйландѣ банки встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ 1830 году ихъ считалось не менѣе 47 (*) на народонаселеніе въ 97,000 человѣкъ,—что даетъ почти баснословную пропорцію одного банка на 2,064 человѣка (**). Такимъ-образомъ для установленія подобной же пропорціи, во Франціи потребовалось бы 16,000 такихъ банковъ. Но быть можетъ при такомъ развитіи кредитныхъ учрежденій эта маленькая страна болѣе другихъ подвержена нравственнымъ недугамъ, отъ которыхъ происходятъ кризисы? Нисколько; напротивъ-того, она болѣе прочихъ свободна отъ нихъ. Само собою разумѣется, что кредитъ тамъ очень обширенъ, капиталы находятся въ изобиліи, требованіе на работу сильно, производительность весьма дѣятельна, и потому можно сказать, что населеніе этого края пользуется наибольшею долею матерьяльнаго благосостоянія, какою только человѣку суждено наслаждаться; но спекуляція не впадаетъ тамъ въ опасное излишество.

(*) Число это должно было увеличиться послѣ 1830 года, какъ и въ остальныхъ частяхъ Союза, гдѣ еще въ 1838 году оно удвоилось.

(**) Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы капиталъ этихъ банковъ былъ незначителенъ. Въ 1830 году сумма капиталовъ всѣхъ родъ-эйландскихъ банковъ простиралась до 6,118,000 долларовъ (8,250,000 руб. сер.); цифра весьма значительная, сравнительно съ числомъ народонаселенія. Изъ этого можно заключить, что среднимъ числомъ капиталъ каждаго изъ этихъ учрежденій, находящихся большею частью въ очень маленькихъ мѣстечкахъ, доходитъ до 175,800 р. сер. Если прибавить къ этому, что въ то время и центральный банкъ, называемый банкомъ *Соединенныхъ Штатовъ*, учреждалъ свои конторы въ Родъ-Эйландѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ *Новой Англіи*, то изъ одного этого можно составить себѣ понятіе о могущественномъ дѣйствіи банковъ. Изъ приведенныхъ нами цифръ можно также судить о несравненномъ богатствѣ этой маленькой страны.

Торговля тамъ весьма предпріимчива, но въ то же время очень правильна и даже въ самыхъ сильныхъ своихъ предпріятіяхъ она не увлекается за предѣлы возможнаго. А въ-особенности обращеніе банковыхъ билетовъ тамъ соразмѣреннѣе, осторожнѣе и правильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ земнаго шара. Если торговля этого края и подвергалась потрясеніямъ, то подобные случаи происходили единственно потому, что она не могла совершенно не чувствовать отраженія кризисовъ, исходная точка которыхъ была въ другомъ мѣстѣ.

Слѣдственно мнѣніе, что многочисленность банковъ есть источникъ безпорядковъ—ложно; напротивъ-того, это есть предохранительное средство отъ послѣднихъ. На самомъ дѣлѣ, гдѣ всегда начинались коммерческія потрясенія? Въ Лондонѣ или въ Парижѣ; тамъ, гдѣ существуютъ банки, одаренные исключительными привилегіями. Вотъ гдѣ скрывается обыкновенно ихъ зародышъ. Кризисы развиваются всегда тамъ, и на далекое разстояніе распространяютъ свои гибельныя опустошенія. Правда, иногда значительная часть падала и на Американскій Союзъ, въособенности въ то время, когда онъ имѣлъ свой центральный, привилегированный банкъ и когда въ большинствѣ штатовъ, входящихъ въ его составъ, ограниченія относительно учрежденія банковъ были очень многочисленны; но несомнѣнно то, что главными центрами этихъ безпорядковъ бы. всегда во-первыхъ Лондонъ, а во-вторыхъ Парижъ.

Мы постараемся объяснить то, что намъ показалъ опытъ. Мы покажемъ, какъ пользованіе привилегіею почти всегда влечетъ неизбѣжно къ зарожденію періодическихъ кризисовъ. Изъ того, что мы скажемъ, читатель также изъяснитъ себѣ характеръ этихъ потрясеній, о которыхъ вообще господствуетъ въ публикѣ ложное понятіе. Чтобы выставить идею въ полномъ свѣтѣ, мы рѣшились прибѣгнуть къ ипотезѣ, т.-е. представить себѣ какой-нибудь банкъ, пользующійся исключительною привилкегіею, для того, чтобы показать, какъ онъ, вслѣдствіе однихъ только привилегій, необходимо влечетъ за собою торго-

вый кризисъ. Затѣмъ остается представить нашимъ читателямъ картину важнѣйшихъ кризисовъ въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, чтобы показать въ какой мѣрѣ выведенная ипотеза оправдывается дѣйствительностію.

§ II. Обороты привилегированнаго банка. — Зарожденіе кризиса.

Предположимъ, что въ столицѣ какого-нибудь обширнаго государства образуется привилегированный банкъ съ наличнымъ капиталомъ въ 60 милліоновъ франковъ. Назначеніе его дѣлать ссуды торговлѣ подъ различными наименованіями, а въ-особенности посредствомъ учета представляемыхъ ему вѣрныхъ векселей.

Если бы онъ производилъ обороты только на свой собственный капиталъ, то могъ бы обратить его весь на ссуды. Въ этомъ случаѣ, предположивъ, что онъ будетъ давать въ ссуду по 4% подъ вѣрное обезпеченіе, для избѣжанія всякой вѣроятности потери, онъ получитъ съ своего капитала воловаго дохода. . . . . 2,400,000 фр.

А за вычетомъ издержекъ на управленіе . 300,000 фр.

И того чистаго дохода . . . . . 2,100,000 фр.

Что̀ доставитъ акціонерамъ всего $3^1/_2{}^0/_0$ дивиденда.

Но такой образъ дѣйствій представляетъ также мало выгоды банку, какъ и обществу, и такъ-какъ первый имѣетъ право выпуска билетовъ *на предъявителя* и *по предъявленіи* или, другими словами, безъимянныхъ билетовъ, то онъ и пользуется этимъ правомъ. Такимъ-образомъ, вмѣсто того чтобы производить учетъ торговымъ векселямъ исключительно на звонкую монету, онъ даетъ въ обмѣнъ свои собственные билеты. Допустимъ, что этихъ билетовъ остается въ обращеніи на цѣнность, равную капиталу банка, т.-е. на 60 милл. Ссуды его также увеличатся, но не на всю эту сумму. Для того, чтобы производить платежъ по предъявленнымъ къ уплатѣ билетамъ, онъ обязанъ сохранять въ кассѣ часть своего капитала, напримѣръ 20 милл. франк.

Въ такомъ положеніи банка, вотъ какой будетъ счетъ его ссудамъ и прибыли:

Ссуды звонкою монетою . . .	40,000,000	франк.
Ссуды въ билетахъ.	60,000,000	
Итого . .	100,000,000	франк.
Процентовъ по 4 на сто	4,000,000	
А за вычетомъ издержекъ по управленію.	500,000	
Остается . .	3,500,000	франковъ

прибыли или $5^{8}/_{10}$ % на капиталъ въ 60 милл.

Между-тѣмъ выпускъ банковыхъ билетовъ въ обращеніе, увеличивая сумму ссудъ банка торговлѣ, оказалъ нѣкоторое вліяніе и на распредѣленіе капитала; онъ сдѣлалъ свободною часть звонкой монеты, имѣвшей прежде это назначеніе. Банкъ, вступивъ въ соперничество съ капиталистами, дававшими свои капиталы въ ссуду торговлѣ или непосредственно, или чрезъ банкировъ, произвелъ перемѣщеніе ихъ капиталовъ. Безъ-сомнѣнія общая сумма ссудъ торговли увеличилась, но не въ такой пропорціи какъ капиталы. Кромѣ-того частныя лица, занимающіяся учетомъ, не могутъ дѣлать ссуды на одинаковыхъ условіяхъ съ банкомъ; и послѣдній, даже при равенствѣ условій, будетъ всегда имѣть предъ ними преимущество. Поэтому является извѣстная масса капиталовъ, которая вытѣсняется и должна искать себѣ другаго помѣщенія. Что происходитъ съ нею? Часть ихъ обращается на биржу и ищетъ помѣщенія въ государственной рентѣ, курсъ которой естественно поднимается; другая часть употребляется на покупку облигацій государственнаго казначейства (*bons du trésor*) и всѣхъ общественныхъ цѣнностей, представляющихъ достаточное обезпеченіе. Тѣмъ не менѣе, такъ-какъ сумма этихъ цѣнностей неизмѣнчива и не увеличивается по мѣрѣ требованія, то всегда остается нѣкоторое количество свободныхъ капиталовъ, ненашедшихъ себѣ помѣщенія. Нѣкоторые изъ обладателей этихъ капиталовъ, не находя для нихъ тотчасъ же употребленія,

или, не считая для себя довольно выгоднымъ помѣщеніе ихъ въ настоящее время, отдаютъ свои деньги въ банкъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго случая. Такимъ-образомъ, металлическій запасъ банка увеличивается вкладомъ нѣкоторой части капиталовъ, вытѣсненныхъ имъ изъ обращенія; онъ возвышается тогда напримѣръ съ 20 до 50 милл. франк., изъ которыхъ 30 милл. принадлежатъ вкладчикамъ.

Если слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ этого перемѣщенія, можно увидѣть, что оно должно логическимъ рядомъ послѣдствій привести къ неизбѣжному кризису.

Подкрѣпленный, по-крайней-мѣрѣ по наружности, приливомъ чужихъ капиталовъ, сумма которыхъ въ обыкновенное время остается довольно постоянною, и не желая оставлять въ бездѣйствіи всю эту безполезную массу звонкой монеты, банкъ увеличиваетъ количество своихъ ссудъ. Онъ дѣлаетъ еще шагъ, онъ помѣщаетъ 10 милліоновъ своего собственнаго капитала или въ государственную ренту, или въ другія подобныя цѣнности, которыя даютъ ему, наравнѣ съ учетомъ, по 4% прибыли. Тогда металлическій запасъ его уменьшается до 40 милліоновъ, изъ которыхъ собственно ему принадлежатъ только 10. Тѣмъ не менѣе съ увеличеніемъ его кредита и вліянія соотвѣтственно обращенію капиталовъ въ его рукахъ, онъ считаетъ нужнымъ еще болѣе распространить выпускъ билетовъ, и, положимъ, доводитъ число ихъ до 100 милліоновъ; такое обращеніе считается весьма нормальнымъ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ число билетовъ къ металлическому запасу находится въ пропорціи $2^1/_2$: 1.

Въ такомъ положеніи вотъ каковъ будетъ балансъ банка:

Онъ помѣстилъ, какъ въ ссуды торговлѣ, такъ и въ государственную ренту:

Звонкою монетою . . .	50,000,000
Въ билетахъ.	100,000,000
Итого . .	150,000,000 фран.

Проценты по 4 на сто . .	6,000,000
За вычетомъ издержекъ по управленію	600,000
Остается .	5,400,000 франковъ

прибыли, или 9% съ основнаго капитала.

Между-тѣмъ новый выпускъ билетовъ, сдѣланный банкомъ и постоянно возрастающее обиліе его ссудъ торговлѣ, снова увеличили массу свободной звонкой монеты-и-трудность помѣщенія капиталовъ. Конкуренція между капиталистами большими и малыми, съ каждымъ днемъ дѣлается сильнѣе-и-сильнѣе, а въ то же время не представляется новой возможности употребить въ пользу ихъ капиталы. Затрудненіе начинаетъ обнаруживаться въ нѣкоторыхъ неправильныхъ помѣщеніяхъ на биржѣ. Приливъ капиталовъ на биржѣ увеличивается: курсъ ренты возвышается и проценты понижаются; начинаетъ появляться ажіотажъ и биржевая игра привлекаетъ часть незанятыхъ капиталовъ; остальные ищутъ убѣжища въ банкѣ, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ; масса вкладовъ съ 50 милліоновъ увеличивается до 80.

Для дополненія этой картины должно присовокупить, что, по мѣрѣ того, какъ масса свободныхъ капиталовъ увеличивается у частныхъ людей, она увеличивается также и въ рукахъ государства; такъ что государственное казначейство, ведущее постоянный счетъ съ банкомъ, въ то же самое время вноситъ въ него значительный излишекъ своихъ капиталовъ. Впрочемъ обстоятельство это можно оставить и безъ вниманія, такъ-какъ въ немъ нѣтъ особенной необходимости для нашихъ вычисленій.

Когда сумма вкладовъ, ввѣренныхъ его храненію, возвысится до указанной степени, банкъ, видя, что она увеличивается вмѣсто того, чтобы умеиьшаться, не считаетъ уже себя обязаннымъ сохранять что-нибудь изъ своего собственнаго капитала. Поэтому онъ и помѣщаетъ весь свой капиталъ или въ государственную ренту или въ государственныя облигаціи, вступая, такимъ-обра-

зомъ, въ конкуренцію съ капиталистами на единственномъ поприщѣ, оставшемся для нихъ открытымъ и притомъ на ихъ же собственные капиталы. Итакъ онъ производитъ свои ссуды и учетъ на чужіе капиталы. Тѣмъ не менѣе металлическій запасъ его достигаетъ до 80 милл. франк., не считая фондовъ, помѣщенныхъ въ него государственнымъ казначействомъ. будучи въ такомъ положеніи, отчего ему не увеличить снова выпускъ билетовъ? Вслѣдствіе этого онъ увеличиваетъ количество ихъ съ 150 на 200 милліоновъ; цифра все-таки довольно нормальная, потому что находится къ металлическому запасу въ отношеніи $2^1/_2 : 1$.

Вотъ въ этомъ случаѣ балансъ ссудъ и прибыли банка:

Звонкою монетою	60,000,000	
Въ билетахъ	200,000,000	
Итого . .	260,000,000	фр.
Процентовъ по 4 на сто . . .	10,400,000	
За вычетомъ издержекъ по управленію	800,000	
Итого	9,600,000	фр.

или $16^0/_0$ на первоначальный капиталъ.

При этомъ скорѣе всего поражаетъ одно обстоятельство: возмутительное неравенство, производимое этою системою. Въ то время, какъ акціонеры банка, не подвергаясь никакой серьёзной случайности, получаютъ по $16^0/_0$ дивиденда (*), несчастные капиталисты, фонды которыхъ банкъ употребляетъ въ свою пользу, не получаютъ ничего; если съ бобьшимъ трудомъ и хлопотами они и находятъ гдѣ-нибудь невѣрное помѣщеніе, то, несмотря на многіе шансы потерь, получаютъ только весьма не-

(*) Въ нашихъ разсчетахъ нужно было бы сдѣлать небольшіе вычеты на пополненіе убытковъ; но потери эти никогда не будутъ значительны, развѣ только въ случаѣ какаго нибудь необыкновеннаго событія, такъ-какъ привилегированный банкъ вмѣсто одного требуетъ двухъ ручательствъ.

значительную прибыль. Нужно ли послѣ того говорить, что система эта поддерживаетъ ажіотажъ и биржевую игру, отнимая у капиталистовъ всякую возможность помѣщенія своихъ капиталовъ? Но для насъ важнѣе всего близкая опасность, порождаемая такимъ положеніемъ дѣлъ.

Когда выпускъ билетовъ банкомъ достигнетъ извѣстной степени, масса свободныхъ и ищущихъ помѣщенія капиталовъ становится громадною; правда, это имѣетъ мѣсто не на всемъ пространствѣ государства, потому-что нѣтъ правильныхъ способовъ для повсемѣстнаго распредѣленія ихъ, а только въ округѣ, на который банкъ имѣетъ вліяніе, и въ-особенности въ томъ городѣ, гдѣ онъ самъ находится. Въ немъ оказывается такое накопленіе капиталовъ, что капиталисты буквально не знаютъ, что́ дѣлать со своими фондами. Капиталисты большіе и малые вступаютъ въ отчаянную борьбу между собою; всѣ общественныя цѣнности падаютъ; биржа загружена золотомъ. Въ слѣдствіе этого, приливъ вкладовъ въ банкъ продолжаетъ постоянно увеличиваться. По этому нашу ипотезу можно распространить и далѣе: такъ, напримѣръ, предположимъ, что выпускъ билетовъ простирается до 250 милліоновъ, какъ во Французскомъ банкѣ, или до 400 и болѣе, какъ въ Лондонскомъ. Но достаточно сказаннаго нами, чтобы показать неизбѣжный исходъ фактовъ и читателю легко предвидѣть его послѣдствія. Коль скоро положеніе дѣлъ достигло до такой точки, можно сказать навѣрное, что моментъ кризиса приближается.

Отчего же, спросятъ насъ, вся эта излишняя звонкая монета не уходитъ за границу? Мы должны объясниться. Конечно бо́льшая часть звонкой монеты дѣйствительно уходитъ за границу, но какимъ образомъ? Не посредствомъ капиталистовъ, которымъ принадлежитъ право располагать ею,—потому-что эти капиталисты, занятые только отъискиваніемъ вокругъ себя помѣщенія для своихъ сбереженій, не имѣютъ никакихъ сношеній съ иностранными государствами; звонкая монета уходитъ за границу путемъ тор-

ЦАБ "Автограф"

говли, которую банкъ снабжаетъ монетою. Вотъ какимъ-образомъ происходитъ выходъ монеты за границу, почти безъ вѣдома самихъ торговцевъ. Вслѣдствіе изобилія звонкой монеты на рынкахъ, запросъ на товары увеличивается и цѣны возвышаются. Такъ-какъ цѣны на время становятся выше заграничныхъ, то вывозъ туземныхъ товаровъ уменьшается, а ввозъ иностранныхъ увеличивается. Разность выплачивается звонкою монетою (*) до-тѣхъ-поръ, пока не исчезнетъ излишекъ послѣдней.

Самъ по себѣ вывозъ звонкой монеты не составлялъ бы еще зла, напротивъ-того, онъ былъ бы истиннымъ благодѣяніемъ. Вмѣсто-того, чтобы безполезно держать въ своихъ рукахъ всю массу безплодной монеты, торговля обратила бы ее за границею въ сырыя произведенія машины, разнаго рода товары, которые вошли бы въ составъ производительныхъ капиталовъ страны. Что́ можетъ быть благопріятнѣе для развитія всеобщаго благосостоянія! Къ-несчастію по нашей ипотезѣ вывезенная звонкая монета остается принадлежностью капиталистовъ, которые положили ее на время въ банкъ, или отдали въ руки своихъ частныхъ банкировъ; она можетъ быть ежеминутно потребована ими обратно, и конечно будетъ вытребована, если имъ представится удобный къ тому случай. Тогда понадобится возвращать ее издалека, а извѣстно, съ какими трудностями это бываетъ сопряжено. Такимъ-образомъ вывозъ звонкой монеты, который при другихъ обстоятельствахъ

(*) Въ этомъ то положеніи вексельный заграничный курсъ и становится невыгоднымъ; обстоятельство, хотя не понятое англійскимъ парламентомъ, но на которое послѣдній обратилъ особенное вниманіе свое во время представленія билля, относительно ограниченія выпуска банковыхъ билетовъ въ 1844 году, и которое сэръ Робертъ Пиль употребилъ во зло, пользуясь незнаніемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ парламента. На самомъ дѣлѣ этотъ невыгодный курсъ есть признакъ возрастающаго благосостоянія, по этому то онъ и обнаруживается только въ хорошіе годы. Однако съ другой стороны совершенно справедливо и то, что вслѣдствіе монополіи банка и происходящей отъ него чисто искусственной системы кредита, этотъ признакъ дѣйствительнаго благосостоянія почти всегда становится предвѣстникомъ какого нибудь великаго бѣдствія.

ЦАБ "Автограф"

былъ бы источникомъ большихъ выгодъ, въ этомъ случаѣ дѣлается причиною большой опасности.

Какъ бы то ни было, ясно, что вывозъ звонкой монеты за границу не измѣняетъ нисколько положенія дѣлъ въ томъ смыслѣ, что́ нисколько не уменьшаетъ числа капиталовъ, ищущихъ помѣщеніе. Если въ дѣйствительности капиталисты и не имѣютъ въ рукахъ этой звонкой монеты, то все-таки они убѣждены, что имѣютъ ее или въ кладовыхъ банка, гдѣ они тотчасъ же могутъ получить ее обратно, или въ кассахъ банкировъ, откуда они также могутъ вынуть ее, и въ очень краткіе сроки. Потому они находятся въ затрудненіи, такъ что вывозъ за границу золота не только не исправилъ неудобство излишняго накопленія звонкой монеты, но присоединилъ еще къ тому новую опасность.

Дѣйствительно, наступаетъ моментъ, когда накопленіе капиталовъ на какомъ-нибудь рынкѣ достигаетъ такихъ размѣровъ, что является необходимость во что́ бы то ни стало найти имъ употребленіе. Сберегающіе капиталы не могутъ рѣшиться на то, чтобы никогда не получать процентовъ или, посредствомъ случайнаго помѣщенія, получать на нихъ какіе-нибудь $2^1/_2$ или 3 процента, потому они громко требуютъ сбыта, котораго сами не могутъ найти. Тогда весьма просто, на помощь имъ являются прожектёры и пробуждаютъ духъ спекуляціи.

Въ подобныхъ случаяхъ подымаются обыкновенно крики и противъ составителей проектовъ и противъ тѣхъ, которыхъ называютъ жертвами ихъ обмановъ. Понятно, что директоры банковъ первые начинаютъ осыпать ихъ проклятіями; но по совѣсти, если начертанная нами картина вѣрна, то неужели подобное положеніе вещей можетъ продолжаться до безконечности, становясь всё хуже-и-хуже?, Конечно, банкъ бы желалъ этого, потому-что вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и его доходы; а онъ, такъ сказать, отвсюду выжимаетъ деньги; но врядъ ли будутъ такого мнѣнія тѣ, которыхъ онъ лишаетъ дохода. А спекуляторы, голосу которыхъ повинуются капиталы, развѣ они виноваты въ

томъ, что уступили такому множеству просьбъ, съ которыми къ нимъ обращались.

Тогда начинаютъ составлять громадные планы для открытія широкаго сбыта всѣмъ свободнымъ капиталамъ. Первый попавшійся подымаетъ тревогу и всѣ остальные слѣдуютъ его примѣру. Повсюду составляются проэкты громадныхъ предпріятій, то́ для разработки каменно-угольныхъ копей, то́ для устройства обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, для разчистки необработанныхъ земель и даже, если дѣйствіе происходитъ въ Англіи, для разработки въ обширныхъ размѣрахъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ Новаго Свѣта. Всѣ эти проэкты встрѣчаются съ восторгомъ. Тогда никто не пугается большихъ размѣровъ предпріятія; напротивъ-того, самыя обширныя, самыя смѣлыя имѣютъ наиболѣе шансовъ успѣха, потому-что ближе всего соотвѣтствуютъ истиннымъ потребностямъ положенія дѣлъ. Подписка на акціи открывается и въ одинъ день всѣ акціи бываютъ разобраны. Всѣ спѣшатъ пріобрѣсть ихъ; капиталисты потому, что радуются столь давно ожидаемому сбыту; промышленники и торговцы изъ подражанія, и потому, что легкость учета, которымъ пользовались ихъ векселя, дозволяетъ имъ изъять часть своихъ капиталовъ изъ торговли. Общества быстро устраиваются и начинается требованіе взноса денегъ за акціи. Тогда является наружу другая сторона медали и со всѣхъ сторонъ возникаютъ новыя затрудненія.

Какъ-только начинается требованіе взноса денегъ за акціи, всякій торопится возвратить свои капиталы; одинъ бѣжитъ въ банкъ, гдѣ онъ держалъ ихъ въ залогѣ; другой къ своему банкиру, у котораго они приносили ему очень низкіе проценты. Банкиръ, касса котораго пустѣетъ, самъ, для наполненія ея, обращается въ общій резервуаръ — банкъ или возвращая часть своихъ вкладовъ, или представляя къ учету большее количество билетовъ. Такимъ-образомъ металлическій запасъ банка осаждается со всѣхъ сторонъ. Въ первый мѣсяцъ изъ него извлекаютъ 10 милліоновъ, во второй 9, въ третій еще столько же, потомъ еще,

и такъ далѣе; такъ что этотъ повидимому громадный запасъ, начинаетъ исчезать очень быстро. Къ довершенію несчастія, именно въ это время возрастаютъ и нужды государства, которое испытываетъ отраженіе недостатка въ деньгахъ, обнаруживающагося въ другомъ мѣстѣ. Поэтому государственное казначейство вынимаетъ свои вклады одновременно съ частными лицами. Изъ 200 милліоновъ, считая здѣсь и государственные фонды, металлическій запасъ банка въ нѣсколько мѣсяцевъ падаетъ сначала на 60, потомъ на 40, на 30 милліоновъ и даже ниже. Вчера онъ былъ гораздо болѣе одной трети своихъ облигацій; блестящее положеніе, можно сказать, избытокъ силъ. Сегодня же онъ не превышаетъ даже и одной девятой части, потому-что долгъ банка состоитъ въ 30 милліоновъ вкладовъ и 250 милліоновъ билетовъ; положеніе совершенно не нормальное, которое не можетъ существовать долгое время и требуетъ немедленныхъ исправленій.

Вотъ вкратцѣ обыкновенный ходъ подобныхъ событій.

Сначала ссуды банка, производимыя посредствомъ учетовъ векселей и другими способами, увеличиваются съ году на годъ, и вмѣстѣ съ ними увеличивается и прибыль банка. Между-тѣмъ изобиліе учета вытѣсняетъ соотвѣтствующую долю капиталовъ частныхъ лицъ, и такъ-какъ, вслѣдствіе исключительной привилегіи банка, владѣльцы этихъ капиталовъ не имѣютъ права сдѣлать изъ нихъ такое же употребленіе, какъ и банкъ, то масса незанятыхъ (свободныхъ) фондовъ постоянно увеличивается. По естественной связи вещей приливъ звонкой монеты въ кладовыя банка и кассы частныхъ лицъ также увеличивается; металлическій запасъ съ каждымъ днемъ представляетъ всё болѣе-и-болѣе удовлетворительный наружный видъ. Этими ввѣренными ему незанятыми фондами, банкъ болѣе или менѣе пользуется для распространенія своихъ оборотовъ и увеличенія прибыли, или непосредственно употребляя ихъ въ дѣло, или обращая на другіе предметы свой собственный капиталъ, сдѣлавшійся ненужнымъ. Такимъ образомъ установляется ненормальное положеніе, гдѣ

ЦАБ "Автограф"

банкъ дѣйствуетъ единственно на чужіе фонды, за которые не платитъ никакихъ процентовъ. Наконецъ наступаетъ минута, когда капиталисты, большіе или малые, выражаютъ желаніе получать со своихъ капиталовъ проценты и пробуждается духъ спекуляціи. Составляются проэкты обширныхъ предпріятій. Какихъ именно,—до этого намъ нѣтъ дѣла; въ этомъ случаѣ обстоятельства могутъ мѣняться до безконечности; результатъ же бываетъ всегда одинъ и тотъ же. Начинается обратное извлеченіе вкладовъ; банкъ бываетъ застигнутъ въ расплохъ и гибельный кризисъ обнаруживается.

Но что́ же предприметъ банкъ, чтобы выпутаться изъ такого положенія?

Въ первое время онъ пытается противиться бурѣ. Онъ увеличиваетъ свои учеты отчасти потому, что дѣйствительно ему представляютъ большее число векселей, а частію и оттого, что этимъ онъ надѣется удовлетворить открывающимся новымъ потребностямъ. Онъ выпускаетъ также большое число билетовъ; но такъ какъ въ обращеніи уже находится полное потребное количество ихъ, то билеты эти предъявляются къ уплатѣ и еще болѣе уменьшаютъ постоянно исчезающій металлическій запасъ. Въ публикѣ распространяется безпокойство и банкъ начинаетъ трепетать за свою участь. Онъ могъ бы продать свои ренты, но по необходимости долженъ продать ихъ по низкой цѣнѣ (съ убыткомъ). На самомъ дѣлѣ всѣ цѣнности упали, такъ-какъ запросъ на нихъ сдѣлался меньше. Накапунѣ каждая частица капитала имѣла двухъ покупателей: владѣльца капитала и банкъ, пользующійся имъ на время. Теперь же они оба исчезли; нѣтъ двухъ покупателей и явился лишній продавецъ. По этому всѣ цѣнности быстро падаютъ; даже на биржѣ было нѣсколько несчастій. Какъ же можно въ такую минуту продать на 30 или 60 милліоновъ ренты. Нужно прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Счастливъ банкъ, если въ такую минуту найдетъ какого-нибудь иностраннаго государя, который освободитъ его отъ ренты, или банкъ сосѣдняго государства явится къ нему на помощь съ ссу-

дою, или у него найдется куча старыхъ истертыхъ монетъ или забытыхъ слитковъ, которые онъ можетъ тотчасъ же превратить въ звонкую монету!

Когда всѣ средства будутъ истощены безъ всякаго успѣха, и это обыкновенно такъ бываетъ, то прибѣгаютъ къ послѣднему рѣшительному средству. Банкъ принимаетъ отчаянную мѣру. Онъ разомъ сокращаетъ свои учеты или, внезапно подымая учетный процентъ или отказывая въ учетѣ бо́льшей части представляемыхъ ему векселей. Это смертельный ударъ для торговли. Тогда подкопъ взлетаетъ на воздухъ и все обращается въ развалины. Разрушеніе повсемѣстное. Новыя предпріятія, имѣвшія такое блистательное начало, лопаются, вслѣдствіе прекращенія взноса денегъ. Начатыя работы останавливаются. Въ то же время лопаются нѣсколько старинныхъ банкирскихъ и торговыхъ домовъ; всѣ прочіе бываютъ сильно потрясены. Смятеніе господствуетъ повсюду.

Между-тѣмъ для банка такое лекарство спасительно. Сначала кажется, что и онъ долженъ быть увлеченъ общимъ потокомъ. Но напрасно; терпятъ только несчастные, расширившіе свои обороты, пользуясь оказываемымъ имъ кредитомъ и думавшіе, что они постоянно могутъ разсчитывать на его поддержку. Съ той минуты, когда рушилось все, новыя предпріятія и старинные дома, капиталисты, разочаровавшіеся въ своихъ мечтахъ, видя, что вокругъ нихъ все колеблется и не смѣя довѣрять никому и ничему, спѣшатъ собрать остатки своего имущества и несутъ ихъ въ банкъ, высокое положеніе котораго одно можетъ ихъ успокоить. Развѣ это учрежденіе не единственное, привилегированное и покровительствуемое правительствомъ? Ктому же какъ къ нему не имѣть довѣрія? Такимъ-образомъ снова начинается накопленіе вкладовъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ опять привести къ такимъ же результатамъ. Но все-таки, если въ подобную минуту произойдетъ какое-нибудь великое политическое сотрясеніе, то и самъ банкъ можетъ быть вовлеченъ въ гибель если только, для поправленія его ошибокъ, ему не позво-

лятъ прекратить платежи звонкою монетою, придавъ его билетамъ обязательный курсъ.

Вотъ естественныя послѣдствія системы привилегированнаго банка. Первымъ плодомъ ея бываетъ возмутительное неравенство въ распредѣленіи прибыли, а послѣднимъ—страшная катастрофа. Она даетъ однимъ все, а другимъ ничего; она обираетъ послѣднихъ для обогащенія первыхъ и, нисколько не вознаграждая этого важнаго недостатка предоставленіемъ публикѣ большаго обезпеченія, она напротивъ-того окружаетъ ее западнями и опасностями. Она обманываетъ торговлю, возбуждая ее сегодня, чтобы покинуть ее на другой день; она принуждаетъ ее къ оборотамъ, поддерживать которые не позволяетъ впослѣдствіи, и тѣмъ самымъ подвергаетъ ее громаднымъ потерямъ. Система ненавистная, которой даже нельзя дать имени и терпѣть которую образованная страна не согласилась бы ни одной минуты, еслибы вполнѣ понимала все сопряженное съ нею зло.

Насъ спросятъ теперь, какимъ-образомъ дозволеніе учреждать новые банки можетъ уничтожить всѣ эти недостатки? Отвѣтъ очень простъ. Въ тотъ день, когда вліяніе выпуска билетовъ перваго банка сдѣлаетъ свободною нѣкоторую часть капиталовъ, владѣльцы ихъ соединятся, для образованія новаго банка и принятія участія въ выгодахъ перваго, предпринявъ такую же торговлю. Тогда исчезнетъ замѣченное нами неравенство въ распредѣленіи прибыли и опасность, какъ накопленія капиталовъ, такъ и внезапнаго обратнаго требованія вкладовъ.

Ссуды для торговли были бы почти такихъ же размѣровъ, если не еще значительнѣе; заключалась бы только въ томъ, существенная разница, что капиталы были бы ссужаемы тѣми самыми лицами, кому они принадлежатъ и не подвергались бы тѣмъ пагубнымъ обратнымъ требованіямъ, составляющимъ гибель всякой честной промышленности. Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію этого новаго порядка вещей, мы должны показать изъ примѣра Англіи и Франціи, что все сказанное нами не есть пустая ипотеза.

ЦАБ "Автограф"

§ III. Кризисъ 1846 и 1847 годовъ во Франціи.

Происходившіе въ разныя времена во Франціи и Англіи коммерческіе кризисы, разсматриваемые въ ихъ частныхъ обстоятельствахъ и подробностяхъ, имѣютъ каждый свой особенный характеръ; въ главныхъ же чертахъ, въ отношеніи къ основнымъ причинамъ, производящимъ ихъ, всѣ они между собою сходны. Они имѣютъ всегда одинъ и тотъ же источникъ, тотъ же ходъ развитія, и тотъ же конецъ. Если все изложенное нами выше справедливо, то не трудно будетъ узнать главныя черты ихъ.

Всѣ эти черты такъ ясно обозначились во Франціи въ послѣднемъ ея кризисѣ, что нельзя не примѣтить ихъ.

Вотъ положеніе банка Франціи въ 1844 году.

Его учеты, въ томъ числѣ и разныя выдачи подъ залогъ облигацій, слитковъ и проч., возвысились до суммы 809,257,949 франк.; цифра эта была немного ниже предъидущихъ годовъ: потому банкъ былъ не доволенъ своимъ положеніемъ. Частныя лица, занимающіяся учетомъ, говорилъ банкъ (*), ссужая свои фонды менѣе чѣмъ за 4% (указный процентъ для учетовъ банка), отнимаютъ у него часть векселей и ограничиваютъ кругъ его дѣйствій. По этому прибыль его уменьшилась, и дѣйствительно въ тотъ годъ онъ получилъ скромный дивиденд въ 9%, не включая сюда государственную ренту, купленную на его собственный капиталъ и доставлявшую ему ежегодный доходъ въ 4,952,585 франковъ: что возвышало конечную цифру дивидендовъ, раздаваемыхъ акціонерамъ до 16%. Но этого было мало въ глазахъ директоровъ. Правда, что въ то время частные капиталисты должны были довольствоваться какими-нибудь 3%, съ трудомъ вырученными съ капиталовъ, которые они не безъ нѣкотораго риска помѣщали у частныхъ банкировъ для того, чтобъ послѣдніе могли производить учетъ за одинаковый или мѣньшій про-

---

(*) Отчетъ главнаго директора банка.

центъ, чѣмъ банкъ; или же не получали никакого процента, если для бо́льшей безопасности они отдавали свои капиталы на сохраненіе въ кладовыя банка. Тѣмъ не менѣе банкъ, привыкшій къ бо́льшимъ барышамъ, находилъ такое положеніе слишкомъ невыгоднымъ и жаждалъ увеличенія своихъ доходовъ. Его желанія не замедлили исполниться. Вотъ ходъ постепеннаго расширенія операцій центральнаго банка, не считая его конторъ:

Годы.	Учеты и ссуды.	Доходы.	Дивидендъ.
1844	809,257,949.	6,124,510.	9%
1845	1,101,408,383.	8,441,478.	12,4%
1846	1,294,264,462.	9,809,206.	14,4%

Такимъ-образомъ ссуды банка постепенно подымались съ 809 милліоновъ въ 1844 г. до 1,294 милліоновъ въ 1846 году. Съ 9%, доходы дошли до 14,4, конечно не включая 4,952,585 франк. годоваго дохода, которые банкъ получилъ съ своего фонда, между-тѣмъ какъ онъ самъ производилъ свои обороты чужими капиталами.

Въ то время, какъ цифра учетовъ, такимъ-образомъ съ каждымъ годомъ увеличивалась, касса банковъ находилась въ весьма цвѣтущемъ положеніи, хотя обстоятельства были далеко неблагопріятны. Невзирая на неурожай, который потребовалъ въ началѣ 1846 года грома́днаго вывоза звонкой монеты, въ концѣ первыхъ трехъ мѣсяцевъ этого года въ размѣнномъ фондѣ состояло 202,530,000 франк. Положеніе, повидимому, блестящее и казалось, что оно должно было обезпечить банкъ отъ всѣхъ случайностей. Къ-сожалѣнію эта сумма состояла исключительно изъ чужихъ капиталовъ, которые во всякое время, подлежать изъятію такъ-какъ всѣ они были помѣщены въ банкъ въ ожиданіи будущаго употребленія и могли быть вынуты массой, если бы представился случай потребить ихъ съ пользою. Не видна ли здѣсь характеристическая черта страннаго положенія, порождаемаго привилегіею? И нужно ли удивляться, что при подобныхъ условіяхъ возникаютъ затрудненія?

ЦАБ "Автограф"

Впрочемъ, никто лучше не изобразилъ опасности и недостатка такаго ненормальнаго положенія, какъ сами ревизоры банка въ своемъ отчетѣ за 1847 годъ. «Съ нѣкотораго времени,—говорятъ они,—упрекаютъ банкъ въ томъ, что онъ оставлялъ свои значительные капиталы безъ употребленія, что слишкомъ умѣренно пользовался огромнымъ кредитомъ, пріобрѣтеннымъ вслѣдствіе благоразумнымъ, и правильнымъ веденіемъ своихъ оборотовъ. Но при этомъ не обращали вниманія на то, какихъ громадныхъ средствъ требовало впослѣдніе годы постепенное развитіе, какъ банка такъ и его конторъ. *Казалось, никто не зналъ, что значительныя суммы, лежавшія въ кладовыхъ и кассахъ банка, составляли, по бо́льшей части, собственность публики и преимущественно казначейства; что банкъ былъ только хранителемъ ихъ и былъ обязанъ сохранять и сберегать ввѣренные ему вклады, которые могли быть неожиданно отняты у него, вслѣдствіе случайныхъ и не зависящихъ отъ его воли обстоятельствъ. Это предчувствіе, поражавшее умы вашихъ директоровъ, къ несчастію, оправдалось*». Нельзя было съ бо́льшею проницательностью указать на недостатки современнаго порядка вещей и яснѣе раскрыть злоупотребленіе со всѣми его послѣдствіями. Но ревизоры были слишкомъ скромны въ этомъ отношеніи; не *бо́льшая часть*, а *вся сумма* металлическаго запаса банка состояла изъ чужихъ капиталовъ, которые всѣ могли быть вынуты въ одинъ день.

Отсюда проистекало двоякое зло; съ одной стороны — чрезмѣрное накопленіе праздныхъ капиталовъ, съ другой, невзирая на значительную цифру фонда, — неминуемая опасность банкротства. Слѣдовательно съ одной стороны совершенно были правы тѣ, которые жаловались на чрезмѣрное накопленіе мертвыхъ капиталовъ, между-тѣмъ какъ послѣдніе могли съ пользою быть употреблены въ промышленности, съ другой же стороны и банкъ былъ совершенно правъ, не желая пускать ихъ въ оборотъ подвергая себя опасности. Можетъ-быть онъ былъ даже обязанъ обратить еще бо́льшее вниманіе на это послѣднее

обстоятельство. Дѣйствительно, исключительная привилегія, дарованная одному учрежденію, породила ложное положеніе его, въ которомъ банкъ долженъ былъ выбрать одно зло изъ двухъ, не будучи въ состояніи избѣжать ни того ни другаго, т.-е. оставить значительную массу капитала безъ употребленія или, очертя голову, стремиться къ погибели. Предположимъ, напротивъ, что позволено было устроить другой банкъ, который бы дѣйствовалъ такъ же, какъ и первый. Новый банкъ, составивъ свой основной капиталъ изъ нѣкоторой части этихъ самыхъ бездѣйствующихъ капиталовъ, отдалъ бы ихъ въ ссуду промышленности и тѣмъ увеличилъ бы ея средства; а такъ-какъ эти капиталы, принадлежа самимъ акціонерамъ банка, не подлежали бы изъятію, то всякая возможность кризиса исчезла бы.

Чего надо было ожидать отъ того положенія, въ какое банкъ себя поставилъ, то и случилось. Давно составленные проэкты желѣзныхъ дорогъ открыли уже новое и даже слишкомъ широкое поприще для бездѣйствующихъ капиталовъ; должно было ожидать минуты, когда они найдутъ въ нихъ вѣрное помѣщеніе. Съ нѣсколько бо́льшею предусмотрительностью, директоры банка могли бы заранѣе предвидѣть этотъ критическій моментъ и можетъ быть частью отвратили бы его послѣдствія; но вниманіе и бдительность не составляютъ удѣлъ привилегированныхъ учрежденій. Довольный постояннымъ увеличеніемъ цифры учетовъ, предвѣщавшихъ счастливый годъ и высокіе дивиденды, банкъ не заботился о будущемъ, шелъ безпечно впередъ, не помышляя о собиравшейся надъ нимъ бури. Вскорѣ начался взносъ денегъ за акціи желѣзныхъ дорогъ и въ серединѣ года отливъ капиталовъ изъ банка сдѣлался значителенъ. Въ концѣ первой половины года металлическій запасъ банка, состоявшій изъ 202,894,000 франк. Къ концу девятаго мѣсяца того же года упалъ до 174,469,000 франк. Въ концѣ же года весь запасъ монеты простирался до 71,040,200 франк., что́ составляло въ шесть мѣсяцевъ убыли болѣе чѣмъ на 131 милл. Для бо́льшей нагляд-

ности представимъ таблицу постепеннаго уменьшенія металлическаго запаса.

Въ іюлѣ металлическій запасъ уменьшился

на	. . . . .	17,538,000 франк.
„ августѣ	на	2,904,000 „
„ сентябрѣ	„	27,211,000 „
„ октябрѣ	„	53,164,000 „
„ ноябрѣ	„	43,235,000 „
„ декабрѣ	„	18,191,000 „
И наконецъ съ 1-го по 14-е января 1847 г. на		10,604,000 „
	Итого	172,847,000 франк.

Вотъ каково было положеніе банка въ концѣ 1846 и началѣ 1847 годовъ: положеніе столь ложное, до того критическое, что неминуемо повело бы всякое непривилегированное общество къ полному банкротству.

Что сдѣлалъ банкъ, чтобъ выйти изъ такого положенія? По выраженію ревизоровъ, банкъ долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ крайней предусмотрительности. Сперва онъ купилъ изъ казначейства съ нѣкоторой премією 15-ть милліоновъ вышедшей изъ употребленія монеты (въ 15 и 30 су), хранившейся въ его кассахъ и перечеканилъ ее въ ходячую; кромѣ-того онъ пріобрѣлъ на мѣстѣ и въ провинціи отъ 4-хъ до 5-ти милліоновъ золота и серебра; наконецъ сдѣлалъ у англійскихъ капиталистовъ заемъ въ 25-ть милліоновъ, присланные ему въ видѣ серебряныхъ слитковъ и піастровъ, и которые онъ немедленно перечеканилъ на парижскомъ монетномъ дворѣ. Средства жалкія, носившія отпечатокъ непредусмотрительности и безпорядка. Всѣ эти средства казались однако недостаточными, и потому банкъ прибѣгнулъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ рѣшился *потребовать отъ торговли нѣкоторыхъ временныхъ пожертвованій* (подлинныя слова отчета), и процентъ учета былъ внезапно повышенъ съ 4 на 5. Дѣйствительно, на дѣлѣ оказалось, что торговля должна была на свой счетъ исправить ошибки,

сдѣланныя банкомъ; счастлива была бы промышленность, если-бы поплатилась только временнымъ повышеніемъ процента учета и еслибы общій упадокъ кредита—естественное послѣдствіе всѣхъ очевидныхъ затрудненій, не причинилъ ей еще бо́льшихъ потерь.

Несмотря на всѣ эти средства и пожертвованія, кризисъ не достигъ еще своего предѣла. Какъ предвидѣли директоры банка, отливъ звонкой монеты не прекратился въ концѣ 1846 года; только въ первые мѣсяцы 1847 года зло раскрылось во всей своей силѣ. Чтобы отразить его, нужно было удвоить мѣры предусмотрительности и открыть новыя средства. Поэтому банкъ былъ очень доволенъ, когда совершенно случайно Императоръ Николай I купилъ у банка 50 милліоновъ облигацій, которыхъ банкъ въ своемъ критическомъ положеніи не могъ бы продать въ Парижѣ, не произведя новаго потрясенія. Но достаточно ли было одного этого обстоятельства? Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, нужна была помощь двухъ правительствъ и англійскихъ капиталистовъ, безъ которой Французскій банкъ, несмотря на блестящее положеніе, которымъ хвалился до того времени, не могъ бы избѣгнуть совершеннаго прекращенія своихъ платежей.

Наконецъ чрезвычайное пониженіе цѣнъ на всѣ кредитныя бумаги и бо́льшую часть товаровъ, привлекло звонкую монету, обращавшуюся за границею и кризисъ постепенно сталъ терять свою силу; тѣмъ не менѣе промышленность потерпѣла громадные убытки отъ недостатка кредита, возвышенія процента, и въ-особенности отъ пониженія всѣхъ цѣнностей, которыя находились въ рукахъ ея. Но въ тотъ самый годъ, какъ банкъ пріобрѣлъ большіе барыши, банкротства были весьма часты въ промышленности, и стеченіе этихъ двухъ обстоятельствъ не должно никого удивлять послѣ всего того, что́ мы уже сказали. Въ одномъ Парижѣ съ 1-го августа 1846 по 31-е іюля 1847 года было 1139 банкротствъ на капиталъ въ 68,474,803 франк. Конечно по-

*

нятно, что эта сумма составляетъ лишь слабую часть итога понесеннаго убытка.

Таковы пагубныя послѣдствія привилегіи. Послѣ этого нельзя сказать, что появленіе кризиса должно быть приписано другимъ причинамъ, напримѣръ отъ сильной спекуляціи на акціи желѣзныхъ дорогъ. Конечно, желаніе это было непосредственнымъ поводомъ къ тому; но не сама ли привилегія банка возбудила такое увлеченіе къ спекуляціи, закрывъ капиталистамъ обыкновенные пути къ правильному употребленію ихъ капиталовъ? По словамъ управляющаго банкомъ, главною причиною былъ неурожай хлѣба. Но въ первую половину 1846 года ввозъ 2,500,000 гектолитровъ (*) хлѣба, по словамъ управляющаго банка, не произвелъ никакого видимаго дѣйствія на металлическій капиталъ банка, который даже увеличился съ 208 милл. на 252; а во второе полугодіе, когда ввозъ хлѣба не превышалъ 2,264,000 гектолитровъ, металлическій запасъ банка понизился на 172 милл. Очевидно, что какъ бы ни были пагубны въ другихъ отношеніяхъ послѣдствія неурожая, главная причина финансоваго кризиса заключается не въ немъ. Даже еслибы спекуляція желѣзными дорогами была еще сильнѣе и неурожай хлѣба вызвалъ бы чрезвычайный вывозъ денегъ за границу, все это не поколебало бы банкъ и вмѣстѣ съ нимъ всю торговлю, еслибы это учрежденіе основано было на лучшихъ началахъ; но въ томъ положеніи, въ которомъ оно себя поставило, рано или поздно оно должно было встрѣтить важныя затрудненія.

Мы такъ подробно распространялись о кризисѣ 1846 и 1847 годовъ, потому-что онъ еще близокъ къ намъ и слѣдствія его имѣли вліяніе на послѣдующія событія. Однако не слѣдуетъ думать, что онъ представляетъ что-либо исключительное въ своемъ развитіи и ходѣ. Напротивъ, всѣ кризисы во Франціи со времени окончательнаго учрежденія банковъ, напримѣръ въ 1811, 1819, 1825, 1826 и 1837 годахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ

(*) Гектолитръ равенъ $3^4/_5$ четверикамъ.

частностей, имѣютъ одинаковый характеръ, — имъ предшествовали и за ними слѣдовали тѣ же самыя обстоятельства: это оттого, что корень зла былъ одинъ и тотъ же. Предъ началомъ самаго кризиса мы видимъ, что сумма учетовъ банка съ каждымъ годомъ увеличивается такъ же, какъ и сумма его прибыли, и этотъ признакъ благосостоянія всегда вѣрный предвѣстникъ близкаго кризиса.

Вотъ для примѣра результаты оборотовъ банка за пять лѣтъ, съ 1807 по 1811 годъ.

Года.	Цифры учета.	Прибыль банка.
1807	333,267,000	2,456,200
1808	557,495,000	4,152,400
1809	545,446,000	4,243,800
1810	715,038,000	6,057,700
1811	391,162,000	4,791,100

Такимъ-образомъ сумма учета, составлявшая въ 1807 году 333,267,000 франк., въ 1810 году возвысилась до сравнительно-громадной цифры 715,038,000 франк. Сумма дохода въ то же время почти утроилась. Это и было вѣрнымъ признакомъ важныхъ затрудненій, которыя дѣйствительно обнаружились въ концѣ 1810 года и развились во всей своей силѣ въ послѣдующій годъ.

То же самое повторилось и въ кризисѣ 1819 года, которому предшествовали и котораго сопровождали совершенно подобныя же обстоятельства. Вотъ результаты оборотовъ пяти лѣтъ, начиная съ 1815 года.

Года.	Цифры учета.	Прибыль банка.
1815	203,565,000	1,278,400
1816	419,996,000	3,203,600
1817	547,451,000	4,608,300
1818	615,999,000	4,848,200
1819	387,429,000	2,692,100

И здѣсь мы видимъ, что сумма учетовъ увеличивается съ каждымъ годомъ и достигаетъ высшей точки въ годъ, предшествующій кризису. Maximum и minimum портфеля банка возвышается

такъ же, какъ и самая прибыль, которая съ 1,278,400 франк. въ 1815 году возрастаетъ постепенно до цифры 4,848,200 франк. въ 1818 году. Тѣ же результаты мы видимъ въ кризисѣ 1825 и 1826 годовъ, послѣдовавшаго послѣ десятилѣтняго мира. Сумма учетовъ, доставившая въ 1821 году 384,645,000 франк., въ 1824 году возвысилась до 489,346,000; а въ 1825 году, въ которомъ начался обнаруживаться кризисъ, дошла до 638,249,000 франк. Такимъ-образомъ, каждый разъ, учеты банка увеличиваются чрезмѣрно; прибыль его также увеличивается въ той же пропорціи и этотъ двойной результатъ, повидимому столь благопріятный, есть вѣрный предвѣстникъ близкаго бѣдствія.

При видѣ постояннаго совпаденія однихъ и тѣхъ же фактовъ, нельзя сомнѣваться въ главной причинѣ этихъ потрясеній. Очевидно, что разстройство связано съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ учетовъ банка: ниже мы увидимъ, что эти выводы подтверждаются еще другими примѣрами. Слѣдуетъ ли послѣ всего вышеизложеннаго утверждать, что развитіе кредита въ промышленности само по себѣ есть зло? Этого нельзя и подумать при внимательномъ изслѣдованіи того, что происходитъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ свобода банковъ; притомъ это совершенно противорѣчитъ здравому смыслу. Развитіе кредита производитъ одно полезное дѣйствіе; здѣсь исключительно одна монополія порождаетъ злоупотребленія, ставя банкъ въ положеніе вдвойнѣ ложное: ложное въ отношеніи къ капиталисту, который поставленъ въ невозможность правильно пользоваться своимъ капиталомъ и ложное въ отношеніи къ самому банку, который принужденъ производить обороты на чужіе капиталы. Уничтожьте начало всѣхъ безпорядковъ, открыто провозгласивъ свободу банковъ, и тогда развитіе кредита будетъ имѣть одни только благодѣтельныя послѣдствія.

§ IV. Коммерческіе кризисы въ Англіи.

Въ Англіи, гдѣ кредитъ и банки издавна играли важную роль, написаны не сотни, а тысячи сочиненій по этому важному пред-

мету. Итакъ какъ недостатки въ англійской системѣ къ-несчастію порождали много кризисовъ, то изученіе этихъ явленій естественно занимаетъ главное мѣсто въ упомянутыхъ сочиненіяхъ. Изъ новѣйшихъ трудовъ по этой части принадлежатъ: Чарльсу Туку (Ch. Tooke), Лойду (Lloyd), полковнику Торренсу (Torrens) и въ-особенности М. Ж. Уильсону (M. J. Wilson), редактору журнала «*Economist*» и члену парламента (*). Какъ бы ни были велики достоинства многихъ изъ этихъ сочиненій, въ которыхъ встрѣчаются часто глубокія и остроумныя соображенія, должно сознаться, что писатели ихъ всегда были въ заблужденіи, хотя не вслѣдствіе незнанія, а скорѣе отъ излишней утонченности въ изслѣдованіяхъ. Главная ихъ ошибка заключается въ томъ, что они придаютъ слишкомъ много значенія частнымъ обстоятельствамъ коммерческихъ кризисовъ, не вникая достаточно въ главный и преобладающій ихъ характеръ, разсматривая болѣе ихъ различія, чѣмъ сходство и, слѣдовательно, почти всегда останавливаясь на непосредственныхъ или второстепенныхъ причинахъ вмѣсто того, чтобы добраться до первоначальнаго корня ихъ. Американскій писатель Кэри (H.-C. Carey) изъ Филадельфіи, извѣстный уже своими превосходными сочиненіями, въ этомъ случаѣ былъ, какъ мнѣ кажется, гораздо счастливѣе англійскихъ писателей (**). Можетъ-быть и отъ того, что послѣдніе, будучи почти современниками этихъ событій и поставленные въ выгодное положеніе для того, чтобъ познакомиться съ подробностями кризисовъ, не могли схватить общаго ихъ характера.

Уже въ 1838 году Кэри М. Ж. ясно указалъ на главную причину потрясеній, сдѣлавшихся почти періодическими. Понятно, что причина тому въ Англіи та же, что и во Франціи, и проистекаетъ отъ одинаковаго устройства банковъ въ обѣихъ

(*) *Capital, currency and banking*, London 1847.

(**) *The credit system in France, Great Britain and the United States, by* H. C. Carey, Philadelphia, 1838. *Кредитная система во Франціи, Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ*, соч. г. Кэри, Филадельфія, 1838 г.

странахъ; разница только въ томъ, что привилегированный банкъ Англіи производитъ обороты въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ Французскій и встрѣчаетъ въ провинціи больше второклассныхъ учрежденій такого рода. Мы увидимъ, что факты и цифры по ту сторону канала имѣютъ такое же значеніе, какъ и по сю сторону его; но чтобы яснѣе показать значеніе этихъ фактовъ и цифръ, нужно обратить вниманіе еще на другую особенность. Несмотря на столь ясныя указанія опыта, бо́льшая часть людей въ Англіи видятъ первую причину зла въ излишнемъ выпускѣ билетовъ, который, по ихъ мнѣнію, превосходитъ въ нѣкоторыя эпохи настоящіе предѣлы требованій и производитъ безпорядокъ въ обращеніи. По этой-то причинѣ съ 1826 года былъ запрещенъ всѣмъ англійскимъ банкамъ выпускъ билетовъ цѣнностью ниже 5 фунт. стерл.; въ томъ же духѣ былъ предложенъ сэромъ Робертомъ Пилемъ и одобренъ парламентомъ знаменитый билль 1844 года, ограничившій въ извѣстной мѣрѣ право выпуска билетовъ англійскими банками. Нужно показать, какимъ-образомъ производится выпускъ этихъ билетовъ. Мы увидимъ, что если выпускъ былъ неправиленъ до 1826 года, когда въ Англіи существовали одни лишь частные банки (*private banks*), состоявшіе не болѣе, какъ изъ шести общниковъ, то напротивъ, съ размноженіемъ товариществъ на паяхъ (*joint sbock banks*), они сдѣлались столь правильны и прочны, что даже въ эпохи самыхъ важныхъ потрясеній колебанія въ немъ едва замѣтны.

Вотъ количество билетовъ, сумма учетовъ, вкладовъ и металлическаго запаса Лондонскаго банка наканунѣ страшнаго кризиса 1825 и 1826 годовъ.

		Билеты цѣною менѣе 5 фунт.	Билеты цѣною болѣе 5 фунт.	Вклады.	Портфель банка.	Металл. зап.
Августъ	1822	855,330	16,609,460	6,399,440	17,290,510	10,097,960.
Февраль	1823	681,500	17,710,740	7,181,100	18,319,730	10,384,230.
Августъ	1823	548,480	18,682,760	7,827,350	17,467,370	12,658,240.
Февраль	1824	486,130	19,250,860	10,097,850	18,872,000	13,810,060.
Августъ	1824	443,140	19,688,980	9,679,810	20,904,530	11,787,470.

ЦАБ "Автограф"

Февраль	1825	416,730	20,337,030	10,168,780	24,951,330	8,779,100.
Августъ	1825	396,343	19,002,500	6,410,560	25,106,030	3,634,320.
Февраль	1826	1,375,250	24,092,660	6,935,940	32,918,580	2,459,501.

Что́ мы видимъ изъ этой таблицы? Сперва портфель банка, т.-е. сумма ссудъ, произведенныхъ банкомъ, возвышается съ 17,200,000 фунт. въ 1822 году до 25 милл. въ половинѣ 1825 года, эпоху, непосредственно предшествовавшую кризису и болѣе 32 милл. въ началѣ 1826 года, эпоху, въ которую кризисъ обнаружился. Не видно ли изъ этого, что возрастающее количество учетовъ должно было перемѣстить и сдѣлать свободными значительную часть всѣхъ капиталовъ, лишая ихъ помѣщенія? Это ясно видно изъ постояннаго возрастанія вкладовъ, сумма которыхъ въ февралѣ 1825 года доходила до 10,168,000 фунт. стерл.; цифра огромная, если принять во вниманіе, что эти вклады ничего не приносили владѣльцамъ ихъ.

Такое положеніе вещей несомнѣнно способствовало возбужденію спекуляцій, потому и нечего удивляться, что духъ спекуляцій обнаружился повсемѣстно. Послушаемъ однако англійскихъ писателей; они вычисляютъ подробно второстепенныя причины кризиса, забывая одну самую важную. Вотъ что́, напримѣръ, говоритъ объ этомъ предметѣ М. Ж. Уильсонъ, сочиненіе котораго отличается впрочемъ важными достоинствами. «Впродолженіи 1824 года два рода обстоятельствъ способствовали возбужденію спекуляцій. Большой успѣхъ займовъ, заключенныхъ въ предшествующія пять лѣтъ для разныхъ европейскихъ государствъ, и высокій курсъ иностранныхъ фондовъ, возбудили въ нашихъ капиталистахъ сильное желаніе помѣщать подобнымъ образомъ свои капиталы. Нѣкоторыя обстоятельства способствовали къ тому, чтобы обратить вниманіе публики на иностранные рудники. Но важнѣйшимъ фактомъ, имѣвшимъ окончательное вліяніе на панический страхъ 1825 года и давшимъ кризису его отличительный характеръ, былъ слабый ввозъ товаровъ въ 1824 году, едва равнявшійся запросу на нихъ, такъ что, въ-особенности къ кон-

цу года обнаружилось значительное возвышеніе цѣнъ. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали въ концѣ 1825 года столь сильной жаждѣ къ спекуляціямъ (*).» Что это лихорадочное стремленіе къ спекуляціямъ имѣло болѣе общую причину, ясно доказывается разнообразіемъ предметовъ, на которые обращено было вниманіе спекуляторовъ. Вотъ роды этихъ спекуляцій по исчисленію Уильсона:

1) Спекуляція на иностранные займы.

2) Спекуляція на разработку иностранныхъ рудниковъ.

3) Спекуляція, въ самой странѣ, на земли и недвижимыя имѣнія, которыя внезапно значительно возвысились, преимущественно въ окрестностяхъ большихъ городовъ.

4) Спекуляція въ разныхъ акціонерныхъ обществахъ, какъ то: желѣзныхъ дорогъ, разработки рудниковъ, пароходства, страхованія и т. п.

5) Спекуляція на всякаго рода товары.

Спрашивается, можно ли допустить, чтобы духъ спекуляціи проявился вдругъ въ столь различныхъ направленіяхъ, еслибы онъ не былъ возбужденъ какою-нибудь болѣе общею причиною? Эта причина заключается въ чрезмѣрномъ развитіи учетовъ банка и въ совершенной невозможности капиталистамъ, вслѣдствіе исключительной привилегіи банка, находить иное правильное помѣщеніе для своихъ капиталовъ.

Изъ предшествовавшей таблицы видно, что металлическій запасъ банка, который въ февралѣ 1824 года составлялъ 13,800,000 фунт. стерл., упалъ въ февралѣ 1826 года до 2,459,000 фунт стерл.; что составляетъ въ два года уменьшеніе на 11 милл. фунт. стерл. Потомъ онъ палъ даже ниже 2 милл., и банкъ былъ въ необходимости прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, чтобы пополнить свою кассу и, быть можетъ, палъ, еслибы въ извѣстную минуту въ его конторѣ не нашлось на одинъ милл. фунт. стерл. билетовъ, цѣнностью ниже 5-ти фунтовъ,

---

(*) *Capital, currency and banking*, p. 172.

которые онъ немедленно выпустилъ для удовлетворенія самымъ настоятельнымъ требованіямъ.

Другое обстоятельство, поражающее въ этой таблицѣ, то, что въ 1825 году и въ-особенности въ началѣ 1826 года металлическій запасъ банка былъ даже нѣсколько менѣе суммы вкладовъ; отсюда слѣдуетъ, что банкъ производилъ свои обороты исключительно на чужіе капиталы, за которые онъ впрочемъ не платилъ никакихъ процентовъ. Что касается выпуска билетовъ, то, какъ видно, они подвергались въ это время колебаніямъ, которыя сдѣлались гораздо менѣе замѣтными съ распространеніемъ въ странѣ банковъ на паяхъ (joint stock banks).

«Еслибы англійскій народъ, говоритъ очень основательно Кэри, имѣлъ право учредить другой банкъ на началахъ ограниченной отвѣтственности общниковъ (т. е. началахъ акціонернаго общества), и который бы могъ поглотить въ 1824 году излишекъ вкладовъ, то золото перенеслось бы въ другую улицу, вмѣсто-того чтобы перейти въ другую страну (*).» Банкъ выдавалъ бы своимъ акціонерамъ не столь высокіе дивиденды, но зато страна избѣгла бы страшныхъ бѣдствій.

Кризисъ 1837 года, столь же важный какъ и 1826, въ главныхъ чертахъ своихъ не отличается отъ послѣдняго. Вотъ движеніе оборотовъ банка въ годы, предшествовавшіе кризису.

Года.		Сумма билетовъ.	Вклады.	Ссуды.	Металл. зап.
31-го декабря	1833	17,469,000	15,160,000	24,567,000	10,200,000.
28 I-го декабря	1834	17,070,000	13,019,000	25,551,000	6,978,000.
26 I-го декабря	1835	16,564,000	20,370,000	31,764,000	7,718,000.
13 I-го декабря	1836	17,361,000	13,330,000	28,971,000	4,545,000.
12 I-го февраля	1837	17,868,000	14,230,000	31,085,000	4,032,000.

Здѣсь мы видимъ опять повтореніе того же самаго. Цифра ссудъ и учетовъ увеличивается; въ странѣ является избытокъ капитала; масса вкладовъ возвышается съ 13 до 20 милл. фунт. стер.; акціонеры банка получаютъ высокіе дивиденды, а другіе капиталисты не знаютъ куда дѣвать свои капиталы, съ кото-

(*) *The credit System*, chap. 8.

рыхъ они ничего не получаютъ. Наконецъ послѣдніе отъискиваютъ помѣщенія для своихъ капиталовъ внѣ страны, такъ-какъ въ ней самой они не находятъ помѣщенія; тогда начинается отливъ вкладовъ. На время банкъ дѣлаетъ попытку уменьшить свои операціи (декабрь 1836 г.); вслѣдствіе этого обнаруживается всеобщее потрясеніе и банкротство слѣдуетъ одно за другимъ. Наконецъ банкъ принужденъ снова распространить свои учеты въ виду непрерывнаго уменьшенія своего металлическаго запаса, рискуя совершенно прекратить платежи звонкою монетою.

Одно обстоятельство поражаетъ насъ въ предшествующей таблицѣ; металлическій запасъ банка начинаетъ уменьшаться съ декабря мѣсяца 1833 года (*), тогда-какъ сумма вкладовъ продолжаетъ увеличиваться. Съ этого времени цифра наличныхъ денегъ гораздо менѣе цифры вкладовъ; а въ декабрѣ 1835 года, когда начинается отливъ вкладовъ, несоразмѣрность дѣлается огромною; это доказываетъ, что банкъ всё болѣе-и-болѣе втягивается въ пагубную привычку дѣлать оборотъ на чужіе капиталы, привязавъ ихъ къ своей судьбѣ платежемъ извѣстнаго процента.

Другое обстоятельство заслуживаетъ неменьшаго вниманія; во весь этотъ бурный и безпокойный періодъ сумма билетовъ, находящихся въ обращеніи, измѣняется весьма незначительно гораздо менѣе, чѣмъ, напримѣръ, до 1826 года. Изъ этого должно заключить: во-первыхъ, что образовавшіеся внѣ Лондона, вслѣдствіе закона 1826 года, банки на паяхъ, внесли вмѣстѣ съ собою условіе правильности обращенія, котораго прежде не существовало: это обстоятельство доказываетъ справедливость нашихъ словъ, что по мѣрѣ увеличенія числа банковъ, обороты ихъ дѣлаются правильнѣе; во-вторыхъ, что зло проистекаетъ не отъ неправильнаго и неумѣреннаго выпуска билетовъ, потому-что даже въ самыя критическія минуты цифра билетовъ весьма мало колебалась и что напрасно нѣкоторые англійскіе экономисты,

---

(*) Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года онъ простирался до 11,078,000 фунт. стерл.

и въ главѣ ихъ Робертъ Пиль, старались предотвратить повтореніе коммерческихъ кризисовъ постановленіемъ новыхъ правилъ для выпуска билетовъ. Они искали зло тамъ, гдѣ его не было; не хотѣли его видѣть тамъ, гдѣ оно заключалось. Съ этой-то точки зрѣнія билль 1844 года, и безъ того составленный столь дурно въ практическомъ отношеніи, представляется важною ошибкою (*).

§ V. Свобода банковъ.

Въ виду всѣхъ этихъ предшествующихъ фактовъ, что слѣдуетъ подумать и сказать о тѣхъ слѣпыхъ и ожесточенныхъ людяхъ, которые намъ твердятъ, что страданія современнаго общества проистекаютъ отъ *тиранніи капитала?* Имѣетъ ли эта формула какой-нибудь смыслъ въ устахъ ихъ? И если имѣетъ, то какой? Правда, что въ окружающемъ насъ обществѣ много зла; но не смѣшно ли приписывать его мнимой тираніи капитала, господствующей надъ трудомъ? Гдѣ обстоятельства, въ которыхъ бы высказывалась эта мнимая тираннія? Существо капитала не состоитъ въ угнетеніи труда, безъ котораго онъ безсиленъ и котораго онъ, напротивъ, долженъ ревностно отъискивать повсюду. Но въ дѣйствительности оно не такъ. Правдоподобнѣе, что въ томъ положеніи дѣлъ, которое мы только-что изобразили, самъ капиталъ страшно угнетенъ беззаконною монополіею. Замѣтимъ впрочемъ, что истина эта примѣняется на

(*) Весь параграфъ о вліяніи привилегированныхъ банковъ на кризисы, замѣчателенъ своею вѣрностью. Впрочемъ мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Привилегированный банкъ вреденъ, потому-что монополія его препятствуетъ нѣкоторымъ помѣщеніямъ капиталовъ въ пользу помѣщенія другаго рода, именно тѣхъ, которыя производятся на биржѣ. Въ этомъ заключается зло, и свобода банковъ могла бы въ нѣкоторой степени предотвратить его. Но средство это не предотвратило бы кризисовъ, причины которыхъ болѣе важны и общи. Оно могло бы только ослабить ихъ и лишить характера неожиданности. Это было бы чрезвычайно полезно. Впрочемъ совершенно справедливо и доказано опытомъ, что затрудненіе банковъ происходитъ всегда отъ извлеченія изъ нихъ вкладовъ и почти никогда отъ одновременнаго предъявленія ихъ билетовъ къ уплатѣ. К. С.

столько же къ большимъ капиталамъ, какъ къ малымъ; при этомъ не должно забывать, что работникъ, человѣкъ живущій трудомъ, самъ дѣлается капиталистомъ, лишь только плодъ его сбереженія начинаетъ накопляться въ его рукахъ. Соціалисты были бы ближе къ истинѣ, приписывая все зло современному обществу тиранніи, господствующей *надъ капиталомъ;* но тогда они должны бы были признать, что классъ общества, называемый ими *мѣщанствомъ* (*bourgoisie*) столько же терпитъ отъ этого, какъ и тѣ, которыхъ они называютъ *народомъ* (peuple) и это признаніе разстроило бы ихъ соображеніе.

Угнетать капиталы всѣхъ родовъ—вотъ отличительный характеръ системы, которую мы только-что разсмотрѣли. Въ обыкновенное время отъ нея проистекаютъ для владѣльцевъ капиталовъ—потеря процентовъ; для страны—страшныя затрудненія, гибельный параличь значительной части общественнаго фонда, постоянный застой въ дѣлахъ и при малѣйшемъ усиліи выйти изъ него — катастрофа. И если трудъ страдаетъ отъ такого положенія дѣлъ, что несомнѣнно, то это потому, что онъ противъ воли и безсознательно испытываетъ отраженіе того разстройства, которому подвергается капиталъ.

Нужно ли еще доказывать, какимъ цѣлительнымъ средствомъ для всѣхъ этихъ золъ была бы свобода банка. Это можно понять изъ всего сказаннаго нами. Представимъ себѣ, что въ 1844 или 1845 годахъ было бы позволено учредить другой банкъ въ Парижѣ. Онъ собралъ бы для составленія своего фонда значительную часть капиталовъ, остававшихся тогда праздными въ кладовыхъ Французскаго банка или въ кассахъ частныхъ банкировъ. Учетъ коммерческихъ векселей отъ этого не уменьшился бы; напротивъ, онъ увеличился бы вслѣдствіе конкуренціи обоихъ банковъ. Такимъ-образомъ, торговля не только бы не остановилась, напротивъ-того, оживилась бы. Могло только случиться, что спекуляціи на желѣзныя дороги не приняли бы большихъ размѣровъ, такъ какъ съ открытіемъ новаго банка значительная часть свободныхъ капиталовъ нашла бы въ немъ помѣщеніе. Во

ЦАБ "Автограф

всякомъ случаѣ новый банкъ пускалъ бы въ оборотъ свой собственный капиталъ и не имѣлъ бы никакихъ причинъ опасаться развитія этого рода спекуляціи. Что же касается перваго банка, то, лишенный значительной части ввѣренныхъ ему вкладовъ, которые нашли бы себѣ помѣщеніе въ новомъ, онъ уже тогда почувствовалъ бы необходимость возвратить свой собственный капиталъ, въ то время почти совершенно истраченный на покупку государственныхъ обличацій. Тогда, вмѣсто-того чтобы производить операціи исключительно на чужіе капиталы, онъ пустилъ бы въ оборотъ свой собственный. Этимъ онъ заранѣе обезпечилъ бы себя на будущій кризисъ. Въ этомъ положеніи и спекуляція на желѣзныя дороги и неурожай не произвели бы никакихъ потрясеній.

Еслибы учрежденіе одного банка было недостаточно для помѣщенія всѣхъ бездѣйствующихъ капиталовъ, то образовался бы третій банкъ, который еще скорѣе упрочилъ бы положеніе дѣлъ. Тогда безъ всякаго сомнѣнія увеличилась бы сумма учетовъ къ большой выгодѣ промышленности и торговли, но безъ всякой опасности для страны. Такъ-какъ три банка принуждены были бы съ каждымъ днемъ всё болѣе-и-болѣе ограничиваться употребленіемъ своихъ собственныхъ капиталовъ, то возможность кризисовъ отдалялась бы всё болѣе-и-болѣе. Впрочемъ каждый изъ банковъ увеличилъ бы нѣсколько свои средства, выпустивъ въ обращеніе нѣкоторое количество своихъ билетовъ. Но цифра обращающихся билетовъ увеличилась бы значительно только въ томъ случаѣ, еслибы банки стали выпускать билеты малой цѣнности. Это обращеніе регулируется публикой (*) и не можетъ увеличиваться по волѣ банковъ, какъ это мы уже видѣли изъ предшествующихъ таблицъ. Такимъ-образомъ промышленность и торговля могли бы развиваться совершенно свободно, не опасаясь никакихъ потрясеній. Само собою разумѣется, что теперешній банкъ

(*) Оно никогда не можетъ превышать потребность въ билетахъ, ощущаемая публикою. К. С.

получалъ бы менѣе прибыли. Съ учрежденіемъ же перваго соперничествующаго съ нимъ банка, доходы его уменьшились бы, хотя и не на половину, потому-что общая сумма всѣхъ учетовъ могла бы увеличиться; но, быть-можетъ, на одну треть, т.-е. вмѣсто 16% прибыли онъ сталъ бы получать всего 10%. Съ учрежденіемъ втораго соперничествующаго банка прибыль уменьшилась бы еще до 7 или 8%. Конкуренція четвертаго банка понизила бы прибыль до 5 или 6%; дивидендъ все-таки довольно значительный, и большинство капиталистовъ было бы весьма довольно получать такую прибыль безъ всякаго труда и не подвергаясь ни малѣйшему риску.

Но, спросятъ насъ, до какихъ предѣловъ будетъ продолжаться умноженіе числа банковъ? Отвѣтъ на это весьма простъ. Умноженіе банковъ остановится тогда, когда прибыль, получаемая акціонерами ихъ, не будетъ превышать той, которую можно будетъ получать другими способами.

Для того, чтобы представить читателямъ болѣе полную картину новаго порядка вещей, мы должны упомянуть еще о многихъ другихъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, безъ всякаго сомнѣнія, съ открытіемъ конкуренціи между банками, послѣдніе будутъ стараться привлечь къ себѣ бездѣйствующіе капиталы, представляя имъ приманку процентовъ. Вслѣдствіе этого увеличится приливъ вкладовъ. Всѣ суммы, находящіяся нынѣ безъ употребленія и разсѣянныя повсюду въ видѣ сбереженій, запасныхъ кассъ негоціантовъ, даже часть капиталовъ, хранящихся нынѣ въ сберегательныхъ кассахъ, а въ-особенности суммы, превышающія maximum вкладовъ одного лица, установленный для этихъ учрежденій, будутъ искать въ банкахъ временное или постоянное помѣщеніе. Слѣдствіемъ этого будетъ лучшее употребленіе общественнаго капитала. Кромѣ-того для самихъ банковъ это составитъ новый источникъ прибыли, такъ-какъ они будутъ выдавать капиталы въ ссуду за болѣе высокій процентъ, чѣмъ выплачиваемый ими вкладчикамъ. Впрочемъ, при полной свободѣ дѣйствій банковъ, масса всѣхъ вкладовъ

не превышала бы нѣкоторыхъ предѣловъ. Вслѣдствіе того именно, что процентъ, выплачиваемый съ суммъ, ввѣренныхъ банку, будетъ ниже получаемаго акціонерами банка, всѣ тѣ, которые могутъ затратить на время свои капиталы, будутъ стараться обратить ихъ скорѣе въ акціи банка; вмѣсто-того, чтобы оставлять ихъ въ видѣ вкладовъ. Такимъ-образомъ или банкъ, принявшій ихъ, какъ вклады, согласится принять ихъ въ составъ собственнаго капитала; или явится мысль объ учрежденіи новаго банка, когда масса капиталовъ сдѣлается весьма значительною. Вслѣдствіе этого замѣченное нами неравенство въ выгодахъ вкладчиковъ и акціонеровъ будетъ всё болѣе-и-болѣе сглаживаться и съ тѣмъ вмѣстѣ изчезнетъ мало-по-малу всякая возможность сильныхъ потрясеній.

Мы возвратимся еще къ этому предмету, разсмотрѣвъ главныя условія различныхъ системъ банковъ, учрежденныхъ во Франціи, Англіи, Шотландіи и Соединенныхъ Штатахъ. Теперь же, для пополненія представленнаго нами очерка, скажемъ нѣсколько словъ о причинахъ ужаснаго кризиса, обнаружившагося въ 1837 году въ Соединенныхъ Штатахъ.

§ VI. Кризисъ 1837 года въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ обстоятельства кризиса были не совсѣмъ тѣ же, что въ Англіи или Франціи. Въ этой странѣ никогда не было ни одного банка съ исключительными привилегіями. Правительство каждаго штата имѣетъ право разрѣшать на своей территоріи образованіе подобнаго учрежденія и всѣ правительства болѣе или менѣе щедро пользовались этимъ правомъ. Только Центральный банкъ, называемый банкомъ Соединенныхъ Штатовъ, основанный въ 1816 году, властью конгресса и центральнаго правительства, пользовался довольно долго нѣкоторыми привилегіями, поставившими его въ совершенно исключительное положеніе; замѣчательно, что эти-то особыя преимущества и были поводомъ, если не дѣйствительною причиною, ужаснаго потрясенія 1837 года. Такимъ-образомъ, хотя побоч-

ныя обстоятельства и различны, примѣръ Соединенныхъ Штатовъ вполнѣ подтверждаетъ выводы, сдѣланные нами изъ примѣровъ Лондонскаго и Французскаго банковъ.

Вотъ факты.

Основанный въ 1816 году въ Филадельфіи подъ наблюденіемъ центральнаго правительства, банкъ Соединенныхъ Штатовъ, съ самаго своего начала пользовался покровительствомъ правительства. Во-первыхъ, республика содѣйствовала его образованію взносомъ $^1/_5$ части своего капитала, простиравшагося до 35 милліоновъ долларовъ. Кромѣ-того ему дали исключительное право получать за правительство налоги, установленные конгрессомъ. Билеты его принимались въ государственныхъ кассахъ и всѣми чиновниками, какъ звонкая монета, — что давало преимущество передъ билетами другихъ банковъ, отъ пріема которыхъ можно было отказываться. Наконецъ самая главная привилегія его состояла въ томъ, что онъ одинъ былъ хранителемъ излишка государственныхъ доходовъ, составлявшаго тогда значительныя суммы. Въ противоположность европейскимъ государствамъ, обремененнымъ долгами, правительство Соединенныхъ Штатовъ имѣло въ то время запасный фондъ, простиравшійся до 200 милліоновъ франковъ. Этотъ капиталъ, близкой потребности въ которомъ не предполагалось, оставался на храненіи въ кассѣ Центральнаго банка, и понятно до какой степени онъ увеличивалъ его средства. Благодаря этой посторонней помощи и въ совокупности со своимъ собственнымъ весьма значительнымъ уже капиталомъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ занялъ совершенно исключительное положеніе. Онъ распространилъ свое вліяніе на всѣ части Союза, въ которомъ въ 1830 году имѣлъ 27 конторъ; цифра его оборотовъ была громадна. Хотя во всѣхъ штатахъ и даже въ самой резиденціи его, Филадельфіи, онъ и сталкивался съ болѣе или менѣе обширными банками, вступившими съ нимъ въ конкуренцію, но какъ ни одинъ изъ этихъ банковъ не могъ бороться съ его могуществомъ, то онъ и получилъ характеръ чисто привилегированнаго учрежденія.

ЦАБ "Автограф"

Между-тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ замѣтили, наконецъ, что монополія, несмотря на всѣ ограниченія, имѣетъ всегда вредныя послѣдствія. Демократическая партія въ-особенности недовѣрчиво смотрѣла на преобладающее вліяніе этого банка на торговлю и злоупотребленіе его въ политическихъ выборахъ. Наконецъ убѣдились въ томъ, что если частныя привилегіи какой-нибудь корпораціи гибельны повсюду, то онѣ еще опаснѣе въ республиканскомъ государствѣ. Такимъ-образомъ началась война между демократическою партіею и банкомъ. Сначала эта борьба была только на словахъ, но когда демократическая партія, въ лицѣ генерала Джексона, стала во главѣ правительства, она приняла болѣе рѣшительный характеръ и окончилась наконецъ въ 1836 году тѣмъ, что правительство внезапно потребовало обратно всѣ капиталы, ввѣренные имъ банку, и уничтожило всѣ привилегіи, которыми банкъ пользовался до-тѣхъ-поръ. Отсюда произошло ужасное потрясеніе, поколебавшее весь Союзъ и сильно отозвавшееся въ Европѣ.

Война, объявленная президентомъ Джексономъ банку Соединенныхъ Штатовъ, была обсуживаема различно. Дѣйствительно, ее можно одобрять или порицать, смотря потому, съ какой стороны смотрѣть на нее.

Что касается до сущности спора, то мы, нисколько не колеблясь, скажемъ, что по нашему мнѣнію, демократическая партія и ея глава были совершенно правы, какъ съ политической, такъ и съ коммерческой или финансовой точки зрѣнія. Монополія Центральнаго банка была большимъ злоупотребленіемъ. Мы не можемъ не согласиться съ мыслью генерала Джексона, когда онъ въ письмѣ своемъ отъ 7-го декабря 1835 года къ конгрессу говоритъ слѣдующее: «Равновѣсіе, установленное нашею конституціею, было бы нарушено, если-бы мы еще долѣе терпѣли существованіе корпорацій, пользующихся исключительными привилегіями. Послѣднія дадутъ имъ вскорѣ возможность оказывать могущественное вліяніе на политическій образъ дѣйствія массъ, ставя въ зависимость отъ нихъ

работу и существованіе самаго многочисленнаго класса. Повсюду, гдѣ духъ монополіи вступаетъ въ союзъ съполитическою властію, является тираннія и деспотизмъ.»

Онъ былъ столько же правъ, открыто утверждая, что существованіе привилегированной корпораціи отнюдь не необходимо, какъ для сбора налоговъ и управленія государственными фондами, такъ и для операцій по денежному курсу на иностранныя государства, какъ до-сихъ-поръ очень многіе думаютъ. «Теперь,—говорилъ онъ,—слѣдуетъ разсмотрѣть: не можемъ ли мы, среди цвѣтущаго благосостоянія нашей страны, положить рѣшительную преграду монополіи и доказать, что совсѣмъ не слѣдовало прибѣгать къ ней въ той мѣрѣ, въ какой до-сихъ-поръ дѣлали. Годъ опыта доказалъ намъ, какъ ошибочна мысль, будто банкъ Соединенныхъ Штатовъ есть необходимый финансовый агентъ правительства. Безъ его помощи и даже наперекоръ всѣмъ затрудненіямъ, которыя онъ въ состояніи былъ противопоставить намъ, налоги съ совершенною точностію были уплачиваемы нашими согражданами и всѣ наши денежные обороты, какъ внутренніе, такъ и внѣшніе, были произведены удовлетворительно. Было дознано, что государственные доходы могутъ быть безъ потерь и неудобствъ собираемы и употребляемы по назначенію и посредствомъ частныхъ банковъ штатовъ, не имѣющихъ грамотъ отъ центральнаго правительства; и всякій свѣдущій въ денежныхъ оборотахъ и движеніи капиталовъ скажетъ, что всѣ общественныя потребности были удовлетворяемы такъ же хорошо, какъ и прежде. Если и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ было доказано, что соображенія, на которыхъ банкъ Соединенныхъ Штатовъ основывалъ свои права на признательность публики, были совершенно ложныя, то нельзя сомнѣваться, что опытъ будущаго еще рѣшительнѣе возстанетъ противъ притязаній этого учрежденія.»

Къ этимъ совершенно вѣрнымъ соображеніямъ, генералъ Джексонъ могъ бы прибавить еще множество другихъ. Онъ могъ бы сказать, что дарованное банку Соединенныхъ Штатовъ преиму-

щество пользоваться государственными капиталами для своихъ учетовъ безъ платы процентовъ, способствуетъ увеличенію прибыли акціонеровъ въ ущербъ публикѣ; что отъ этого происходило горестное и несправедливое неравенство, котораго нельзя терпѣть въ демократическомъ государствѣ; что привилегія, дарованная одному банку, явно низводила другіе банки на низшую степень; что она ставила ихъ въ нѣкоторую зависимость отъ привилегированнаго учрежденія, и чрезъ то дѣлала невозможными всякую правильную конкуренцію, всякое равновѣсіе; и вслѣдствіе этого и истинную гармонію въ отправленіяхъ кредита.

Такимъ-образомъ, генералъ Джексонъ опирался на авторитетъ разума и справедливости, приглашая конгрессъ отмѣнить свои прежнія уступки, отнявъ у банка всѣ дарованныя ему исключительныя привилегіи. «Я долженъ, говорилъ онъ, всѣми средствами обратить вниманіе конгресса на столь важный предметъ. Глубоко проникнутая важностью этого вопроса, исполнительная власть въ предѣлахъ, назначенныхъ конституціею, приняла всѣ мѣры къ обезпеченію взиманія государственныхъ доходовъ и уничтоженію питаемой банкомъ Соединенныхъ Штатовъ надежды на продолженіе его монополіи, какъ совершенно необходимаго финансоваго агента правительства. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что обязанности, возложенныя на меня конституціею, требовали непремѣнно принятія мѣры, мною исполненной; а именно изъятія изъ банка ввѣренныхъ ему капиталовъ, принадлежащихъ республикѣ. Такимъ-образомъ я разорвалъ опасную связь между финансовою силою и политическою властію. Теперь конгрессу остается рѣшить, какія законодательныя измѣненія сдѣлались необходимы, вслѣдствіе совершившихся событій.»

Къ-несчастію, демократическая партія и глава ея, имѣя въ существѣ спора на своей сторонѣ истину, сдѣлали много ошибокъ относительно формы.

Во-первыхъ, еще неизвѣстно, оставалась ли исполнительная власть въ *предѣлахъ, означенныхъ ей конституціею,* самовольно вынимая изъ банка капиталы безъ предварительнаго согласія

конгресса. Въ этомъ случаѣ дѣло шло не о простыхъ случайныхъ и временныхъ вкладахъ, подобныхъ тѣмъ, какіе англійское и французское правительства помѣщаютъ въ Лондонскій и Парижскій банки, когда наличность ихъ кассъ на время превышаетъ потребности; здѣсь дѣло шло о постоянномъ вкладѣ, составленномъ изъ остаточныхъ суммъ и помѣщенномъ въ банкъ съ согласія самаго конгресса. Такъ-какъ въ началѣ вкладъ этотъ одобренъ былъ конгрессомъ, то справедливо было ожидать, что согласіе его будетъ испрошено и относительно изъятія вклада изъ банка, а спрашивать его согласія, когда дѣло уже сдѣлано, нѣсколько поздно.

Съ другой стороны, почему изъятіе этого капитала сдѣлано было такъ быстро и за одинъ разъ? Дѣло это само по себѣ было весьма важно и приниматься за него нужно было съ осторожностью, если не въ интересахъ банка, по-крайней-мѣрѣ, въ интересахъ торговли, которую банкъ поддерживалъ своими учетами. Если республика не имѣла постоянной нужды въ капиталахъ, потребованныхъ ею обратно, то почему не было назначено постепенныхъ сроковъ для уплаты ихъ? Тогда операція эта была бы произведена мало-по-малу, безъ потрясеній, и дѣла пришли бы въ свой нормальный порядокъ безъ особенныхъ затрудненій. Но такая осторожность не соотвѣтствовала, ни горячему характеру предводителя демократовъ, ни привычкамъ его партіи, никогда и нигдѣ не отличающихся терпѣніемъ. Кромѣ-того, его ненависть къ банку не позволяла ему сообразить послѣдствія такой насильственной мѣры. Быть можетъ даже, онъ былъ бы не прочь однимъ разомъ погубить своего врага, рискуя даже погубить вмѣстѣ съ нимъ и большую часть торговли своего отечества.

Къ этимъ ошибкамъ генералъ Джексонъ прибавилъ одну, еще болѣе важную; а именно — подвергнулъ такому же гоненію и прочіе банки и вообще всю *систему банковыхъ оборотовъ* (Banking system). Онъ направилъ противъ нихъ всѣ пружины своей власти и всѣми средствами старался вытѣснить изъ обращенія ихъ бумаги, всячески вводя въ обращеніе звонкую монету: мысль несчастная, для поддержанія которой, прибѣгали къ самымъ

страннымъ средствамъ. Однако онъ не успѣлъ въ этомъ намѣреніи. Банковыя бумаги продолжали переходить изъ рукъ въ руки въ такомъ же количествѣ, какъ и прежде, несмотря на всѣ старанія президента стѣснить ихъ обращеніе. Тѣмъ не менѣе понятно, что эта рѣшительная борьба, объявленная главою правительства всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ, а въ-особенности внезапное изъятіе фондовъ, ввѣренныхъ центральному банку, должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ ужасный кризисъ.

Правда, послѣдствія не обнаружились тотчасъ же. Все это происходило въ Америкѣ, въ одинъ изъ изображенныхъ нами моментовъ, когда въ Англіи капиталы скопились и начали искать себѣ сбытъ за границею. Поэтому втеченіи нѣкотораго времени англійская звонкая монета приливала въ кассы американскихъ банковъ, замѣщая пустоты, произведенныя дѣйствіями генерала Джексона. Но нѣсколько позже, когда кризисъ обнаружился въ самой Англіи, когда англійскіе капиталисты потребовали назадъ свои капиталы и Лондонскій банкъ, находясь въ необходимости удовлетворять множеству требованій на звонкую монету, въ свою очередь прибѣгнулъ къ крутымъ мѣрамъ для того, что бы возвратить въ страну всѣ вышедшіе изъ нея капиталы, буря, нависшая надъ Америкою, разразилась; потрясеніе было такъ сильно, что платежи звонкою монетою были прекращены почти повсюду.

Мы не станемъ распространяться объ обстоятельствахъ этого кризиса, понятнаго для всѣхъ; достаточно того, что мы указали на истинную причину его. Причина, какъ можно было видѣть, во многомъ отличается отъ тѣхъ, которыя производятъ подобныя потрясенія во Франціи и Англіи. Однако между ними замѣтно разительное сходство. Въ Америкѣ, какъ въ Англіи и Франціи, первое начало зла кроется въ привилегіи. Послѣднею причиною кризиса бываетъ внезапный отливъ чужихъ капиталовъ, которыми банкъ пользовался, какъ своими собственными. Несмотря на замѣчаемыя въ обоихъ случаяхъ весьма существенныя различія, изъ нихъ можно вывести почти однѣ и тѣ же заключенія.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

БАНКИ ВО ФРАНЦІИ.

Бросимъ теперь взглядъ на состояніе банковъ во Франціи до послѣдней революціи.

Съ самаго начала имперіи, во Франціи господствовали два одинаково гибельные принципа: первый, что никакое банковое учрежденіе не можетъ выпускать билетовъ *на предъявителя и по предъявленіи* (*безименные*), т.-е. заниматься банковою торговлею въ обширныхъ размѣрахъ, не получивъ особаго дозволенія отъ правительства; второе, что каждое изъ учрежденій, получившихъ разрѣшеніе отъ правительства, пользуется исключительною привилегіею въ мѣстахъ, гдѣ оно учреждено.

Достаточно было принять въ основаніе эти два принципа, чтобы обречь Францію на вѣчную отсталость. При таковомъ устройствѣ невозможно было ожидать обширнаго развитія кредита; потому и торговля, душу которой составляетъ кредитъ, не могла надѣяться на болѣе блестящую будущность. Понятно, что еслибы правительство съ большею щедростью пользовалось громадною властью, которую оно предоставило самому себѣ, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ банки распространились бы по всей Франціи, и всякій мало-мальски значительный городъ имѣлъ бы свой банкъ. Слѣдствіемъ отчужденности этихъ учрежденій

и привилегій, которымъ каждое изъ нихъ пользовалось въ своемъ мѣстѣ, всегда были бы важныя неудобства, на которыя мы только-что указали, т.-е. переполненіе рынка звонкою монетою и періодическіе кризисы; можетъ быть даже, что вслѣдствіе большаго числа банковъ, эти кризисы сдѣлались бы болѣе важными, въ-особенности если цифра ихъ была бы положительно и неизмѣнно опредѣлена. Несмотря на это, выгоды, проистекающія изъ существованія этихъ учрежденій таковы, что даже при такихъ условіяхъ размноженіе ихъ было бы весьма благодѣтельно для Франціи. Говоря именно объ этихъ привилегированныхъ учрежденіяхъ, мы сказали выше, что часто причиняемыя ими коммерческія потрясенія лишаютъ страну только незначительной части выгодъ, которую онѣ доставляютъ своими оборотами.

Къ-несчастію французское правительство бережливо пользовалось своею громадною властью. До послѣдней революціи, во французскихъ департаментахъ существовало неболѣе девяти банковыхъ учрежденій, не считая, правда, нѣсколькихъ конторъ, устроенныхъ недавно центральнымъ банкомъ. Десять банковъ во всей Франціи! Вотъ плоды пятидесятилѣтняго изученія и тридцати-трехлѣтняго мира! Не достоинъ ли сожалѣнія такой жалкій результатъ? Одно изъ двухъ: или банки полезны, или они вредны. Если, не признавая разительныхъ фактовъ говорящихъ въ ихъ пользу, ихъ считали безполезными или вредными, то почему не закрыли всѣ банки безъ исключенія. Если, напротивъ, польза ихъ была признана, зачѣмъ было не допустить, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, каждый значительный городъ имѣлъ свой банкъ?

Люди, всегда готовые извинять злоупотребленія правительства, скажутъ, можетъ-быть, что если во Франціи банки существуютъ не въ большомъ числѣ городовъ, то это потому, что сами города не желали того. Подобное предположеніе ошибочно. Несмотря на почти совершенное отсутствіе банковыхъ учрежденій, непозволившее оцѣнить ихъ пользу, во Франціи не найдется,

быть-можетъ, ни одного значительнаго города, который бы въ то или другое время не добивался имѣть свой банкъ. Но довольно знать сколько запутанныхъ мытарствъ надо пройти, чтобы получить подобную привилегію; какія нужно побѣдить затрудненія, сколько нужно подавать просьбъ, какія нужно испытывать проволочки, чтобы понять, отчего множество городовъ отказалось отъ выгодъ, такъ трудно достигаемыхъ. Получить дозволеніе на учрежденіе банка было даже для самыхъ значительныхъ городовъ дѣломъ, требовавшимъ много времени; это было что-то въ родѣ геркулесова подвига. Исключая двухъ или трехъ департаментскихъ банковъ, которые сами собою образовались въ исходѣ великой французской революціи (*), какъ напримѣръ банки въ Руанѣ и Бордо, и учрежденіе которыхъ одновременно съ учрежденіемъ Французскаго банка,—всѣ прочіе могли быть основаны только цѣною тяжкихъ усилій, продолжительныхъ и дорогихъ хлопотъ, совершенно достаточныхъ, чтобъ навсегда отвратить торговлю отъ подобныхъ ходатайствъ. Назовемъ для примѣра Тулузскій банкъ, основанный только послѣ долголѣтнихъ просьбъ, въ которыхъ участвовали генеральный совѣтъ департамента, муниципальный городской совѣтъ и бо́льшая часть вліятельныхъ лицъ. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ надо было надоѣдать министерскимъ канцеляріямъ и государственному совѣту, чтобы получить вещь самую обыкновенную, — дозволеніе на учрежденіе банковаго общества съ капиталомъ въ 1,200,000 франк. (300,000 руб. сер.). Городъ Дижонъ послѣ такихъ же усилій долженъ былъ уступить предъ сопротивленіемъ, встрѣченнымъ имъ въ правительствѣ. Зная это, можно ли удивляться, что до-сихъ-поръ во Франціи такъ мало банковъ, и не смѣшно ли было бы заключать изъ этого, что страна не чувствуетъ въ нихъ потребностей?

(*) Это ошибочно. Банки Бордоскій и Руанскій были учреждены въ эпоху легкой либеральной реакціи, послѣдовавшей за паденіемъ имперіи, первый въ 1817, второй въ 1818 году. К. С.

ЦАБ "Автограф"

Временное правительство, возникшее послѣ Февральской революціи, поступило еще лучше своихъ предшественниковъ. Оно однимъ ударомъ конфисковало немногіе банки, учрежденные въ департаментахъ послѣ столь значительныхъ усилій, чтобы слить ихъ въ одинъ центральный банкъ. Это, можно сказать, начало конца. Мы возвратимся еще къ этой мѣрѣ; теперь же выразимъ только надежду, что лекарство само возникнетъ изъ излишка зла. Сказавъ это, обращаемся къ устройству банка, существовавшему до послѣдней революціи, чтобы сравнить его съ устройствомъ банковыхъ учрежденій Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

§ I. Французскій банкъ.

По окончаніи великой французской революціи, когда только-что кончилось царство ужаса, когда воспоминаніе объ ассигнаціяхъ было еще свѣжо, въ Парижѣ образовалось много обществъ подъ различными именами для выпуска билетовъ и учета векселей. Такъ-какъ законы касательно этого предмета были, или отмѣнены или вышли изъ употребленія, то подобныя учрежденія образовались сами собою, безъ соблюденія всякихъ правилъ, кромѣ своихъ собственныхъ статутовъ (*). Несмотря на неурядицу, которая тогда еще господствовала, и предубѣжденіе, которое повидимому вкоренялось въ публикѣ, противъ всякаго рода кредитныхъ бумагъ, имъ не стоило большихъ трудовъ проложить себѣ дорогу; это доказываетъ, скажемъ мимоходомъ, что, несмотря на столько печальныхъ воспоминаній, банки распространились бы во Франціи такъ же легко, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ, еслибы не ставили преградъ ихъ успѣхамъ.

Но консульское правительство, глава котораго, впослѣдствіи императоръ, имѣлъ такое пристрастіе къ централизаціи, полагало, что одинъ привилегированный банкъ оказалъ бы болѣе услугъ, чѣмъ нѣсколько свободныхъ банковъ. Кромѣ-того, судя по

(*) Свобода банковъ прямо проистекала изъ закона 1791 года, о свободѣ труда и внутренней торговли. К. С.

послѣднимъ событіямъ, можно предполагать, что оно имѣло въ виду сдѣлать изъ этого учрежденія финансовое орудіе. Приводя такимъ-образомъ въ основаніе нѣкоторыя затрудненія, соперничества и недочеты, сами по себѣ малозначущія и весьма естественныя въ такое время при самомъ началѣ ихъ существованія, оно пожелало, чтобы всѣ банки слились въ одинъ (*). Изъ соединенія этихъ банковъ образовалось настоящее учрежденіе, которому дано было имя *Французскаго банка*. Онъ былъ утвержденъ закономъ XXIV-го жерминаля XI-го года, которымъ ему предоставлено исключительная привилегія выпуска билетовъ на имя предъявителя и по предъявленію (**); впрочемъ съ оговоркою, что правительство удерживаетъ за собою право устройства подобныхъ учрежденій въ департаментахъ.

Несмотря на новое устройство и на данную привилегію, Французскій банкъ не былъ счастливъ въ своихъ первыхъ операціяхъ. Капиталъ его состоялъ сначала изъ 45,000 акцій, въ 1,000 франковъ каждая, что составило 45,000,000; но его тотчасъ же заставили обратить часть этого капитала въ государственныя ренты для возвышенія курса публичныхъ фондовъ, а Наполеонъ завладѣлъ другою частью, въ замѣнъ которой онъ заставилъ банкъ принять ассигновки на генеральныхъ сборщиковъ податей. Съ этихъ поръ банкъ пересталъ быть коммерче-

---

(*) Изъ современныхъ документовъ легко убѣдиться, что консульство не воспользовалось ни этимъ, ни какимъ-либо другимъ предлогомъ. Учредившіеся въ Парижѣ банки дѣйствовали свободно, безъ соперничества, къ большому удовольствію публики, и очень добросовѣстно исполняли свои обязательства. Успѣхъ ихъ соблазнилъ нѣкоторыхъ важныхъ лицъ, захотѣвшихъ сдѣлать аферу, пользуясь своимъ кредитомъ у правительства, и такимъ-образомъ былъ учрежденъ Французскій банкъ. Такъ какъ этотъ банкъ не имѣлъ кредита въ торговлѣ, то помощью средствъ, которыми общественная власть всегда пользуется во Франціи, устроили ея слитіе съ Кассою текущихъ счетовъ,—самымъ важнымъ изъ существовавшихъ тогда банковъ. Впослѣдствіи принудили къ слитію другіе банки.

К. С.

(**) Въ этомъ первомъ законѣ, ихъ обозначили только подъ общимъ наименованіемъ *банковыхъ билетовъ*. Въ законѣ же 1806 года ихъ обозначали точнѣе, назвавъ: *билетами на предъявителя и по предъявленію* (*безименные*).

ЦАБ "Автограф"

скимъ банкомъ, чтобы сдѣлаться простымъ финансовымъ механизмомъ, и вскорѣ онъ видѣлъ себя вынужденнымъ прекратить свои платежи.

Вновь преобразованный закономъ 23-го апрѣля 1806 года, банкъ этотъ долженъ былъ имѣть капиталъ не менѣе 90 милл. франк., не считая запаснаго, съ которымъ весь капиталъ его составлялъ болѣе 100 милл. Новый законъ предоставлялъ правительству право дозволять и запрещать раздачу дивидендовъ акціонерамъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы при накопленіи звонкой монеты въ кассахъ, банкъ могъ бы легче дѣлать ссуды государственному казначейству. Наконецъ его заставили принять и давать жалованье директору и вице-директорамъ, на которыхъ лежала обязанность контролировать отъ имени правительства всѣ его операціи: обременительное вознагражденіе за дарованныя ему привилегіи. Впрочемъ, въ первые годы послѣ окончательнаго устройства его, назначеніе банка, несмотря на то, что онъ продолжалъ въ нѣкоторой мѣрѣ допускать къ учету торговые векселя, было—поддерживать публичный кредитъ и дѣлать ссуды государству. Только со времени утвержденія конституціоннаго правленія въ 1815-мъ году, банкъ получилъ свое настоящее назначеніе, отъ котораго онъ впрочемъ впослѣдствіи не разъ уклонялся.

Въ силу своихъ статутовъ, сдѣлавшихся закономъ, Французскій банкъ можетъ учитать векселя по-крайней-мѣрѣ съ тремя надписями. Онъ можетъ впрочемъ допустить къ учету векселя съ двумя надписями, но съ дополнительнымъ обезпеченіемъ, состоящимъ изъ акцій банка, рентъ, акцій каналовъ и разныхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ. Онъ можетъ также сдѣлать ссуды на вклады золотомъ и серебромъ и также, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на государственные билеты, на опредѣленный срокъ.

Французскій банкъ открываетъ также текущіе счеты частнымъ лицамъ, но не для ссудъ, а только для вкладовъ, для полученія уплатъ по представляемымъ ими векселямъ и для производства за нихъ платежей въ размѣрахъ суммъ, ввѣренныхъ

ему банкомъ. Разумѣется банкъ не платитъ никакихъ процентовъ на ввѣренныя ему суммы. Тѣмъ, которые этого желаютъ, банкъ даетъ росписки на всякую сумму, уплачиваемую предъявителю по предъявленіи его: эти росписки именныя и платежъ по нимъ производится не иначе, какъ по надписи лица, получившаго ихъ.

Числа, показанныя въ предъидущей главѣ, даютъ кажется довольно точное понятіе о важности операцій Французскаго банка въ различный эпохи. Остается только сообщить нѣкоторыя подробности касательно обширности обращенія его билетовъ и числа и важности его конторъ. Хотя цифра находящихся въ обращеніи билетовъ Французскаго банка иногда подвергалась случайнымъ измѣненіямъ, въ-особенности во время паденія имперіи и вторженія непріятельскихъ войскъ, все-таки можно сказать, что она увеличивалась довольно постоянно со времени учрежденія банка.

Мы ограничимся только краткими указаніями, взятыми изъ различныхъ эпохъ его существованія.

	Билеты въ обращеніи.	
Годы.	Maximum.	Minimum.
Годъ IX	25,316,500	16,637,000.
X	45,635,000	10,873,500.
1806	76,704,000	54,420,500.
1807	107,613,000	74,678,000.
1811	120,172,500	54,842,000.
1812	133,646,000	81,550,000.
1819	135,409,000	79,684,500.
1820	171,961,000	122,213,500.
1827	203,465,000	173,185,500.
1828	214,002,000	179,550,500.
1833	228,560,000	193,129,500.
1834	222,284,000	192,358,000.
1843	247,000,000	216,000,000.
1844	271,000,000	233,000,000.

ЦАБ "Автограф"

1845	289,000,000	247,000,000.
1846	311,000,000	243,000,000.

Слишкомъ большое возвышеніе номинальной цѣны купоновъ банка, изъ которыхъ самые мелкіе были въ 500 франковъ, много способствовало ограниченію обращенія билетовъ. Нужно прибавить, что долгое время билеты его были уплачиваемы только въ Парижѣ, потому-что въ департаментахъ не существовало ни одной конторы, которая была бы въ состояніи принимать ихъ во всякое время; и потому обращеніе ихъ ограничивалось только столицею. Даже у воротъ Парижа трудно было сбыть ихъ; въ департаментахъ же они появлялись изрѣдка, какъ-бы по исключенію, и въ этомъ случаѣ предъявители могли ихъ промѣнять не иначе, какъ съ уступкою 1½%. Но со времени учрежденія конторъ, или по-крайней-мѣрѣ, со времени опредѣленія сдѣланнаго общимъ совѣтомъ, по которому конторамъ предоставлено право размѣнивать alpari билеты центральнаго учрежденія, положеніе вещей измѣнилось. —«Съ этого времени, говоритъ директоръ банка, билеты эти разошлись въ нѣкоторыхъ департаментахъ. Они замѣнили даже собою выпускъ билетовъ, производимаго нѣкоторыми конторами»; что́ вполнѣ подтверждаетъ все сказанное нами выше. «Впродолженіи десяти лѣтъ, прибавляетъ директоръ, цифра всего обращенія билетовъ, какъ банка, такъ и его конторъ, увеличилась на 65 милл. (отъ 204 до 269 милл.). Этотъ излишекъ раздѣлился между провинціею и столицею».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что посредничество конторъ много способствовало расширенію обращенія банковыхъ билетовъ; что для этого нужно было особенное дозволеніе, и что дозволеніе это было дано такъ поздно. Не кажется ли, что это должно было идти само собою? Безъ-сомнѣнія, конторы банка обязаны были показать полную готовность къ принятію билетовъ, выпущенныхъ центральнымъ учрежденіемъ. Еслибы онѣ отказались отъ этого, то какъ бы согласились иностранцы брать на себя эти билеты. Понятно, что изъ видовъ благоразумія, можно было не обязывать конторы непремѣнно производить платежи по билетамъ, и пре-

доставить имъ право въ извѣстныхъ случаяхъ не принимать ихъ или отсрочивать платежи, изъ опасенія (вполнѣ законнаго, хотя нѣсколько преувеличеннаго), чтобы неблагонамѣренные люди, изъ желанія подорвать кредитъ банка, не предъявили бы какой-нибудь изъ конторъ, разомъ огромное количество билетовъ, уплата по которымъ была бы для нихъ невозможна. Но отказать конторамъ даже въ правѣ уплачивать билеты центральнаго банка, — одна изъ выдающихся нелѣпостей такого страннаго правила. Между-тѣмъ директоръ, какъ-бы боясь, чтобъ такое проявленіе власти не показалось слишкомъ смѣлымъ, поспѣшилъ прибавить, что право уплаты билетовъ центральнаго банка предоставляется конторамъ впредь до новаго приказанія.

Нечего и говорить, что независимымъ банкамъ въ департаментахъ не дозволено было производить платежи, какъ по билетамъ Парижскаго банка, такъ и по билетамъ конторъ и прочихъ департаментскихъ банковъ. Все это должно было дѣйствовать отдѣльно, безъ взаимныхъ отношеній, безъ связи. Удивительно ли послѣ этого, что обращеніе билетовъ, выпущенныхъ каждымъ изъ этихъ учрежденій, ограничивалось исключительно мѣстомъ, въ которомъ находился банкъ? Изъ этого происходило другое неудобство: переводъ денегъ изъ одного мѣста въ другое, производился неиначе, какъ съ большими затрудненіями и издержками, и одинъ вексельный курсъ достаточно обременилъ французскую торговлю и промышленность значительными лишними издержками (*), тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, переводъ денегъ изъ одного города въ другой, хотя бы находящагося на другомъ краю союза, т.-е.

(*) Это-то обстоятельство и было причиною того, что сліяніе всѣхъ департаментскихъ банковъ въ одинъ Парижскій было нѣкоторыми людьми принято благосклонно. Въ этомъ видимъ средство производить переводы векселей легко и выгодно. Это выгода дѣйствительная, но выгода купленная слишкомъ дорогою цѣною. Очевидно, что того же самаго можно было бы достичь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и вполнѣ, при существованіи вольныхъ банковъ, которые естественно установили бы между собою всѣ сношенія, необходимыя для выгодъ торговли.

на разстояніи въ 3 или 4 раза бо́льшемъ всей длины Франціи, почти ничего не стоитъ.

Взглянувъ на предъидущую таблицу, мы замѣтимъ, что обращеніе билетовъ банка довольно правильно, особенно въ послѣдніе годы. Сравнивая цифры *maximum* и *minimum* мы видимъ, что онѣ мало измѣняются, даже въ критическія минуты. Эти измѣненія кажутся болѣе значительными въ таблицахъ, нежели въ дѣйствительности. «Надо, впрочемъ, замѣтить, что учеты, которые производятся въ концѣ каждаго мѣсяца, на нѣкоторое время увеличиваютъ оборотъ билетовъ почти на 20,000,000 франковъ. Билеты, образующіе этотъ излишекъ, на другой же день поступаютъ въ банкъ и доплачиваются ссудами, получаемыми 30-го и 31-го числа». (*Донесеніе директора.*) Вычитая изъ *maximum*' а 20 милл. случайныхъ выпусковъ, которыхъ не должно принимать въ разсчетъ, мы увидимъ, что колебанія въ цифрѣ билетовъ не такъ сильны, какъ обыкновенно предполагаютъ.

«Гораздо вѣрнѣе можно оцѣнить, прибавляетъ директоръ, дѣйствительную важность оборота по годичному среднему числу, нежели по maximum, который указываетъ только на случайное состояніе; средняя цифра за 1845 годъ была 259 милл., а за 1846 годъ 261. Разница составляетъ 1,500,000 фр». Такимъ-образомъ, средняя цифраза 1846 годъ, ознаменованный страшнымъ кризисомъ, немногимъ болѣе средней цифры мирнаго и спокойнаго 1845 года. Это опять доказываетъ, что публика не понимаетъ настоящаго характера коммерческихъ кризисовъ, полагая, что обыкновенною причиною или слѣдствіемъ ихъ бываетъ предъявленіе къ уплатѣ огромной массы билетовъ.

Вотъ подробная таблица оборотовъ Французскаго банка 1844, 1845 и 1846 годовъ.

	1844 года.	1845 года.	1846 года.
Учетъ коммерческихъ векселей . .	749,372,248	1,003,665,424	1,191,105,704
Ссуды подъ акціи каналовъ . . .	12,330,175	19,907,800	16,971,400
Ссуды подъ государственныя ренты	7,067,600	28,687,391	24,313,583
Учетъ билетовъ государственнаго казначейства и облигацій города Парижа.	2,396,794	1,639,677	215,867

Учетъ билетовъ на вырубку лѣса .	1,426,704	1,983,812	2,232,440
Учетъ квитанцій монетнаго двора .	553,228	2,925,579	5,285,468
Ссуды подъ залогъ слитковъ . .	36,110,200	42,598,700	54,140,000
Прибыль отъ продажи золота . .	»	»	»
Преміи за сохраненіе вкладовъ . .	»	»	»
Итого	809,257,949	1,101,408,383	1,294,264,462

Увеличеніе учета векселей въ 1846 году на 187 милл. раздѣляется на двѣ неравныя части, а именно: въ первое полугодіе оно составляетъ 172 милл., во второе только 15 милл. Такимъ-образомъ учеты векселей никогда не были такъ велики, какъ въ первую половину 1846 года, т.-е. во время приближенія кризиса, который долженъ былъ обнаружиться въ концѣ года: но потомъ они значительно уменьшились. Банкъ старался поддерживать ихъ нѣкоторое время, щедро удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, съ которыми къ нему обращались; но торговля уже ощущала приближеніе кризиса, и частные банкиры, чрезъ посредство которыхъ векселя представляются банку, не принимали уже ихъ съ прежнею готовностью.

Сумма учетовъ одного года даетъ только слабое понятіе о важности ссудъ, дѣлаемыхъ банкомъ торговлѣ, если не принимать въ разсчетъ средняго срока платежей, такъ, какъ одна и та же сумма, при непродолжительномъ срокѣ платежей, можетъ служить въ одинъ и тотъ же годъ для нѣсколькихъ учетовъ. Въ силу своихъ постановленій, Французскій банкъ не можетъ производить учетъ по векселямъ со срокомъ болѣе 90 дней. Средній срокъ уплаты представляемыхъ къ учету векселей обыкновенно бываетъ отъ 45 до 50 дней. Въ 1845 году средній срокъ равнялся 47 и $^{7}/_{10}$ днямъ 1846 году онъ равнялся только 45 и $^{9}/_{10}$ дня: измѣненіе незначительное, если брать въ разсчетъ цѣлый годъ времени; но оно будетъ гораздо сильнѣе, если принимать въ соображеніе только послѣднее полугодіе 1846 года. Въ началѣ 1847 года средній срокъ уменьшился до 33 дней; что́ доказываетъ сильное паденіе кредит[а]. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о ссудахъ, сдѣланныхъ банкомъ, нужно цифру

учета раздѣлить на число, которое получится, отъ раздѣленія 365 дней на средній срокъ платежа: но мы приходимъ къ тому же результату, принимая для каждаго года среднюю цифру портфеля банка. Въ 1845 году она равнялась 124,369,000, въ 1846—151,747,000 фр.; разница составляетъ болѣе 27 милл., которая и приходится почти вся на долю перваго полугодія.

Мы уже видѣли, что, по закону 1806 года, капиталъ Французскаго банка былъ увеличенъ до 90 милл., не считая запаснаго. Этого не достаточно, особенно для такого рынка, какъ Парижъ, гдѣ нѣсколько такихъ учрежденій могли бы дѣйствовать, не стѣсняя другъ друга. Но нельзя себѣ представить, чтобы привилегированный банкъ, могъ такъ долго сохранить столь значительный капиталъ: приливъ посторонних вкладовъ, обусловливаемый причинами, указанными нами въ предъидущей главѣ, освобождалъ его отъ такого накопленія въ спокойное время, а естественное желаніе увеличить свою прибыль постоянно побуждало банкъ сбыть его съ рукъ. Но онъ былъ принужденъ хранить этотъ капиталъ впродолженіи всего существованія Имперіи, потому ли, что глава государства имѣлъ на него свои виды, какъ это уже бывало во многихъ случаяхъ, или потому что Наполеонъ полагалъ, что въ дѣлѣ кредита два обезпеченія лучше одного. Но съ 1816 года банкъ получилъ разрѣшеніе уменьшить свой капиталъ и онъ не замедлилъ воспользоваться этимъ позволеніемъ. Банкъ сталъ постепенно выкупать нѣкоторыя доли акцій, пока ихъ осталось только на сумму въ 67,900,000 фр. И понынѣ капиталъ банка ограничивается этою суммою. Часть, оставшаяся въ его рукахъ была впрочемъ обращена на покупку государственной ренты, такъ что въ банкѣ не осталось ничего изъ его собственнаго капитала для выполненія своего обязательства: положеніе весьма сходное съ тѣмъ, въ которое Лондонскій банкъ былъ поставленъ при самомъ началѣ своего существованія. Такимъ-образомъ, два величайшія въ Европѣ финансовыя учрежденія находились, и теперь еще находятся въ положеніи, которое повидимому вы-

зываетъ кризисъ. Нужно ли послѣ этого искать въ самомъ кредитѣ причину потрясеній, такъ часто колебавшихъ торговый міръ. Впрочемъ, еслибы даже эти два учрежденія сохранили свой капиталъ нетронутымъ, тѣмъ не менѣе кризисы все-таки наступали бы по причинамъ вышеизложеннымъ, только, быть можетъ, они были бы въ меньшихъ размѣрахъ.

§ II. Конторы.

Учрежденіе конторъ, предусмотрѣнное и даже предписанное 10-ю статьею устава 16-го января 1808 года, было уже предпринято во времена Имперіи, но безъ успѣха. Въ 1836 году за это дѣло принялись съ большею энергіею и на этотъ разъ оно увѣнчалось успѣхомъ (*). Въ началѣ 1846 года во всей Франціи было 11 конторъ центральнаго банка. Въ слѣдующей таблицѣ означены годы ихъ учрежденія и цифры операцій.

Въ 1836 году.		Основаніе первыхъ двухъ конторъ въ Реймсѣ и Сентъ-Этіеннѣ.	
		Цифра годичныхъ операцій до .	13,700,000
» 1837	»	Операціи обѣихъ конторъ . .	25,000,000
» 1838	»	Основаніе конторъ въ Сентъ-Кантенѣ и Монпелье.	
		Операціи 4-хъ конторъ . . .	83,000,000
» 1839	»	Тоже	138,000,000
» 1840	»	Основаніе конторъ въ Ангулемѣ и Греноблѣ	
		Операціи 6-ти конторъ . . .	179,000,000
» 1841	»	Тоже	186,000,000

(*) Намъ кажется, что успѣхъ конторъ банка, начиная съ 1836 года должно приписать скорѣе развитію промышленности въ странѣ. Это развитіе значительно облегчило то, что было затруднительно и считалось невозможнымъ въ 1810 году К. С.

Въ 1842 году		Основаніе конторъ въ Безансонѣ, Канѣ, Шатору и Клермонѣ.	
		Операціи 10-ти конторъ . .	233,000,000
» 1843	»	Тоже	243,000,000
» 1844	»	Основаніе конторы въ Мюльгаузенѣ.	
		Операціи 11-ти конторъ. . .	321,000,000
» 1845	»	Тоже	397,000,000

Въ 1846 году, 4-мя королевскими декретами (ordonnance) 15 и 18 апрѣля, 29 мая и 10 іюля, данными по просьбѣ общаго совѣта банка, было дозволено учрежденіе 4-хъ новыхъ конторъ въ Страсбургѣ, Манѣ, Нимѣ и Валансіеннѣ. Дѣйствія Страсбургской конторы начались 20 августа, а Манской 12 октября: двѣ другія не были открыты впродолженіи 1846 года. Слѣдовательно, въ этомъ году банкъ имѣлъ въ дѣйствіи 13 конторъ. Вотъ ихъ классификація по степени обширности оборотовъ. Изъ нижеслѣдующей таблицы можно видѣть, что три первыя конторы въ Монпельѣ, Безансонѣ и Сентъ-Этіеннѣ представляютъ цифру операцій, болѣе значительную, чѣмъ всѣ остальныя вмѣстѣ.

	Цифра операцій въ 1846 году.	
Монпельѣ.	103,869,000	240,141,000
Безансонъ	69,226,000	
Сентъ-Этіеннъ	67,046,000	
Сентъ-Кантенъ	45,523,000	127,640,000
Мюльгаузенъ	33,973,000	
Реймсъ	26,938,000	
Ангулемъ.	21,206,000	
Канъ.	17,875,000	64,872,000
Гренобль	13,766,000	
Страсбургъ	12,801,000	
Клермонъ-Ферранъ. . . .	12,706,000	
Шатору	6,765,000	
Манъ	959,000	
	Итого	432,653,000

Изъ того, что контора того или другаго города представляетъ сравнительно незначительную цифру операцій, отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы онѣ не представляли условій, необходимыхъ для развитія банковой торговли: нѣтъ, это можетъ происходить просто потому, что требованія Французскаго банка, которыя вездѣ одни и тѣ же, не вездѣ одинаково удовлетворяютъ частнымъ потребностямъ каждой мѣстности.

Впрочемъ, всѣ вышеозначенныя цифры, даже самыя высокія, незначительны и ничтожны и даютъ жалкое понятіе о состояніи кредита во Франціи, особенно, если принять въ соображеніе, что онѣ представляютъ весь годичный оборотъ и что средній срокъ платежа по векселямъ, принимаемымъ въ конторахъ, составляетъ только 26 дней. Общая средняя цифра ихъ портфелей, доходившая въ 1845 году до 54 милл., въ 1846 году дошла до 68 милл. Вотъ, слѣдовательно, настоящая сумма учетовъ банка для 13-ти самыхъ важныхъ городовъ, и то въ благопріятный годъ. Такое весьма жалкое, положеніе, если даже принять въ соображеніе недавность учрежденія многихъ конторъ. Независимые банки, еслибы они были только свободны, т.-е. не обязаны слѣдовать предписаннымъ уставамъ и могли бы примѣняться къ мѣстнымъ потребностямъ, безъ всякаго сомнѣнія, развили бы дѣятельность въ тѣхъ же самыхъ городахъ въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. Для этого было бы необходимо: во-первыхъ, чтобы эти банки согласились производить учетъ по векселямъ съ двумя надписями, и они навѣрное не отказались бы отъ этого; во-вторыхъ, чтобы они отъ всѣхъ и каждаго принимали вклады за проценты. Конторы банка не удовлетворяютъ ни одному изъ этихъ условій: онѣ требуютъ безъ исключенія, подобно центральному банку, три надписи, и самый законъ даже предписываетъ имъ это. Что же касается до платежа процентовъ на ввѣряемые имъ вклады, то, еслибы даже онъ былъ дозволенъ закономъ, онѣ бы не приступили къ этому до-тѣхъ-поръ, пока дарованная имъ привилегія не привлекла

бы въ ихъ кассы, почти насильственно, значительную массу даровыхъ вкладовъ.

Правило, по которому банкъ принимаетъ къ учету только векселя съ тремя надписями, противно всякому смыслу, особенно въ провинціи, гдѣ приложеніе третьей надписи почти всегда составляетъ совершенно излишній расходъ. Отчего негоціантъ Монпелье или Мюльгаузена, отправляющій товары къ негоціанту другаго города, и получающій въ обмѣнъ вексель на три мѣсяца, не имѣетъ возможности представить его прямо въ контору банка, если онъ самъ представляетъ всѣ нужныя ручательства въ своей состоятельности? Для чего прежде, чѣмъ дойти до конторы, онъ долженъ непремѣнно подлежать разсмотрѣнію частнаго банкира, вмѣшательство котораго не имѣетъ другихъ послѣдствій, кромѣ увеличенія издержекъ. Понятно, что въ Парижѣ посредничество частнаго банкира, если не всегда, то очень часто, бываетъ необходимо, въ-особенности, когда существуетъ только одинъ банкъ, потому-что послѣдній не можетъ въ такомъ большомъ городѣ знать бо́льшую часть состоятельныхъ негоціантовъ, и потому необходимы посредники между имъ и торгующимъ классомъ, чтобы руководить банкъ въ его выборѣ. Но въ провинціальномъ городѣ въ отношеніи къ негоціантамъ того же города такое посредничество дѣлается уже лишнимъ. Говорятъ, что усиленіемъ ручательства хотятъ уменьшить рискъ банка и его конторъ. Положимъ, что это такъ: но рискъ, если онъ дѣйствителенъ, не можетъ быть устраненъ этимъ способомъ,—онъ только перемѣщается съ банка на частнаго банкира. Ктому же, кто скорѣй можетъ принять на себя такой рискъ, частное ли лицо или цѣлое общество? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Возлагать подобный рискъ на частное лицо значитъ нарушать всѣ законы человѣческаго благоразумія, которое напротивъ-того требуетъ, чтобы частныя лица были освобождены отъ него сильными и большими обществами. Въ дѣлѣ страхованія, кто страхуетъ общества у частныхъ лицъ или на оборотъ? Слѣдовательно правило касательно трехъ надписей перемѣщаетъ роли.

Что банкъ требуетъ двѣ надписи на учитаемыхъ имъ векселяхъ, это понятно, и такъ должно быть; иначе операція измѣнится въ своемъ существѣ. Это болѣе уже не учетъ, а ссуда; на что требовать еще третью надпись, когда извѣстны первые два надписчика; это ошибка и злоупотребленіе, которое независимо отъ другихъ невыгодъ, сопряженныхъ съ нимъ, безъ сомнѣнія составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій успѣху конторъ банка въ департаментахъ; потому-что есть много негоціантовъ въ провинціальныхъ городахъ, которые не могутъ и не хотятъ подчиняться такому закону.

Непринятіе вкладовъ на проценты составляетъ не меньшее препятствіе. Такъ-какъ конторы не принимаютъ на сохраненіе сбереженныхъ мѣстными жителями денегъ, или принимаютъ ихъ безъ процентовъ, то разумѣется онѣ ищутъ другаго помѣщенія. Правда, одна часть остается въ сундукахъ или лежитъ безъ пользы въ ожиданіи какого-нибудь помѣщенія; другая же ищетъ помѣщенія ихъ у частныхъ банкировъ, интересъ которыхъ слѣдовательно состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе отклонить отъ конторъ всѣ дѣла, чѣмъ поручать ихъ ему. Мы можемъ указать на нѣкоторыя конторы банка, неуспѣхъ которыхъ единственно должно приписать этимъ причинамъ. Частные банкиры, получая часть сбереженныхъ капиталовъ, и черезъ это, сдѣлавшись центрами оборотовъ, не хотятъ покровительства конторъ, что ослабило бы общественное къ нимъ довѣріе, повредивъ независимости ихъ положенія. Они нетолько не представляютъ векселей въ контору, но даже отвлекаютъ отъ этого негоціантовъ и дѣлаются, такимъ-образомъ, противниками конторъ банка, вмѣсто-того, чтобы быть ихъ помощниками.

Вотъ какимъ-образомъ, вслѣдствіе такой ограниченной практики, настоящая система подавляетъ всякую дѣятельность, вмѣсто-того, чтобы возбуждать ее, или удаляетъ ее отъ центровъ, къ которымъ она естественно должна была бы стремиться. Не одинъ указанныя нами причины обусловливаютъ такое жалкое положеніе дѣла, они дѣйствуютъ повсемѣстно. Другія

зависятъ больше отъ мѣстныхъ обычаевъ и потребностей; онѣ также разнообразны, какъ и самыя потребности и ихъ гораздо легче представить себѣ въ умѣ, нежели пересчитать.

Въ 1846 году средняя цифра билетовъ конторъ, находившихся въ обращеніи, составляла 8,800,000 фр. Въ 1845 году только 7,100,000 фр. Даже относительно, цифры эти гораздо ниже цифры обращенія билетовъ центральнаго банка, хотя конторамъ уже давно было дозволено выпускать купоны въ 250 фр. Но этому нечего удивляться: никогда обращеніе билетовъ, выпущенныхъ во второкласномъ городѣ, не достигнетъ того развитія въ обращеніи билетовъ, выпущенныхъ въ столицѣ, причины такой разницы мы объяснили въ VI главѣ.

Въ 1846 году наличные капиталы конторъ среднимъ числомъ составляли 42 милл. Цифра ихъ втеченіи года колебалась между 59 и 23 милл.; колебаніе весьма значительное и указывающее на тотъ же недостатокъ, отъ котораго страдаетъ центральный банкъ. Впрочемъ, эти запасные капиталы гораздо значительнѣе цифры обязательствъ конторъ, которая не превышаетъ 11-ти или 12-ти милл. Казалось бы, что изъ колебаній наличнаго капитала происходитъ только дурное употребленіе общественнаго капитала, заставляющее опасаться въ несостоятельности банка.

Вотъ изъ какихъ источниковъ составились въ 1846 году наличные капиталы конторъ:

1-е, 1-го января 1846 года запасные капиталы всѣхъ ихъ вмѣстѣ доходили до . . .		29,000,000
2-е, Сборщики податей впродолженіи года внесли на счетъ казны.	16,000,000	
Взносы, произведенные въ конторахъ, для открытія кредита въ банкѣ нѣкоторымъ Парижскимъ торговымъ домамъ . .	24,000,000	40,000,000
3-е, Свидѣтельства (mandats), выданныя конторами на центральный банкъ.		76,000,000

4-е, Билеты по предъявленію, выданные въ конторахъ и уплаченные въ Парижѣ . . . 6,000,000

5-е, Наконецъ, банкъ, который въ 1845 году послалъ конторамъ 111-милл. монетою, въ 1846 году послалъ только 89,000,000

Итого . . . . 240,000,000 фр.

Наличный капиталъ конторъ къ 1-му января 1847 года составлялъ . . . . . 26,437,000 фр.

Воловой доходъ 13-ти конторъ составлялъ 2,944,000 »

Чистая прибыль . . . . . 2,347,000 фр.

Для пополненія сдѣланныхъ указаній мы прилагаемъ здѣсь таблицу ежемѣсячныхъ учетовъ Французскаго банка и его конторъ втеченіи 1846 года.

Таблица ежемѣсячныхъ учетовъ Французскаго банка и его конторъ въ 1846 году.

Мѣсяцы.	Банкъ.	Конторы.	Итого.
Конецъ декабря (1845 г.)	40,274,432	19,534,950	59,809,382.
Январь	112,170,821	29,840,386	142,011,206.
Февраль.	84,067,960	29,103,875	113,171,835.
Мартъ	88,614,148	33,122,320	121,736,468.
Апрѣль	95,146,965	31,817,396	126,964,361.
Май	74,075,467	25,781,302	99,856,769.
Іюнь (до 24-го числа) . .	105,001,508	50,073,469	155,074,977.
Іюль	105,099,249	33,373,567	138,472,816.
Августъ.	79,196,804	27,736,637	106,933,441.
Сентябрь	90,057,357	40,709,096	130,766,453.
Октябрь	123,137,778	47,406,330	170,544,108.
Ноябрь	110,447,387	43,190,813	153,638,200.
Декабрь (до 24-го числа).	83,815,822	16,162,002	99,977,824.
Итого. . . .	1,191,105,698	427,852,143	1,618,957,841. фр.

ЦАБ "Автограф"

§ III. Департаментскіе банки:

Во время послѣдней революціи, кромѣ конторъ центральнаго банка въ департаментахъ было 9 совершенно независимыхъ банковъ, въ городахъ: Бордо, Руанѣ, Нантѣ, Ліонѣ, Марселѣ Гаврѣ, Лиллѣ, Тулузѣ и Орлеанѣ, учрежденныхъ вслѣдствіе особеннаго разрѣшенія и обязавшихся принять статуты почти одинаковыя съ статутомъ Французскаго банка, съ тою только разницею, что наименьшая нарицательная величина ихъ билетовъ была понижена до 250 франковъ, точно такъ, какъ билеты конторъ (*).

Двѣ слѣдующія таблицы могутъ дать довольно полное понятіе объ операціяхъ 1846 года.

Вотъ движеніе ихъ ссудъ и учетовъ въ этомъ году:

Названія банковъ.	Учетъ на мѣстѣ.	Учетъ въ Парижѣ.	Ссуды подъ залогъ ренты и слитковъ.
Бордо . . .	55,044,203	42,315,713	527,000.
Руанъ . . .	43,733,700	33,981,000	„
Нантъ . . .	40,167,677	8,506,632	„
Ліонъ . . .	142,887,000	„	3,342,000.
Марсель . .	214,757,677	49,252,875	2,570,449.
Гаврь . . .	21,202,000	33,573,100	167,400.
Лилль . . .	20,220,100	22,433,900	177,900.
Тулуза. . .	19,767,158	3,435,418	18,000.
Орлеанъ . .	12,619,300	8,649,200	4,098,400.
Итого . .	570,368,815	202,177,838	10,901,149. фр.

Впрочемъ эти цифры могутъ ввести въ заблужденіе, какъ мы уже видѣли, если не принять въ соображеніе средняго срока платежей по векселямъ. Слѣдующая таблица опредѣлитъ точнѣе

(*) И съ тою болѣе значительною разницею, что имъ запрещены были всякіе обороты внѣ той мѣстности, въ которой были учреждены. К. С.

эти данныя, показывая среднюю цифру ссудъ въ году подъ разными видами. Она показываетъ также среднее количество обращающихся билетовъ, наличныхъ капиталовъ и текущихъ счетовъ или вкладовъ.

Таблица среднихъ цифръ на 1846 годъ.

Названія банковъ.	Ссуды.	Билеты въ обращеніи.	Текущіе счеты.	Наличные капиталы.
Бордо.	13,107,551	21.369,630	1,731,872	13,424,783.
Руанъ.	10,048,425	10.905,500	300,000	3,814,000.
Нантъ	5,955,401	4,611,500	673,139	1,705,635.
Лионъ.	20,410,000	20,074,000	11,596,000	13,645,000.
Марсель. . . .	12,675,365	14,700,500	789,500	5,775,670.
Гавръ	6,788,618	3,953,562	89,456	1,385,485.
Лилль.	5,245,357	4.235,944	589,778	1.677,265.
Тулуза	1,936,992	3,877,256	173,830	1,301,430.
Орлеанъ. . . .	2,955,510	2,780,000	103,076	1,004,459.
Итого . .	79,123,219	86,507,892	16,046,951	43,733,736. фр.

Введенныя цифры весьма незначительны, особенно если принять въ разсчетъ величину и коммерческое значеніе городовъ, въ которыхъ учреждена бо́льшая часть банковъ.

Однако, судя по образу дѣйствія этихъ банковъ, цифра ихъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, довольно значительна, что доказываетъ, съ какою легкостью распространяются во Франціи банковые билеты. Обращеніе въ 86 милл. фр. довольно значительно для банковъ, имѣющихъ менѣе 24-хъ милл. фр., капитала, выдающихъ билеты не ниже 250 франковъ и имѣющихъ каждый только одну контору, въ которыхъ уплачиваются ихъ билеты. Легкость, съ которою обращаются послѣдніе, конечно нельзя приписать особенной надежности банковъ, ибо капиталы ихъ, простирающіеся отъ 1-го до 4-хъ милл. фр., конечно не могутъ внушить торговлѣ безграничнаго довѣрія. Нѣтъ: они обращались потому, что публика находила ихъ выгодными и удобными

Напротивъ-того, вклады или текущіе счеты, даже сравнительно, гораздо незначительнѣе, нежели въ Парижѣ, исключая только Ліонскаго банка, гдѣ они составляютъ довольно

большую сумму. Нельзя было бы жаловаться на малое количество вкладовъ, еслибъ оно было признакомъ хорошей администраціи, при которой всѣ капиталы должны легко находить себѣ помѣщеніе; но къ несчастію этого сказать нельзя. Извѣстно, что въ этихъ городахъ, какъ и вездѣ, довольно значительная масса капиталовъ лежитъ безъ употребленія, и если они не притекаютъ въ кассы банка, то это потому, что остаются въ сундукахъ частныхъ лицъ или принимаютъ другое направленіе.

Хотя дѣлаемыя департаментскими банками ссуды недостаточны для потребностей тѣхъ коммерческихъ и промышленныхъ центровъ, гдѣ онѣ производятся, однако онѣ довольно значительны и даже чрезмѣрны, если взять въ соображеніе размѣры собственныхъ капиталовъ банка. Видя, напримѣръ, что Ліонскій банкъ, капиталъ котораго, не превышая 2-хъ милл. и дѣлая среднимъ числомъ на 20-ть милліоновъ ссудъ, возобновляющихся около 9-ти разъ въ годъ (*), имѣетъ въ обращеніи билетовъ на такую же сумму и принимаетъ до $11^1/_2$ милліоновъ вкладовъ, нельзя не признаться, что между обязательствами и средствами банка существуетъ громадная несоотвѣтственность. Конечно капиталы его превышаютъ его обязательства, ибо каждой сдѣланной имъ ссудѣ соотвѣтствуетъ какой-нибудь вексель въ его портфелѣ, который уплачивается впослѣдствіи; но уплата по обязательствамъ банка можетъ быть потребована во всякую минуту, между-тѣмъ, какъ векселя, принятые банкомъ, будутъ уплочены только по истеченіи извѣстнаго срока. Если свойство операцій обязательнаго банка позволяетъ и даже принуждаетъ уравновѣшивать обязательства банка векселями, по которымъ уплата послѣдуетъ въ извѣстный срокъ, то это можетъ имѣть мѣсто только при нѣкоторыхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ. Намъ кажется, что въ означенномъ случаѣ эти предѣлы значительно превзойдены. По этому нельзя сказать,

---

(*) Средній срокъ для учетовъ векселей, производимыхъ департаментскими банками составляетъ среднимъ числомъ около 41 дня.

чтобы подобное положеніе вещей предоставляло публикѣ всѣ необходимыя ручательства въ безопасности.

Французы считаютъ себя людьми осторожными, но они ошибаются; они только боязливы и мелочны, въ то же время щепетильны и безрасудны въ высшей степени. Выказывая себя осторожными при учрежденіи банковъ, затрудняя обращеніе бумагъ и пользованіе кредитомъ, они часто гордятся тѣмъ, что избѣгаютъ той опасности, которой подвергаются другіе народы, и въ то же время даютъ немногимъ своимъ банкамъ столь шаткую основу, что въ дѣйствительности, можно сказать, они идутъ на встрѣчу тѣмъ опасностямъ, которыхъ стараются избѣгнуть. Конечно кредитныя установленія многихъ другихъ государствъ имѣютъ болѣе прочныя основанія чѣмъ французскія; мы можемъ привести въ примѣръ Англію, потому-что англійское законодательство столь же непослѣдовательно, хотя и болѣе либерально, чѣмъ французское, порождаетъ почти такія же злоупотребленія; но что, впрочемъ, намъ отнюдь не слѣдуетъ считать слѣдствіемъ правильнаго развитія. Конечно при полной свободѣ банковъ они никогда не были бы устроены на такихъ основаніяхъ.

Слѣдствіемъ незначительности капиталовъ нашихъ департаментскихъ банковъ бываетъ то, что они обыкновенно даютъ весьма хорошую прибыль. Для нихъ это выгодно, но для государства вредно. Слѣдующая таблица покажетъ принадлежащіе каждому банку капиталы, величину дивидендовъ и курсъ акцій въ 1846 году.

Названія банковъ.	Капиталы.	Дивиденды и прибыль отчисленныхъ въ запасный капиталъ.	Проценты на первоначальный капиталъ.	Курсъ акцій.
Бордо . .	3,150,000	132 „	13,20%	2,360
Руанъ . .	3,000,000	120,33	12,03%	2,585
Нантъ. .	3,000,000	82,86	8,28%	1,730
Ліонъ . .	2,000,000	244 „	24,40%	3,690

ЦАБ "А тограф

Марсель .	4,000,000	120 „	12 „ %	1,925
Гавръ . .	4,000,000	63,56	6,35%	1,310
Лилль . .	2,000,000	66 „	8,70%	1,800
Тулуза .	1,200,000	50 „	10 „ %	„
Орлеанъ .	1,000,000	100,01	10 „ %	1,810
	23,350,000			

Хотя проценты во всѣхъ банкахъ не одинаковы, но по бо́льшей части они довольно значительны и составляютъ, среднимъ числомъ, 11,64%. Для развитой промышленности такой барышъ былъ бы не слишкомъ великъ, ибо трудъ, дѣятельность и знанія промышленника должны быть вознаграждаемы; сверхъ-того онъ подвергается риску, но для простаго помѣщенія капитала такой барышъ громаденъ. Нельзя сказать, что въ этомъ случаѣ излишекъ прибыли уравновѣшиваетъ рискъ; курсъ акцій доказываетъ противное. Возьмемъ для примѣра Бордосскій банкъ. Дивидендъ его въ 1846 году составлялъ 132 франка на акцію въ 1000 франковъ, то есть 13,20% на первоначальный капиталъ. Но курсъ акцій доказываетъ, что многіе охотно бы дали 2360 фр. для полученія такого дивиденда, что́ понизило бы барышъ, въ отношеніи къ послѣднимъ на 5,59%. Слѣдовательно эти лица удовольствовались бы 5,59 процентами, подвергаясь такому же риску. Можно ли утверждать послѣ этого, что первоначальнымъ владѣтелямъ акцій необходимо было получить съ лишнимъ 13 процентовъ? Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что $5^1/_2$% составляютъ естественный и необходимый доходъ на капиталы, помѣщенные въ общественные банки и что, еслибы учрежденіе банковъ было свободно, доходъ этотъ немногимъ бы превышалъ эту норму. Излишекъ есть ни что́ иное, какъ незаконная прибылъ, получаемая вслѣдствіе монополіи.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы соединили цифры учетовъ, средняго состоянія портфелей и количество находящихся въ обращеніи билетовъ всѣхъ французскихъ общественныхъ банковъ.

Таблица учетовъ, произведенныхъ общественными банками въ 1846 году.

Французскій банкъ . .	1,294,264,000	1,726,917,000
Конторы	432,653,000	
Департаментскіе банки		772,546,600
Итого . . .		2,499,463,600

Среднее состояніе портфеля.

Французскій банкъ	151,747,000	219,696,000
Конторы	67,949,000	
Департаментскіе банки		77,235,900
Итого . . .		296,931,900

Среднее количество билетовъ, находящихся въ обращеніи.

Французскій банкъ . . .	259,673,000	268,493,000
Конторы	8,820,000	
Департаментскіе банки		86,507,800
Итого . . .		355,000,800

§ IV. Сберегательныя кассы.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о сберегательныхъ кассахъ для пополненія сказаннаго въ предъидущихъ параграфахъ. Эти кассы суть кредитныя установленія, въ настоящемъ смыслѣ слова,

(*) Къ 31-му декабря 1858 года число конторъ и отдѣленій Французскаго банка, куда вошли и прежніе департаментскіе банки, простиралось до 45. Цифра ихъ операцій втеченіи года возвысилась до 2,922,838,000 фран. Законъ 9-го іюня 1857 года продолжилъ на 30-ть лѣтъ до 1897 года привилегію банка, капиталъ котораго съ 91,250,000 фр. былъ увеличенъ до 182.500,000 фр. несчитая резервнаго капитала, составляющаго 10% съ основнаго капитала, но изъ него 100,000,000 были отданы въ заемъ государству и обращены въ ренту. Такимъ-образомъ всѣ критическія замѣчанія нашего автора и нынѣ сохраняютъ всю свою силу, потому-что устройство французскихъ банковъ не улучшилось ни въ какомъ отношеніи. К. С.

потому-что исполняютъ одно изъ главныхъ ихъ назначеній, заключающееся въ пріемѣ сбереженныхъ капиталовъ, остающихся безъ всякаго употребленія. Правда, устройство сберегательныхъ кассъ неудовлетворительно, потому-что онѣ не имѣютъ средства извлекать пользу изъ этихъ капиталовъ; но и устройство французскихъ банковъ неудовлетворительно, потому-что они пренебрегаютъ одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей, заключающюеся въ собираніи бездѣйствующихъ капиталовъ и вводѣ ихъ въ обращеніе.

Сберегательныя кассы были учреждены во Франціи въ 1818 году. Сначала онѣ не безъ значительнаго труда распространялись по департаментамъ, но тѣмъ не менѣе онѣ имѣли хорошій успѣхъ. Назначенныя собственно для принятія мелкихъ сбереженій рабочихъ классовъ, онѣ исполнили свое назначеніе и оказали въ этомъ отношеніи большую услугу. Не входя въ историческія подробности о ходѣ ихъ развитія (*) со времени ихъ основанія, мы представимъ здѣсь только краткій обзоръ состоянія ихъ за послѣдніе годы.

Въ началѣ 1847 года въ Парижѣ, кромѣ центральной кассы въ улицѣ Coq-Héron, было шестнадцать отдѣленій кассы въ самомъ городѣ и его округѣ. Вотъ число вкладчиковъ и сумма вкладовъ въ началѣ 1845, 1846 и 1847 годовъ.

(*) Вотъ, впрочемъ, краткая таблица, показывающая ходъ развитія этихъ учрежденій:

Въ 1818	году	1	касса	въ Парижѣ.
„ 1819	„	2	„	„ Бордо, Мецѣ.
„ 1820	„	1	„	„ Руанѣ.
„ 1821	„	4	„	„ Марселѣ, Нантѣ, Труа, Брестѣ.
„ 1822	„	2	„	„ Гаврѣ, Лионѣ.
„ 1823	„	1	„	„ Реймсѣ.
„ 1828	„	1	„	„ Нимѣ.
„ 1830	„	2	„	„ Реннѣ, Тулузѣ.
„ 1832	„	4	„	„ Орлеанѣ, Авиньонѣ, Мюльгаузенѣ, Тулонѣ.

1833,—56; 1835,—82; 1836,—64; 1837,—30; 1838,—17; 1839,—14; 1840,—6; 1841—11; 1842,—13; 1843,—25; 1844,—8; 1845,—9; 1846,—4; 1847,—3.

Изъ этого видно, что съ 1833 года число кассъ значительно увеличивалось сравнительно съ предшествующими годами.

	Число вкладовъ.	Сумма вкладовъ.
Къ 1-му января 1845 года	173,515	112,061,915 00 фр.
» » » 1846 »	178,236	100,037,370 55 «
» » » 1847 »	184,908	91,864,574 48 «

Въ эти три года число вкладчиковъ постоянно увеличивалось, а сумма вкладовъ уменьшалась. Этотъ фактъ однако не служитъ доказательствомъ упадка учрежденія, и обусловливается вполнѣ закономъ 22-го іюня 1845 года, который установилъ maximum вклада въ 1,500 франковъ (*).

Къ 31-му декабря 1844 года въ департаментахъ считалось 347 сберегательныхъ кассъ. Въ 1845 году разрѣшено было открыть девять новыхъ кассъ, и въ числѣ ихъ одну въ Мандѣ, главномъ городѣ департамента, неимѣвшаго еще до того времени кассы. Въ то время въ одной Корсикѣ не было ни одного учрежденія подобнаго рода. Но этотъ недостатокъ былъ вскорѣ пополненъ. Въ 1846 году были открыты три новыя кассы въ городахъ: Ансэни (въ Деп. Нижней Лоары); Гажѣ (Деп. Геро); Ларжантьерѣ (Деп. Ардешъ); Бастіа (Деп. Корсика); Ліэрэ (Деп. Варъ) и наконецъ въ 1847 году въ городахъ: Вильфраншѣ (Деп. Авейронъ); Ла-Реолѣ (Деп. Жирондъ) и Муассакѣ (Деп. Тарнъ-э-Гаронь). Всего 364 кассы, разсѣянныя по всей Франціи. Отдѣленій основанныхъ въ департаментахъ различными кассами было 160. Считая тѣ и другія вмѣстѣ, находимъ, что во Франціи болѣе пятисотъ конторъ для пріема небольшихъ сбереженій. Этого еще мало; но все-таки видно гораздо болѣе успѣха, нежели въ учрежденіи банковъ. Въ началѣ 1847 года было еще 79 округовъ, въ которыхъ не было сберегательныхъ кассъ.

Ограниченія, относительно maximum'а суммы вкладовъ, постановленныя закономъ 22-го іюня 1845 года, не имѣли въ департаментахъ столь быстрыхъ послѣдствій, какъ въ самомъ Пари-

---

(*) Закономъ 30-го іюня 1851 года цифра эта была понижена до 1,000 франковъ. Подобная мѣра, необходимая съ точки зрѣнія финансоваго управленія, имѣла гибельное вліяніе на развитіе упомянутыхъ учрежденій.

К. С.

жѣ. До 1846 года общая сумма вкладовъ постоянно увеличивалась. Такимъ-образомъ провинціальныя кассы въ совокупности имѣли въ депозитной кассѣ (caisse des dépots et consignations) капитала и процентовъ:

Къ 31-му	декабрю	1844 года	»	282,135,136 43
» »	»	1845 »	»	295,033,374 25
» »	»	1846 »	»	297,230,140 88

Къ 1-му же апрѣлю 1847 г. онѣ имѣли только 289,785,496 76.

Итакъ капиталы ихъ увеличились въ 1845 году на 12,898,237 фр. 82 сант., въ 1846 году на 2,196,766 фр. 63 сант., а въ первые три мѣсяца 1847 года нѣсколько уменьшились.

Вотъ общій результатъ операцій всѣхъ парижскихъ и департаментскихъ сберегательныхъ кассъ въ 1845 году (*).

Книжки.

Имѣвшіяся къ 1-му января.	Въ департ.	464,108	637,623	803,007
	Въ Парижѣ.	173,515		
Выданныя въ году.	Въ департ.	131,462	162,384	
	Въ Парижѣ	33,922		
Уплаченныя въ году.	Въ департ.	89,721	118,781	
	Въ Парижъ	29,060		
Къ 31-му декабря осталось				684,226

Кредитъ.

Вклады къ 1-му января.	Въ Департ.	280,913,185 30	392,915,100 88	553,365,521 20
	Въ Парижѣ.	112,061,915 58		
Вклады, поступившіе въ году.	Въ Департ.	107,683,130 07	145,362,220 84	
	Въ Парижѣ.	37,679,090 77		
Проценты, причитавшіеся вкладчикамъ.	Въ Департ.	11,005,285 69	15,028,199 48	
	Въ Парижѣ.	4,022,913 79		
Востребовано вкладовъ въ году.	Въ Департ.	106,130,958 04	159,857,507 80	
	Въ Парижѣ	53,726,549 76		
Всего къ 1-му декабря осталось вкладовъ....				393,508,01340

Сумма вкладовъ въ важнѣйшихъ городахъ была слѣдующая

(*) Отчеты департаментскихъ кассъ выходятъ значительно позже отчетовъ парижскихъ кассъ.

Вклады въ 31-му декабря 1845 года.

Бордо .	14,545,695 81	Тулонъ . .	6,490,110 54
Марсель .	14,047,599 12	Мецъ . .	5,967,317 15
Ліонъ .	9,397,238 46	Лилль . .	5,532,199 78
Версаль .	7,002,336 21	Брестъ . .	5,347,791 62
Руанъ .	6,739,758 61	Нанси . .	4,765,293 25
Амьенъ .	6,656,526 65	Орлеанъ .	4,528,657 64
Нантъ .	6,578,007 45	Стразбургъ	3,815,719 76

Чтобы судить о томъ, до какой степени сберегательныя кассы соотвѣтствовали своей цѣли, нужно знать, какимъ-образомъ книжки и вклады распредѣляются между различными классами населенія. Въ 1845 году изъ таблицъ 341 департаменскихъ кассъ оказа-

Вкладчики.	Число книжекъ.	Сумма вкладовъ.	Средняя величина вкладовъ.
Рабочіе	134,836 «	72,824,075 75 «	540 0
Служители . . .	104,246 «	53,628,228 83 «	514 4
Должностныя лица .	24,006 «	15,359,344 34 «	637 8
Военные и моряки .	23,088 «	18,698,587 56 «	809 8
Разныхъ званій . .	129,956 «	99,603,992 07 «	766 4
Рудокопы . . .	88,154 «	31,459,371 51 «	356 8
Общества взаимнаго вспомоществованія .	1,573	1,896,942 56	1,205 9
	505,859	293,470,643 02	580 1.

лось: Несмотря на неопредѣленность двухъ категорій: *должностныя лица* и *лица разнаго званія*, можно видѣть, что сберегательныя кассы вообще достигаютъ своей цѣли. Рабочіе, служители, военные и моряки, рудокопы и общества взаимнаго вспомоществованія имѣютъ бо́льшую часть книжекъ и вкладовъ. Въ кассахъ Парижа мы видимъ почти то же; слѣдовательно намъ нечего болѣе распространяться объ этомъ предметѣ (*).

(*) Къ 31-му декабря 1857 года во Франціи было 379 сберегательныхъ кассъ. Несмотря на постановленія, ограничивавшія сумму вкладовъ одного лица, цифра вкладовъ простиралась въ то время до 278,921,229 фр.

Изъ сказаннаго видно, что сберегательныя кассы вполнѣ достигли своей цѣли тѣмъ, что успѣли собрать сбереженія рабочаго класса и, найдя для нихъ выгодное помѣщеніе, увеличить ихъ чрезъ наростаніе процентовъ. Къ-несчастію эти учрежденія въ другихъ отношеніяхъ далеко несовершенны. Главный ихъ недостатокъ тотъ, что онѣ не могутъ находить полезное употребленіе ввѣреннымъ имъ капиталамъ. Отсюда произошло то, что эти кассы, не доставляя вкладчикамъ всѣхъ выгодъ, которыхъ послѣдніе въ правѣ ожидать отъ нихъ, сдѣлались обременительными для правительства. Для обезпеченія 4-хъ процентовъ ежегоднаго дохода, обѣщаннаго вкладчикамъ, государство часто должно было дѣлать большія пожертвованія, тяжесть которыхъ падала на кассы, платящія налоги. Отсюда проистекаетъ также то, что правительство часто видѣло себя въ необходимости преобразовывать эти учрежденія и дѣлать въ ихъ уставахъ такія измѣненія, которыя замедляли развитіе послѣднихъ, лишая ихъ довѣрія вкладчиковъ и ограничивать весьма незначительными суммами maximum вкладовъ одного лица.

Въ началѣ капиталы, принимаемые въ сберегательныя кассы, непосредственно вносились въ государственное казначейство и составляли часть текущаго долга. Правительство пользовалось ими въ ожиданіи поступленія капиталовъ, и само платило за нихъ проценты. Но какъ-скоро, послѣ 1833 года, кассы начали быстро распространяться, и количество вкладовъ

В отъ сумма вкладовъ, хранившихся въ важнѣйшихъ сберегательныхъ кассахъ

Въ Парижѣ	44,607,254 фр.		
Марселѣ.....	7,437,442	Нантъ	3,207,226 фр.
Бордо.....	7,244,701	Орлеанѣ.....	3,017,818
Лионѣ.....	6,223,119	Тулонѣ.....	2,798,030
Руанѣ.....	3,900,406	Нанси.....	2,777,380
Лиллѣ.....	3,695,020	Стразбургѣ.....	2,710,721
Мецѣ.....	3,381,094	Амьенѣ.....	2,613,924

К. С.

дошло до значительныхъ суммъ, немедленно обнаружилась несообразность такой системы. Съ одной стороны правительство платило по этой части текущаго долга 4 процента въ годъ, между-тѣмъ какъ оно могло, посредствомъ выпуска билетовъ казначейства, получать, безъ всякаго труда, капиталы по 2, 2½ или 3 процента; съ другой постоянное возрастаніе вкладовъ могло затруднить правительство, которое, выплачивая по нимъ обременительные проценты, подъ конецъ принуждено было бы оставить часть капиталовъ безъ употребленія.

Такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться. Оно было измѣнено въ 1837 году, съ изданіемъ закона, дававшаго вкладамъ другое назначеніе. Правительство не брало ихъ себѣ, принимая однако на себя отвѣтственность въ обратныхъ выдачахъ вкладовъ и постановило, что съ этого времени вклады будутъ вноситься въ депозитную кассу, которая станетъ употреблять ихъ на покупку рентъ. Это значило: замѣнить одну нелѣпую систему другою, не менѣе нелѣпою. Въ обоихъ случаяхъ капиталы сберегательныхъ кассъ не приносили государству никакой пользы. Когда они занимали мѣсто текущаго долга, то были сильны въ цѣнѣ и скоро расходились въ изобиліи; впослѣдствіи времени, будучи употреблены на покупку рентъ, они только увеличивали и безъ того уже значительный приливъ капиталовъ на биржѣ. Въ обоихъ случаяхъ правительству было трудно платить проценты, установленные съ самаго начала. Система, принятая въ 1837 году, имѣетъ еще то неудобство, что подвергаетъ капиталъ вкладовъ всѣмъ колебаніямъ курса ренты, а сберегательнымъ кассамъ постоянно грозитъ банкротствомъ.

22-го іюня 1845 года былъ изданъ законъ, снова измѣнившій уставъ кассъ, сохранивъ однако прежнее назначеніе вкладовъ. Этотъ законъ ограничивалъ количество вкладовъ, становившихся уже черезъ мѣру тягостными для правительства, несмотря на сдѣланныя въ 1857 году преобразованія. До того времени сумма послѣдовательныхъ вкладовъ владѣльца книжки могла простираться до 2,000 франковъ, а

въ нѣкоторыхъ кассахъ до 3,000. Законъ 1845 года ограничиваетъ повсемѣстно maximum вкладовъ 1,500 фр. (*), допуская впрочемъ, чтобы эта сумма съ накопленіемъ процентовъ возрастала до 2,000 франковъ. Законъ 1845 года идетъ еще далѣе; онъ опредѣляетъ, что по достиженіи maximum, а, вклады, по какимъ-нибудь причинамъ остающіеся въ кассахъ, не будутъ болѣе приносить процентовъ. Многіе директора сберегательныхъ кассъ справедливо считаютъ такое постановленіе очень стѣснительнымъ и даже, во многихъ случаяхъ, несправедливымъ. Дѣйствительно: вслѣдствіе такого постановленія, морякъ, который бываетъ иногда въ отсутствіи нѣсколько лѣтъ сряду или несовершеннолѣтній, который часто не въ состояніи наблюдать за своими интересами, и можетъ-быть получилъ свою книжку въ наслѣдство отъ какого-нибудь родственника, подвергаются той невыгодѣ, что капиталъ ихъ рискуетъ долгое время остаться непроизводительнымъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія или довѣрчиваго ожиданія, впродолженіи которыхъ они находятся въ полной увѣренности, что вклады ихъ увеличатся чрезъ накопленіе процентовъ, они найдутъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ оставили.

Но отчего происходятъ эти затрудненія? Отчего эти строгости? Потому-что всей массѣ вкладовъ не умѣли дать настоящаго назначенія. Просто и естественно было бы, суммы, получаемыя изъ рукъ рабочихъ мелкими долями, возвратить торговлѣ въ болѣе значительныхъ массахъ для оживленія всѣхъ промышленныхъ предпріятій. Вотъ истинное назначеніе всѣхъ сбереженій страны. При такихъ условіяхъ, бережливые работники сдѣлались бы въ свою очередь, подъ ручательствомъ прочныхъ учрежденій, отвѣтствующихъ за цѣлость ихъ капиталовъ, кредиторами, поддерживали бы промышленность, которая дастъ имъ средства къ жизни и такимъ-образомъ вдвойнѣ воспользовались бы плодами своей бережливости. При такомъ

(*) Сдѣлано одно только исключеніе въ пользу обществъ взаимнаго вспоможенія

порядкѣ вещей не только не было бы затруднительно платить имъ весьма умѣренные проценты, которые они теперь получаютъ; но можно было бы даже возвысить ихъ. Кромѣ-того, самое увеличеніе массы вкладовъ не возбуждало бы безпокойства, какъ теперь, а напротивъ того,-было бы благотворно для промышленности.

Банки представляютъ самое лучшее помѣщеніе для сбереженій страны, потому-что одни они только могутъ употреблять ихъ съ выгодою, какъ для владѣльцевъ ихъ, такъ и для публики. Банки, въ собственномъ смыслѣ, не могутъ, подобно сберегательнымъ кассамъ, принимать сбереженія рабочихъ классовъ такими незначительными долями, и въ этомъ отношеніи, между обоими родами этихъ учрежденій существуетъ тѣсная связь; банки могли и должны были бы принимать подобные вклады, коль-скоро они достигли извѣстныхъ размѣровъ. Если-бы это существовало на практикѣ, то вся сумма мелкихъ сбереженій никогда не могла бы дойти до такой громадной цифры, которая поставила бы кредитное учрежденіе въ затрудненіе.

§ V. Замѣчанія.

Что сказать о французской системѣ, изложенной нами въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ? Болѣе всего поражаетъ она своею незначительностью. Десять независимыхъ банковъ и тринадцать конторъ центральнаго банка, вотъ и всѣ кредитныя учрежденія для такой обширной страны, какъ Франція. И какимъ тѣснымъ кругомъ ограничиваются дѣйствія этихъ учрежденій. Между ними нѣтъ ни одного, которое принимало бы процентные вклады, и, такимъ-образомъ, пополняло дѣйствія сберегательныхъ кассъ. Нѣтъ между ними никакой постоянной связи, которая облегчала бы переводъ денегъ изъ одного мѣста въ другое и освобождала торговлю отъ необходимости пересылать звонкую монету. Цифра производимыхъ ими ссудъ,

ЦАБ "Автограф"

какъ мы уже видѣли, незначительна, но и она, быть-можетъ, слишкомъ велика въ сравненіи съ капиталомъ, которымъ располагаютъ французскіе банки. Этотъ капиталъ не превышаютъ 91 милліона франковъ, составляющіе менѣе половины капитала, равнявшагося (десять лѣтъ тому назадъ) кассѣ одного только Центральнаго банка Соединенныхъ Штатовъ (*), который дѣйствовалъ въ совмѣстничествѣ съ 6 или 7 стами другихъ банковъ, и постоянно имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 200 милліоновъ остаточнаго капитала государства. По этому сравненію можно судить объ относительной важности двухъ поименованныхъ системъ.

Часто полагаютъ, что банки только тогда бываютъ полезны, когда производятъ свои операціи съ весьма незначительнымъ капиталомъ, и преимущественно только при помощи своего кредита. Это мнѣніе раздѣляютъ и многіе просвѣщенные поборники свободы. Слѣды его можно видѣть даже въ переведенныхъ отрывкахъ (глава IV, § III) изъ прекраснаго сочиненія г. Уильсона: мы находимъ ихъ также въ основаніяхъ политической экономіи Гарнье (**), и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ.

Какую бы пользу могъ принести банкъ своими ссудами, еслибъ онъ только производилъ ихъ изъ своего собственнаго капитала. Онъ только отдавалъ бы одною рукою то, что́ взялъ другою, и не прибавлялъ бы ничего отъ самого себя къ производительной дѣятельности страны. Но развѣ не достаточно, если онъ сосредоточитъ въ себѣ бездѣйствующіе капиталы для обращенія ихъ въ производительные дѣятели, введя ихъ въ обращеніе другимъ путемъ? Подумайте, сколько въ такой странѣ, какъ Франція, находится капиталовъ болѣе или менѣе непроизводительныхъ или совершенно потерянныхъ для труда. Взгляните на громадную массу капиталовъ, лежащихъ обыкновенно въ кладовыхъ Французскаго банка въ ожиданіи какого-

---

(*) Капиталъ его составлялъ 35,000,000 долл., или 189,000,000 фр. (около 47,000,000 р.

(**) *Elements de l'economie politique, exposé des nations fondamentales de cettes cience*, par J. Garnier; deuxieme édition, 1847, Paris.

ЦАБ "Автограф

нибудь употребленія, и въ то же время на 400 милліоновъ, составляющихъ сумму вкладовъ сберегательныхъ кассъ, которые удвоились или утроились бы, еслибъ не было такого строгаго ограниченія въ размѣрѣ вкладовъ одного лица. Эти капиталы потеряны для промышленности, потому-что ихъ употребляютъ исключительно на покупку рентъ, которыя только увеличиваютъ массу безплодныхъ капиталовъ, поглощаемыхъ биржею. Представимъ себѣ другую массу капиталовъ, еще значительнѣйшую, которая разсѣяна по кошелькамъ крестьянъ, по сундукамъ негоціантовъ, банкировъ и капиталистовъ; всѣ эти капиталы остаются безплодными въ ожиданіи болѣе или менѣе близкаго употребленія и въ настоящую минуту не приносятъ никакой выгоды ни владѣльцамъ, ни странѣ. Конечно, еслибы явились банки, которые собрали бы всѣ эти капиталы и пустили ихъ въ оборотъ, этимъ однимъ уже они принесли бы большую пользу. Впрочемъ, еслибы банки и брали эти капиталы на проценты, какъ совѣтуетъ г. Уильсонъ, и какъ поступаютъ шотландскіе банки, то этого все-таки еще недостаточно. Безспорно, что эта система лучше той, которая оставляетъ капиталы праздными, но въ ней большой недостатокъ. Эти капиталы должны войти въ составъ основнаго капитала банка, только при такомъусловіи они принесутъ болѣе выгоды ихъ владѣльцамъ, а для публики будутъ служить обезпеченіемъ противъ кризиса.

Но развѣ это значитъ, что банки не должны пользоваться кредитомъ для увеличенія своихъ средствъ. Послѣ всего, сказаннаго нами выше, насъ нельзя заподозрить въ подобномъ убѣжденіи. Нѣтъ, банки, безъ всякаго сомнѣнія, должны пользоваться своимъ кредитомъ для увеличенія средствъ, что они и дѣлаютъ посредствомъ выпуска билетовъ и пріема вкладовъ; но прежде всего необходимо, чтобы они имѣли обширный капиталъ, который долженъ служить главнымъ основаніемъ ихъ операцій (*).

(*) Или по-крайней-мѣрѣ запасный капиталъ, который обезпечиваетъ и прочность ихъ операцій.

К. С.

Странно видѣть въ системѣ французскихъ банковъ, съ одной стороны, такую массу капиталовъ, лежащихъ безъ употребленія; съ другой, банки, которые производятъ свои обороты безъ всякихъ капиталовъ, какъ-будто бы послѣднихъ не было въ странѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, на чемъ основанъ кредитъ этихъ банковъ? Можно сказать, что единственно на дарованныхъ имъ привилегіяхъ, потому-что и безъ того незначительные ихъ капиталы обращаются на покупку государственныхъ рентъ. Одни только привилегіи ихъ внушаютъ обществу довѣріе къ нимъ: вотъ единственное средство, которымъ они поддерживаются. Для обыкновеннаго времени этого, можетъ-быть, достаточно; но при малѣйшей случайности касса ихъ пустѣетъ, и торговлѣ грозитъ кризисъ. Правда, производимыя ими ссуды незначительны, но все-таки онѣ довольно велики сравнительно съ средствами банковъ, что доказывается цифрою прибыли получаемой послѣдними. Поэтому операціи ихъ лишены той безопасности и прочности, которыя приписываютъ имъ защитники ихъ. Если до-сихъ-поръ еще ни одинъ изъ этихъ банковъ не рушился (*), то это слѣдуетъ приписать привилегіямъ, которыя ихъ всегда поддерживали, позволяя имъ обратить исключительно на торговлю всѣ убытки которые они должны были бы претерпѣть сами.

Изъ принятой во Франціи системы банковъ, проистекаетъ: дурное употребленіе ввѣренныхъ банкамъ капиталовъ, почти совершенное отсутствіе кредита въ коммерческихъ дѣлахъ и опасность претерпѣвать частыя банкротства, вслѣдствіе незначительнаго пользованія кредитомъ. Къ этому можно еще прибавить возмутительное неравенство въ распредѣленіи выгодъ. Французскіе банки имѣютъ еще и другіе недостатки, но мы указываемъ только на главные, потому-что они могутъ служить пробнымъ камнемъ какъ для дурной, такъ и для хорошей кредитной системы.

(*) Бордоскій банкъ въ 1830 году прекратилъ свои платежи, но только на самое короткое время.

Дурное употребленіе народнаго капитала достаточно обнаруживается уже однимъ существованіемъ такого огромнаго числа незанятыхъ капиталовъ, и въ постоянномъ приливѣ ихъ на биржу, гдѣ вмѣсто-того, чтобы оживлять трудъ, они поддерживаютъ только безполезную и разорительную игру. Кстати замѣтимъ, что Франція имѣетъ звонкой монеты вчетверо или впятеро болѣе того количества, которое ей необходимо для совершенія всевозможныхъ сдѣлокъ; а развѣ нельзя назвать дурнымъ употребленіемъ производительныхъ капиталовъ страны—безполезное обращеніе ихъ въ такую значительную массу звонкой монеты.

Что касается почти полнаго отсутствія кредита, то оно очевидно. Если принять въ соображеніе только государственные займы, сдѣланные въ обыкновенное время и въ-особенности займы на короткіе сроки, посредствомъ выпуска билетовъ казначейства, составляющихъ текущій долгъ, то намъ можетъ показаться, что норма процентовъ довольно умѣрена и вслѣдствіе того, что кредитъ Франціи находится въ цвѣтущемъ состояніи. Но займы, дѣлаемые государствомъ, должникомъ совершенно другаго рода, совершающимъ ихъ именно тамъ, гдѣ капиталы скопляются въ большомъ количествѣ за неимѣніемъ помѣщенія, очевидно составляютъ исключеніе. Обыкновенный курсъ ренты также не можетъ служить мѣриломъ для сравненій; такъ-какъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ французской системы, заключается именно въ томъ, что она принуждаетъ всѣ капиталы стремиться къ этой одной точкѣ.

Чтобъ составить себѣ вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ, надо вникнуть въ характеръ частныхъ сдѣлокъ, не исключая и совершаемыхъ внѣ Парижа. Займы подъ залогъ недвижимыхъ имѣній никогда не дѣлаются менѣе, какъ по 6, а съ прибавкою другихъ платежей, незаконно причитываемыхъ къ главному проценту, они часто доходятъ до 8, 9 и даже 12 процентовъ. Незначительный торговецъ, не имѣющій у банкира открытаго кредита долженъ, по необходимости, занимать капиталы за большіе про-

центы (*); земледѣлецъ же, неимѣющій, для залога, недвижимой собственности, лишенъ возможности добыть деньги; ремесленникъ, въ случаѣ крайности, принужденъ закладывать свое движимое имущество. Не только занимающій деньги подвергается уплатѣ указанныхъ высокихъ процентовъ, но всякій потребитель, не имѣющій средствъ закупить припасы оптомъ и притомъ на наличныя деньги. Бо́льшая часть предметовъ потребленія, при продажѣ въ разницу, увеличивается въ цѣнѣ отъ 40 и 50 процентовъ въ городѣ, и отъ 80 до 100 процентовъ для сельскихъ обывателей (**). Однимъ словомъ, каковы бы ни были проценты займовъ, составляющихъ исключеніе, можно сказать, что и въ обыкновенное время средняя цифра процента во всей Франціи составляетъ не менѣе 15 или 20.

Впрочемъ, никто не сомнѣвается въ дурномъ состояніи частнаго кредита во Франціи, и мы не думаемъ, чтобы самые защитники монополіи стали отрицать это; они только утѣшаютъ себя относительно мнимою безопасностію, которая обезпечена для нихъ при такомъ порядкѣ вещей. Если французская торговля, говорятъ они, мало пользуется выгодами кредита, зато она не подвергается риску. Если обороты ея не значительны, зато они вѣрны; она стоитъ на твердой почвѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ, не подвергается частымъ бѣдствіямъ, поражающимъ другія страны. Но на чемъ основывается такое сужденіе? Конечно не на изслѣдованіи фактовъ, а единственно на предразсудкахъ и

(*) Въ этихъ цифрахъ замѣтно сильное преувеличеніе. Если, покупая въ разницу, потребитель платитъ за продуктъ 50 или 80 процентами дороже той цѣны, за которую продуктъ былъ купленъ у оптоваго продавца, то здѣсь онъ платитъ не одни проценты на ссуженный капиталъ. При этомъ онъ платитъ и прибыль мелочнаго торговца, которая возвышаетъ цѣну проданнаго продукта тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше количество продуктовъ. Истинное количество процентовъ, платимыхъ потребителемъ, можетъ быть опредѣлено по проценту учета мелкихъ векселей, который въ то время составлялъ 8%; что, впрочемъ, все еще довольно дорого.

К. С.

(**) Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать за проценты, превышающіе 6 на 100.

К. С.

заранѣе составленныхъ теоріяхъ. Многіе, предположивъ заранѣе, что, чѣмъ шире кредитъ, тѣмъ болѣе шансовъ потери, утверждаютъ такое мнѣніе, не обращая вниманія ни на какіе доводы. Но это не есть убѣжденіе, а только предположеніе. Въ дѣйствительности же нѣтъ ничего ошибочнѣе такого мнѣнія. Банкротства во Франціи такъ же часты, какъ и во всякой другой странѣ и едва ли не чаще. Коммерческіе кризисы, какъ мы видѣли, составляютъ тамъ не менѣе частыя явленія. Если они не имѣютъ отголоска внѣ предѣловъ Франціи, то просто потому, что страна эта менѣе богата, и конечно французамъ нѣтъ причины гордиться этимъ. Прибавьте къ этому, что стѣсненіе, чувствуемое всѣми, и дороговизна, поддерживаемая почти полнымъ отсутствіемъ кредита, внушаютъ многимъ торговцамъ прибѣгать къ обманамъ и надувательствамъ, жертвами которыхъ дѣлается всякій честный покупатель. Итакъ нельзя сказать, что во Франціи торговля пользуется бо́льшею безопасностью, чѣмъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ болѣе обширный кредитъ. Напротивъ-того, она подвергается еще бо́льшимъ опасностямъ. Что касается до чрезвычайнаго неравенства, порождаема́го такою системою, то врядъ-ли намъ нужно распространяться о немъ. Оно видно довольно ясно изъ сравненія слѣдующихъ двухъ фактовъ. Съ одной стороны, правительство съ трудомъ гарантируетъ вкладчикамъ сберегательныхъ кассъ 4 процента, съ другой, акціонеры банковъ, капиталы которыхъ не должны были бы имѣть инаго назначенія, получаютъ громадные дивиденды, составляющіе отъ 10 до 20 процентовъ съ капитала.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

АНГЛІЙСКІЕ И ШОТЛАНДСКІЕ БАНКИ.

§ I. Англійскіе банки.

На сколько кредитъ рѣдокъ во Франціи, на столько онъ распространенъ въ Англіи; можно сказать, что въ Англіи всякій имѣетъ кредитъ: негоціантъ, оптовой и мелочной торговецъ, земледѣлецъ, фабрикантъ ремесленникъ, даже простой работникъ, въ скромной сферѣ своей дѣятельности, нерѣдко пользуется возможностью дѣлать займы. Источникъ этого кредита — безчисленные банки, разсѣянные по всему государству; оттуда распространяется онъ по всѣмъ классамъ общества. Когда, напримѣръ, банкъ легко учитываетъ представляемые ему какимъ-нибудь негоціантомъ билеты, то сей послѣдній охотно беретъ ихъ у мелочнаго торговца, который въ свою очередь въ состояніи поставлять въ кредитъ товары земледѣльцу, ремесленнику или работнику. Подобнаго рода сдѣлки весьма обыкновенны во всей Англіи, благодаря большому числу кредитныхъ установленій; оттого въ этомъ государствѣ такое изобиліе производительныхъ капиталовъ; человѣкъ дѣятельный и трудолюбивый рѣдко лишается, отъ недостатка средствъ, орудія, могущаго усилить его производство, которое совершается всегда самымъ быстрымъ

и экономическимъ способомъ. Вотъ настоящая причина (*) превосходства Англіи, въ промышленномъ отношеніи, надъ другими государствами.

Употребленіе банковыхъ билетовъ распространено въ Англіи такъ же, какъ и кредитъ въ собственномъ смыслѣ. Оно только не находится преимущественно въ той или другой извѣстной мѣстности, а распространено повсюду: въ провинціи и Лондонѣ, въ деревняхъ и городахъ; простой ремесленникъ или работникъ пользуется имъ точно такъ же, какъ фабрикантъ или капиталистъ. Нельзя однакожь сказать, чтобы масса билетовъ была очень значительна (**).

(*) Есть и другія причины этого, но здѣсь кредитъ играетъ главную роль.
К. С.

(**) Слѣдующія цифры, извлеченныя изъ новѣйшихъ сочиненій, могутъ дать точное понятіе о положеніи Лондонскаго банка и значительности обращенія банковыхъ билетовъ въ Соединенномъ Королевствѣ.

СОСТОЯНІЕ АНГЛІЙСКАГО БАНКА КЪ 29 СЕНТЯБРЯ 1858 ГОДА.

ДЕБЕТЪ.		КРЕДИТЪ.	
Капиталъ.....	14,553,000 ф. стерл.	Постоянный долгъ правительства...	11,015,000 ф. стерл.
Резервный капиталъ.	3,700,995 »	Разные векселя правительства ...	14,440,584 »
Текущій счетъ государственнаго казначейства	8,886,870 »	Портфель банка.	15,234,491 »
Текущій счетъ торговыхъ домовъ	11,543,876 »	Звонкая монета	19,290,579 »
Билеты по предъявленіи и на предъявителя.	20,497,765 »	Итого	59,980,654 ф.стерл.
Билеты съ уплатою въ 7-ми дневный срокъ по предъявленіи и разныя другія бумаги.	798,765 »		
Итого	59,980,654 ф. стерл.		

КОЛИЧЕСТВО БАНКОВЫХЪ БИЛЕТОВЪ, БЫВШИХЪ ВЪ ОБРАЩЕНІИ 25 СЕНТЯБРЯ 1858 ГОДА.

Англійскій банкъ.....	20,121,581	ф. стерл.
Частные банки.....	3,224,354	»
Банки съ соединенными капиталами.....	2,805,622	»
Шотландскіе банки.....	3,882,312	»
Ирландскіе банки.....	5,924,797	»
Итого.....	35,958,666	ф. стерл.

К. С.

ЦАБ "Автограф"

Она не превышаетъ, среднимъ числомъ, 30 милл. фунт. стерл. (187,500,000 руб.), изъ которыхъ 18 или 20 милліоновъ выпущены Лондонскимъ банкомъ; остальные же — мѣстными кредитными учрежденіями; но количество ихъ вознаграждается умѣньемъ пользоваться ими; такъ что этой относительно-незначительной суммы, съ присовокупленіемъ почти такого же количества звонкой монеты достаточно для совершенія безграничнаго числа сдѣлокъ.

Изъ этого почти повсемѣстнаго употребленія банковыхъ билетовъ вытекаютъ многія очевидныя выгоды. Во-первыхъ, значительное сбереженіе звонкой монеты; во-вторыхъ, чрезвычайное облегченіе перевода капиталовъ. Такъ-какъ мы прежде указали на эти выгоды, при сравненіи Англіи съ Франціей, то въ настоящее время не будемъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что и безъ того многіе слишкомъ расположены ограничивать этимъ однимъ преимуществомъ пользу, приносимую банками. «Банкъ, говоритъ Рикардо, тогда только выполнитъ свою задачу, когда замѣнитъ въ обращеніи золото билетами и доставитъ торговлѣ малоцѣнные денежные знаки, возвративъ производительной дѣятельности болѣе дорогаго и остававшагося безполезнымъ дѣятеля (*)». Напротивъ, мы думаемъ, что банкъ, замѣнивъ золото билетами, не выполнилъ и половины своей полезной задачи; что производимыя имъ ссуды и способность его (благодаря единственно своему существованію) побуждать негоціантовъ дѣлать взаимныя ссуды, гораздо важнѣе обращенія его билетовъ: впрочемъ и экономія, происходящая отъ обращенія билетовъ, представляетъ немаловажныя выгоды.

Какъ скоро кредитъ распространился въ государствѣ, то всѣ ея жители испытываютъ вліяніе его. Очевидно, что хотя банкамъ чрезвычайно легко пріобрѣтать себѣ довѣріе,

---

Oeuvres diverses.—De la protection, accordée à l'agriculture, стр. 665, изданіе Guillaumin.

но все же для этого необходимы какія-нибудь заслуги; а вслѣдствіе этого, какъ бы ни было сильно желаніе кредитныхъ учрежденій пріобрѣсти новыхъ кліентовъ, они, имѣя въ виду собственный интересъ, могутъ допустить въ число ихъ только людей испытанной честности. Этимъ условіемъ они чрезвычайно способствуютъ развитію честности въ народѣ. Каждый старается внушить къ себѣ довѣріе своимъ поведеніемъ для того, чтобъ быть въ состояніи пользоваться кредитомъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; такимъ-образомъ каждый постепенно привыкаетъ къ аккуратности и точному исполненію принятыхъ на себя обязательствъ. Поэтому можно замѣтить, что торговая добросовѣстность, о которой теперь идетъ рѣчь, всегда находится въ прямомъ отношеніи къ развитію кредита. Эта истина проявляется нетолько при займахъ и учетахъ, но и при куплѣ и продажѣ, и вообще при всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Если кредитъ рѣдокъ и труденъ, то никто не посовѣстится прибѣгнуть къ обману, потому-что обманъ все-таки принесетъ какую-нибудь выгоду, между-тѣмъ какъ честность ничего не доставляетъ. Напротивъ того, съ развитіемъ кредита всякій старается пріобрѣсть частичку этого драгоцѣннаго сокровища, и тогда въ торговлѣ распространяется честность, какъ единственное средство поддержать его. Конечно, сначала это разсчетъ, и разсчетъ даже унизительный для человѣчества, но потомъ онъ обращается въ привычку, и наконецъ становится народнымъ правиломъ.

Надо сознаться, что торговая честность гораздо больше развита въ Англіи, нежели во Франціи. Печальная картина низкихъ мошенничествъ и обмановъ, не доставляющихъ собственно никакой пользы ихъ виновникамъ, но наносящихъ огромный вредъ ихъ жертвамъ и торговлѣ, почти ежедневно представляющаяся глазамъ нашимъ во Франціи, рѣдко встрѣчается въ Англіи. Мы не хотимъ однакожь сказать этимъ, чтобы обманъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ Англіи; онъ, по-крайней-мѣрѣ, чрезвычайно рѣдокъ, особенно въ высшемъ торговомъ кругу,

ЦАБ "Автограф"

и не имѣетъ того мелочнаго характера, какъ во Франціи. Если въ Англіи и захотятъ обмануть, то сдѣлаютъ это въ бо́льшемъ размѣрѣ, для огромныхъ барышей, а не ради нѣсколькихъ копѣекъ. Оттого тамъ при покупкѣ, можно положиться на слова продавца, не опасаясь обмана. Самыя важныя сдѣлки совершаются на словахъ, огромныя массы товаровъ переходятъ изъ рукъ въ руки, и никому даже не приходитъ на мысль, развѣ только въ случаѣ крайней необходимости, повѣрять ихъ вѣсъ и качество. Вслѣдствіе такого безграничнаго довѣрія сберегается много времени и расходовъ. Какія огромныя выгоды порождаются такою честностью и взаимнымъ довѣріемъ для всего, что́ касается внѣшнихъ сношеній. Надо ли напоминать, какъ часто французская заграничная торговля компрометировала себя обманами, а между-тѣмъ коммиссіонеры были скорѣе жертвами ихъ, нежели виновниками. Ничего подобнаго не видимъ мы въ Англіи. Англійскій негоціантъ, ведущій заграничный торгъ, дѣйствуетъ обыкновенно по довѣрію, не принимая на себя ни трудовъ, ни предосторожностей, столь необходимыхъ для французскаго негоціанта. Если онъ хочетъ отправить товаръ свой за границу, то отдаетъ только приказаніе, и не заботится болѣе о немъ, потому-что увѣренъ въ точномъ исполненіи его приказаній. Доказательствомъ того, что это довѣріе рѣдко нарушается въ Англіи, служитъ то, что послѣ столькихъ испытаній ее продолжаютъ поддерживать.

Вотъ тѣ дѣйствительныя выгоды, которыя Англія извлекаетъ изъ своихъ кредитныхъ учрежденій (*). Онѣ такъ велики, что нѣтъ ни однихъ значительныхъ недостатковъ, которыя бы можно было вполнѣ противопоставить имъ.

При всемъ томъ, однакожь, англійской кредитной системѣ не-

(*) Здѣсь мы опять видимъ преувеличенія. Согласившись съ вѣрностью предъидущаго сравненія, на которое, впрочемъ, можно сдѣлать много возраженій, мы полагаемъ однакожь, что нравственное превосходство Англичанъ не слѣдуетъ приписывать исключительно однимъ банкамъ.

К. С.

достаетъ еще многаго, чтобъ быть въ этомъ отношеніи образцомъ. Хорошая сторона ея заключается въ многочисленности кредитныхъ учрежденій, которая собственно тогда только можетъ быть благодѣяніемъ для страны, когда не превышаетъ ея требованій. Поэтому кредитъ распространяется по всему государству и уравниваетъ, до нѣкоторой степени, величину получаемыхъ процентовъ, которая такъ перемѣнчива во Франціи. Въ то же самое время англійская банковая система соединяетъ въ себѣ, кажется, всѣ возможные недостатки. Суровые приговоры, произнесенные надъ ними въ 1826 году лордомъ Ливерпулемъ и г. Робинсономъ, вполнѣ примѣнимы и къ нашему времени: «*The effect of the law at present is to permit every description of banking, bexcepqt that, which is solid and secure* (*)». И дѣйствительно, въ Англіи хотѣли кажется испытать всѣ системы банковъ, исключая той, которая соединяла бы въ себѣ условія прочности и безопасности.

Въ самомъ центрѣ государства, въ Лондонѣ, мы находимъ главный банкъ, пользующійся исключительной привилегіей на пространствѣ 65 миль вокругъ города. Не станемъ говорить о неудобствахъ и опасностяхъ, которыя влекутъ за собой такого рода привилегіи. Какъ бы нарочно для того, чтобы увеличить угрожающую ему опасность, правительство заняло у банка весь его капиталъ, который, такимъ-образомъ, затраченъ еще болѣе невозвратно, чѣмъ капиталъ Французскаго банка (**). Правда, что въ замѣнъ того правительство уступаетъ банку сборъ нѣкоторыхъ налоговъ, отъ этой операціи въ кассѣ банка остаются значительныя суммы, которыми онъ пользуется

(*) *Настоящій законъ допускаетъ всѣ роды устройства банковъ, за исключеніемъ того, который представляетъ прочность и безопасность.*

(**) Капиталъ этотъ одни полагаютъ въ 14, другіе въ 15, 000,000 фунт. стерл. Вѣроятнѣе всего, что онъ составляетъ сумму въ 14,500,000 фунт. стерл., изъ которыхъ 11,000,000 заняты правительстомъ безвозвратно, остальные же состоятъ изъ билетовъ казначействъ (Exchequer) и другихъ общественныхъ цѣнностей.

ЦАБ "Автограф"

для учетовъ: но банкъ, въ свою очередь, выдаетъ правительству деньги впередъ, въ счетъ налоговъ, взносъ которыхъ продолжителенъ, какъ, напримѣръ, поземельный налогъ и акцизъ съ солода. Изъ всего этого происходитъ тѣсная связь съ правительствомъ, связь, которая никогда не согласуется съ правильнымъ развитіемъ торговаго учрежденія. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ существованія, непоколебимость Лондонскаго банка была подвержена сомнѣнію съ самаго его основанія. Въ 1797 году онъ былъ принужденъ прекратить свои платежи, что́ соотвѣтствовало почти банкротству, съ тою только разницею, что ему законнымъ образомъ дозволено было не выполнять своихъ обязательствъ впродолженіи 22-хъ лѣтъ. Правда, всѣмъ извѣстная воля правительства: во что бы то ни стало предохранить банкъ отъ окончательнаго паденія, было достаточно, чтобъ поддержать довѣріе въ его прочность, но не избавила торговли отъ несчастныхъ послѣдствій такого заблужденія.

Кромѣ этого центральнаго учрежденія, мы находимъ еще *частные банки,* основанные въ силу закона 1708 года. Тутъ мы уже встрѣчаемъ не привилегію, такъ какъ этимъ учрежденіямъ было дозволено развиваться свободно, а ограниченіе, дотого пагубное и странное, что оно было, повидимому, внушено убѣжденіемъ уронить банковую систему вообще. Мы уже видѣли, что, по закону 1708 года, частные банки не могли состоять болѣе, чѣмъ изъ шести товарищей. Такимъ-образомъ каждому позволено было заводить банкъ въ какихъ угодно размѣрахъ, заниматься даже, что́ всего важнѣе въ этого рода дѣятельности, выпускомъ въ обращеніе билетовъ, но съ условіемъ, чтобъ составившіяся съ этою цѣлью компаніи не могли, ни числомъ своихъ товарищей, ни цифрою капитала, соотвѣтствовать важности своего назначенія. Это значило, узаконить непрочность банковъ и кредита. Законъ какъ бы сказалъ: учреждайте банки, какъ вамъ угодно и въ какихъ угодно размѣрахъ; распространяйте кредитъ по городамъ и селамъ, но не осмѣливайтесь быть въ состояніи исполнить задачу вашу безо-

пасно. Вамъ слѣдуетъ быть слабыми и непрочными, чтобы паденіе ваше служило отъ времени до времени назидательнымъ примѣромъ для страны, и чтобы торговля искупала своимъ потрясеніемъ получаемыя отъ васъ благодѣянія. Конечно, все это было сдѣлано только съ цѣлью благопріятствовать центральному банку, созидая для него, такъ сказать, исключительное положеніе; но какихъ жертвъ стоило это странѣ?

Частыми банкротствами частные банки слишкомъ хорошо оправдали начало своего основанія. Въ словарѣ Макъ Коллока можно видѣть таблицу, числа и пропорціи банкротствъ съ 1809 по 1830 годъ.

Съ 1808 по 1818 годъ среднее число дѣйствовавшихъ банковъ составляло 691; съ 1824 по 1827 оно возвысилось до 765, что́ доказываетъ, что число частныхъ банковъ не переставало увеличиваться. Раздѣливъ это пространство времени на четыре періода, изъ которыхъ три въ шесть, а одинъ въ четыре года, мы найдемъ для банкротствъ слѣдующій результатъ:

	Въ годъ.
Съ 1809 по 1814, 6 лѣтъ. . .	91. . . $15^1/_6$
» 1815 » 1820 тоже . . .	87. . . $14^1/_2$
» 1821 » 1826 тоже . . .	97. . . $16^1/_6$
» 1827 » 1830, 4 года. . .	28. . . 7
Въ первомъ періодѣ пропорція	2,20
Во второмъ » »	2,10
Въ третьемъ » »	2,12
Въ четвертомъ »	0,92

Выведенныя пропорціи конечно чрезвычайно велики, и не даютъ хорошаго понятія о прочности частныхъ банковъ.

Съ 1826 года замѣтно значительное уменьшеніе въ относительномъ числѣ банкротствъ; даже болѣе чѣмъ на половину; особенно замѣчательно, что это уменьшеніе совпадаетъ съ увеличеніемъ числа кредитныхъ учрежденій. Мы не имѣли случая удостовѣриться, продолжается ли оно и въ наше время. Изслѣдованія причинъ такой перемѣны представляетъ не малый

интересъ. Что́ же произошло въ 1826 году? Въ эту эпоху, были приняты двѣ важныя мѣры, первая запрещала выпускъ билетовъ цѣнностью менѣе 5 ф. стер. во всѣхъ банкахъ собственной Англіи; вторая разрѣшала учрежденіе такъ называемыхъ *joint stock banks* (*банки, основанные товариществами на вѣрѣ*) только на разстояніи не ближе 55 миль отъ Лондона.

Можно ли приписать улучшеніе въ состояніи частныхъ банковъ той или другой изъ этихъ мѣръ? Во всякомъ случаѣ справедливо то, что онѣ не остались безъ вліянія на улучшеніе частныхъ банковъ. Послѣдніе мало способные, по слабости своего состава, предпринимать съ успѣхомъ выпускъ билетовъ, могли, однакожь, пользоваться, и даже въ довольно обширныхъ размѣрахъ, предоставленною имъ, въ этомъ отношеніи, свободою, пока дозволенъ былъ выпускъ небольшихъ купоновъ. Въ года, непосредственно предшествовавшіе 1826 году, случилось, что Лондонскій банкъ, вслѣдствіе своего недавняго кризиса, вовсе пересталъ, изъ излишней предосторожности, выпускать небольшіе билеты, и частные банки почти вполнѣ завладѣли этой частью обращенія. Дѣйствительно, можно было замѣтить изъ первой таблицы § IV, главы VII, что съ 1822 по 1826 годъ Лондонскій банкъ имѣлъ въ обращеніи самое ничтожное количество этихъ билетовъ, и только въ началѣ 1826 года, въ самую критическую минуту, когда почти весь его запасъ звонкой монеты истощился, онъ рѣшился выпустить ихъ разомъ на сумму 1,000,000 фунт. стерл. Частные банки, пользуясь воздержаніемъ центральнаго учрежденія, занялись исключительно выпускомъ небольшихъ билетовъ, которыхъ впродолженіе этого времени было пущено въ оборотъ большое количество; но этимъ самымъ они подвергли себя частымъ потерямъ, такъ-какъ, повторяемъ они не были въ состояніи поддерживать столь сложныя операціи. Когда въ 1826 году у частныхъ банковъ была отнята послѣдняя ихъ опора: выпускъ мелкихъ купоновъ, то они принуждены были ограничить свои обороты, отъ чего положеніе ихъ сдѣлалось тверже. Мы не хотимъ сказать, чтобъ выпускъ

мелкихъ билетовъ, самъ по себѣ, былъ вреденъ; но вредно то, что подобная дѣятельность была предоставлена слишкомъ слабымъ учрежденіямъ.

Банки, основанные товариществами на вѣрѣ, должны были дѣйствовать въ томъ же духѣ, ограничивая еще болѣе дѣйствія частныхъ банковъ, и заключая ихъ всё болѣе-и-болѣе въ обыкновенный кругъ банковыхъ оборотовъ: переводъ векселей, маклерство, продажа билетовъ и т. п. Правда, распространеніе новыхъ учрежденій шло сначала довольно медленно; но можно утвердительно сказать, что онѣ имѣли съ самаго начала благодѣтельное вліяніе, и не остались чуждыми замѣченному нами улучшенію. Впрочемъ, на все это надо смотрѣть, какъ на предположеніе, болѣе или менѣе вѣроятное. Чтобы вѣрно судить въ этомъ случаѣ, надо строго слѣдить за развитіемъ фактовъ, собираніе которыхъ чрезвычайно трудно, потому-что историки и экономисты, такъ громко и много разсуждающіе о Лондонскомъ банкѣ, гораздо воздержнѣе, касательно дѣйствій и условій существованія частныхъ банковъ.

Какъ бы то ни было, но вотъ какова была англійская система до 1826 года. Съ одной стороны, въ центральномъ учрежденіи привилегія со всѣми ея злоупотребленіями и опасностями. Съ другой, въ провинціальныхъ банкахъ — слабость, безсиліе, систематически поддерживаемыя закономъ, позволеніе все предпринимать, но только съ условіями, дѣлающими успѣхъ почти невозможнымъ.

Въ 1826 году былъ введенъ новый элементъ, долженствовавшій, если не уничтожить, то, по-крайней-мѣрѣ, исправить всѣ упомянутые недостатки. Рѣшено было, что банковая торговля, не исключая и выпуска обращающихся билетовъ, можетъ быть производима въ собственной Англіи товариществами на вѣрѣ, подобными тѣмъ, которыя доставили Шотландіи примѣрное благосостояніе. Два довольно важныя ограниченія были, однако, допущены; во-первыхъ, ни одна изъ такихъ компаній не имѣла права назначить себѣ мѣстопребываніе ближе 65 миль отъ Лондона; во-

вторыхъ, компаніи, ни въ какомъ случаѣ, не могли выпускать билетовъ цѣною менѣе 5 ф. стерл. Это значило: съ одной стороны, закрыть компаніямъ доступъ къ главному рынку страны, имѣющему преобладающее вліяніе на всѣ прочіе, и слѣдовательно, устранить ихъ отъ всякаго участія въ уравнительномъ движеніи; съ другой стороны заключить ли дѣйствія ихъ въ чрезвычайно узкія границы. Несмотря на то, новыя учрежденія могли бы еще надѣяться имѣть огромное и благодѣтельное вліяніе, еслибы въ ихъ образованіи не встрѣтились другіе, болѣе важные недостатки. Однако они принесли пользу и въ настоящемъ своемъ положеніи. Сами противники банковъ должны сознаться, что англійская система много улучшилась въ послѣднія 20 лѣтъ, и что товарищества на вѣрѣ, конечно, не мало способствовали улучшенію. Къ-несчастію, законодатели 1826 года, преобразовавъ законы о банкахъ, забыли исправить законы о торговыхъ обществахъ; а тутъ-то и долженъ былъ встрѣтиться камень преткновенія для новыхъ учрежденій.

Англійскіе законы о торговыхъ обществахъ гораздо свободнѣе французскихъ, уже потому только, что не опредѣляютъ строго формъ, въ которыя должно облечься общество, и предоставляютъ болѣе обширное поприще для свободнаго заключенія контрактовъ. Они не предписываютъ для договоровъ какой-либо условленной формы, но признаютъ всякую ихъ форму: они налагаютъ только слишкомъ тяжелыя обязательства на участниковъ.

Часто, сравнивая французское и англійское законодательства, многіе заблуждались, желая найти между ними несуществующую аналогію. Тщетно искали бы мы въ англійскихъ законахъ что либо похожее на французское трехвидовое раздѣленіе обществъ. Надо сознаться, что это выдумка, чисто-французская, и Англія не имѣетъ о ней никакого понятія. Собственно говоря, въ Англіи нѣтъ закона о торговыхъ обществахъ, тамъ на товарищество смотрятъ, какъ на свободный договоръ, формы и условія котораго не подлежатъ опредѣленію

законодателя. Вслѣдствіе чего и самые законы по этому предмету чрезвычайно просты; они опредѣляютъ для всѣхъ обществъ одинаковый, весьма простой образъ управленія, между-тѣмъ какъ французскіе законодатели дѣлятъ компаніи на различные роды, опредѣляютъ ихъ признаки, постановляютъ для каждаго рода особенное управленіе и требуютъ соблюденія безчисленныхъ формальностей. По англійскимъ же законамъ, для составленія общества, достаточно одного согласія договаривающихся сторонъ, выраженнаго какимъ бы то ни было образомъ. Съ той минуты, когда двое или нѣсколько человѣкъ уговорились между собою, словесно или письменно, объ условіяхъ товарищества, о величинѣ долей и начертали общій планъ дѣйствій, то все уже считается сдѣланнымъ и общество начинаетъ дѣйствовать. Это правило очень странно для насъ, привыкшихъ, при составленіи товариществъ, рабски слѣдовать по стопамъ законодателей, быть постоянно руководимыми и поддерживаемыми особенными постановленіями.

Основанныя безъ формальностей и расходовъ, общества англійскія отличаются также простотою своего дѣлопроизводства. Для удостовѣренія въ ихъ существованіи, принимаются всякаго рода доказательства, начиная отъ оффиціальнаго акта гражданскаго чиновника до простой переписки, книгъ и даже словеснаго свидѣтельства. Вообще надо замѣтить, что въ Англіи законъ предоставляетъ частнымъ лицамъ право, особенно же въ коммерческихъ дѣлахъ, доказывать важныя для нихъ истины какимъ угодно способомъ. Было бы только доказано, а какимъ способомъ, о томъ законъ не заботится, и тѣмъ рѣзко отличается отъ французскаго законодательства, которое всегда требуетъ, исключая развѣ въ случаяхъ крайней незначительности, законно и формально составленныхъ актовъ.

Ту же самую свободу встрѣчаемъ мы и при раздѣленіи капитала общества на акціи. Во Франціи это раздѣленіе дозволено только товариществамъ на акціяхъ и на паяхъ, и этимъ самымъ какъ-будто запрещено именнымъ обществамъ (торговымъ об-

ществамъ); это уступка, размѣръ которой ограниченъ закономъ. Въ Англіи раздѣленіе капитала обществъ дозволено во всѣхъ случаяхъ безразлично; правильнѣе сказать, оно не дозволено, потому-что законъ не предвидѣлъ этого случая; оно считается проявленіемъ естественнаго права, не нуждающагося въ письменномъ дозволеніи и проистекающаго изъ самаго права ассоціаціи. Во всемъ этомъ англійскій законъ имѣетъ неоспоримое преимущество надъ французскимъ, который подавляетъ всякое товарищество, вслѣдствіе безчисленныхъ формальностей и ограниченій. Къ-несчастію въ англійскомъ законѣ заключается ложное начало и гибельное заблужденіе, искажающее его смыслъ.

На сколько законъ англійскій либераленъ относительно формы, на столько онъ строгъ по своему содержанію, по-крайней-мѣрѣ, касательно обязанностей участниковъ общества другъ къ другу. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ обществамъ вообще, онъ прилагаетъ только одно начало: начало безграничной и безусловной отвѣтственности всѣхъ членовъ. Съ той минуты, какъ кто либо, въ качествѣ участника, получилъ свою часть барышей отъ какого-нибудь предпріятія, онъ тотчасъ же отвѣтствуетъ безгранично своимъ имуществомъ и личностью за всѣ долги общества. Пусть часть получаемыхъ имъ выгодъ, равно какъ и взносимый капиталъ, будутъ ограничены договорнымъ актомъ; пусть онъ самъ останется чуждъ дѣйствіямъ общества; пусть наконецъ имя его будетъ неизвѣстно акціонерамъ: все это не освобождаетъ его отъ исполненія строгихъ обязанностей, возложенныхъ на него закономъ. Если ему докажутъ или посредствомъ актовъ или одними только словесными свидѣтельствами или по книгамъ и корреспонденціи общества, что онъ принималъ участіе въ барышахъ — этого достаточно: онъ отвѣчаетъ своею личностью и всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ Англіи существуютъ также и такія общества, которыя не несутъ этого тяжкаго бремени, а именно такъ-называемыя «incorporated», во всемъ схожія съ французскими акціонерными

обществами. Но подобнаго рода общества могутъ быть основаны только въ силу королевскаго разрѣшенія или парламентскаго акта, и такимъ же образомъ утверждаются общества, дѣятельность коихъ носитъ на себѣ характеръ государственный; таковъ, напримѣръ, Лондонскій банкъ. Что же касается до обыкновенныхъ, чисто-коммерческихъ обществъ, то хотя онѣ и имѣютъ право облекаться во всѣ возможныя формы ассоціацій, не исключая и формы акціонернаго общества, но всѣ онѣ непремѣнно основаны на томъ же началѣ безграничной отвѣтственности, налагаемой на всѣхъ членовъ ихъ безъ изъятія.

Въ этомъ случаѣ англійскій законъ не только строгъ, но и несправедливъ, потому-что нарушаетъ основное начало права, требующее, чтобы никто не отвѣтствовалъ свыше принятыхъ имъ обязательствъ. Когда, напримѣръ, во Франціи законъ постановилъ, что въ товариществѣ на паяхъ участникъ отвѣтствуетъ только своею частью взноса, то этимъ самымъ онъ не сдѣлалъ въ его пользу никакой уступки или исключенія; онъ просто справедливо приложилъ къ нему начало права. Въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ дѣлаетъ участникъ? Онъ обѣщаетъ внести въ товарищество извѣстную сумму, и этимъ оканчивается его обязательство предъ обществомъ какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ; на какомъ же основаніи требовать отъ него бо̀льшей отвѣтственности? Часть получаемыхъ имъ выгодъ ограничена, а слѣдовательно и самая отвѣтственность не должна быть полною. Но вотъ еще болѣе дѣйствительное доказательство: онъ обѣщалъ обществу только свою часть взноса, а потому участники не имѣютъ никакого права или основанія требовать отъ него чего либо свыше обѣщаннаго. Еслибъ участникъ далъ свое имя обществу, или принялъ дѣятельное участіе въ управленіи имъ, то кредиторы могли бы требовать отъ него уплаты подъ тѣмъ предлогомъ, что вели дѣла съ обществомъ, полагаясь на его имя, кредитъ и состояніе: въ этомъ смыслѣ начало безграничной отвѣтственности прилагается и во французскомъ законодательствѣ къ участнику,

управляющему дѣлами общества; если же онъ не принималъ участія въ управленіи, а кредитъ и имя его не имѣли никакого вліянія, то было бы въ высшей степени несправедливо требовать отъ него болѣе внесенной имъ части, а тѣмъ болѣе налагать на него безграничную отвѣтственность (*).

Такое пагубное начало, примѣненное къ банковымъ товариществамъ на вѣрѣ, исказило ихъ характеръ и дѣятельность. Понятно, что такъ-какъ никто не можетъ войти въ такого рода общества, не отвѣчая, въ случаѣ несчастія, за всѣ его долги, то мало находится къ тому охотниковъ изъ людей, располагающихъ какими-нибудь средствами. «Если что́ достойно удивленія, говоритъ Макъ Коллокъ, то это то, что находятся люди, имѣющіе средство купить банковую акцію и пускающіеся на такого рода обороты (**)». Правда, многія общества парализировали до нѣкоторой степени дѣйствіе безграничной отвѣтственности тѣмъ, что расходятся какъ только потеряютъ половину или треть своего капитала; иначе трудно было бы допустить возможность основанія подобнаго рода обществъ. Тѣмъ не менѣе опасность, угрожающая ихъ членамъ, продолжаетъ существовать и отклоняетъ отъ вступленія въ такія общества тѣхъ лицъ, которыя могутъ что-либо потерять; вслѣдствіе этого бо́льшая часть акціонеровъ состоитъ изъ спекуляторовъ, а не основательныхъ капиталистовъ.

Отъ этого также происходитъ, что капиталы этихъ обществъ очень незначительны и недостаточны для предпринимаемыхъ ими оборотовъ. Слѣдствіе 1836 года, имѣвшее цѣлью разъяснить ихъ положеніе, открыло чрезвычайно любопытные факты. Такъ напримѣръ: одинъ изъ такихъ банковъ основался безъ всякаго фонда, не имѣя ни одного шиллинга, такъ что основателямъ его нечѣмъ было заплатить за устройство конторы. Капиталъ

(*) Во всемъ, что касается устройства торговыхъ обществъ, мы отсылаемъ читателей къ отдѣльной статьѣ объ этомъ предметѣ, помѣщенной нами въ *Revue des deux Mondes* за августъ мѣсяцъ 1845 года.

(**) M. Culloch's dictionary.—Статья: *О банкахъ.*

другаго состоялъ изъ 28 фунт. стерл. и вообще мало было такихъ, денежныя средства которыхъ превышали 70 фунт. стерл. (около 440 руб). Несмотря на это, они храбро пускались въ обороты и даже предпринимали, въ значительныхъ размѣрахъ, учетъ векселей и выпускъ билетовъ. Пока дѣла шли хорошо, барыши для бо́льшей части изъ нихъ были громадны; но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ ежеминутно угрожало банкротство; даже тѣ банки, капиталъ которыхъ представлялъ значительную цифру, отъ 7 до 800,000 фунт. стерл., въ оборотахъ своихъ по учету векселей и выпуску билетовъ значительно превышали собственныя средства.

Впрочемъ, отчетъ слѣдственной коммиссіи былъ вообще довольно благопріятенъ для банковъ. Строго порицая дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ, она объявила, что нашла положеніе ихъ вообще удовлетворительнымъ; но ей угодить было не трудно, какъ и всякимъ истиннымъ любителямъ прогресса въ Англіи. Привыкнувъ видѣть у себя глубоко испорченную кредитную систему, въ которой злоупотребленіе идетъ всегда рядомъ съ обычаемъ, гдѣ опасности столь же велики, какъ и выгоды; наконецъ, будучи впродолженіи болѣе полутораста лѣтъ зрителями того, что знаменитый Лондонскій банкъ съ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе, они пришли наконецъ къ тому заключенію, что такъ и должно быть; что кредитъ, вещь сама по себѣ рискованная; что зло въ немъ нераздѣльно съ добромъ; но рѣшились принять его такъ, какъ онъ есть, съ его выгодами и опасностями. Они однакожь ошибаются. Правильное развитіе кредитныхъ учрежденій не клонится къ увеличенію числа угрожающихъ торговлѣ опасностей, а напротивъ, направлены къ уничтоженію ихъ, подобно страховымъ обществамъ, предохраняющимъ частныхъ людей отъ потерь при пожарахъ и кораблекрушеніяхъ, и т. п. Такимъ-образомъ это не есть кредитъ въ его нормальномъ состояніи, а кредитъ, испорченный въ самомъ существѣ своемъ, изкаженный въ своей дѣятельности пагубными постановленіями. Измѣните ихъ; позвольте обществамъ образоваться свободно, не налагайте на членовъ ихъ болѣе обязанностей, нежели они

ЦАБ "Автограф"

сами на себя приняли, и будьте увѣрены, что онѣ не замедлятъ принять болѣе серіозное устройство, и что всѣ опасности, представляемыя настоящею системою, разсѣятся.

Къ-несчастію, не такое заключеніе было выведено изъ слѣдствія 1836 года. Вмѣсто того, чтобы исправить законъ, источникъ всѣхъ помянутыхъ злоупотребленій, захотѣли искоренить самыя злоупотребленія, а потому умножили число ограниченій. Для болѣе вѣрнаго обезпеченія общественнаго интереса, было рѣшено, что всякая компанія обязана публиковать имена своихъ товарищей. Конечно, не такого рода мѣра могла расположить къ нимъ настоящихъ капиталистовъ. Но такъ-какъ она была худо исполняема, то къ ней принуждены были возвращаться нѣсколько разъ съ удвоенною предосторожностью. Затѣмъ захотѣли назначить надзоръ и контроль надъ составленіемъ общественнаго капитала. Все это, конечно, не улучшило положенія дѣлъ, а, напротивъ, усугубило зло. Люди робкіе находили, что надо было идти далѣе, и требовали новыхъ обезпеченій и ограниченій, а законодатели старались удовлетворить ихъ желанію. На чемъ же наконецъ остановятся? Опытъ совѣтуетъ обратиться къ совершенно другимъ мѣрамъ, но на него не обращаютъ вниманія. Люди видятъ злоупотребленія, преслѣдуютъ ихъ; чего же проще? Но чтобъ добраться до источника зла, о томъ и не думаютъ; для того вѣдь надо столько трудиться!

Понятно, что при такомъ устройствѣ *банки, основанные товариществами на вѣрѣ*, не принесли Англіи тѣхъ выгодъ, которыхъ бы можно было отъ нихъ требовать. По незначительности своихъ средствъ и странному составу, они не могли внушить обществу достаточно довѣрія, для привлеченія къ себѣ капиталовъ. Слѣдствіемъ 1836 года доказано, что въ сѣверной Англіи половина такихъ банковъ занимается исключительно торговлею векселей. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, принимаютъ вклады, съ платежемъ $2^1/_2{}^0/_0$; но масса этихъ вкладовъ никогда не бываетъ значительна. По этому англійскій народъ принужденъ искать другаго рода хранилища для своихъ сбереженій: онъ или по-

мѣщаетъ ихъ къ частнымъ банкирамъ и маклерамъ, обезпеченія которыхъ кажутся ему, вопреки самой природы вещей, вѣрнѣе обезпеченія банковыхъ обществъ; или отдаетъ ихъ подъ залогъ недвижимой собственности, что́ сопряжено со многими неудобствами; или, наконецъ, за неимѣніемъ лучшаго, употребляетъ ихъ на покупку малодоходныхъ земель, на которыя всегда болѣе покупщиковъ, нежели продавцовъ. Иногда же случается, что онъ вывозитъ свои капиталы для помѣщенія за границею. Но на все это уходитъ много времени, втеченіи котораго капиталы остаются или вовсе непроизводительными, или служатъ только для поддержанія ажіотажа и спекуляцій.

Однакожь надо сознаться, что условія учрежденія банковъ на вѣрѣ не до такой степени дурны, чтобы вовсе не были совмѣстимы съ идеею объ устройствѣ банковаго общества. Можно предполагать даже, что подобныя общества со временемъ усовершенствуются. Тѣ изъ нихъ, составъ которыхъ уже слишкомъ дуренъ, падаютъ сами собою; другія же остаются, и достигнувъ однажды порядочнаго устройства, быстро улучшаются день-ото-дня, потому-что честные и состоятельные акціонеры допускаютъ въ число своихъ сотоварищей только такихъ людей, отвѣтственность которыхъ могла бы обезпечить ихъ собственную отвѣтственность.

Что́ бы ни говорилъ Макъ-Коллохъ, можно однакожь допустить, чтобы настоящіе капиталисты, непотерявъ разсудка, пускались въ такого рода обороты, несмотря на большую отвѣтственность, которой добровольно подвергаются. На это капиталисты рѣшаются только подъ извѣстными условіями: во-первыхъ, всякій товарищъ долженъ представить такое же вѣрное обезпеченіе, какъ они сами, длятого чтобы имъ не пришлось отвѣчать однимъ въ случаѣ несчастія; условіе это можетъ быть выполнено только въ исключительныхъ случаяхъ; во-вторыхъ, какъ-бы въ вознагражденіе за ихъ рискъ, барыши

должны быть гораздо значительнѣе тѣхъ, которые бы они могли получить во всякомъ другомъ предпріятіи.

Отъ этого происходятъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, многія неудобства. Во-первыхъ, составъ такихъ обществъ будетъ всегда слишкомъ аристократиченъ. Если въ другихъ компаніяхъ мы встрѣчаемъ авантюристовъ, то въ этихъ увидимъ только однихъ богатыхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Небогатый капиталистъ, располагающій только скуднымъ плодомъ долговременной бережливости, и не представляющій достаточнаго личнаго обезпеченія, будетъ непремѣнно исключенъ изъ ихъ состава.

Это совершенно противно тому, къ чему должно стремиться. Если и встрѣчаются какія-либо затрудненія для помѣщенія капиталовъ въ странѣ, гдѣ банки не пользуются достаточной свободою, то затрудненія эти гораздо чувствительнѣе для незначительныхъ, нежели для большихъ суммъ. Обладатель значительнаго капитала всегда найдетъ средство употребить его, и скорѣе въ состояніи предписать свои условія, нежели человѣкъ бѣдный. Потому банки должны бы стараться составить свой общественный капиталъ изъ незначительныхъ капиталовъ, что безъ-сомнѣнія и имѣло бы мѣсто, еслибъ имъ дозволено было организоваться по образцу настоящихъ акціонерныхъ обществъ, въ которыхъ всякій отвѣчаетъ только своимъ взносомъ, а слѣдовательно и личность акціонера не имѣетъ никакого значенія. Маленькіе вклады имѣли бы тогда такое же значеніе, какъ и большіе, лишь бы только общая сумма была значительна; а они по преимуществу и помѣщались бы въ банки, такъ-какъ имъ трудно найти другое помѣщеніе. Непринятіемъ ихъ, англійскіе банки, основанные на вѣрѣ, не удовлетворяютъ одной изъ главныхъ цѣлей своего учрежденія. Судя по величинѣ получаемой ими прибыли, услуги ихъ обходятся довольно дорого; къ этому надо прибавить, что такъ-какъ въ банковыхъ операціяхъ вообще, большой барышъ можно получить только пустившись на рискованное

предпріятіе, то и заслуги ихъ тѣмъ менѣе вѣрны, чѣмъ дороже они обходятся.

Всѣ эти неудобства исчезли бы въ одно мгновеніе, еслибъ въ Англіи позволено было учреждать акціонерныя общества. Маленькіе капиталы устремились бы тотчасъ въ банки. Всякій, богатый и бѣдный, находилъ бы употребленіе для своихъ сбереженій, и это уже одно было бы благодѣяніемъ. Кромѣ-того, соединеніе значительнаго общественнаго капитала, соотвѣтственно важности задуманныхъ предпріятій, было бы тогда такъ же легко и обыкновенно, какъ оно теперь затруднительно и рѣдко. Соперничество капиталовъ понизило бы и уравняло барышъ. Мы бы не видѣли болѣе этого возмутительнаго неравенства между вкладчикомъ и акціонеромъ банка, изъ которыхъ первый едва получаетъ 2%, между-тѣмъ какъ второй получаетъ дивиденды въ 9, 12 и 15% (*). Процентъ для акціонеровъ уменьшился бы, а для вкладчиковъ увеличился, и такимъ-образомъ установилась бы средняя цифра, разнящаяся для тѣхъ и другихъ не болѣе чѣмъ на 1%. Наконецъ, что всего важнѣе, капиталъ банковъ сталъ бы соотвѣтственнѣе съ обширностью ихъ оборотовъ, которые совершались бы тогда съ бо́льшею безопасностью для публики и самихъ банковъ.

Отчего не прибѣгнуть къ такому простому способу улучшить настоящее положеніе банковъ? Развѣ есть какой-нибудь законный и важный предлогъ, который препятствуетъ совершенному освобожденію акціонерныхъ компаній? Нѣтъ, такого предлога не существуетъ. Хотите ли знать, что́ собственно препятствуетъ этой необходимой реформѣ? Это предразсудки однихъ и лѣность другихъ. Первые, будучи свидѣтелями злоупотребленій при настоящемъ положеніи банковъ, приписываютъ ихъ, безъ всякаго изслѣдованія, той полусвободѣ, которой они теперь пользуются

(*) По слѣдствію 1836 года оказалось, что дивиденды этихъ банковъ чрезвычайно неравны. Въ одномъ изъ этихъ учрежденій дивидендъ доходилъ до 28%; конечно, это исключеніе. Въ другихъ онъ не превышалъ 6% и 7%. Средній же дивидендъ составлялъ не менѣе 10 и 12%.

ЦАБ "Автограф"

и страшатся одной мысли о бо́льшей свободѣ, полагая, что она породитъ новыя злоупотребленія. Чтобы удостовѣриться въ противномъ, имъ необходимо было бы изучить основательно этотъ предметъ, а они объ этомъ и не думаютъ. Другіе же страшатся трудовъ, которые повлечетъ за собою перемѣна системы; еще болѣе страшатся они борьбы, которую нужно будетъ предпринять противъ лицъ, пользующихся теперь привилегіею. За исключеніемъ этого, все, что говорятъ противъ полной свободы торговыхъ и въ-особенности акціонерныхъ обществъ, не имѣетъ никакого основанія.

Реформа системы англійскихъ банковъ касается не одной Англіи; она имѣетъ значеніе для Франціи, для всей Европы, для цѣлаго міра. Съ коммерческой точки зрѣнія всѣ народы связаны круговою порукою, и если торговля одного изъ нихъ страждетъ, то это отражается на всѣхъ прочихъ. Ктому же Англія представляетъ собою величайшій изъ всемірныхъ рынковъ. По этому на немъ не можетъ произойти никакого важнаго потрясенія, которое не отразилось бы во всѣхъ торговыхъ странахъ.

При томъ положеніи, въ которомъ находится бо́льшая часть англійскихъ банковъ, общество, само собою разумѣется, не можетъ обойтись безъ сберегательныхъ кассъ, которыя, какъ и во Франціи, представляютъ тамъ единственную возможность для помѣщенія мелкихъ капиталовъ. По этому число ихъ довольно значительно. Сумма вкладовъ, находившихся къ 20-му ноября 1846 года во всѣхъ сберегательныхъ кассахъ Соединеннаго Королевства, простиралась до 800,000,000 франковъ (200 милліоновъ рублей). Вотъ ихъ распредѣленіе:

	Числа вкладчиковъ.	Цифра вкладовъ.
Частныя лица.	1,085,383	29,741,025
Благотворительныя заведенія . . .	12,168	652,057

Общества взаимнаго вспомоществованія	10,474	1,350,168	
Лица военнаго званія	4,177	47,939	
Итого	1,112,20	2.31,791,189	ф. ст.
Или		198,694,931	руб. 25 коп.

Бо́льшая часть вкладовъ состояла изъ суммъ ниже 4 ф. ст. (25 руб.); а это доказываетъ, что сколько-нибудь значительная сумма гораздо легче находитъ себѣ помѣщеніе въ Англіи, чѣмъ во Франціи.

§ II. Шотландскіе Банки.

Въ 1826 году, когда въ Англіи былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи системы англійскихъ банковъ, недостатки которой ясно обозначились во время кризиса, парламентъ принялъ мѣры къ улучшенію существовавшей банковой системы и дѣйствія назначенныхъ для сего случая коммисаровъ распространялись равнымъ образомъ, какъ на банки собственной Англіи, такъ и на банки Шотландіи.

На сколько донесенія коммисаровъ были неблагопріятны для англійскихъ банковъ, на столько онѣ благопріятствовали шотландскимъ, которымъ самъ парламентъ торжественно выразилъ свою совершенную признательность. Результаты этихъ-то изслѣдованій, касавшихся малѣйшихъ подробностей, мы намѣрены описать вкратцѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ примѣчаній, составленныхъ на основаніи новѣйшихъ свѣдѣній.

Въ Шотландіи въ началѣ 1826 года было 40 банковъ, выпускавшихъ билеты на предъявителя и по предъявленіи. Эти 40 банковъ имѣли въ совокупности болѣе 272 конторъ. Всѣ они бо́льшею частью были основаны въ недавнее время, потому-что въ концѣ XVII столѣтія существовалъ только одинъ банкъ, а въ 1746 году было только три. Однако они дѣйствовали уже довольно долгое время, для того чтобъ можно было судить о ихъ

достоинствахъ. Въ одной изъ нижеслѣдующихъ таблицъ мы увидимъ время ихъ основанія (*).

Казалось, до 1765 года банки въ Шотландіи не были подчинены никакимъ правительственнымъ мѣрамъ; но такое предположеніе однако, кажется, противорѣчитъ существующему факту; первые три банка: *Шотландскій банкъ* (Bank of Scotland,) *Королевскій шотландскій банкъ* (Royal bank of Scotland) и *Британская льняная компанія* (British linen company,) были учреждены въ силу особенной граматы короля и парламента. Въ 1765 году парламентъ издалъ актъ,который можно считать за основную грамату помянутыхъ учрежденій. Послѣдующія граматы, въособенности грамата Георга IV и постановленія верховныхъ судебныхъ мѣстъ, служили развитіемъ законодательства, которымъ они руководствовались; законодательство это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, вообще довольно либерально.

Такъ-какъ въ Шотландіи право выпуска билетовъ на предъявителя и по предъявленіи принадлежитъ каждому желающему, то дѣйствія общественныхъ банковъ не такъ рѣзко обозначены, какъ въ другихъ странахъ; поэтому было бы не лишне установить въ этомъ отношеніи нѣкоторое различіе. Напримѣръ, мы находимъ нѣсколько частныхъ домовъ, болѣе или менѣе богатыхъ, учрежденныхъ приблизительно наподобіе частныхъ банковъ; означимъ ихъ именемъ *смѣшанныхъ банковъ*, для отличія отъ частныхъ банкировъ, которые довольствуются, какъ во всѣхъ другихъ странахъ, исключительно торговлею векселями и отъ настоящихъ общественныхъ банковъ. Но какъ число ихъ было всегда незначительно, то достаточно будетъ упомянуть о нихъ мимоходомъ. Здѣсь же мы займемся общественными банками.

Эти банки бо́льшею частью основаны въ видѣ *товариществъ на вѣрѣ* (joint stock companies), подобно англійскимъ, о которыхъ мы выше говорили, и подлежатъ совершенно подобнымъ же обязанностямъ, т. е. что общники отвѣчаютъ всѣмъ своимъ

(*) См. также «*Историческій очеркъ*» въ началѣ этой книги.

имуществомъ и своею личностью за долги, сдѣланные отъ имени общества.

Однако нужно исключить изъ этого правила три первые, по времени основанія, банка: Шотландскій (Bank of Scotland), Королевскій шотландскій (Royal bank of Scotland) и Британскую льняную компанію (British linen company), учрежденные: первый въ силу граматы шотландскаго парламента, а два остальные въ силу королевскихъ граматъ, и пользующіеся привилегіею инкорпораціи, состоящею въ ограниченіи отвѣтственности каждаго члена общества количествомъ его взноса.

Несмотря на такое сходство въ началахъ учрежденія, шотландскіе банки вообще, по личному своему составу, стоятъ гораздо выше англійскихъ банковъ того же рода; это зависитъ отъ многихъ мѣстныхъ обстоятельствъ и, можетъ-быть, отъ относительной древности ихъ учрежденія. Легко понять, что учрежденія, основанныя на такихъ началахъ, улучшаются со временемъ, хотя никогда не могутъ совершенно освободиться отъ ихъ первоначальнаго недостатка.

По той именно причинѣ, что они лучше составлены, шотландскіе банки внушаютъ публикѣ гораздо болѣе довѣрія, что ясно доказывается значительностью ввѣряемыхъ имъ вкладовъ. Они сохранили еще другое преимущество предъ подобными англійскими банками: право выпуска билетовъ въ одинъ фунтъ стерлинговъ и выше.

Когда въ 1826 году возвысили до 5-ти фунт. стерлинговъ minimum купоновъ для всѣхъ банковъ Англіи и Ирландіи, то мѣра эта не коснулась шотландскихъ банковъ, потому-что общее уваженіе защищало ихъ отъ такого нарушенія правъ. Имъ предоставили въ видѣ особаго почетнаго исключенія право выпуска билетовъ въ 1 фунтъ, право драгоцѣнное, какъ для страны, такъ и для нихъ самихъ. Это было торжественное засвидѣтельствованіе довѣрія къ ихъ честности. Только одинъ изъ послѣдующихъ актовъ, изданный въ 1829 году, ограничилъ эту привилегію, дозволивъ обращеніе малоцѣнныхъ

билетовъ только въ самой Шотландіи и совершенно запретивъ вывозъ ихъ въ Англію. Нарушители этого запрещенія подвергались строгому уголовному наказанію. Устройство шотландскихъ банковъ не разнообразно; между ними существуетъ различіе только въ относительной важности ихъ оборотовъ. Вотъ, вообще, личный составъ ихъ: управляющій, товарищъ управляющаго, обыкновенные директоры, числомъ отъ 6 до 15, чрезвычайные директоры, числомъ отъ 5 до 15, экономъ или казначей (manager), секретарь, бухгалтеръ(accountant) счетчики (tellers) отъ 2 до 4; конторщики, число которыхъ не опредѣлено, пріемщики (collectors) и 4 попечителя (trustees).

Въ каждомъ обществѣ, высшія должностныя лица, которымъ ввѣряется управленіе, выбираются общимъ собраніемъ акціонеровъ, и смѣняются по прошествіи извѣстныхъ сроковъ. Что касается до второклассныхъ должностныхъ лицъ, то они назначаются директоромъ-распорядителемъ. Для того, чтобъ имѣть голосъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, нужно владѣть опредѣленнымъ числомъ акцій; можно имѣть и нѣсколько голосовъ, смотря по количеству акцій, но число такихъ голосовъ не можетъ превышать 20 на одно лицо.

Всѣ высшія должностныя лица должны быть избираемы изъ акціонеровъ. Чтобы занять мѣсто управляющаго, товарища его или директора, нужно владѣть опредѣленнымъ числомъ акцій. Тѣ должностныя лица, которымъ исключительно ввѣрено завѣдываніе денежными и кредитными оборотами, обязаны представить поруки или вѣрное обезпеченіе.

Здѣсь мы должны сдѣлать важное замѣчаніе относительно личнаго состава банковъ. Число высшихъ должностныхъ лицъ очевидно слишкомъ велико относительно важности дѣлъ каждаго общества.

Видя такой многолюдный составъ высшаго управленія, можно было бы подумать, что дѣло идетъ объ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, гдѣ министры, желая распространить свое вліяніе, увеличиваютъ по произволу число своихъ приверженцевъ. Од-

ЦАБ "Автограф"

нако учрежденія эти образовались свободно и такимъ же образомъ управляются.

Откуда же происходитъ такая чрезмѣрная обширность личнаго состава? Не доказываетъ ли это, что всѣ прочно утвердившіяся банковыя общества имѣютъ аристократическое стремленіе?

Условіе взаимной отвѣтственности, возложенной на всѣхъ членовъ, производитъ то, что каждый желаетъ быть окруженъ опредѣленнымъ числомъ извѣстныхъ лицъ, отвѣтственность которыхъ уменьшаетъ тяжесть его собственной. Кромѣ-того, общество чувствуетъ необходимость пріобрѣсти вѣсъ въ публикѣ бо́льшимъ числомъ почетныхъ именъ, которыя оно выставляетъ на показъ публикѣ и тѣмъ внушить ей высокое довѣріе къ своей состоятельности. Это подтверждается еще тѣмъ, что, вообще, обязанности управляющаго почти номинальны, или просто составляютъ почетное званіе, и что на такія мѣста обыкновенно выбираютъ титулованныхъ лицъ, занимающихъ видное положеніе въ обществѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такое лицо оставалось чуждымъ веденію дѣлъ; напротивъ, если оно только пожелаетъ, то принимаетъ въ немъ дѣятельное участіе. Обыкновенно его приглашаютъ для увеличенія *репутаціи* компаніи; притомъ собственный его интересъ побуждаетъ его къ тому, потому-что такое лицо обыкновенно бываетъ изъ самыхъ значительныхъ участниковъ общества.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ подобныхъ обществахъ, для внушенія довѣрія, болѣе разсчитываютъ на вліяніе именъ и кредитъ членовъ, чѣмъ на важность самого дѣйствительнаго капитала, а потому обыкновенно и капиталъ подобныхъ банковъ незначителенъ.

Дѣло пошло бы иначе, еслибъ дозволялось свободное образованіе акціонерныхъ обществъ, гдѣ отвѣтственность каждаго члена была бы ограничена его взносомъ. Тогда не обращали бы болѣе вниманія на имена и занялись бы лишь дѣйствительнымъ капиталомъ, что во всѣхъ отношеніяхъ было бы гораздо лучше.

ЦАБ "Автограф"

Текущія дѣла банковъ обыкновенно исполняются директорами, число коихъ, какъ мы видѣли, довольно значительно. Они получаютъ жалованье, которое разсчитывается по днямъ и ежедневно выдается какъ имъ, такъ и присутствующимъ членамъ.

Они не могутъ рѣшать никакихъ важныхъ дѣлъ безъ помощи попечителей. Отъ имени этихъ послѣднихъ производятся всѣ покупки. Казначеи или экономы (managers) имѣютъ спеціальную обязанность представлять общество извнѣ во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, начинать отъ его имени иски, и отвѣчать на иски, начатые противъ общества; важная обязанность, которая защищаетъ, на сколько возможно, личную отвѣтственность каждаго члена общества, однако не всегда будучи въ силахъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, совершенно обезпечить ихъ отъ прямыхъ исковъ. Что касается остальныхъ второстепенныхъ должностныхъ лицъ, то самыя ихъ имена достаточно опредѣляютъ родъ ихъ занятій.

Капиталъ шотландскихъ банковъ обыкновенно раздѣленъ на акціи, образующія столько же паевъ общаго капитала. Исключеніе изъ этого правила мы видимъ только въ Шотландскомъ банкѣ (*Bank of Scotland*), капиталъ котораго парламентскимъ актомъ 1804 года былъ слитъ въ общую массу, и по желанію владѣльцевъ можетъ быть отчуждаемъ какими угодно частями.

По вышеизложеннымъ причинамъ капиталъ шотландскихъ банковъ всегда незначителенъ. Для первыхъ трехъ учрежденій, основанныхъ въ силу особенныхъ разрѣшеній, цифра капитала, опредѣленная первоначальною хартіею, и впослѣдствіи увеличенная послѣдующими актами, не можетъ быть увеличена безъ новаго разрѣшенія законодательной власти. Для другихъ же банковъ нѣтъ подобныхъ ограниченій; но условіе неограниченной отвѣтственности членовъ общества естественно удаляетъ бо́льшую часть капиталовъ отъ этихъ учрежденій.

Считаютъ, что всѣ шотландскіе банки, взятые вмѣстѣ, владѣютъ номинальнымъ капиталомъ не болѣе 4 милліоновъ фунт.

ЦАБ "Автограф"

стерл., изъ котораго не болѣе четверти находится въ наличныхъ деньгахъ (*).

Этого весьма мало, если принять въ соображеніе важность ихъ оборотовъ и массу ввѣряемыхъ имъ вкладовъ, и все-таки сравнительно съ народонаселеніемъ Шотландіи, капиталъ этотъ превосходитъ капиталъ французскихъ банковъ.

Если капиталъ шотландскихъ банковъ очень незначителенъ, то же можно сказать и про число акціонеровъ. Въ 1826 году въ половинѣ этихъ учрежденій насчитывалось не болѣе 20 членовъ въ каждомъ. Шесть другихъ имѣли отъ 20 до 100. Одинъ только Національный шотландскій банкъ, основанный въ Эдинбургѣ въ 1825 году, имѣлъ 1,200 акціонеровъ. Кажется, что въ то время стремились увеличить число участниковъ банковыхъ учрежденій; такъ Коммерческій шотландскій банкъ, основанный въ томъ же городѣ въ 1810 году, имѣлъ уже 500 акціонеровъ, что̀ тогда составляло исключеніе; но до-тѣхъ-поръ, пока будетъ существовать неограниченная отвѣтственность каждаго члена, трудно ожидать, чтобы это благотворное стремленіе принесло плоды.

Другое, столь же естественное послѣдствіе такого постановленія есть то, что акціи не могутъ быть передаваемы на имя неизвѣстнаго, и такая передача считается законною тогда только, когда записана въ книгу компаніи. Такъ и должно быть: иначе солидарность акціонеровъ была бы одною иллюзіею. Сверхъ-того, акціонеры не могутъ располагать ни одною акціею безъ согласія *попечителей* (*trustees*), имѣющихъ право взять ихъ на счетъ компаніи.

Какъ-скоро получено отъ нихъ письменное удостовѣреніе въ неакцептаціи, владѣлецъ можетъ продать свою акцію, и даже въ

(*) Авторъ выставляетъ здѣсь цифру, которую нашелъ въ своихъ замѣткахъ. Но она кажется намъ столь незначительною, что мы сомнѣваемся въ ея точности. Во всякомъ случаѣ въ этомъ числѣ не заключается капитала трехъ главнѣйшихъ банковъ, потому-что одинъ ихъ капиталъ составляетъ уже означенную выше сумму.

этомъ случаѣ продажа не считается дѣйствительною, пока не будетъ внесена въ книгу общества; условіе весьма стѣснительное и непріятное, но законное и свойственное тому положенію, въ которое поставлены члены компаніи. Такъ-какъ они всѣ взаимно отвѣтственны, то имъ необходимо знать людей, съ которыми они раздѣляютъ эту отвѣтственность, и имѣть право контроля надъ выборомъ своихъ соучастниковъ. Такимъ-образомъ, акціи стремятся болѣе-и-болѣе сосредоточиться въ небольшомъ числѣ рукъ, хотя *попечители* (*trustees*) избѣгаютъ, въ видахъ пользы самаго учрежденія, слишкомъ благопріятствовать этому направленію. Нужно сознаться, что, какъ-бы въ вознагражденіе, это безпрерывное вмѣшательство компаніи при переч акцій, а слѣдовательно и при выборѣ новыхъ членовъ, имѣетъ послѣдствіемъ бо́льшее-и-бо́льшее очищеніе ея личнаго состава, который, такимъ-образомъ, постепенно стремится къ улучшенію.

Акціонеры шотландскихъ банковъ обыкновенно бываютъ и первыми кліентами его. Учрежденіе даетъ имъ кредитъ до суммы, равняющейся ихъ взносу. Такъ-какъ въ залогѣ остаются ихъ акціи, внесенныя въ книги, и передача ихъ не можетъ быть совершена безъ ихъ согласія, то для общества не можетъ быть кліентовъ болѣе вѣрныхъ и болѣе заинтересованныхъ въ поддержкѣ обращенія его билетовъ. Если они желаютъ продать свои акціи, общество, прежде согласія на передачу, требуетъ, чтобы они уплатили всѣ свои долги обществу или наличными деньгами или учетомъ векселей. Передача акцій, не считая штемпельнаго сбора, стоитъ 11 шиллинговъ.

Имѣя право выпускать билеты въ одинъ фунт. стерлинговъ и выше, шотландскіе банки широко пользуются имъ. Послѣ этого можно подумать, что количество ихъ билетовъ возрастаетъ до баснословныхъ суммъ, что страна буквально ими наводнена. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Итогъ обращенія этихъ банковъ не превышалъ въ 1826 году 3,309,082 фунт. стерл. (20,691,762 р.); цифра весьма умѣренная, если принять въ соображеніе, что ни

что́ не ограничиваетъ ея возвышенія, кромѣ потребности самой публики, что еще разъ доказываетъ, что полная свобода выпуска билетовъ на имя неизвѣстнаго вовсе не производитъ излишняго выпуска, какъ вообще предполагаютъ во Франціи. Контроля публики, и не менѣе дѣятельнаго взаимнаго контроля банковъ, всегда бываетъ достаточно для того, чтобы привести въ надлежащіе предѣлы обращеніе билетовъ, если они выплачиваются по предъявленію.

Съ перваго взгляда насъ изумляетъ, что общая сумма выпущенныхъ билетовъ не столь велика, какъ бы слѣдовало предполагать. Извѣстно, что въ Шотландіи употребленіе звонкой монеты весьма ограниченно. Въ обыкновенныхъ сдѣлкахъ звонкая монета вообще служитъ только для мелочныхъ уплатъ, и за исключеніемъ запаса, который банки обязаны хранить въ кассахъ, для удовлетворенія случайнымъ требованіямъ, ея почти невидно въ цѣлой странѣ. По этой-то причинѣ сумма обращающейся въ странѣ звонкой монеты не превышаетъ 500,000 фунт. стерл. (3,125,000 руб.) Послѣ этого не слѣдуетъ ли предполагать, что столь незначительное количество звонкой монеты должно быть замѣнено огромною массою билетовъ?

Однако ничего подобнаго мы не видимъ, потому-что, благодаря кредиту, которымъ каждый пользуется, обращеніе продуктовъ производится съ малыми издержками и съ бо́льшимъ сбереженіемъ средствъ. Тамъ берегутъ билеты такъ же, какъ и звонкую монету, употребляя на сдѣлки только необходимое количество ихъ, и отъискивая тотчасъ же помѣщеніе остальнымъ.

Изъ 3,309,082 фунт. стерл., которые въ 1826 году обращались въ Шотландіи въ видѣ билетовъ 2,079,344 фунт. стерл. состояли изъ билетовъ стоимостью ниже 5 фунт., а 1,229,828 фунт. изъ билетовъ въ 5 фунт. и выше (*).

Поэтому можно судить о преимуществахъ мелкихъ купоновъ предъ крупными. Въ 1840 году, во время пренія, происходив-

(*) Эта пропорція и вся сумма билетовъ повидимому очень мало измѣнились съ 1826 года.

шаго въ палатѣ депутатовъ о возобновленіи привилегіи Французскаго банка, опровергали преимущество мелкихъ купоновъ—такъ въ то время были убѣждены въ несомнѣнности этой истины.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Шотландіи билеты выше 5 фунт. находятся въ обращеніи весьма короткое время, и вскорѣ возвращаются въ банки для размѣна на звонкую монету, между-тѣмъ какъ мелкіе билеты остаются въ обращеніи долгое время. А это обстоятельство немаловажно для банковъ, потому-что каждый новый билетъ въ 1 фунтъ стоитъ 8-мь пенсовъ (около 20 коп.), изъ коихъ 5 приходятся на штемпель.

Одна изъ причинъ, побудившихъ въ 1826 году парламентъ запретить въ Англіи выпускъ билетовъ менѣе 5 фунт., была та, что мелкіе купоны легче могли быть поддѣлываемы, чѣмъ крупные. Такъ-какъ это обстоятельство, точность котораго легко можно было повѣрить, было принято парламентомъ, то должно предполагать, что это дѣйствительно справедливо. Однако, ничего подобнаго не было замѣчено въ Шотландіи. Почему же? Единственно оттого, что шотландскіе банки были гораздо болѣе внимательны въ фабрикаціи своихъ билетовъ. Они употребили все искусство и все стараніе, чтобы дать этимъ билетамъ особенный отпечатокъ, сдѣлавшій поддѣлку ихъ невозможною и они такъ успѣли въ своемъ намѣреніи, что случаи поддѣлки дѣйствительно рѣдки и легко могутъ быть открыты.

Обыкновенно билеты шотландскихъ банковъ считаются уплачиваемыми только въ той конторѣ, въ которой они выпущены; но всѣ банки считаютъ своимъ долгомъ производить немедленно уплату по билетамъ соперничествующихъ учрежденій, и это еще болѣе облегчаетъ повсемѣстное обращеніе ихъ бумагъ.

Размѣнъ между ними производится еженедѣльно; разница уплачивается или звонкою монетою или биletами Лондонскаго банка. Банки, находящіеся въ Эдинбургѣ, имѣютъ рѣшительное преимущество передъ другими; билеты ихъ обращаются по всей Шотландіи, между-тѣмъ, какъ билеты провинціальныхъ банковъ

рѣдко появляются въ Эдинбургѣ. Обстоятельство достойное замѣчанія и вполнѣ подтверждающее сказанное выше. Несмотря на увеличеніе средствъ, доставляемыхъ выпускомъ билетовъ, ясно, что шотландскіе банки съ однимъ незначительнымъ собственнымъ капиталомъ, не въ состояніи были расширить свои обороты, безъ помощи какой-нибудь болѣе сильной поддержки, почему главный источникъ ихъ могущества и заключается въ массѣ ввѣряемыхъ имъ вкладовъ. Мы уже видѣли, изъ донесеній коммисаровъ, назначенныхъ парламентомъ, что въ 1826 году вся сумма вкладовъ доходила до 20 милл. фунт. стерл., и съ каждымъ днемъ постепенно продолжала увеличиваться. Въ 1831 году, по словамъ Макъ-Коллоха, она доходила уже до 24 милл., и въ 1847 году, говоритъ г. Уильсонъ, она составляла болѣе 30 милл. (187,500,000 руб.); сумма огромная, превышающая, по-крайней-мѣрѣ, вшестеро сумму билетовъ, находящихся въ обращеніи, со включеніемъ суммы дѣйствительнаго капитала всѣхъ шотландскихъ банковъ.

Въ этомъ заключается настоящее могущество этихъ учрежденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же кроется и злоупотребленіе. Конечно, весьма полезно, что эти учрежденія собираютъ всѣ бездѣйствующіе капиталы, всѣ сбереженія страны, и употребляютъ ихъ на оживленіе промышленности, возвращая ихъ въ обращеніе другимъ путемъ. Это ни что иное, какъ примѣненіе начала, о которомъ мы упомянули выше, говоря о Франціи, и которое требуетъ, чтобы капиталы сберегательныхъ кассъ, вмѣсто того, чтобы затруднять правительство и обременять государственное казначейство, или безъ всякой пользы увеличивать массу капиталовъ, которые ежедневно поглощаются на биржѣ, были бы, путемъ банковъ, возвращены промышленности. То, что нужно сдѣлать во Франціи, то дѣлается шотландскими банками, и въ этомъ смыслѣ послѣдніе приносятъ конечно большую пользу странѣ. Но, къ-несчастію, все это дѣлается не по истиннымъ началамъ; благодѣяніе это не такъ обширно, какъ могло бы быть; отъ образа дѣйствія шотландскихъ

банковъ проистекаютъ еще многія важныя неудобства и опасности.

Не въ правѣ ли мы послѣ этого задать себѣ вопросы: зачѣмъ 187 милл. руб., которыми располагаютъ шотландскіе банки, остаются постоянно въ ихъ рукахъ въ видѣ вкладовъ? Почему бо́льшая часть этой суммы не идетъ на увеличеніе ихъ капиталовъ? Ясно, что здѣсь только будетъ ихъ настоящее мѣсто, тѣмъ болѣе, что эти вклады бо́льшею частью постоянные, такъ-какъ вкладчики не имѣютъ никакого намѣренія вынуть ихъ въ непродолжительный срокъ. Вмѣсто-того, чтобы увеличивать дебетъ банковъ, который въ настоящее время находится въ страшной несоразмѣрности съ цифрою наличнаго капитала ихъ, вклады эти должны были бы присоединиться къ кредиту банка. Вотъ чего требуетъ истинная теорія. Вотъ когда шотландскіе банки пришли бы въ нормальное положеніе; между-тѣмъ какъ нынѣ, несмотря на благоразумное веденіе дѣлъ и постоянный успѣхъ, они очевидно находятся въ ненормальномъ состояніи, и способны внушать серьёзныя опасенія за будущее.

Почему всѣ эти начала не были признаны? Причина очевидна: это одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствій закона. Условіе неограниченной отвѣтственности, препятствуетъ вкладчикамъ вступать въ подобныя общества акціонерами, пугая однихъ и отталкивая другихъ. Многіе охотно удаляются изъ этихъ обществъ для избѣжанія тяжкой отвѣтственности, которую принять на себя не дозволяетъ имъ ихъ общественное положеніе или характеръ. Они скорѣе соглашаются, будучи кредиторами банка, получать по $2^1/_2$ или по 3 процента, чѣмъ получать втрое бо́льшую прибыль, какъ акціонеры банка; потому-что съ званіемъ акціонера тѣсно связано условіе, которое можетъ подвергнуть опасности ихъ настоящее, или запутать ихъ будущее. Другіе же, составляющіе большинство, не вступаютъ въ банковыя общества, потому-что послѣднія сами отвергаютъ ихъ, какъ непредставляющихъ, по своему положенію, достаточныхъ ручательствъ въ состоятельности. Дѣйствительно, большинство вкладчиковъ, какъ и во французскихъ

сберегательныхъ кассахъ, состоитъ изъ работниковъ, моряковъ и слугъ, людей, безъ-сомнѣнія, честныхъ, но коммерческая состоятельность которыхъ не превышаетъ цифры ихъ вкладовъ. Они могутъ быть отличными акціонерами въ настоящихъ акціонерныхъ обществахъ, въ которыхъ каждый отвѣчаетъ только своимъ взносомъ, и въ этомъ случаѣ они лучше тѣмъ, что могутъ тотчасъ же произвести свой взносъ. Но они не могутъ быть приняты въ общества, гдѣ должно скорѣе брать въ соображеніе *репутацію* (*respectabilité*), и будущую состоятельность акціонеровъ, чѣмъ ихъ дѣйствительный взносъ.

Во всякомъ случаѣ, независимо отъ опасностей, которое подобное положеніе дѣлъ можетъ породитъ въ будущемъ оно уже представляетъ много неудобствъ въ настоящемъ. Досихъ-поръ шотландскіе банки смѣло и не колеблясь выдерживали столь тяжкое бремя своего дебета. Они всегда съ большею точностью исполняли свои обязательства. Но не слѣдуетъ думать, чтобы это обходилось имъ въ обыкновенное время безъ большихъ трудовъ и издержекъ, а въ критическія минуты безъ потерь. Несмотря на предполагаемое постоянство вкладовъ, владѣльцы въ правѣ вынуть ихъ во всякое время. Опасность внезапнаго требованія ихъ обратно постоянно грозитъ банкамъ, которые для того чтобы быть въ состояніи удовлетворить требованіямъ, должны прибѣгать къ весьма дорогимъ средствамъ. Изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что они должны хранить въ кассахъ запасъ, гораздо бо́льшій противъ того, который былъ бы имъ необходимъ, еслибы капиталъ, образовавшійся изъ вкладовъ, составлялъ ихъ собственность,—вотъ уже первая причина непроизводительныхъ издержекъ. Во вторыхъ, это обстоятельство можетъ быть еще важнѣе: банки, ожидая во всякое время извлеченіе вкладовъ, не могутъ употребить ввѣренные имъ капиталы наиболѣе выгоднымъ для себя и производительнымъ для страны образомъ. Прежде чѣмъ подумать какую выгоду могутъ принести эти вклады, они пріискать средства, чтобы, въ случаѣ нужды, какъ можно скорѣе обратить ихъ въ звонкую моне-

ту. Поэтому они отсылаютъ большую часть капитала въ Лондонъ, для покупки государственныхъ облигацій. Конечно, такое помѣщеніе нельзя назвать наиболѣе выгоднымъ, но зато оно представляетъ, повидимому, самый легкій и самый быстрый способъ обратить ихъ въ звонкую монету. Дѣйствительно, лишь только начинается обратное требованіе вкладовъ въ размѣрахъ, болѣе обыкновенныхъ, директорамъ стоитъ только послать приказаніе въ Лондонъ, и продажа облигацій будетъ произведена немедленно по курсу того дня. Такимъ-образомъ потребность немедленно удовлетворяется; но зато употребленные такимъ-образомъ капиталы во всякое время даютъ мало прибыли, а во время продажи облигацій всегда претерпѣваютъ нѣкоторый убытокъ. Шотландскіе банки, для покупки и продажи облигацій въ Лондонѣ, обыкновенно содержатъ тамъ агентовъ, — что составляетъ другой источникъ издержекъ. Сверхъ этого, они стараются имѣть въ Лондонѣ нѣсколько богатыхъ корреспондентовъ, на которыхъ они, въ случаѣ нужды, могли бы выдать векселя, чтобы этимъ способомъ еще скорѣе достать потребные капиталы. Такимъ-образомъ, ненормальность положенія вовлекаетъ ихъ въ большія издержки и заставляетъ прибѣгать къ невыгоднымъ для нихъ средствамъ, значительно уменьшающимъ цѣнность ввѣреннаго имъ капитала.

Если акціонеры шотландскихъ банковъ до-сихъ-поръ не страдаютъ отъ подобнаго положенія дѣлъ, то весь убытокъ падаетъ на вкладчиковъ. Для первыхъ, дивидендъ, получаемый ими на акціи, обыкновенно колеблется между 9 и $9^1/_2\%$; процентъ, весьма достаточный, если принять въ соображеніе среднюю величину прибыли и процентовъ на капиталъ существующую въ странѣ, но его нельзя назвать чрезмѣрнымъ, принявъ въ соображеніе большой рискъ, которому подвергаются акціонеры. Но для вторыхъ, эта пропорція замѣтно меньше. Процентъ, платимый вкладчикамъ въ 1826 году, составлялъ 4 на 100; въ 1830 онъ упалъ до 3-хъ на сто, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ не превышаетъ $2^1/_2$. Столь слабый процентъ едва только удовле-

творяетъ вкладчиковъ, и потому, чѣмъ далѣе шотландскіе банки подвигаются по этому пути, тѣмъ система эта становится менѣе прочною и опасность увеличивается.

Здѣсь также встрѣчается то поражающее неравенство между акціонерами банковъ и капиталистами-вкладчиками, которое мы уже замѣчали нѣсколько разъ; одни получаютъ 9-ть процентовъ, а другіе $2^1/_2$. Однако здѣсь дѣло идетъ о двухъ родахъ капиталистовъ, большихъ и малыхъ, тѣ и другіе ищутъ помѣщеніе для своихъ капиталовъ; въ этомъ случаѣ, положеніе акціонеровъ, и вкладчиковъ въ сущности одинаково, за исключеніемъ только той разницы, которую установляетъ законъ. Тѣ и другіе дѣлаютъ одно и то же, они ищутъ помѣщеніе для своихъ капиталовъ, которое дастъ однимъ 9, а другимъ $2^1/_2\,^0/_0$. Правда, что здѣсь несоразмѣрности меньше, чѣмъ въ Англіи и во Франціи, гдѣ акціонеры получаютъ гораздо бо́льшіе дивиденды, между-тѣмъ какъ вкладчики лишены всякой прибыли; но эта разница все-таки достаточно велика для того, чтобы возбудить чувство справедливости противъ стѣснительной системы, которою она обусловливается.

Предположивъ, что шотландскіе банки, не утрачивая ни одной изъ своихъ привилегій, имѣли бы право основываться, по желанію, въ видѣ акціонерныхъ обществъ, въ которыхъ каждый акціонеръ отвѣчаетъ только своимъ взносомъ: тогда немедленно исчезли бы всѣ указанныя нами злоупотребленія. Очевидно, что послѣ этого изъ 30 милл. фунт. стерл., составляющихъ всю сумму вкладовъ, бо́льшая часть, можетъ-быть $^2/_3$ или $^3/_4$, была бы употреблена на увеличеніе самаго капитала банковъ. Вмѣсто-того, чтобы оставлять свои капиталы въ видѣ вкладовъ, вкладчики употребляли бы ихъ на покупку акцій, тѣмъ болѣе, что эти акціи будутъ безъимянны и ихъ всегда легко будетъ обратить въ наличныя деньги. Тогда въ кассахъ остались бы, въ видѣ вкладовъ, одни мелкія суммы, недостаточныя для покупки одной акціи, или такія, которыя вносятся въ банки для текущихъ счетовъ, и которыми владѣлецъ располагаетъ изо дня въ день. Тогда настоящіе банки рѣ-

ЦАБ "Автограф"

шились бы принять эти суммы на приращеніе капитала, или, въ противномъ случаѣ, рядомъ съ ними образовались бы новыя кредитныя учрежденія, которыя приняли бы ихъ для составленія своего капитала. Весь капиталъ шотландскихъ банковъ, нынѣ столь незначительный, мгновенно увеличился бы на 20 милл. фунт. стерл. или болѣе, то есть ушестерился бы, между-тѣмъ какъ сумма вкладовъ, которая могла быть немедленно потребована обратно, увеличилась бы въ той же пропорціи. Выгодныя послѣдствія такого перемѣщенія капиталовъ очевидны. Съ капиталомъ въ шесть разъ бо́льшимъ, и съ долгомъ, втрое мѐньшимъ, банки могли бы выйти изъ тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, подъ бременемъ которыхъ они въ настоящее время задавлены. Тогда прекратились бы всѣ затрудненія, всѣ недоумѣнія директоровъ, и банки могли бы располагать ввѣренными имъ капиталами наиболѣе выгоднымъ для всѣхъ образомъ. Всѣ предосторожности, которыя мѣшали выгодному употребленію капиталовъ, сдѣлались излишкими. Всѣ разительныя уловки, уменьшавшія доходъ съ капиталовъ, исчезли бы. При новомъ порядкѣ вещей, банки избавляются отъ столь тяжкихъ обязательствъ, а потому сначала могутъ довольствоваться мѐньшимъ металлическимъ запасомъ. Затѣмъ, вмѣсто того чтобы отсылать большую часть капиталовъ въ Лондонъ, такъ какъ банкамъ уже незачѣмъ заботиться объ облегченіи продажи ихъ, они съ большею выгодою могутъ употребить ихъ въ самой странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, банки избавляются отъ обязанности содержать въ столицѣ дорогихъ агентовъ или имѣть дѣла съ корреспондентами, которые заставляютъ дорого платить себѣ за свои услуги, и переводить на нихъ векселя, что́ не всегда бываетъ строго нравственно. Такимъ-образомъ, употребленіе капитала становится въ одно время выгоднѣе, бережливѣе и надежнѣе. Однако, вмѣстѣ съ этимъ, выгоды акціонеровъ уменьшаются: съ 9% дивидендъ можетъ-быть упадетъ до $5\frac{1}{2}$; но зато прибыль распредѣлится поровну между всѣми тѣми, которые содѣйствовали своими капиталами общему дѣлу. Такимъ-образомъ

пропадетъ и то печальное неравенство, которое составляетъ одинъ изъ важныхъ недостатковъ настоящей системы.

Итакъ, въ системѣ шотландскихъ банковъ кроется еще много злоупотребленій. Но можно ли сказать, что банки не принесли никакой или очень мало пользы. Конечно нѣтъ. Теперь всѣми признано, что благосостояніе Шотландіи основано почти исключительно на ея банкахъ; что торговля и промышленность страны развивались помѣрѣ распространенія этихъ учрежденій. Мы далеки отъ мысли, опровергать тѣ справедливыя похвалы, которыя имъ вознасили негоціанты, государственные люди и экономисты. Мы говоримъ только, что они принесли бы еще болѣе пользы, еслибъ были свободны, и ни что лучше не доказываетъ, по нашему мнѣнію, все благодѣтельное вліяніе этихъ учрежденій, какъ важныя услуги оказанныя ими, несмотря на такое несовершенство въ ихъ устройствѣ.

Шотландскіе банки принимаютъ вклады на сумму не менѣе 10 ф. стерл. Они не устраняютъ надобность въустройствѣ сберегательныхъ кассъ, которыя принимали бы меньшія суммы: они только служатъ дополненіемъ ихъ. Небольшія сбереженія вносятся въ сберегательныя кассы (Saving and Provident banks): оттуда, достигнувъ извѣстной цифры, онѣ переходятъ въ кассы банковъ, гдѣ могутъ увеличиваться чрезъ наростаніе процентовъ до тѣхъ поръ, пока вкладчики не пожелаютъ вынуть ихъ. Такимъ-образомъ постепенное накопленіе не прерывается преждевременно самымъ невыгоднымъ образомъ, какъ во Франціи. Слѣдовательно, здѣсь сбереженіе имѣетъ настоящее свое назначеніе и цѣль. Оно даетъ рабочему, хотя отдаленную, но вѣрную надежду имѣть впослѣдствіи свою собственную мастерскую.

Слѣдствіе 1826 года показало, что въ шотландскихъ банкахъ, точно такъ же какъ во французскихъ сберегательныхъ кассахъ, большинство вкладчиковъ составляютъ работники, моряки и слуги. Польза для рабочихъ классовъ въ этомъ случаѣ одинакова, и хотя въ Шотландіи выдаваемый кассами процентъ меньше, чѣмъ во Франціи, польза ихъ гораздо значительнѣе и именно отъ того, что въ нихъ наростаніе вкладовъ не прекра-

щается преждевременно. Прибавимъ къ этому, что шотландскіе банки, будучи для работниковъ сначала простыми сберегательными кассами, впослѣдствіи дѣлаются ихъ покровителями. Когда работникъ, доказавъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ свою способность, предусмотрительность и бережливость, успѣетъ наконецъ составить себѣ капиталъ для устройства собственной мастерской, то онъ можетъ съ полною надеждою обратиться къ банку, въ которомъ лежатъ его деньги; онъ уже извѣстенъ банку и всегда найдетъ въ немъ помощь и поддержку. Межд-утѣмъ во Франціи вкладчикъ при наступленіи роковаго предѣла, опредѣленнаго закономъ, для паростанія вкладовъ, рѣшительно не знаетъ, что дѣлать съ своими небольшими деньгами.

Шотландскіе банки не ограничиваются однимъ учетомъ векселей. Чтобы употребить съ пользою большую часть ввѣренныхъ имъ вкладовъ, они обыкновенно открываютъ извѣстнымъ избраннымъ лицамъ, способности которыхъ имъ-извѣстны, личный кредитъ, позволяющій имъ заняться какою-нибудь торговлею. Правда, они дѣлаютъ это только подъ условіемъ поручительства. Однако, если подобные кліенты имъ лично извѣстны, они не бываютъ такъ строги—они только слѣдятъ за своими должниками и наблюдаютъ, чтобы послѣдніе употребляли производительнымъ образомъ сдѣланныя имъ ссуды. Конечно, иногда это дѣлается изъ политическихъ видовъ и изъ желанія распространить свое вліяніе на выборахъ; эти кліенты, для директоровъ шотландскихъ банковъ, бываютъ часто тѣмъ, чѣмъ для англійскихъ городовъ ихъ фермеры; и это злоупотребленіе не существовало бы или встрѣчалось бы гораздо рѣже при полной свободѣ банковъ. За исключеніемъ указаннаго нами, ссуды подобнаго рода имѣютъ въ Шотландіи только самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Хотя было постановлено за правило, что maximum ссудъ подъ личный кредитъ, выдаваемыхъ новичкамъ въ дѣлѣ промышленномъ, преимущественно бѣднымъ, не долженъ превышать 500 фунт., но эта цифра нерѣдко была превышаема. Вслѣдствіе

этого подобными ссудами стали пользоваться негоціанты, фабриканты и промышленники всѣхъ состояній. Извѣстно, что въ 1826 году число этихъ ссудъ для всей Шотландіи простиралось до 10,000; цифра незначительная для такой большой страны; размѣръ же ссудъ простирался отъ 100 до 5,000 фунт., хотя бо́льшее число ихъ не превышало 200 или 500 фунт. стерл. Вся цифра судъ простиралась въ то время до 5,000,000 фунт., изъ коихъ треть дѣйствительно была отдана подъ личный кредитъ; несмотря на то, что цифра эта достаточно велика, она составляетъ незначительную часть всей суммы вкладовъ.

Въ заключеніе мы представляемъ списокъ шотландскихъ банковъ, съ обозначеніемъ года ихъ основанія и числа конторъ.

Списокъ шотландскихъ банковъ въ 1826 году.

Нумера.	Города.	НАЗВАНІЕ БАНКОВЪ.	Годъ основанія.	Число конторъ или отдѣленій.
				19.
1.	Эдинбургъ.	Шотландскій банкъ	1695	1.
2.	„	Королевско-Шотландскій банкъ.	1727	34.
3.	„	Британская льняная кампанія. .	1746	40.
4.	„	Шотландскій коммерческій банкъ.	1810	37.
5.	„	Шотландскій національный банкъ	1825	„
6.	Гласгау. .	Корабельный банкъ	1746	9.
7.	„	Западный Шотландскій банкъ .	„	8.
8.	„	Королевскій банкъ	„	„
9.	„	Thistle bank (*)	1761	„
10.	„	Глазгаускій сберегательный банкъ	„	10.
11.	„	Союзный банкъ	„	6.
12.	„	Гласгаускій акціонерный банкъ.	1809	9.
13.	Эбердинъ.	Эбердинскій банкъ	1767	6.
14.	„	Городской акціонерный банкъ .	1825	9.
15.	„	Коммерческое банковое общество.	1767	3.
16.	Арбротъ .	Арбротскій банкъ	1825	6.
17.	Эръ	Эрскій банкъ	„	8.
18.	„	Эршаейрскій банкъ	„	3.
19.	Беруикъ	Беруикскій банкъ	„	2.
20.	Дунди	Дундскій банкъ	1777	3.

(* Thistle или волчецъ, извѣстенъ гербъ Шотландіи.

Нумера.	Города.	НАЗВАНІЕ БАНКОВЪ.	Годъ основанія.	Число конторъ или отдѣленій.
21.	»	Новый бакъ	1802	3.
22.	»	Коммерческій банкъ	1825	2.
23.	»	Союзный банкъ	1809	6.
24.	Гринокъ.	Гринокскій банкъ	1785	5.
25.	Гуддерсфильдъ	Гуддерсфильдскій банкъ . . .	»	2.
26.	Лейдъ . .	Лейдскій банкъ	1792	3.
27.	Песли. . .	Песлискій банкъ.	1783	3.
28.	»	Союзный банкъ	1788	2.
29.	Пертъ . .	Пертскій банкъ	1766	3.
30.	»	Союзный банкъ	1766	2.
31.	»	Центральный банкъ.	»	4.
32.	Ренфрьюшайеръ . .	Ренфрьюшайерскій банкъ. . .	1802	5.
33.	Уэкфильдъ.	Уэкфильдскій банкъ.	»	2.
34.	Монтрозъ.	Монтрозскій банкъ	1814	2.
35.	Шетлэндъ.	Шетлэндскій банкъ	1802	5.
36.	Стирлингъ.	Стирлингское банковое общество	1777	2.
37.	Фолькиркъ.	Фолькиркское банковое общество	1787	1.

Частные банки,

ВЫПУСКАЮЩІЕ БИЛЕТЫ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ И ПО ПРЕДЪЯВЛЕНІИ.

1.	Эдинбургъ.	Рамсей, Бинардъ и К°	1738	»
2.	»	С. У. Форбсъ и К°	1802	5.
3.	Эръ . . .	Гонтеръ и К°.	1773	3.

Число конторъ значительно, въ-особенности въ сравненіи съ пространствомъ края. Нѣтъ ни одного довольно населеннаго мѣстечка, которое не имѣло бы конторы какого-нибудь банка; такимъ-образомъ, благодѣтельное вліяніе банковъ распространяется посредствомъ ихъ на всѣ части территоріи (*). Кредитъ развитъ всюду, и размѣнъ билетовъ производится повсемѣстно безъ

(*) Шотландскій и Королевскій Шотландскій банки заключили между собою условіе, по которому послѣдній обязался производить всѣ сдѣлки обоихъ банковъ по Гласгау, второму городу Шотландіи, а первый по всѣмъ второстепеннымъ городамъ. Этимъ и объясняется, почему Королевскій Шотландскій банкъ, одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ, имѣетъ всего одну контору.

малѣйшаго затрудненія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ конторъ, банки имѣютъ своихъ агентовъ, съ которыми находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ по учету и передачѣ векселей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

БАНКИ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

§ I. Банки Соединенныхъ Штатовъ.

Во Франціи сильно предупреждены противъ американскихъ банковъ. Ничего не можетъ быть страннѣе того понятія, которое составили о нихъ Французы, въ-особенности торговый классъ. Имъ кажется, что американскіе банки находятся въ большомъ безпорядкѣ. Они убѣждены, что несостоятельность ихъ есть вещь самая обыкновенная, что прекращеніе платежей есть почти нормальное состояніе банковъ. Поэтому, можетъ-быть, показалось бы довольно страннымъ, еслибы-кто нибудь вызвался указать на эти банки, какъ на образцовыя учрежденія.

Не останавливаясь на пріисканіи причинъ подобнаго предубѣжденія, причинъ, довольно многочисленныхъ и весьма различныхъ, мы полагаемъ, что было бы весьма полезно разсѣять эти предубѣжденія, потому-что они составляютъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ учрежденію во Франціи хорошей банковой системы. Хотя устройство банковъ въ Соединенныхъ Штатахъ не представляетъ еще собою идеалъ совершенной свободы, но все-таки ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ нему. Поэтому весьма важно показать, что именно только подъ вліяніемъ полной свободы банки нетолько оказали огромныя услуги, въ чемъ конечно легко можно убѣдиться, но дѣйствовали еще сверхъ того совершенно осторожно. Для того, чтобъ

болѣе убѣдить въ справедливости этихъ словъ, мы предпочитаемъ просто перевести нѣсколько отрывковъ изъ превосходнаго сочиненія г. Кэри изъ Филадельфіи (*). Намъ кажется, что чрезвычайно точныя подробности, сообщаемыя этимъ писателемъ объ оборотахъ американскихъ банковъ, совершенно уничтожаютъ тѣ неблагопріятныя впечатлѣнія, которыя породили во многихъ другіе пристрастные или менѣе свѣдущіе писатели. Мы передаемъ ихъ тѣмъ охотнѣе, будучи убѣждены, что они окончательно подтвердятъ все сказанное нами въ этой книгѣ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о главныхъ условіяхъ существованія и характеристичныхъ особенностяхъ американскихъ банковъ.

Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ однороднаго законодательства,имѣющаго силу на всемъ пространствѣ Союза. Каждый отдѣльный штатъ имѣетъ свои собственные законы, и за исключеніемъ только небольшаго числа предметовъ, постановляемыхъ властью конгресса, всѣ остальныя дѣла подлежатъ законодательной власти каждаго штата отдѣльно. То же самое можно сказать и относительно банковъ. Они получаютъ устройство не отъ конгресса и центральнаго правительства, но отъ правительства того штата, въ которомъ учреждаются. Слѣдовательно, устройство банковъ не однородно, какъ это могло быть во Франціи, Англіи и Шотландіи. Оно измѣняется съ каждымъ штатомъ, обстоятельство весьма важное и упущеніе его изъ виду породило много ошибочныхъ понятій, потому-что стали приписывать всему Союзу и вообще всей американской системѣ банковъ факты, которые относились только къ нѣкоторымъ штатамъ, болѣе другихъ отставшимъ въ дѣлѣ кредитныхъ учрежденій.

Несмотря на разнообразіе, въ законодательствѣ существуютъ все-таки нѣкоторыя общія начала.

(*) *The credit System in France, Great Britain and the Uniled-States*. Philadelphia, 1838. г. Кэри издалъ въ 1840 году болѣе краткое, но весьма дѣльное сочиненіе о томъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: «*What is Currency*» (*Что такое курсъ*).

Къ-несчастію, даже и въ Соединенныхъ Штатахъ повсемѣстно принято правило, что банкъ, по-крайней-мѣрѣ въ видѣ акціонернаго общества, не можетъ быть учрежденъ безъ особеннаго разрѣшенія. Ограниченіе это не было ни въ одномъ штатѣ вполнѣ уничтожено. Впрочемъ, на дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно не существовало, потому-что разрѣшеніе давалось тотчасъ же всякому желающему; напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ оно соблюдается, такъ что позволеніе основать банкъ считается особенною привилегіею, имѣющею возможность предоставить исключительную прибыль тѣмъ, которые ею владѣютъ. Въ штатахъ Массачусетсѣ и Родъ-Эйландѣ и вообще во всей Новой-Англіи, банковая торговля пользуется совершенною свободою; но по-мѣрѣ-того, какъ мы приближаемся къ югу или западу, замѣчаемъ постепенно возрастающее стремленіе къ ограниченіямъ. Итакъ, примѣры тому, что̀ можетъ произвести полная свобода банковъ, мы должны искать въ штатахъ, называемыхъ Новою-Англіею (Родъ-Эйландъ, Массачусетсъ, Коннектикетъ, Нью-Гемпшайеръ, Мэнъ и Вермонтъ). Нѣкоторые другіе штаты могутъ скорѣе служить примѣромъ вредныхъ послѣдствій противоположной системы.

Разсматриваемые только съ этой точки зрѣнія, банки Соединенныхъ Штатовъ съ перваго раза покажутся менѣе свободными, чѣмъ шотландскіе банки, которые могутъ быть учреждаемы во всякое время безъ особенныхъ разрѣшеній. Но зато банки Соединенныхъ Штатовъ устроены какъ настоящія акціонерныя общества, въ которыхъ отвѣтственность каждаго акціонера ограничена его взносомъ; между-тѣмъ шотландскіе банки, за исключеніемъ трехъ, постоянно влекутъ за собою бремя безграничной отвѣтственности, которое значительно искажаетъ характеръ и достоинство этихъ учрежденій. Банки Соединенныхъ Штатовъ, какъ кредитныя учрежденія, болѣе совершенны; они такъ же либеральны и демократичны въ своемъ составѣ, какъ аристократичны и исключительны шотландскіе банки.

Послѣ этихъ краткихъ соображеній мы переходимъ къ тексту

г. Кэри. Этотъ писатель имѣетъ цѣлью провести параллель между французскою, англійскою и американскою системами, которыя онъ поочередно сравниваетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, какъ то: обширности кредита, безопасности и экономіи въ оборотахъ. Постараемся какъ можно ближе придерживаться его, выпуская только то, что касается Франціи, Англіи и Шотландіи. Мы надѣемся, что сообщили о банковыхъ системахъ этихъ трехъ государствъ, а въ-особенности Франціи и Шотландіи болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, которыя заключаются въ книгѣ г. Кэри. Что же касается пробѣловъ, которые могутъ встрѣтиться въ этомъ сравненіи, то мы постараемся пополнить ихъ своими примѣчаніями.

О кредитѣ въ Соединенныхъ Штатахъ.

«Такъ какъ довѣріе возрастаетъ пропорціонально капиталу и народонаселенію, то на этомъ основаніи мы должны найти, что въ Массачусетсѣ и вообще въ Новой Англіи, оно развито больше, чѣмъ во всякой другой части Соединенныхъ Штатовъ и что оно постепенно уменьшается, по мѣрѣ приближенія къ югу и западу, въ тѣхъ штатахъ и *территоріяхъ*, гдѣ народонаселеніе рѣдко и гдѣ обработываются только однѣ лучшія земли. И въ дѣйствительности оно такъ. Если мы примемъ за основаніе плотность народонаселенія, то довѣріе должно было бы еще болѣе увеличиться при переходѣ изъ Массачусетса во Францію или Англію, гдѣ оно должно было бы достигнуть гораздо большей степени развитія, чѣмъ въ какой то ни было части Соединенныхъ Штатовъ. На сколько это справедливо, мы сейчасъ увидимъ.

«Изъ всего — достойнаго замѣчанія въ Соединенныхъ Штатахъ, едва ли не первое мѣсто занимаетъ ея кредитная система, распространенная по всему пространству ея обширной территоріи. Купцы Миссури и Арканзаса, Миссиссипи и Алабама, Иллинойса и Мичигана, живущіе на разстояніи отъ 1000 до 1500 миль (1500 или 2000 верстъ) другъ отъ друга и возвращающіеся въ восточные штаты не ранѣе года или полутора лѣтъ, закупаютъ

тамъ товары въ кредитъ и незамѣтная разница въ цѣнѣ, которую они платятъ вслѣдствіе такой отсрочки, служитъ доказательствомъ той точности, съ которою они выполняютъ свои обязательства. Эти торговцы ссужаютъ въ кредитъ фермеру, земледѣльцу, мелочному торговцу, которые, въ свою очередь, оказываютъ довѣріе ремесленнику и увеличеніе цѣны, вслѣдствіе того требуемое имъ, весьма незначительно. Такъ какъ кредитъ имѣетъ основаніемъ своимъ довѣріе, и какъ ни одинъ человѣкъ не оказываетъ его, когда опасается обмана, то существованіе такой обширной и всеобщей системы кредита должно служить доказательствомъ *общаго довѣрія* между торговцами и покупателями, которые будутъ имѣть возможность заплатить за купленный товаръ въ условленный срокъ (*). Желая однакожь ближе показать характеръ этихъ операцій въ Соединенныхъ Штатахъ, мы собрали нѣкоторые документы о состояніи оборотовъ различныхъ лицъ и учрежденій впродолженіи 25-ти лѣтъ, съ 1811 по 1836 годъ—періодъ, обнимающій собою времена *амбарго*, *прекращенія заграничной торговли*, *войны*, *прекращенія платежей звонкою монетою*, *возстановленія этихъ платежей и перехода отъ всеобщей войны ко всеобщему миру*, однимъ словомъ, періодъ, ознаменованный во всемъ мірѣ самыми важными перемѣнами въ богатствѣ и будущности частныхъ лицъ и народовъ, и который, кажется, долженъ былъ причинить самыя чувствительныя потери частнымъ лицамъ, а слѣдовательно и банкамъ.

«Въ 1811 году число банковъ въ Массачусетсѣ простиралось до 15; въ 1835 ихъ было уже 106. Среднее число банковъ впродолженіи всего этого періода составляло 46. Средняя цифра ихъ капитала равнялась 15,406,000 долларовъ (**). Средняя сумма процентныхъ вкладовъ 1,600,000 долл. Средняя цифра ссудъ 23,100,000 долл.

---

* Вѣроятно нѣтъ другой страны, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ бы существовалъ такой личный кредитъ.»—*Grund's American's*, стр. 259.

** Долларъ равняется 5 фр. 40 сант. или 1 р. 31 к.

Положимъ, что вся сумма была отдана въ займы по 6%; въ такомъ случаѣ полученые за весь годъ проценты составили бы.		1,386,000 д.
Изъ этой суммы надо вычесть 4%, платимые на вклады.	64,000 д.	
За тѣмъ вычесть 1% налога на капиталъ.	154,000 д.	
		218,000 д.
		1,168,000 д.
Средній дивидендъ за весь періодъ .	902,000 д.	
Прибыль, зачисленная въ запасный капиталъ. . . .	1,175,000 д.	
За вычетомъ сомнительныхъ долговъ.	335,000 д.	
Остается	840,000 д.	
Сумма эта, разложенная на періодъ въ 25 лѣтъ, составитъ ежегодно .	34,000 д.	
		936,000 д.
Остается на покрытіе издержекъ и убытковъ.		232,000 (*)

«По раздѣленіи этой суммы между 46 банками, на каждый банкъ ежегодно приходится по 5000 долларовъ; и, среднимъ числомъ, по 1% въ годъ на капиталъ, находящійся въ ссудахъ. Если опредѣлимъ *издержки*, включая сюда и издержки на выпускъ билетовъ въ обращеніе, среднимъ числомъ, по 3,333 д. въ годъ на каждый банкъ, то для покрытія убытковъ получимъ сумму въ 1,667 д., т. е. одну треть процента съ средней цифры каппитала, находя-

(*) Эта таблица составлена по отчету о состояніи массачусетскихъ банковъ, обнародованному 17-го января 1838 года, по приказанію массачусетскаго сената. *Прим. автора.*

щагося въ ссудахъ, что одною пятою меньше убытковъ, понесенныхъ Англійскимъ банкомъ, имѣющимъ постоянно поручителями лице, дающее вексель, переводящее его и, наконецъ, банкирскій домъ.

«Несмотря на всѣ наши старанія, мы могли получить изъ Нью-Іорка свѣдѣнія объ операціяхъ только одного учрежденія, именно Американскаго банка. Впродолженіи двадцати пяти лѣтъ, съ іюля 1812 по іюль 1837 года ссуды по личному кредиту составляли, среднимъ числомъ, 2,945,000 д., а убытки 2,820 д. ежегодно, что составляетъ менѣе одной десятой процента. Мы представляемъ этотъ выводъ не какъ точную цифру количества убытковъ, понесенныхъ банками вообще, но только какъ результатъ единственнаго отчета, который мы имѣли подъ руками. Очень вѣроятно, что среднее число убытковъ, понесенныхъ Нью-Іоркомъ превышаетъ убытки массачусетскихъ банковъ. Одинъ изъ нихъ, именно банкъ Франклина, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлался несостоятельнымъ, издержавъ весь свой капиталъ.

«Въ настоящее время мы имѣемъ отчетъ объ оборотахъ одного изъ самыхъ важнѣйшихъ покупателей векселей на Англію. Изъ отчета видно, что вся стоимость векселей, купленныхъ втеченіи двѣнадцати лѣтъ, составляла 21 милл. ф. стерл. что понесенные убытки впродолженіи первыхъ одиннадцати лѣтъ не превышали 5,000 ф. стерл.; но что въ 1837 году, вслѣдствіе значительнаго пониженія цѣнъ на всѣ американскіе товары, бывшаго причиною возвращенія большаго числа векселей, онъ понесъ убытокъ въ 83,000 ф. стерл., т. е. $^{42}/_{100}$ процента со всей суммы векселей. Несмотря на то, что мы избрали годъ, во всѣхъ отношеніяхъ самый неблагопріятный для нашей торговли съ Европою, цифра убытка не представляетъ замѣтной разницы съ убытками конторъ Лондонскаго банка *въ обыкновенныя времена*. Впродолженіи первыхъ одиннадцати лѣтъ означеннаго періода, вся сумма *непринятыхъ* векселей (*dishonored bills*) составляла не-болѣе 2,000 долл. въ годъ, или около одной девятой процента.

Мы уже сказали (*), что изъ векселей *вторично представленныхъ* въ Лондонѣ *къ учету* отъ частныхъ банковъ и *банковъ, основанныхъ на мѣрѣ*, 7 милл. 4 ден. съ каждыхъ 100 ф. ст. или $^{36}/_{100}\,^{0}/_{0}$ *не были приняты*, и что эта цифра считалась въ Англіи очень умѣренною и принималась за доказательство хорошаго управленія кредитнымъ учрежденіемъ. *Изъ числа 21 милліона векселей, о которыхъ была рѣчь, по-крайней-мѣрѣ три четверти были куплены подъ ручательствомъ одной только подписи*, тогда какъ во Французскомъ банкѣ, для заключенія векселя въ 100 франковъ, требуются три надписи (**).

«Этіень Джирардъ (***), изъ Филадельфіи, пустился въ банковую торговлю въ началѣ 1812 года и умеръ въ 1831 году, послѣ почти двадцатилѣтнихъ занятій оборотами. Втеченіи этого періода средняя цифра сдѣланныхъ имъ ссудъ составляла 2¼ милл., а убытки его за все это время около 225,000 долл., т. е. ½ процента ежегодно.

«Одинъ изъ банковъ Филадельфіи, впродолженіи 28-ми лѣтъ отъ 1810 по 1830 годъ, выдалъ подъ личный кредитъ ссуды на сумму въ 131,816,000 долл., на которые онъ понесъ 109,619 долл. убытка, что составляетъ не болѣе $^{8}/_{100}$ процента. Если принять за среднее число сроковъ платежей 90 дней, то средняя цифра ссудъ въ данный моментъ составитъ 1,170,000 долл. съ ежегоднымъ убыткомъ менѣе 4,000 долл., или около $^{32}/_{100}$ процента съ капитала.

(*) Въ другой части сочиненія, которымъ мы не пользовались, потому-что сущность его заключается въ настоящей статьѣ. Мы замѣтимъ только, что представленные ковторичному учету векселя, о которыхъ говорится въ текстѣ именно тѣ, которые провинціальные англійскіе банки представляютъ къ учету Лондонскому банку, произведши прежде по нимъ учетъ, и что вообще они ими очень дорожатъ, стараясь сохранить и расширить свой кредитъ въ центральномъ банкѣ.

(**) Намъ кажется, что г. Кэри впадаетъ здѣсь въ ошибку, впрочемъ, неважную. Французскій банкъ не требуетъ трехъ надписей, но только три подписи, въ томъ числѣ и подпись самаго векселедателя. Въ этомъ отношеніи онъ сходенъ съ Лондонскимъ банкомъ.

(***) Какъ кажется, Этіэнь Джирардъ родомъ изъ Бордо. Имя его очень извѣстно во Франціи.

ЦАБ "Автограф"

«Другой, впродолженіи 30 лѣтъ, производилъ ссуды подъ личный кредитъ, среднимъ числомъ, на 1,950,000 долл. въ годъ. Въ этотъ промежутокъ времени вся цифра векселей, неуплаченныхъ и отнесенныхъ къ балансу счета прибылей и убытковъ, составляла 641,000 долл., изъ которыхъ впрочемъ были уплачены 80,000 долл., такъ-что окончательная потеря равнялась 561,000 долл., или, среднимъ числомъ, 18,700 долл., или $^{96}/_{100}$ процента въ годъ съ капитала, отданнаго въ ссуду.

«Ссуды, произведенныя третьимъ банкомъ подъ личный кредитъ впродолженіи 25-ти лѣтъ, составили, среднимъ числомъ, 2,161,080 долл., на которыхъ понесенъ убытокъ въ 704,000 долл., среднимъ числомъ, въ годъ 28, 188 долл., или 1 ⅓ процента.

«Четвертый банкъ, начавшій свои операціи въ іюлѣ мѣсяцѣ 1828 года, впродолженіи девяти съ половиною лѣтъ выдалъ въ ссуду подъ личный кредитъ 26,301,199 долл.., на которые понесено 19,978 долл. убытка или около $^{8}/_{100}$ процента. Полагая, среднимъ числомъ, сроки платежей (*) въ 90 дней, средняя цифра ссудъ должна была составить 700,000 долл., а средняя цифра понесеннаго убытка 2,100 долл., т. е. ежегодно $^{30}/_{100}$ процента.

«Такимъ-образомъ, мы имѣемъ болѣе полныя подробности о банкахъ Филадельфіи, чѣмъ о нью-іоркскихъ. Вся сумма ссудъ, произведенныхъ пятью вышеупомянутыми банками, составляла, среднимъ числомъ, 8,231,080 долл., а средній годовой убытокъ 63,988 долл., или $^{78}/_{001}$ процента. Сколько можно предполагать, выведенное среднее число болѣе того, которое бы должно было получить при болѣе подробномъ изслѣдованіи банковъ этого города, которые не представляютъ ни одного примѣра несостоятельности.

«Сравненіе выведенныхъ результатовъ съ результатами, представляемыми банкирскими домами и частными банками Ан-

---

(*) Сроки платежей вообще гораздо продолжительнѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели во Франціи и даже въ Англіи, что служитъ еще лучшимъ доказательствомъ цвѣтущаго состоянія кредита и совершенной безопасности кредиторовъ.

гліи, показываетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ рискъ подвергнуться убытку менѣе, чѣмъ въ послѣдней странѣ. При этомъ сравненіи весьма важно замѣтить, что потери Сѣвернаго и Центральнаго банковъ (*Nothern and Central Bank*) и другихъ, взятыхъ нами для сравненія, а также конторъ Лондонскаго банка, относятся къ весьма благопріятному времени, между-тѣмъ какъ для тѣхъ банковъ Соединенныхъ Штатовъ, о которыхъ идетъ рѣчь убытки взяты изъ 25-ти лѣтняго періода, обнимающаго собою опасную эпоху съ 1811 по 1820 годъ.

«Мы приступимъ теперь къ изслѣдованію операціи банка Соединенныхъ Штатовъ. Средняя цифра ссудъ, произведенныхъ этимъ учрежденіемъ подъ личный кредитъ втеченіи двадцати лѣтъ, съ 1817 по 1837 годъ, составляла 36,644,790 долл., а средній убытокъ 223,000 долл. или $^{61}/_{100}$ процента. Вся сумма убытка равнялась 4,469,806 долл., изъ которыхъ три четверти относятся къ первымъ четыремъ годамъ существованія банка. Это обстоятельство не покажется страннымъ для тѣхъ, которые помнятъ разстроенное состояніе оборотовъ и торговли въ первые годы по окончаніи войны на всемъ пространствѣ Союза и въ особенности въ западныхъ штатахъ. Ни одинъ изъ мѣстныхъ банковъ, основанныхъ въ эту эпоху въ тѣхъ штатахъ, не могъ устоять, а конторы банка Соединенныхъ Штатовъ потерпѣли большіе убытки. Около четверти всей цифры потери пришлось на конторы Огайо и Кентекки. Съ 1820 по 1783 годъ убытокъ, какъ центральнаго учрежденія, такъ и двадцати семи конторъ его, не превышалъ одной пятой процента съ капитала, находившагося въ ссудахъ подъ личный кредитъ.

«Мы уже видѣли, что убытки Англійскаго банка доходятъ до $^{42}/_{100}$ процента, несмотря на гарантію *векселедателя*, *передатчика векселя* и *банкира*. Еслибы ссуды, дѣлаемыя банкомъ Соединенныхъ Штатовъ, были гарантированы подобнымъ же образомъ другими банками, то можно довольно утвердительно сказать, что убытки его не превышали бы $^{1}/_{20}$ процента. Не имѣя подобной гарантіи, онъ подвергся убытку, составляющему

только $^{61}/_{100}$ процента. Это обстоятельство показываетъ, что на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, банковыя операціи подвергаются меньшей опасности убытковъ, чѣмъ въ самомъ Лондонѣ.

«При сравненіи операцій двухъ поименованныхъ банковъ, весьма важно замѣтить огромную разницу, существующую между учрежденіемъ, дѣятельность котораго сосредоточивается исключительно въ Лондонѣ, въ этомъ огромномъ центрѣ торговли, и тѣмъ, которое имѣетъ многочисленныя конторы, разсѣянныя на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Лондонѣ кредитъ долженъ былъ бы быть болѣе развитъ и платежи вѣрнѣе, чѣмъ въ Бостонѣ, Нью-Іоркѣ и Филадельфіи, а тѣмъ болѣе въ Питсбургѣ, Цинциннатѣ или Санъ-Луи. Мы видѣли уже, что въ то время, какъ убытки, понесенные Англійскимъ банкомъ, въ самомъ Лондонѣ, не превышали $^{42}/_{100}$ процента, убытки конторъ составляли 1½ процента (*), и намъ бы слѣдовало конечно найти тотъ же результатъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при переходѣ изъ населеннаго Массачусетса съ его коммерческими нравами, въ малонаселенные штаты Миссиссипи и Миссури; за малыми исключеніями, это такъ и бываетъ на дѣлѣ. Въ конторѣ банка, находящейся въ Бостонѣ, цифра всѣхъ убытковъ простиралась до 75,206 долл.; въ конторѣ банка, находящейся въ Провиденсѣ (Родъ-Эйландѣ) и производившей обороты на сумму почти въ 2 милліона долл., всѣ убытки, со времени закрытія этого учрежденія (**), не превышали 3,797 долл., что составляетъ, среднимъ числомъ, менѣе 200 долларовъ въ годъ или только $^{1}/_{100}$ процента (***). Приближаясь къ югу и западу

(*) Та же разница замѣтна между Французскимъ банкомъ и его конторами.

(**) Такое прекращеніе дѣйствій нельзя считать банкротствомъ. Оно было произведено отнятіемъ привилегій у банковъ Соединенныхъ Штатовъ; главныя причины этого обстоятельства объяснены нами въ VII главѣ.

(***) Впродолженіи многихъ лѣтъ не было ни одного неуплаченнаго векселя. Наконецъ оказался одинъ такой векселъ во 100 долл. и директоры рѣшились сами заплатить деньги, для того чтобъ не вносить его въ книги.

Прим. автора.

мы вообще замѣчаемъ возвышеніе пропорціи убытковъ; такимъ-образомъ, въ двухъ конторахъ Норфолька и Ричмонда, обороты которыхъ были менѣе оборотовъ провиденской конторы, убытки составляли 486,514 долл., въ Чарльстонѣ; 250,000 въ Луизвиллѣ и 556,000 въ Лексингтонѣ. Съ другой стороны, въ Санъ-Луи вся сумма убытковъ равнялась 263 долл., въ Мобилѣ 620 и въ Натчезѣ нулю.

Такимъ-образомъ, банкъ, имѣя двадцать семь конторъ, раскинутыхъ по всему пространству Союза, потерпѣлъ убытки, немногимъ превышающіе убытки, понесенные Англійскимъ банкомъ въ самомъ Лондонѣ, и равняющіеся только двумъ пятымъ всей суммы убытковъ, понесенныхъ конторами послѣдняго банка. Если принять въ соображеніе то обстоятельство, что бо́льшая часть капитала была въ распоряженіи директоровъ, которые мало или почти вовсе не были заинтересованы въ дѣлахъ этого учрежденія, то можно надѣяться, что все вышеприведенное послужитъ доказательствомъ превосходства кредитной системы Соединенныхъ Штатовъ надъ англійскою системою (*).

Здѣсь г. Кэри переходитъ къ разсмотрѣнію другой стороны своего предмета. Онъ показалъ характеръ отношеній публики Соединенныхъ Штатовъ къ банкамъ, и величину убытковъ, причиняемыхъ ею послѣднимъ. Теперь же онъ знакомитъ насъ съ характеромъ отношеній банковъ къ публикѣ и величину убытковъ, понесенныхъ ею отъ ихъ банкротства. Послѣдуемъ за нимъ и въ этомъ разборѣ, представляющемъ не меньше интереса, чѣмъ первый. Прежде всего онъ указываетъ, въ нѣ-

---

(*) Въ продолженіе двухъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ *Лидская контора* Сѣвернаго и Центральнаго банковъ (Nothern and Central bank) потеряла 40,00 фунт. стерл; *Ноттингэмская контора* 12,000 фунт. стерл., *Шеффильдская* отъ 12,000 до 14,000 ф., что, среднимъ числомъ, составляетъ 20,000 ф. ежегодно; эта сумма болѣе средняго убытка, понесеннаго всѣми *банками Массачусетса въ продолженіе 25 лѣтъ*, и также болѣе убытковъ банка Соединенныхъ Штатовъ за большую часть времени своего существованія, когда произведенныя имъ ссуды подъ личный кредитъ доходили отъ 50 до 60 милліоновъ долларовъ. *(Замѣтка автора).*

сколькихъ словахъ, число и состояніе банковъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ тотъ періодъ времени, на который онъ ссылается.

«Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ (1838 г.) существуютъ 677 банковъ съ капиталомъ въ 378 милл. долл. Изъ этого числа 33 находятся въ отдаленныхъ штатахъ Огайо, Кентукки, Теннессѣ и Миссисипи, съ капиталомъ въ 90 милл., *большею частью принадлежащимъ капиталистамъ Нью-Іорка, Филадельфіи и Бостона*, которые такимъ-образомъ помѣщаютъ его далеко отъ себя и внѣ своего непосредственнаго контроля. Это дѣлается въ надеждѣ получить ежегодную прибыль въ семь или восемь процентовъ, между-тѣмъ какъ у нихъ *лучшія цѣнности* не приносятъ болѣе пяти процентовъ. Въ то же время европейскіе капиталисты помѣщаютъ свои фонды въ руки директоровъ бостонскихъ, нью-іоркскихъ и филадельфскихъ банковъ.

«Слѣдующая таблица показываетъ, какимъ-образомъ возрасло число этихъ учрежденій въ періодъ времени отъ 1811 по 1830 годъ.

Таблица банковъ въ Соединенныхъ Штатахъ (*).

НАЗВАНІЕ ШТАТОВЪ.	1811.		1816.		1820.		1830.	
	Число банковъ.	Капиталъ.	Число банковъ.	Капиталъ.	Число банковъ.	Капиталъ.	Число банковъ.	Капиталъ.
		долл.		долл.		долл.		долл.
Массачусетсъ .	15	6,292,144	26	11,659,000	28	10,485,700	66	20,420,000
Мэнъ	6	1,250,000	14	1,860 000	15	1,654,900	18	2,050,000
Нью-Гемпшайеръ	8	815,250	10	998,000	10	1,005,276	18	1,791,670
Вермонтъ . . .	»	»	«	»	1	44,955	10	432,625
Родъ-Эйлэндъ .	13	1,917,000	16	2,317,320	30	2,982,026	47	6,118,397
Коннектикэтъ .	5	1,933,000	10	4,017,575	8	3,689,337	13	4,485,117
Нью-Іоркъ . . .	8	7,522,000	27	18,766,756	33	18,562,774	37	20,083,353
Нью-Джерсей .	3	739,000	11	2,072,115	14	2,130,949	18	2,017,009

(*) Вотъ каково положеніе банковъ Соединенныхъ Штатовъ по отчетамъ, представленнымъ союзному правительству въ 1857 и 1858 годахъ и помѣщеннымъ въ оффиціальной запискѣ: 51 банкъ, въ томъ числѣ 20 въ одномъ Нью-іорскомъ штатѣ, не представили своихъ отчетовъ союзному правительству и не помѣщены въ этой таблицѣ; слѣдовательно къ концу 1858 года въ Соединенныхъ Штатахъ считалось 1473 банка.

ЦАБ "Автограф"

НАЗВАНІЕ ШТАТОВЪ.	1811.		1816.		1820.		1830.	
	Число банковъ.	Капиталъ.	Число банковъ.	Капиталъ.	Число банковъ.	Капиталъ.	Число банковъ.	Капиталъ.
Пенсильванія . .	4	6,153,050	43	15,384,597	36	14,681,780	33	14,610,333
Делаваръ	»	«	5	974,500	6	974,900	6	1,000,000
Мериэндъ . . .	6	4,895,202	20	8,406,782	14	6,708,131	13	6,250,495
Округъ Колумбія.	4	2,341,395	10	4,294,013	13	5,525,319	9	3,875,794
Виргинія	1	1,500,000	12	4,512,173	4	5,212,192	4	5,571,100
Сѣверная Каролина	3	1,576,600	3	2,776,600	3	2,964,887	3	3,195,000
Южная Каролина.	4	3,475,000	5	3,832,758	5	4,475,000	5	4,631,000
Георгія	1	210,000	3	1,502,600	4	3,401,510	9	4,203,029
Алабама		»		»	3	469,112	2	643,503
Миссиссипи . .		»	1	100,000	1	900,000	1	950,000
Луизіана	1	754,000	3	1,422,300	4	2,527,420	4	5,665,980
Тенэсси	1	100,000	4	815,281	8	2,119,782	1	737,817
Кентекки	1	240,460	2	2,057 000	42	8,807,341		»
Огайо	4	895,000	21	2,061,927	20	1,797,403	11	1,454,386
Индіана		»		»	2	202,857		»
Иллинойсъ . . .		»		»	2	140,900		
Миссури		»		»	1	250,000		»
Итого. . . .	88	42,609,101	246	89,822,297	308	101,714,551	328	110,186,608

ЦАБ "Автограф"

Состояніе разныхъ счетовъ въ банкахъ Соединенныхъ Штатовъ.

ШТАТЫ.	Число Банковъ.	Капиталъ.	Портфель.	Въ различныхъ помѣщеніяхъ.	Долгу на банкахъ.	Звонкой монеты.	Билетовъ.	Вкладовъ.	Различныхъ долговъ.
		долл.	долл.	долл.	долл.	долл.	долл.	долл.	долл.
Мэнъ	70	7,614,200	11,210,245	135,263	1,121,143	615,441	2,964,327	1,743,939	915,373
Нью-Гемпшайеръ.	47	5,041,000	7,389,813	82,000	987,301	275,933	2,289,939	875,789	»
Вермонтъ.	41	4,028,740	7,905,711	176,573	1,049,249	224,939	4,275,517	746,557	1,639
Массачусетсъ . .	173	60,319,720	92,458,572	1,608,613	9,907,738	3,611,097	18,104,827	17,631,199	5,450,642
Родъ-Эйлэндъ . .	93	20,334,777	25,823,152	723,666	2,271,453	570,850	3,192,661	2,510,108	2,042,606
Коннектикэтъ . .	74	19,923,553	33,108,527	2,381,753	3,0 5,043	1,400,430	10,590,421	4 688,843	2,523,846
Нью-Іоркъ	294	107,449,143	162,807,376	30,515,224	13,584,631	43,444,094	23,889,964	83,043,353	24,098,218
Нью-Джерсей . .	47	7,494,912	11,364,319	1,353,945	2,104,014	1,308,851	3,395,936	3,696,605	587,840
Пенсильванія . .	76	25,691,439	49,149,323	4,166,524	8,588,205	4,656,357	11,610,458	18,924,113	5,928,676
Делаваръ	11	1,355,010	2,544,212	76,299	565,894	311,744	1,240,370	609,179	72,297
Мериэндъ	31	12,451,545	21,804,111	1,076,984	4,699,525	2,617,892	4,041,021	7,741,186	4,744,610
Виргинія	62	14,651,600	23,338,411	4,883,945	3,760,157	2,717,064	10,347,874	6,971,325	987,006
Сѣверная Каролина.	28	6,525,100	11,967,733	391,216	1,092,848	1,035,869	5,699,427	1,037,457	82,413
Южная Каролина.	20	14,885,631	22,056,561	4,928,023	2,220,831	1,104,128	6,185,825	2,955,954	4,775,352
Георгія	30	16,015,256	12,677,863	11,378,932	1,648,621	1,677,121	5,518,445	2,215,853	1,416,481
Алабама	6	3,235,650	5,585,424	321,186	1,314,698	1,302,312	2,581,791	1,408,837	571,556
Луизіана	15	22,800,830	23,229,096	8,959,199	3,951,205	10,370,701	4,336,624	11,638,120	1,340,619
Миссиссипи. . . .	2	1,110,600	393,216	811,983	220,061	47,845	169,400	49,781	31,852
Теннеси	45	9,073,069	13,124,292	4,048,789	4,326,252	2,670,751	6,036,982	4,545,104	4,385,751
Кентекки	37	10,782,588	17,681,283	1,241,518	5,156,591	4,027,964	8,884,225	3,232,132	3,197,267
Миссури	10	2,620,615	4,620,534	217,857	421,331	1,424,004	1,718,750	1,482,432	242,117
Иллинойсъ	45	4,679,325	1,146,770	6,228,341	3,078,612	339,672	5,238,930	658,521	151,420
Индіана.	40	3,585,922	4,861,445	1,531,852	1,315,977	1,498,381	3,363,976	1,417,966	341,523
Огайо.	49	6,560,770	9,558,927	3,521,255	2,907,607	1,856,349	6,201,286	3,915,781	562,861
Мичегенъ.	4	851,804	1,111,786	435,854	108,445	33,810	364,676	310,479	2 3,173
Висконсинъ. . . .	66	5,515,000	6,230,861	3,900,970	966,205	643 982	2,913,071	2,077,862	1,278,872
Небраска (территорія)	6	15,000	15,679	3,850	36,601	5,683	41,641	3,673	1,376
	1,422	394,622,799	583,165,242	95,119,594	80,500,238	89,793,273	155,208,344	185,932,049	65,236,186

«Показавъ свойства сношеній публики съ банками, мы помѣстили предъидущую таблицу съ цѣлью показать свойство сношеній банковъ съ публикою и соразмѣрность потерь, понесенныхъ американцами, вслѣдствіе ихъ банкротствъ. При этомъ разсчетѣ мы будемъ вообще опираться на свѣдѣнія (*), доставленныя г. Галлатиномъ въ 1830 году, прибавивъ къ нимъ банкротства обнаружившіяся съ этого времени по 1836 годъ и дополнивъ такимъ-образомъ 25-ти лѣтній періодъ, заключающій въ себѣ амбарго, войну и возобновленіе платежей звонкою монетою потрясеніе, послѣдовавшее по окончаніи европейскихъ войнъ, спекуляціи 1825 года и т. д.

«Среднее число банковъ въ Массачусетсѣ съ 1811 по 1830 годъ (**) равнялось 34, а средняя цифра ихъ капитала болѣе 12 милліонамъ. Банкротствъ до 1836 года было всего 5 (***), или около $^{42}/_{100}$ процентовъ въ годъ. Капиталъ несостоятельныхъ банковъ доходилъ до 700,000 долл., но почти всѣ ихъ долги были уплачены. Сумма, неуплаченныхъ долговъ двухъ изъ этихъ банковъ, простиралась по послѣднимъ свѣдѣніямъ до 19, 878 долл. Третій банкъ уплатилъ всѣ свои долги; четвертый, какъ полагаютъ, сдѣлалъ то же. Относительно послѣдняго банка нужно замѣтить, что вся цифра билетовъ, находившихся въ обращеніи въ моментъ прекращенія его операцій, не превышала 27,000 долл. Полагая всю потерю въ 50,000 долл., что составляетъ конечно слишкомъ высокую цифру, мы найдемъ, что потеря эта составляетъ *по 5-ти долл. на милліонъ или* $^{2}/_{1000}$ *доли*

(*) *Considerations on the Currency and Banking system of the United States.*

(**) Мы беремъ во всѣхъ случаяхъ среднее число банковъ съ 1811 по 1836 годъ, вмѣсто того числа, которое бы мы нашли для времени съ 1811 по 1836 годъ, что повлекло бы за собой значительное уменьшеніе пропорціи числа банкротствъ втеченіи всего этого періода; мы это сдѣлали потому, что не имѣемъ намѣренія уменьшать пропорцію потерь. Среднее число банковъ въ Массачусетсѣ съ 1811 по 1830 годъ составляло 48; а такъ какъ банкротствъ въ это время было всего только 5, то пропорція была бы только $^{42}/_{100}$.

(***) Г. Галлатинъ считаетъ 6 банкротствъ на капиталъ въ 850,000 долл., Но Бедфордскій банкъ не потерпѣлъ банкротства. Онъ прекратилъ свои операціи, вслѣдствіи изданнаго на этотъ предметъ закона, и капиталъ былъ раздѣленъ между акціонерами.

Примѣчанія автора.

ЦАБ "Автограф"

одного процента на всю сумму оборотовъ, облегченныхъ существованіемъ этихъ учрежденій и замѣненіемъ металлической монеты кредитными знаками.»

При этомъ г. Кэри замѣчаетъ, что предъидущій разсчетъ сдѣланъ въ томъ предположеніи, что каждая часть капитала банка производитъ не болѣе четырехъ оборотовъ въ годъ, что́ однако далеко отъ дѣйствительности. Въ одномъ примѣчаніи онъ говоритъ: «Мы изслѣдовали обороты одного банка Филадельфіи и нашли, что сдѣлки, производимыя въ его конторѣ, среднимъ числомъ, ежедневно простираются до ¼ всего капитала, а за цѣлый годъ онѣ составляютъ сумму, въ 80 разъ превышающую его собственный капиталъ. Если мы прибавимъ къ этому сдѣлки, облегчаемыя обращеніемъ банковыхъ билетовъ и переводами производимыми банками, то найдемъ, что потери, понесенныя въ Массачусетсѣ втеченіи 25-ти лѣтъ, едва доходятъ до 1¼ долл. на милліонъ со всей суммы оборотовъ, которымъ банки способствовали своимъ посредничествомъ.

«Среднее число банковъ въ Родъ-Эйландѣ, втеченіи того же періода составляло 27, съ капиталомъ болѣе трехъ милліоновъ. Банкротствъ было два (*), что́ составляетъ, среднимъ числомъ, $^{30}/_{100}$ процента въ годъ. Капиталъ несостоятельныхъ банковъ доходилъ до 50,000 долл. Пропорція потерь не можетъ значительно разниться отъ найденной нами пропорціи для Массачусетса.

«Въ Мэнѣ среднее число банковъ было 13¼. Срокъ грамотамъ трехъ изъ этихъ учрежденій окончился въ 1812 году и за тѣмъ ихъ болѣе не возобновляли. Банкротствъ было всего 5, что́ составляетъ, среднимъ числомъ, 1½ процента въ годъ. Средняя

(*) Банки въ Буррильвилѣ и Шитюэтѣ. Г. Галлатинъ причисляетъ сюда *Земледѣльческій размѣнный банкъ* (Farmer's exchange bank), окончившій свое существованіе въ 1809 году. Полагаютъ, что это былъ первый примѣръ банкротства въ Новой Англіи. Онъ указываетъ также на *Земледѣльческій ремесленный банкъ* (Farmer's and mechanic's'); но мы считаемъ это за ошибку.

ЦАБ "Автограф"

цифра капитала ихъ равнялась 1,700,000 долл., а несостоятельныхъ банковъ — 500,000 долл. или $1\frac{1}{6}$ процента въ годъ.

«Въ Нью-Гемпшайерѣ среднее число банковъ составляло $11\frac{1}{2}$, а число банкротствъ 2 или около $\frac{2}{3}$ процента въ годъ. Средняя цифра капитала равнялась 1,150,000 долл., а капиталъ несостоятельныхъ банковъ — 129,600; слѣдовательно менѣе $\frac{1}{2}$ процента въ годъ. Мы не въ состояніи опредѣлить количество потери, понесенной кредиторами банковъ Мэна и Нью-Гемпшайера; но имѣемъ основаніе думать, что пропорція на сто была очень слаба.

«Въ Вермонтѣ не было банкротствъ.

«Въ Коннектикэтѣ было, среднимъ числомъ, 9 банковъ и на это число всего два банкротства или немного менѣе одного процента въ годъ. Средняя цифра капитала всѣхъ банковъ была 3,500,000 долл., а капиталъ несостоятельныхъ банковъ 600,000, что составляетъ около $\frac{2}{3}$ процента въ годъ.

«Среднее число банковъ въ исчисленныхъ нами штатахъ, составляющихъ Новую-Англію, было съ 1811 по 1830 годъ 97, а банкротствъ впродолженіи 25-ти лѣтъ 16, или $\frac{2}{3}$ процента въ годъ. Средняя цифра капитала была около 22 милл. долл. Капиталъ несостоятельныхъ банковъ около 2,000,000 или около $\frac{36}{100}$ процента въ годъ. Общій итогъ потерь, понесенныхъ обществомъ, не можетъ превышать многимъ 500,000 долл., что составитъ, среднимъ числомъ, 20,000 или $\frac{1}{11}$ процента съ капитала всѣхъ банковъ въ годъ и вѣроятно $\frac{1}{500}$ процента съ суммы операцій, которымъ способствовали эти учрежденія. Если наша оцѣнка вѣрна, то рискъ, соединенный съ банковыми оборотами Новой-Англіи, впродолженіи періода болѣе $\frac{1}{4}$ вѣка, среднимъ числомъ составлялъ одинъ долларъ на 50,000. Если исключимъ Коннектикэтъ, въ которомъ одно банкротство было сопряжено съ большими обманами, отчего произошли значительныя потери, мы найдемъ, что этотъ рискъ не превышалъ 5 долл. на милліонъ.

«Въ Нью-Іоркскомъ штатѣ среднее число банковъ составляло 26, причемъ было 11 случаевъ несостоятельности, что̀ даетъ, среднимъ числомъ, 1⅝ процента въ годъ. Капиталъ этихъ банковъ, среднимъ числомъ, составлялъ около 16 милл., а капиталъ несостоятельныхъ банковъ около 3½ милл., что̀ составляетъ около ⅞ процента въ годъ. Впрочемъ, потери также, какъ и въ Массачусетсѣ, преимущественно были понесены акціонерами, а не кредиторами банковъ. Съ 1825 по 1837 годъ было всего только два банкротства; такъ, что въ этотъ промежутокъ времени среднее годовое число банкротствъ было свыше ½ процента со всего числа банковъ, существовавшихъ въ 1830 году. Одинъ изъ нихъ уплатилъ всѣ свои долги, такъ что потерю понесли только акціонеры. Потери, причиненныя другими, были, по нашему мнѣнію, очень незначительны. Втеченіи этого времени рискъ, сопряженный съ операціями банковъ и съ употребленіемъ въ обращеніи ихъ билетовъ, нельзя считать болѣе 5 долл. на милліонъ, и по всей вѣроятности, какъ мы опредѣлили для Массачусетса, онъ не превышалъ одного доллара на милліонъ со всей суммы сдѣлокъ, совершенію которыхъ способствовали эти учрежденія.

«Въ Нью- Жерсей среднее число банковъ равнялось 12; тамъ насчитываютъ 10 банкротствъ или, среднимъ числомъ, 3 процента въ годъ.

«Въ Пенсильваніи среднее число банковъ было 29; число банкротствъ 19; что̀ составляетъ, среднимъ числомъ, 2½ процента въ годъ. Впрочемъ, почти всѣ эти банкротства обнаружились въ годы, слѣдовавшіе непосредственно за окончаніемъ войны, и только три съ чрезвычайно незначительными капиталами, въ періодъ времени съ 1820 по 1837 годъ; средняя цифра капиталовъ этого штата съ 1811 по 1830 годъ составляла 15 милл., а капиталъ несостоятельныхъ банковъ съ 1811 по 1836 годъ 2 милліона, что̀ даетъ, среднимъ числомъ, ⅛ процента въ годъ.

«Во всѣхъ упомянутыхъ нами девяти штатахъ, среднее число банковъ съ 1811 по 1830 годъ составляло 163. Общее число банкротствъ 56; слѣдовательно, среднимъ числомъ, 2¼ или 1⅜ процента въ годъ. Капиталъ, среднимъ числомъ, равнялся приблизительно 55 милл.; къ этому числу нужно еще прибавить половину капитала банка Соединенныхъ Штатовъ (*), что̀ составитъ все вмѣстѣ 72 милліона. Капиталъ несостоятельныхъ банковъ доходилъ до 10 милл., или среднимъ числомъ около ½ процента въ годъ. Очень трудно опредѣлить съ достовѣрностью время этихъ банкротствъ; но мы полагаемъ, что съ 1822 по 1837 годъ общая сложность ихъ не превышала 2 милліона долл., что̀ составило бы, среднимъ числомъ, по 133,000 долл. въ годъ или около 1,800 на каждый милліонъ капитала. Самую значительную *потерю*, понесенную лицами, имѣвшими дѣла съ несостоятельными банками и употреблявшими ихъ билеты, нельзя считать *для всего періода* выше 3 милліоновъ, а вѣроятно она не достигаетъ и ½ этой суммы. Допуская, впрочемъ, эту цифру, мы найдемъ, что она составляетъ не болѣе $^{1}/_{400}$ процента съ суммы сдѣлокъ произведенныхъ между частными лицами и этими учрежденіями въ видѣ вкладовъ, коммерческихъ векселей, билетовъ и проч., и не возвышаетъ риска выше одного доллара на 40,000. *Въ послѣднія 15 лѣтъ* этого періода рискъ не превышалъ 5 долл. на милліонъ и, вѣроятно, не достигалъ даже одного доллара.

«Мы имѣемъ поводъ думать, что ни въ одной странѣ, столь значительное количество оборотовъ не было совершено такимъ выгоднымъ образомъ для общества и со столь незначительнымъ процентомъ потерь и что слѣдственно страховая премія долговъ частныхъ лицъ банкамъ и банковъ частнымъ лицамъ менѣе, чѣмъ во всякой другой части свѣта.

«Приближаясь къ югу и западу мы замѣчаемъ, что съ уменьшеніемъ народонаселенія увеличивается рискъ. Въ штатахъ къ

(*) Только половина капитала банка Соединенныхъ Штатовъ участвовала въ оборотахъ помянутыхъ штатовъ.

югу отъ Пенсильваніи и рѣки Огайо было 84 банкротства; въ штатахъ, лежащихъ къ западу, 27. Почти всѣ эти банкротства были также, какъ и въ Пенсильваніи, результатомъ преждевременныхъ попытокъ завести конторы для покупки и продажи монетъ въ такихъ странахъ, гдѣ всѣ готовы покупать и никто не имѣетъ предметовъ для продажи. Случилось то, что можно было легко предвидѣть. Послѣ безплодныхъ усилій установить теченіе дѣлъ, банки увидѣли себя въ необходимости пріостановить платежи, точно также, какъ бы поступили всѣ тѣ, которые пустились въ какое либо предпріятіе, къ которому общество еще не подготовлено. Цифра банкротствъ втеченіи 25-ти лѣтъ равнялась 167, изъ коихъ 130 на югѣ и западѣ отъ Нью-Іорка, и почти всѣ, если не всѣ безъ исключенія, могутъ быть приписаны одной и той же причинѣ. Среднее число дѣйствовавшихъ въ этотъ промежутокъ времени банковъ составляло 242, а среднее число банкротствъ $2^{3}/_{4}$ процента; что немногимъ превышаетъ среднее число банкротствъ, найденное для частныхъ англійскихъ банковъ съ 1821 по 1826 годъ, въ эпоху, въ которой не случилось ничего необыкновеннаго, какъ напримѣръ періодъ отъ войны къ миру или отъ мира къ войнѣ, что могло бы произвести потрясеніе и бѣдствія въ странѣ. *Въ Америкѣ, съ самаго основанія банковъ до 1837 года, банкротствъ было на ¼ меньше, нежели въ Англіи втеченіи 1814, 1815 и 1816 годовъ; и цифра потерь, понесенныхъ частными лицами, представляетъ вѣроятно пропорцію еще меньшую, сравнительно съ суммою произведенныхъ оборотовъ* (*).

«Мы видѣли, что въ Массачусетсѣ и въ Родъ-Эйландѣ пропорція потерь наименьшая, что она постепенно возрастаетъ по мѣрѣ перехода отъ хорошо населенныхъ штатовъ Новой-Англіи къ менѣе населеннымъ западнымъ и юго-западнымъ штатамъ. Переходя отъ Массачусетса къ Франціи и оттуда въ Англію, мы

(*) Строки, напечатанныя въ томъ переводѣ курсивымъ шрифтомъ, также напечатаны курсивымъ шрифтомъ въ англійскомъ текстѣ. Намъ не нужно указывать на убѣдительность этихъ результатовъ.

ЦАБ "Автограф"

должны были найти болѣе развитое довѣріе и мѣньшую пропорцію потерь; между тѣмъ, въ дѣйствительности мы этого не видимъ. Въ послѣднихъ двухъ странахъ потери значительнѣе; взаимное довѣріе частныхъ лицъ слабѣе, нежели въ Массачусетсѣ, въ которомъ слѣдовательно довѣрія больше, нежели въ какой-либо другой части свѣта (*). Въ Великобританіи частныя лица пользуются весьма большимъ кредитомъ, но довѣріе болѣе общее въ Соединенныхъ Штатахъ. Всякій членъ общества принимаетъ банковые билеты и даже тѣ изъ нихъ, по которымъ платежъ производится на 500 или 1000 миль разстоянія отъ того мѣста, гдѣ они переходятъ безъ малѣйшаго затрудненія изъ рукъ въ руки и изъ банка въ банкъ. Жигель Массачусетса, Нью-Іорка или Пенсильваніи, желающій дать своему капиталу употребленіе, которое приносило бы отъ 8 до 9 процентовъ, помѣщаетъ его безъ всякаго опасенія въ Луизіанѣ, Миссиссипи или Теннесѣ.

«Доходъ съ пошлинъ, взимаемыхъ Соединенными Штатами съ привозныхъ товаровъ съ 1789 по 1827 годъ, составлялъ 475,000,000 долл. Впродолженіи двухъ третей этого періода американскія суда подвергались на морѣ грабежамъ и конфискаціи отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ, и были причиною совершеннаго раззоренія очень значительнаго числа судохозяевъ. Между-тѣмъ, правительство имѣло въ рукахъ облигаціи судохозяевъ въ обезпеченіе платежа пошлинъ, для чего давалась отсрочка отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ. При подобныхъ обстоятельствахъ можно было бы полагать, что общественная казна понесла большіе убытки. Несмотря на это, къ концу 1827 года общая сумма неуплаченныхъ облигацій составляла 4,369,617 долл., изъ коихъ 434,000 подавали надежду быть уплаченными; такъ-что вся потеря составляла всего около 4,000,000 долл., или менѣе $^5/_6$ процента.

«Вслѣдствіе удобствъ, которыя доставляютъ *банки*, *осно-*

(*) Подтвержденіе этой истины можно найти въ «*Lettres sur l'Amérique du Nord*», изданныя г. Мишель Шевалье въ 1837 году.

ванные на паяхъ (*Joint stock banks*) (*) для помѣщенія производительнымъ образомъ самыхъ незначительныхъ капиталовъ, стремленіе отдавать деньги въ сберегательныя кассы (*saving banks*) или въ общества застрахованія жизни, не такъ развито въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ въ Англіи. Тѣмъ не менѣе, какъ тѣ, такъ и другія, существуютъ на территоріи Союза и наибольшее число ихъ находится тамъ, гдѣ народонаселеніе гуще и гдѣ трудъ болѣе производителенъ.

Въ Массачусетсѣ 32 сберегательныя кассы съ капиталомъ въ 4,781,426 долл.; въ 1836 году въ штатѣ Нью-Іоркѣ ихъ было 11, а сумма ихъ вкладовъ простиралась до 4,831,613 долл.; въ Пенсильваніи ихъ менѣе, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Сумма вкладовъ сберегательной кассы въ Филадельфіи простирается до 1,200,000 долл. Мы полагаемъ, что въ Мерилэндѣ существуетъ только одна подобная касса, именно въ Балтиморѣ, — вклады ея простираются до 887,522 долл.

Огромныя цѣнности, заключающіяся въ товарахъ, переходятъ изъ рукъ въ руки безъ всякаго освидѣтельствованія и случаи обмана въ ежегодно отправляемыхъ полутора милліонахъ кипъ хлопчатой бумаги весьма рѣдки. Доказательствомъ того, что, съ приращеніемъ народонаселенія, нравственность сдѣлала огромные успѣхи, можетъ служить то, что прежде товары, назначенные къ вывозу, какъ напримѣръ: свинина, мука, табакъ, были подвержены осмотру, существующему и теперь еще для замедленія развитія торговли; тогда какъ хлопчатая бумага, введенная въ торговлю только въ новѣйшее время, никогда не была подвержена этимъ постановленіямъ, и опытъ показалъ, что вводить ихъ не было никакой необходимости.

(*) Не должно смѣшивать эти *joint stock banks* съ тѣми, которые въ Англіи извѣстны подъ этимъ же именемъ. Здѣсь это настоящія акціонерныя общества, въ которыхъ отвѣтственность всякаго члена ограничивается суммою его взноса, между-тѣмъ какъ въ англійскихъ обществахъ отвѣтственность не имѣетъ предѣла, если только общество не имѣетъ грамоты инкорпораціи, и въ семъ послѣднемъ случаѣ оно носитъ названіе *инкорпоративной компаніи* (*incorparated company*).

ЦАБ "Автограф"

«Г. де-Бомонъ говоритъ, что почти всѣ Американцы, болѣе или менѣе, часто дѣлались несостоятельными (*) и, говоря это, онъ повторяетъ только то, что̀ очень часто говорится въ Европѣ. Г. Токвиль, въ свою очередь, говоритъ, что Американцы часто терпятъ кораблекрушенія, но что ни одинъ народъ не совершаетъ плаваніе съ такою быстротою (**). Страховая премія есть выраженіе риска, сопровождающаго морскія путешествія и если мы находимъ, что американскій корабль можетъ быть застрахованъ на путешествіе *въ* Кантонъ и *обратно* за премію отъ 2½ до 3 ½ %, что страховая премія для англійскаго судна отъ 4 до 5 % и что корабль французскій въ *одинъ рейсъ въ Кантонъ* не можетъ быть застрахованъ менѣе 3 и 3½ %, то мы можемъ считать достовѣрнымъ, несмотря на противорѣчіе г. Токвиля, что американскія суда, несмотря на свою быстроту, представляютъ болѣе безопасности, нежели суда всѣхъ прочихъ народовъ. Намъ кажется, что сравнивая различныя системы кредита, существующія въ разныхъ государствахъ, мы получимъ тотъ же результатъ, относительно готовности частныхъ лицъ исполнять свои обязательства.»

Что касается словъ г. де Бомона, мы ничего не прибавимъ къ тому положительному и убѣдительному опроверженію, которое г. Кэри сдѣлалъ въ предшествующихъ строкахъ. Относительно же мнѣнія г. Токвиля мы не можемъ не привести здѣсь данныхъ, доставленныхъ изслѣдованіями о навигаціонныхъ законахъ, произведенныхъ въ 1847 году въ Лондонѣ коммиссіею, наряженною англійскимъ парламентомъ. Мы внимательно прочли пять отчетовъ этой коммиссіи, и пришли къ тому убѣжденію, что Американцы плаваютъ съ бо́льшею безопасностью, чѣмъ Англичане. Вотъ, между прочимъ, два весьма рѣшительные факта. Страховая премія, которую требовали въ самомъ Лондонѣ англійскіе страхователи для американскихъ су-

---

(*) *Marie, ou l'Esclavage aux Etats Unis.*
(**) *La Démocratie en Amerique.*

довъ, ниже чѣмъ для англійскихъ, совершающихъ рейсы между обѣими странами. Кромѣ-того англійскіе негоціанты, отправляющіе товары за границу, предпочитаютъ суда американскія англійскимъ, въ-особенности при отправленіи дорогихъ товаровъ. Такъ, англійскіе корабли, отправляемые въ Соединенные Штаты, обыкновенно нагружаются *громоздскими* товарами: чугуномъ, желѣзомъ, каменнымъ углемъ, солью и проч., дорогіе же товары, какъ напримѣръ: мануфактурныя произведенія, по преимуществу ввѣряются американскимъ судамъ.

Г.г. де-Бомонъ и Токвиль писатели добросовѣстные. Они, конечно, не имѣли въ виду систематически очернить ни американскій народъ, ни его флотъ, ни его кредитную систему; но нужно сознаться, что каждый изъ нихъ смотрѣлъ на Америку подъ вліяніемъ предразсудковъ своего отечества, и такъ-какъ ихъ слова ни что иное, какъ вѣрное выраженіе этихъ слѣпыхъ предразсудковъ, то мы и считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на нихъ.

Во Франціи только тогда считаютъ торговлю вѣрною, когда она ползетъ по узкой колеѣ. Если она усиливается и развивается вмѣстѣ съ кредитомъ, то всегда полагаютъ, что это дѣлается въ ущербъ безопасности. Такое мнѣніе составлено заранѣе, и на основаніи его судятъ о фактахъ, не входя въ ихъ разсмотрѣніе. Всѣ сужденія объ американской торговлѣ не имѣютъ другихъ основаній; всѣ онѣ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ словахъ: въ Соединенныхъ Штатахъ много банковъ, кредитъ тамъ весьма развитъ, слѣдовательно торговля тамъ весьма небезопасна и изобилуетъ банкротствами. Но что же такое кредитъ? Ни что иное какъ довѣріе на практикѣ. А какъ же довѣріе могло бы родиться, возрасти и существовать среди безпрестаннаго риска?

Италіянская пословица «chi va piano va sano» конечно очень мудрая пословица, но во Франціи ею злоупотребляютъ. Можно ли всегда утверждать, что медленность есть та же безопасность. Когда въ началѣ царствованія Людовика XIV употребляли нѣсколько мѣсяцевъ на путешествіе изъ Парижа въ Клермонъ,

въ Овернь, то было ли это путешествіе безопаснѣе, нежели теперь, когда оно совершается въ нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ? Когда Улиссъ употребилъ 10 лѣтъ на возвращеніе съ береговъ Трои на островъ Итаку, останавливаясь каждый день и вытаскивая свои ладьи на берегъ, странствовалъ ли онъ безопаснѣе американскихъ пакетботовъ, совершающихъ переходъ изъ Гавра въ Нью-Іоркъ въ 10 или 12 дней? Нѣтъ, преимущество, даже относительно безопасности, совершенно на сторонѣ новѣйшихъ, болѣе быстрыхъ переѣздовъ. А почему? Потому-что эта быстрота совершенно достигнута устраненіемъ препятствій и удаленіемъ тѣхъ опасностей, которыя бывало задерживали путешественниковъ. Въ началѣ царствованія Людовика XIV дорога изъ Парижа въ Овернь была изрыта оврагами, перерѣзана рѣками и потоками, которые нужно было проходить въ бродъ; не было ни пристанищъ, ни экипажей, и, въ довершеніе всего, на пути происходили грабежи, между-тѣмъ какъ впослѣдствіи овраги были засыпаны, дорога сглажена, на переправахъ построены мосты, на извѣстныхъ разстояніяхъ учреждены станціи и гостинницы, разбои прекращены и наконецъ для того, чтобы превозмочь послѣднее препятствіе, желѣзныя дороги уничтожили даже сопротивленіе тренія. Устройство прочной и обширной кредитной системы есть ни что иное, какъ сглаживаніе препятствій и уменьшеніе риска, которыми усѣянъ торговый путь. Это-то и есть великая задача банковъ! Они засыпаютъ овраги, исправляютъ дорогу, строятъ мосты, снабжаютъ страну перевозочными средствами, и для болѣе полнаго сравненія, они своимъ моральнымъ вліяніемъ устраняютъ на дорогахъ даже разбои. Вотъ какимъ-образомъ банки даютъ торговлѣ движеніе болѣе быстрое и свободное, не подвергая ее опасности, но напротивъ того, помогая ей, обезпечивая и охраняя ее.

Все это ясно видно изъ вышеизложеннаго; но оно было бы еще очевидиѣе, еслибы свобода банковъ въ Соединенныхъ Штатахъ была полнѣе и еслибы авторъ настоящаго сочиненія избралъ для своихъ вычисленій не эту эпоху,—эпоху разрушенія и па-

ЦАБ "Автограф"

денія, истинно бѣдственную, о которой онъ могъ умолчать, не нарушая истины. Наконецъ, еслибы система свободныхъ банковъ развилась въ менѣе новой и болѣе населенной странѣ.

Если путешественникъ, прибывшій изъ Европы въ Лиму и увидѣвшій тамъ одни только одноэтажные дома, заключитъ изъ этого, что жить тамъ безопаснѣе, нежели въ шести этажныхъ домахъ Лондона, то онъ впадетъ въ такое же заблужденіе, какъ и писатель, который, замѣтивъ что кредитъ Франціи слабъ, что средняя величина векселей, учитаемыхъ Французскимъ банкомъ, менѣе 400 долларовъ съ среднимъ срокомъ уплаты въ 50 дней, заключитъ изъ этого, что Франція подвержена риску менѣе, нежели Соединенные Штаты, гдѣ средняя величина векселей несравненно выше и средній срокъ уплаты гораздо продолжительнѣе. Еслибы жители Лимы не были подвержены частымъ землетрясеніямъ, они бы безъ сомнѣнія строили себѣ шестиэтажные дома и еслибы народъ французскій пользовался совершенною безопасностью, какъ въ отношеніи къ своей личности, такъ и по имуществу, то производительность его была бы теперь *втрое* сильнѣе и негоціанты его вели бы дѣла въ пять разъ въ большемъ размѣрѣ, потому-что число торгующихъ было бы менѣе, а число мѣнъ значительно бы увеличилось.

«*Существованіе кредитной системы есть признакъ взаимнаго довѣрія. Это довѣріе проистекаетъ отъ того, что каждый знакомъ какъ съ образомъ жизни, такъ и съ намѣреніями своего сосѣда. Тамъ, гдѣ собственность пользуется большею безопасностью, тамъ трудъ болѣе производителенъ, возможность накопленія капиталовъ болѣе развита и стремленіе къ улучшеніямъ нравственнымъ и матерьяльнымъ сильнѣе. При такомъ положеніи довѣріе получаетъ бо́льшее развитіе, а существованіе такого довѣрія можетъ служить вѣрнѣйшимъ доказательствомъ готовности всѣхъ и каждаго исполнять свои обязательства. Тамъ, гдѣ это довѣріе сильно развито, страховая премія на долги необыкновенно низка. Это мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ.*»

Такое явленіе совершенно естественно. Тамъ, гдѣ добросовѣстность обезпечиваетъ за работникомъ содѣйствіе капитала, дѣлающаго его трудъ болѣе производительнымъ и дающаго ему возможность улучшить свое положеніе, тамъ работникъ имѣетъ наиболѣе причинъ быть добросовѣстнымъ, между-тѣмъ какъ въ странѣ, гдѣ капиталы рѣдки и гдѣ добросовѣстность не приноситъ никакой пользы, тамъ этихъ причинъ не существуетъ. Еслибы народъ французскій захотѣлъ воздержаться отъ войны и уменьшить свою армію, еслибъ онъ *захотѣлъ* дать капиталамъ возможность легче накопляться, то съ каждымъ днемъ являлись бы новыя причины возбужденія трудолюбія и добросовѣстности рабочаго, который старался бы показать себя достойнымъ довѣрія. И кредитъ развивался бы къ общей выгодѣ всѣхъ, какъ капиталистовъ, такъ и работниковъ.

Такъ-какъ банки Соединенныхъ Штатовъ основаны на началѣ ограниченной отвѣтственности акціонеровъ, то понятно, что они имѣютъ совершенно иной личный составъ акціонеровъ, чѣмъ банки въ Англіи или въ Шотландіи. На сколько шотландская система исключительна и аристократична, на столько система Соединенныхъ Штатовъ либеральна и популярна. Достаточно одного примѣра для составленія себѣ объ этомъ вѣрнаго понятія.

Изъ тщательныхъ изслѣдованій найдено, что капиталъ шести банковъ, существовавшихъ въ 1838 году въ Портсмутѣ, въ Нью-Гемпшайерѣ, состоялъ изъ 11,045 акцій, изъ числа которыхъ приходилось на:

	Акцій.
Женщинъ	2,438
Работниковъ	673
Фермеровъ и земледѣльцевъ	1,245
Сберегательныя кассы	1,013
Опекуновъ	630
Неизвѣстныхъ	307
Благотворительныя заведенія	548
Сословія и правительство	157

Должностныхъ лицъ	438
Моряковъ	434
Купцовъ	2038
Разнощиковъ	191
Юристовъ	377
Медиковъ	336
Духовныхъ	220
Итого	11,045

Почти тѣ же самые элементы, развѣ только съ нѣкоторыми измѣненіями, встрѣчаются и во всѣхъ другихъ банкахъ. Число женщинъ незамужнихъ и вдовъ всегда было значительно и вообще онѣ владѣютъ бо́льшимъ числомъ акцій, нежели какой либо другой классъ общества; за ними слѣдуютъ городскіе и сельскіе работники, благотворительныя заведенія, мелкіе торговцы и моряки. Легко замѣтить, что это тѣ же самые классы общества, которые во Франціи составляютъ большинство кліентовъ сберегательныхъ кассъ, а въ Шотландіи—вкладчиковъ банковъ. Въ сущности, сѣверо-американскіе банки суть настоящія сберегательныя кассы, но они несравненно совершеннѣе французскихъ, потому-что обращаютъ сбереженія рабочаго класса къ ихъ истинному назначенію, давая пищу труду, и даже совершеннѣе шотландскихъ банковъ, потому-что даютъ точнѣйшіе отчеты въ употребленіи ввѣренныхъ имъ суммъ. Сравнимъ достоинства обѣихъ системъ по ихъ результатамъ. Въ Шотландіи банки учитываютъ векселя по 4% и даютъ въ ссуду деньги подъ различные залоги за 5% и выше. Тѣмъ не менѣе они платятъ работнику, довѣряющему имъ свою трудовую копѣйку, только 2½ %. На что́ же идетъ этотъ полученный избытокъ? Онъ поглощается излишними расходами, сопряженными съ дурнымъ способомъ веденія дѣлъ и увеличеніемъ доходовъ, получаемыхъ небольшимъ числомъ акціонеровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по-крайней-мѣрѣ въ Новой-Англіи, тѣ же самые капиталы употребляются на покупку акцій и даютъ такіе же проценты, какіе банкъ беретъ съ своихъ должниковъ, а издержки по управленію покрываютъ-

ся прибылью, получаемою отъ обращенія билетовъ. Это все-равно, какъ еслибы владѣлецъ капитала отдавалъ его въ ссуду на торговыя предпріятія прямо и безъ посредниковъ: банкъ избавляетъ его отъ хлопотъ, которыми бы онъ самъ не могъ заниматься, отъ риска, которому бы онъ не хотѣлъ подвергаться, и за все это не требуетъ съ него ничего. Нельзя себѣ представить системы, въ одно и то же время болѣе раціональной, болѣе справедливой и болѣе экономической. Отъ этого происходитъ сравнительно бо́льшее благосостояніе банковъ Соединенныхъ Штатовъ.

Бо́льшая часть суммъ, которыя въ Шотландіи остаются въ видѣ вкладовъ на сохраненіе, въ американскихъ банкахъ обращаются въ акціи и потому общественный капиталъ всегда значительнѣе, между-тѣмъ какъ масса долговъ, подлежащихъ семидневному удовлетворенію гораздо меньше: вотъ двойная причина ихъ безопасности.

Въ 1830 году, когда собственный капиталъ банковъ, учрежденныхъ въ штатѣ Родъ-Эйлэндѣ, доходилъ до 6,118,000 долл., количество вкладовъ не превышало 861,000 или *одной седьмой* капитала. Въ то же время банки въ Массачусетсѣ владѣли собственнымъ капиталомъ въ 20,420,000 долл., и имѣли вкладовъ не болѣе, какъ на сумму въ 2,545,000 долл., или *одной восьмой* капитала. Какая разница между этимъ положеніемъ и положеніемъ шотландскихъ банковъ. Съ трудомъ можно повѣрить, что учрежденія, такимъ-образомъ устроенныя, когда-либо могутъ сдѣлаться несостоятельными.

Впрочемъ банки пользуются такимъ благосостояніемъ не на всемъ пространствѣ Американскаго Союза. Во многихъ штатахъ право учрежденія банка дается только небольшому числу лицъ и то только въ видѣ особой привилегіи. Въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ это право продается въ пользу общественной казны. По мѣрѣ того, какъ эти ограниченія становятся стѣснительнѣе и строже, капиталъ банковъ уменьшается, сумма вкладовъ увеличивается и являются всѣ тѣ злоупотребленія, о которыхъ мы

упоминали выше. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители пользуются большею свободою, и преимущественно въ штатахъ, составляющихъ Новую-Англію, тамъ положеніе банковъ такъ нормально, какъ только можно желать.

Въ Соединенныхъ Штатахъ за вклады платятъ обыкновенно по 4% (*).

Имѣя въ рукахъ вообще незначительную массу вкладовъ и довольно ограниченное число билетовъ въ обращеніи, котораго достаточно только для удовлетворенія потребностей мѣны, банки получаютъ возможность держать въ наличности весьма незначительные фонды звонкой монеты. Потому въ ихъ кассахъ нѣтъ огромныхъ массъ бездѣйствующихъ капиталовъ. А какъ, съ другой стороны, всякое частное лицо можетъ удобно помѣщать свои сбереженія, по мѣрѣ накопленія ихъ, то можно сказать, что нѣтъ такой малой частицы капитала, которая бы не служила къ пользѣ своего владѣльца и къ выгодѣ всей страны.

Слѣдующая таблица даетъ вѣрное понятіе о положеніи всѣхъ банковъ и различіи, существующемъ между ними.

НАЗВАНІЕ ШТАТОВЪ.	Народонаселеніе 1830.	Капиталъ 1830.	На каждаго жителя.	Сумма билетовъ въ обращеніи.	Количество звонкой монеты въ банкахъ.	Сумма ссудъ или учетовъ.
		Долл.	Долл.	Долл.	Долл.	Долл.
Родъ-Эйландъ. . .	97,000	6,118,000	63	1,534,000	343,000	7,309,000
Массачусетсъ . . .	610,000	20,420,000	34	7,292,000	987,000	26,825,000
Коннектикутъ . . .	297,000	4,415,000	15	2,400,000	415,000	6,400,000
Нью-Гемпшайеръ.	269,009	1,791,000	6	916,000	226,000	2,481,000
Мэнъ	309,000	2,050,000	7	1,046,000	208,000	2,888,000
Вермонтъ	280,000	432,000	1½	804,000	428,000	856,000
	1,862,000	35,226,000		13,992,000	2,607,000	46,759,000

(*) Но обыкновенный процентъ на публичные фонды составляетъ отъ 6 до 7

К. С.

Итакъ, всѣ банки Новой-Англіи въ совокупности имѣли въ 1830 году, при народонаселеніи въ 1,862,000 человѣкъ, капиталъ въ 35, 226,000 долл. или 47 ½ милл. рублей. Это больше, нежели вдвое противъ того, чѣмъ въ послѣднее время обладали французскіе банки, при народонаселеніи отъ 35 до 36 милл. На основаніи этой цифры можно сказать, что, среднимъ числомъ, на каждаго жителя приходится по 19 ½ долл. или по 26 руб. 50 коп., что несравненно больше, нежели въ Англіи, Шотландіи или какой-либо другой странѣ.

Между отдѣльными штатами замѣтна однакожь большая разница, которая совершенно соотвѣтствуетъ степени развитія въ нихъ свободы. Штатъ Родъ-Эйлэндъ, пользующійся полною свободою, занимаетъ первое мѣсто. По раздѣленіи итога капиталовъ всѣхъ его банковъ на число жителей, получимъ, что на каждаго человѣка приходятся, среднимъ числомъ, 63 долл. или 85 руб.; чего, конечно, нельзя найти ни въ какой другой части свѣта. Можетъ-быть, штатъ Массачусетсъ пользуется такою же свободою, но налогъ въ 1% на капиталъ банка, взимаемый въ пользу штата, затрудняетъ нѣсколько возрастаніе капитала. А потому обороты, производимые въ немъ, не столь прочны. Для вознагражденія этой издержки и уплаты своимъ акціонерамъ дивиденда, равнаго тому, который выдаютъ другіе банки, банки Массачусетса, принуждены нѣсколько усилить учетъ свой и спекулировать на вклады.

Въ Коннектикэтѣ, Нью-Гемпшайерѣ, Мэнѣ и наконецъ въ Вермонтѣ, капиталъ банковъ постоянно уменьшается, по мѣрѣ уменьшенія свободы. Тѣмъ не менѣе даже въ этомъ послѣднемъ штатѣ капиталъ банковъ еще значительно выше, нежели во Франціи. Не должно однакожь упускать изъ виду того обстоятельства, что въ 1830 году, къ которому относится эта таблица, банкъ Соединенныхъ Штатовъ распространялъ свои дѣйствія по всей территоріи, что онъ имѣлъ свои конторы именно въ Новой-Англіи, что значительная часть его капиталовъ обращалась въ нихъ. Такъ что къ собственному капиталу банковъ

этихъ штатовъ слѣдуетъ прибавить часть капитала центральнаго банка.

Легко замѣтить, что обращеніе билетовъ далеко не было чрезмѣрно. Во всей Новой-Англіи оно въ 1830 году не превышало 13,992,000 долл. или около 18,875,000 руб. Тѣмъ не менѣе торговля въ этой части Соединенныхъ Штатовъ весьма оживлена и число оборотовъ громадно. Съ другой стороны, такъ какъ банки эти выдаютъ билеты въ 1 долларъ, то звонкая монета весьма мало встрѣчается въ обращеніи, будучи употребляема только для дробныхъ частей доллара. Благодаря хорошему устройству банковъ и дѣятельности обращенія, незначительной суммы въ 18 милл. руб. въ банковыхъ билетахъ, что составляетъ около 10 руб. на жителя, совершенно достаточно на всѣ потребности. Во Франціи же, гдѣ число оборотовъ сравнительно меньше, на жителя приходится *одной звонкой монеты* около 25 руб. Послѣ этого нечего удивляться разницѣ, которую мы встрѣчаемъ въ промышленномъ положеніи этихъ двухъ странъ. Сравнительно съ значительностью капиталовъ, обращеніе американскихъ банковъ (мы говоримъ только о банкахъ Новой-Англіи) слишкомъ ограничено, чтобы внушать какія-либо опасенія, тѣмъ болѣе, что при существующихъ условіяхъ обращенія, оно подвержено едва замѣтнымъ колебаніямъ. Ссуды на торговлю также не простираются свыше ⅓ всего капитала. Гдѣ же мы можемъ найти больше ручательствъ въ прочности и безопасности.

Вотъ таблица состоянія банковъ въ 1830 году въ штатахъ Нью-Іоркѣ, Нью-Джерсей и Пенсильваніи.

ЦАБ "Автограф"

НАЗВАНІЕ ШТАТОВЪ.	Народонаселеніе 1830.	Капиталъ 1830.	На каждаго жителя.	Сумма билетовъ въ обращеніи.	Количество звонкой монеты въ банкахъ.	Сумма ссудъ или учетовъ.
		Долл.	Долл.	Долл.	Долл.	Долл.
Нью-Іоркъ. . . .	1,918,000	20,083,000	10	23,000,000	2,200,000	36,000,000
Нью-Джерсей. . . .	320,000	2,016,000	6	1,700,000	200,000	3,500,000
Пенсильванія . . .	1,348,000	14,600,000	11	16,000,000	2,700,000	25,000,000
	3,586,000	36,699,000		40,700,000	5,100,000	64,500,000

Всѣ вышеприведенныя цифры свидѣтельствуютъ вообще о хорошемъ состояніи банковъ, уступающемъ однакожь положенію банковъ въ Родъ-Эйлэндѣ. Въ Пенсильваніи, гдѣ запрещено выпускать билеты цѣнностью менѣе 5 долларовъ, количество звонкой монеты занимаетъ значительное мѣсто въ обращеніи, что однакожь не мѣшаетъ тому, что сумма выпущенныхъ билетовъ въ Пенсильваніи, относительно дѣйствительнаго капитала, несравненно выше, нежели въ Массачусетсѣ.

Взявъ среднее число для упомянутыхъ трехъ штатовъ, найдемъ, что капиталъ всѣхъ банковъ въ совокупности составляетъ только 9-ть долларовъ на жителя, т. е. въ половину меньше, нежели въ Новой-Англіи и въ 7 разъ меньше, нежели въ Родъ-Эйлэндѣ. Сумма ссудъ и учетовъ превышаетъ почти вдвое дѣйствительный капиталъ банковъ, между тѣмъ, какъ въ Новой-Англіи она превышаетъ его не болѣе, какъ на ⅓, а въ Родъ-Эйлэндѣ едва на $^1/_7$. Отъ этого происходитъ мѣньшая безопасность въ операціяхъ. Въ этихъ штатахъ банкамъ *продаютъ* привилегіи для составленія акціонерныхъ обществъ, причемъ стараются ограничить сумму обязательствъ, которую они будутъ въ состояніи заключить. «Право выпуска въ обращеніе кредитныхъ знаковъ, говоритъ г. Кэри, считается тамъ источникомъ большихъ выгодъ, и правительства желаютъ получать нѣкоторую долю ихъ. Такъ что, вслѣдствіе одной уступки въ видѣ при-

вилегіи того, что̀ принадлежитъ каждому человѣку по праву, всѣ рынки *наводняются* всевозможными продуктами и собственность каждаго подвергается опасности. Банки получаютъ значительные дивиденды, между-тѣмъ какъ огромныя суммы лежатъ въ видѣ вкладовъ, не принося своимъ владѣльцамъ никакой пользы. По этимъ причинамъ эта система *менѣе справедлива.*» Мы уже видѣли, что эта система также менѣе безопасна, и такъ какъ она дѣластъ необходимымъ употребленіе большаго количества звонкой монеты или для обращенія, или въ видѣ резервовъ въ кассахъ банка, — то она и менѣе экономна.

Въ Виргиніи, въ Сѣверной и Южной Каролинахъ и въ Георгіи, право на основаніе банковыхъ обществъ дается въ видѣ привилегіи небольшому числу избранныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого, капиталъ банковъ въ 1830 году составлялъ только 17,600,000 долл. на населеніе въ 3,045,000 душъ, что̀ составляетъ, среднимъ числомъ, по 6 долл. на человѣка. Сумма банковыхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, превышаетъ цифру капитала, хотя въ обращеніи нѣтъ билетовъ ниже 5 долл., а именно: 19,415,000 долл. билетами на капиталъ 17,600,000. Цифра ссудъ и учетовъ превышаетъ вдвое наличный капиталъ банковъ (34,181,000 долл.). Акціонеры банковъ получаютъ въ этихъ штатахъ большіе дивиденды; но масса вкладовъ, остающихся безъ всякаго употребленія въ кассахъ банковъ, составляетъ бо́льшую часть капитала, тогда какъ въ Родъ-Эйландѣ она равняется едва $^1/_7$ капитала. Эта система сама по себѣ и менѣе безопасна, менѣе справедлива и менѣе экономична. Такимъ-образомъ, по мѣрѣ того какъ мы вникаемъ глубже въ эту систему ограниченія, мы видимъ, что выгоды учрежденій, подлежащихъ ей, уменьшаются а опасности увеличиваются.

Намъ нечего искать новыхъ примѣровъ въ другихъ штатахъ Союза. Примѣры эти только подтвердятъ приведенныя нами данныя, которыя мы почитаемъ за непреложную истину.

ЦАБ "Автограф"

§§ II. Нормальныя банковыя операціи.

Окончательный выводъ. — Заключеніе.

Предпринятая нами задача (*см.* гл. VII, § V)—показать естественный ходъ банковыхъ операцій и правильный способъ ихъ образованія, однимъ словомъ, ихъ нормальное положеніе,—весьма облегчается вышеизложеннымъ. Немногаго недостаетъ для того, чтобы типъ безусловнаго совершенства, который мы искали въ свободныхъ банкахъ, осуществился въ Соединенныхъ Штатахъ, по-крайней-мѣрѣ, въ Новой-Англіи и особенно въ маленькомъ штатѣ Родъ-Эйлэндѣ. Остается только сдѣлать нѣкоторые выводы.

Ближайшими выводами будутъ слѣдующіе:

Главная цѣль банковъ состоитъ не въ выпускѣ билетовъ, какъ это ошибочно предполагаютъ нѣкоторые. Существенная обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы собирать всѣ мертвые капиталы, всѣ сбереженія, которыя владѣльцы ихъ не могутъ сами пустить въ оборотъ, и передавать ихъ въ руки промышленниковъ, могущихъ извлечь изъ нихъ пользу. Этимъ самымъ они оказываютъ двоякую услугу: 1) тѣмъ, капиталамъ которыхъ они доставляютъ выгоду и 2) промышленникамъ, которымъ даютъ средства распространить свои предпріятія.

Нѣтъ ничего естественнѣе, законнѣе и правильнѣе подобной торговли, которою вполнѣ удовлетворяется настоятельная и существенная потребность общества. Запретить или ограничить ее — значило бы посягнуть на естественное право человѣка распологать своею собственностію; на дѣлѣ же оно будетъ имѣть слѣдствіемъ парализированіе бо́льшей части капитала страны.

При свободномъ учрежденіи банковъ, успѣхъ ихъ дѣйствій неминуемо зависитъ отъ образованія и накопленія капиталовъ. Поэтому банки не могутъ предшествовать этому образованію и накопленію, ибо если нѣтъ капитала, то нѣтъ и надобности въ помѣщеніи его. Но, съ другой стороны, они способствуютъ къ

этому возбужденіемъ духа экономіи и доставленіемъ новой пищи производительному труду. Въ странѣ же, государственное устройство которой еще не достигло полнаго развитія, въ которой капиталы еще рѣдки, они иногда могутъ и предшествовать этому накопленію капиталовъ, привлекая къ себѣ изъ другихъ странъ свободные фонды; это также одно изъ благодѣяній, оказываемыхъ банками.

Банки должны принимать капиталы не въ видѣ безпроцентныхъ вкладовъ, потому-что этимъ самымъ они поставятъ себя въ положеніе ложное, полное неудобствъ и опасностей. Они должны составить изъ нихъ свой собственный капиталъ, свое имущество. Собственно говоря, эти учрежденія должны быть ничѣмъ инымъ, какъ ассоціаціями капиталистовъ, большихъ и малыхъ, соединившихся вмѣстѣ и согласившихся дѣлать сообща то, что они не могутъ или не хотятъ сдѣлать каждый отдѣльно.

Таковы будутъ всегда духъ и стремленіе свободныхъ банковъ. Нечего опасаться, чтобъ въ рукахъ ихъ накопилось излишнее количество вкладовъ. Такъ какъ суммы, вносимыя въ банкъ въ видѣ вкладовъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ не могутъ давать такихъ процентовъ, какъ суммы, составляющія собственный капиталъ банка, то всякій, кто можетъ располагать своимъ капиталомъ, скорѣе обратитъ его въ акціи банка, нежели оставитъ его простыми вкладами, потому-что обезпеченіе въ обоихъ случаяхъ одно и то же, а выгоды въ послѣднемъ случаѣ значительнѣе. Этотъ обмѣнъ вкладовъ на акціи никогда не будетъ затруднителенъ, потому-что если настоящія учрежденія не будутъ имѣть возможности или желанія согласиться на это, то тотчасъ же явятся другія общества, которыя примутъ эти свободные капиталы для составленія изъ нихъ своего основнаго капитала. Итакъ количество вкладовъ никогда не будетъ слишкомъ велико, потому-что, какъ уже сказано, оно будетъ состоять только изъ капиталовъ, оставленныхъ для текущихъ счетовъ или на самое короткое время. Въ этомъ отноше-

ніи положеніе банковъ будетъ всегда вѣрно, свободно и совершенно нормально.

Хотя выпускъ билетовъ составляетъ не главную цѣль банковъ, однако онъ имѣетъ для нихъ существенную важность, какъ источникъ, доставляющій банкамъ средство покрыть необходимыя издержки на обзаведеніе и проч., не нарушая цѣлости капитала, составившагося изъ доходовъ отъ операцій. Еслибы банкъ рѣшился отнять у себя это средство, то тогда это имѣло бы прямымъ послѣдствіемъ уменьшеніе дивиденда, получаемаго акціонерами и тогда они перестали бы привлекать къ себѣ капиталистовъ. Или же, для пополненія этого недочета, они должны были бы прибѣгнуть къ необыкновеннымъ средствамъ и чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя поколебали бы довѣріе къ нимъ публики.

Впрочемъ, выпускъ билетовъ есть дѣло столь же естественное, законное, какъ и самое сосредоточеніе капиталовъ. Если онъ составляетъ источникъ доходовъ для банковъ, то въ то же время онъ доставляетъ большія выгоды для публики. Не замѣняя звонкой монеты въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно предполагаютъ, банковые билеты болѣе всѣхъ другихъ кредитныхъ знаковъ способствуютъ тому, чтобы сдѣлать звонкую монету безполезною и этимъ самымъ возвращаютъ производительному труду ту часть народнаго капитала, которая прежде оставалась безплодною.

Нечего опасаться, чтобы при свободной администраціи, выпускъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ вышелъ изъ настоящихъ своихъ предѣловъ. Количество ихъ опредѣлено нуждами народа, которыя постоянно уменьшаются по мѣрѣ умноженія числа банковъ, потому-что, при посредствѣ ихъ, обращеніе продуктовъ съ каждымъ днемъ дѣлается менѣе сложнымъ и затруднительнымъ. Притомъ же выпускъ въ обращеніе билетовъ распредѣляется самъ собою между различными банками, почти пропорціонально цифрамъ ихъ капиталовъ, такъ что ни для одного изъ этихъ

учрежденій онъ не поднимается до размѣровъ, превышающихъ его средства.

Самая естественная форма для банковыхъ обществъ есть акціонерная компанія, въ которой каждый членъ отвѣчаетъ только своимъ взносомъ. Эти банки могутъ привлекать къ себѣ всѣхъ мелкихъ капиталистовъ, участіе которыхъ должно составлять главную цѣль ихъ учрежденія. Нѣтъ никакого неудобства дозволять свободное учрежденіе акціонерныхъ обществъ, которыя, что бы противъ нихъ ни говорили, представляютъ своимъ кредиторамъ болѣе обезпеченія, чѣмъ всякій частный торговый домъ, или другаго рода общества.

Если ограниченія въ учрежденіи банковъ имѣютъ предметомъ огражденіе торговли отъ опасностей, то въ дѣйствительности, онѣ приходятъ къ совершенно противнымъ результатомъ; первое, если не самое важное зло, которое они производятъ, есть недостатокъ безопасности.

Когда-эти ограничительныя условія имѣютъ цѣлью предоставить право производить банковую торговлю выпускомъ билетовъ только нѣкоторымъ лицамъ, въ видѣ особенной привилегіи, то первымъ ихъ послѣдствіемъ бываетъ то, что, не опасаясь соперничества, привилегированныя учрежденія чрезмѣрно усиливаютъ выпускъ билетовъ. Вотъ первая опасность.

Кромѣ-того, ограничительныя условія препятствуютъ правильному употребленію капиталовъ, отчего является необходимость отдавать ихъ, въ видѣ вкладовъ въ привилегированные банки, и позволяютъ этимъ послѣднимъ учрежденіямъ, при помощи ихъ, всё болѣе-и-болѣе превышать предѣлы своихъ собственныхъ средствъ. Вотъ другая опасность для публики.

Если же эти ограничительныя условія, подобно Англіи и Шотландіи, имѣютъ единственною цѣлью препятствовать банковымъ обществамъ учреждаться самымъ раціональнымъ и естественнымъ способомъ, то онѣ заключаютъ въ себѣ менѣе неудобствъ, хотя и не совсѣмъ чужды ихъ. Такъ-какъ въ этомъ случаѣ можетъ открыться соперничество нѣсколькихъ такихъ

учрежденій, то выпускъ билетовъ не можетъ быть слишкомъ великъ для каждаго изъ нихъ, именно вслѣдствіе того, что онъ раздѣляется между нѣсколькими учрежденіями. Притомъ выпускъ билетовъ вообще умѣренъ, потому-что многочисленность конторъ даетъ торговлѣ возможность производить размѣны болѣе быстрымъ и экономическимъ способомъ. Итакъ, опасность уже не будетъ болѣе состоять въ слишкомъ большомъ количествѣ билетовъ, но она все-еще можетъ встрѣчаться (что и бываетъ на дѣлѣ) въ необыкновенномъ накопленіи вкладовъ, по той причинѣ, что банки не представляютъ достаточныхъ условій для совершеннаго поглощенія небольшихъ капиталовъ.

Въ обоихъ случаяхъ замѣтны неравенство, несправедливость, чрезмѣрныя выгоды съ одной стороны, ничтожные проценты съ другой. Въ то время, какъ акціонеры банковъ получаютъ громадные дивиденды, незначительная сумма небогатыхъ капиталистовъ остается безплодною въ ихъ рукахъ.

Первая система, т. е. система привилегированныхъ банковъ, имѣетъ еще то важное неудобство, что бо́льшая часть общественнаго капитала остается безъ употребленія. Если вторая система, употребительная въ Шотландіи, даетъ этому капиталу какое-нибудь помѣщеніе, то не иначе, какъ съ большимъ количествомъ издержекъ и потерь и на условіяхъ очень невыгодныхъ для публики.

Итакъ только одна система совершенной свободы, предоставляющая каждой вещи свое мѣсто, соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды, какъ то: правильное и выгодное употребленіе общественнаго капитала, уменьшеніе издержекъ, правильное распредѣленіе доходовъ, полная безопасность въ операціяхъ.

Окончательный результатъ. Заключеніе.

Мы говоримъ, употребляя выраженіе Рикардо, что банкъ тогда только совершенно выполняетъ свою программу, когда соберетъ всѣ мертвые капиталы; когда, посредствомъ выпуска своихъ

билетовъ, переводовъ и учетовъ, сдѣлаетъ свободнымъ для производства ту часть общественнаго капитала, которая обращалась въ видѣ звонкой монеты; наконецъ, когда онъ облегчитъ перевозъ цѣнностей изъ одного мѣста въ другое, и уменьшитъ издержки, сопряженныя съ этимъ перевозомъ.

Однако мнѣніе о свойствѣ и важности пользы, приносимой этими учрежденіями, будетъ невѣрно, если ограничиться одними вышеизложенными данными. Правда, она сама по себѣ не маловажны, но благодѣтельное вліяніе банковъ простирается еще гораздо далѣе. Не говоря уже о чувствѣ торговой честности, которую распространяютъ въ обществѣ, они въ дѣйствительности способствуютъ гораздо бо́льшему числу операцій, чѣмъ сколько ихъ совершается въ конторахъ. Цифра ихъ учетовъ и ссудъ выражаетъ только часть операцій, которымъ они способствуютъ. Слѣдовало бы прибавить сюда еще сумму ссудъ товарами, дѣлаемыхъ другъ другу промышленниками и торговцами, и которыхъ не было бы, еслибъ присутствіе банковъ не удостовѣряло ихъ въ легкости кредита.

Въ заключеніе повторимъ то, что́ уже сказали разъ въ первой части этого труда: «торговля находитъ въ самой себѣ главный источникъ необходимаго для нея кредита. Ссуды, дѣлаемыя капиталистами, ка́къ бы ни была громадна ихъ цифра, далеко не могутъ сравняться съ ссудами, которыя производятся между промышленниками и негоціантами».

Но для того, чтобы ссуды могли производиться безпрепятственно, необходимо, чтобы онѣ выражались всегда въ письменныхъ обязательствахъ и чтобъ послѣднія могли быть передаваемы изъ рукъ въ руки, или быть доступны для учета. Иначе негоціантъ, желающій продать свои товары въ кредитъ, опасался бы истощить свои капиталы и претерпѣть банкротство. Это то удобство въ продажѣ и учетѣ векселей и составляетъ самую полезную сторону банковъ. Если банковъ много и они охотно принимаютъ всѣ представляемые имъ векселя, то негоціантъ увѣренъ, что можетъ всегда размѣнять на звонкую

монету данныя ему облигаціи и потому не опасается отдавать свои товары въ кредитъ; но онъ не всегда пользуется этою возможностью. Онъ часто оставляетъ эти обязательства у себя, по-крайней-мѣрѣ, на нѣкоторое время; иногда онъ передаетъ ихъ другому негоціанту, отъ котораго, въ свою очередь, получаетъ товары, и, такимъ-образомъ, векселя занимаютъ еще довольно важное мѣсто въ обращеніи на ряду съ банковыми билетами; въ случаѣ же надобности, онъ всегда увѣренъ въ томъ, что будетъ имѣть возможность произвести учетъ по этимъ обязательствамъ; эта-то увѣренность и дозволяетъ ему принимать ихъ безъ затрудненія отъ всякаго состоятельнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ съ векселями происходитъ нѣчто похожее на то, что мы уже замѣтили относительно банковыхъ билетовъ: увѣренность, что ихъ примутъ къ учету во всякое время, производитъ то, что ихъ не торопятся представлять къ учету и что ихъ повсюду принимаютъ за звонкую монету. Вотъ, какимъ-образомъ вліяніе банковъ простирается далѣе, чѣмъ на тѣ дѣла. которыя производятся въ ихъ конторахъ. Вотъ отчего тамъ, гдѣ эти учрежденія дѣйствуютъ съ полною свободою, кредитъ всегда обширенъ, трудъ легокъ, производство развито и матерьяльное благосостояніе человѣка находится на той высокой точкѣ. которая къ несчастію намъ незнакома.

Намъ кажется, что можно принять за общее правило, что нормальное благосостояніе народа соотвѣтствуетъ развитію въ немъ кредита, а послѣдній находится въ тѣсной зависимости отъ вліянія банковъ и той свободы, которою пользуются эти учрежденія. Изъ этого выходитъ, что, несмотря на несправедливость нѣкоторыхъ англійскихъ законовъ, обращающихъ часть производства въ пользу извѣстныхъ привилегированныхъ классовъ народа, общественное положеніе въ Англіи лучше, чѣмъ во Франціи; что оно лучше въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Англіи, и еще лучше въ Новой-Англіи, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Американскаго Союза. Это различіе можно выразить въ числахъ. Исчислено, что во Франціи ежегодный валовой доходъ, распре-

дѣленный по-ровну между всѣмъ народонаселеніемъ, доставилъ бы каждому жителю за день работы около 75-ти сантимовъ. Въ Англіи такое распредѣленіе дало бы 1 франкъ 45 сант., въ Соединенныхъ Штатахъ вообще 1 фр. 70 сант., а въ Новой-Англіи 1 фр. 87 сант. По одному этому уже можно судить объ относительномъ вліяніи кредитныхъ установленій въ этихъ странахъ.

Нѣкоторые хотятъ приписать исключительное благосостояніе Американскаго Союза совершенно другимъ причинамъ. Говорятъ объ изобиліи и плодородіи земли и этимъ объясняютъ его благосостояніе. Но развѣ только у одного народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ много плодородныхъ земель? Еслибъ была только одна эта причина его благосостоянія, то какъ объяснить то, что самая цвѣтущая часть Союза, пользующаяся наибольшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и есть именно та, которая, густотою своего народонаселенія, и относительно плохимъ качествомъ земли, ближе всего подходитъ къ условіямъ Европы? Намъ кажется, что достаточно одного этого факта. Нѣтъ, причина поразительнаго благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ не состоитъ въ тѣхъ физическихъ выгодахъ, которыми они пользуются, а единственно въ превосходствѣ ихъ учрежденій. Мы не хотимъ утверждать, чтобы банки были единственною причиною такого благосостояніе, но твердо увѣрены, что они играютъ здѣсь главную роль.

Что станется со всѣми эксцентрическими предположеніями, со всѣми нелѣпыми планами, которыхъ у насъ было столько въ послѣднее время, въ виду такого правильнаго и нормальнаго развитія кредитныхъ учрежденій. Незачѣмъ искать такъ далеко разрѣшенія задачи, насъ занимающей. Оно найдено. Оно заключается въ свободѣ банковъ. Это говоритъ не воображеніе, а опытъ, согласный съ разумомъ и правомъ.

Если Франція желаетъ улучшить свое положеніе, то вотъ путь, по которому она должна идти; путь, столь же легкій, какъ и безопасный. Только при свободѣ банковъ она можетъ излечить свои теперешнія раны и даже устроить себѣ счастливую бу-

дущность. Пусть же она спѣшитъ провозгласить это спасительное начало. Правда, необходимы еще нѣкоторыя другія мѣры; такъ напримѣръ, слѣдовало бы освободить торговыя ассоціаціи отъ препятствій, которыя полагаетъ имъ теперешнее законодательство; потому-что дозволеніе обществамъ заниматься банковою торговлею не послужило бы ни къ чему, если правильное образованіе обществъ останется почти невозможнымъ, какъ это мы видимъ при настоящемъ состояніи законодательства.

Можетъ быть также, для ускоренія возвращенія кредита придется отмѣнить законъ, установляющій указные проценты; законъ вредный во всякое время и пагубный особенно въ настоящее время. Но эти мѣры могутъ служить только дополненіемъ первой. Пусть французы, пользуясь совершенно естественнымъ правомъ, займутся банковою торговлею и маклерскими оборотами, какъ почтутъ за лучшее, отдѣльно или обществами; вотъ принципъ во всемъ его значеніи, такъ, какъ онъ долженъ быть понимаемъ и развиваемъ. Только подъ однимъ этимъ условіемъ торговля и промышленность могутъ возстановить свои развалины и возстать болѣе сильными и оживленными, чѣмъ онѣ когда-либо были.

ЦАБ "Автограф"